

Редакционный совет серии «История, филология»

Председатель совета серии

- В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

- А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

- С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)
- И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Шаньдунский университет в Циндао, КНР)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. А. Комиссаров канд. ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
- А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
- Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
- А. А. Маслов д-р ист. наук, проф. (Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия)
- А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия)
- Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
- Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
- Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
- Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
- Такэда Масанао д-р истории, проф. (Университет Хоккай Гакуэн, Япония)
- Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, США)
- Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal
“Vestnik of Novosibirsk State University.
Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor in History, Professor (Shandong University, Qingdao, China)

T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

- E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- S. A. Komissarov Candidate of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- A. V. Varenov Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- S. A. Arutyunov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Wang Wei Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor in Literature, Doctor in History, Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
- N. L. Zhukovskaya Doctor of Historical Sciences (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Kang Inuk Doctor in History, Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
- A. I. Kobzev Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation)
- N. V. Kutafyeva Candidate of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Lee Heonjong Doctor in History, Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
- A. A. Maslov Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Far Eastern Studies RAS, Moscow, Russian Federation)
- A. N. Mescheryakov Doctor of Historical Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
- G. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- V. N. Plastun Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- P. E. Podalko Doctor in History, Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
- N. V. Suhadolnik Doctor in History, Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
- Zh. K. Taymagambetov Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakstan Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakstan National Museum, Astana, Republic of Kazakstan)
- Takakura Hiroki Doctor in History, Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
- Takeda Masanao Doctor in History, Prof. (Hokkai Gakuen University, Sapporo, Japan)
- L. von Falkenhausen Doctor in History, Professor (University of California, Los Angeles, USA)
- E. L. Frolova Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2021. Том 20, № 4: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Археология Китая

- Соловьев А. И., Комиссаров С. А.* Терракотовый воин: образ или персона? 9
- Кудинова М. А.* Обзор памятников наскального искусства провинции Ганьсу, Китай 23
- Варенов А. В.* Монографические публикации и исследования петроглифов северных районов Китая в последней четверти XX века 37

История Восточной Азии

- Завидовская А. Е., Виноградова Т. И., Маяцкий Д. И.* Интерпретация образов цинских судей в иллюстрированных ксилографах и на китайской народной картине (на англ. яз.) 53
- Куликов А. М.* Переписка архимандрита Палладия (Кафарова) с Е. К. Бюцовым 68
- Перминова В. А.* Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века 80

Философия и культура Восточной Азии

- Маслов А. А.* Буддийско-даосский синкретизм в школе «парного сокровенного» и медитация «чистоты и покоя» 91
- Войтишек Е. Э., Шмакова А. С.* Измерение времени с помощью благовоний в Восточной Азии 109
- Глинкин В. С.* Этнографические музеи Гуанси и культура *чжуан* в их экспозициях 125

Литература и лингвистика Восточной Азии

- Сторожук А. Г.* Новелла Пу Сун-лина «Беседы зрачков» 135
- Дрейзис Ю. А.* Возрождение практики поэтической декламации в современном Китае на примере поэтической группы Фэньчуньгуань (г. Гуанчжоу) 145
- Кутафьева Н. В., Яо Сун.* Образ русских в китайской и японской лингвокультурах (на материале зооморфной метафоры) 158

Дискуссии

- Пластун В. Н.* «Исламское государство провинции Хорасан»¹ – угроза Центрально-азиатскому региону 169

Класс Конфуция

- Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А.* Значение институтов Конфуция в развитии обучения китайскому языку (на примере Института Конфуция Гуманитарного института НГУ) 176
- Шань Сюэмэй.* Пути развития обучения иностранным языкам в университетах Синьцзяна, Китай, в контексте инициативы «Один пояс, один путь» (на кит. яз.) 187

Рецензии

- Войтишек Е. Э., Комиссаров С. А.* Китай: год испытаний. Рец. на кн.: Маслов А. А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы. М.: РИПОЛ классик, 2020. 368 с. 195
- Варенов А. В.* Обобщающее исследование о наскальном искусстве Восточной Азии. Рец. на кн.: Rock Art in East Asia: A thematic study / Ed. by J. Clotts, B. Smith. Paris: ICOMOS International, 2019 (e-book). 148 p. 200
- Комиссаров С. А., Кудинова М. А.* Ценный ресурс по истории Китая (Рецензия на курсы видеолекций С. В. Дмитриева «История Китая» и «История китаеведения») 204

Хроника

- Кутафьева Н. В.* Международная научная конференция LESEWA 208
- Информация для авторов 212

---

¹ Деятельность организации запрещена законодательством РФ.

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies

CONTENTS

Archaeology of China

- Solovyev A. I., Komissarov S. A.* Terracotta Warrior: Image or Person? 9
- Kudinova M. A.* An Overview of Rock Art Sites in Gansu Province, China 23
- Varenov A. V.* Book Publications and Research of Petroglyphs of Northern Regions of China in the Last Quarter of the 20th Century 37

History of East Asia

- Zavidovskaia A. E., Vinogradova T. I., Maiatskii D. I.* Interpretation of the Images of Qing Judges in the Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints *Nianhua* 53
- Kulikov A. M.* Correspondence of Archimandrite Palladius (Kafarov) with E. K. Byutsov 68
- Perminova V. A.* War Remembrance in China and Its Influence on Sino-Japanese Relations in the 1950s – Early 1980s 80

Philosophy and Culture of East Asia

- Maslov A. A.* Buddhist-Taoist Syncretism in the School of the “Twofold Mystery” and the Meditation of “Purity and Quietness” 91
- Voytishchek E. E., Shmakova A. S.* Time Measurement with Incense in East Asia 109
- Glinkin V. S.* Guangxi Anthropological Museums and the Representation of Zhuang Culture 125

Literature and Linguistics of East Asia

- Storozhuk A. G.* Pu Songling’s Short-Story “Pupils’ Talk” 135
- Dreyzis Yu. A.* The Revival of Poetry Declamation in Contemporary China: The Case of Fenchunguan Poetry Group (Guangzhou) 145
- Kutafeva N. V., Yao Song.* The Image of the Russians in Chinese and Japanese Linguistic Cultures (On the Base of Zoomorphic Metaphor) 158

Discussions

- Plastun V. N.* “Islamic State of Khorasan Province”² – A Threat to the Central Asian Region 169

Confucius Classroom

- Bi Xinhui, Azarenko Iu. A.* The Role of Confucius Institutes in Chinese Education in Russia (Based on the Example of Confucius Institute of the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University) 176
- Shan Xuemei.* Route of Development of Foreign Language Education in Universities in Xinjiang, China in the Context of the Belt and Road Initiative (in Chin.) 187

Book Reviews

- Voytishchik E. E., Komissarov S. A.* China: A Year of Trails. Rev.: A. A. Maslov. China 2020: Pandemic, Society and Global Alternatives. Moscow, RIPOL classic, 2020. 368 p. 195
- Varenov A. V.* A Summary Research on the Rock Art of East Asia. Rev.: Rock Art in East Asia: A Thematic Study / Ed. by J. Clotts, B. Smith. Paris, ICOMOS International, 2019 (e-book). 148 p. 200
- Komissarov S. A., Kudinova M. A.* Valuable Resource on the History of China (Review of the Courses of Videlectures by S. V. Dmitriev “A History of China” and “A History of Chinese Studies”) 204

Chronicle

- Kutafeva N. V.* International Scientific Linguistic Conference LESEWA 208
- Instructions to Contributors 212

---

² The organization’s activities are prohibited by the legislation of the Russian Federation.

УДК 904 + 94(510).02
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-9-22

Терракотовый воин: образ или персона?

А. И. Соловьев¹, С. А. Комиссаров^{1,2}

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Разбирается вопрос о «портретности» галереи воинов терракотовой армии Цинь Шихуанди. Рассмотрены результаты аналитической работы зарубежных коллег, связанные с восстановлением спектра использованных красителей, сравнительному изучению такого элемента тела человека как форма уха, применяемого в современной криминалистической практике для идентификации субъектов. На основе визуального анализа доступного материала, с учетом уже установленного принципа серийного производства крупных деталей (торсов, голов, ног) для сборки терракотовых воинов, отслеживания следов работы различными инструментами, собственного опыта работы с пластическими массами (глиной), авторы в гипотетической форме реконструируют и столь же массовое, серийное производство лицевой гарнитуры (уши, носы, брови, усы и т. п.), завершающей сборки. Деформация, случайная и намеренная, деталей лица при закреплении их на месте, дополняемая такими накладными элементами, как прически и акцентированные участки растительности на лицах и лежит в основе видимого разнообразия облика глиняных солдат и чиновников. Что же касается персональных характеристик конкретных представителей циньского общества, то в данном случае говорить о них вряд ли правомерно. Речь может идти лишь о воспроизведении соответствующего образа, а не конкретной персоны императорской армии и двора. Полученные наблюдения свидетельствуют о заметной торопливости и даже небрежности в работе мастеров, скорее всего, на заключительном этапе сооружения погребального комплекса, который так и не был доведен до уровня предварительных планов.

Ключевые слова

терракотовая армия, Мавзолей императора Цинь Шихуанди, серийное производство в Древности, индивидуальные черты

Для цитирования

Соловьев А. И., Комиссаров С. А. Терракотовый воин: образ или персона? // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 9–22. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-9-22

Terracotta Warrior: Image or Person?

A. I. Solovyev¹, S. A. Komissarov^{1,2}

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article investigates the problem of the so-called portraiture of personages presented in the terracotta army of the First Qin emperor. The results of analytical work of foreign colleagues were explored (namely, on restoration of the full spectrum of paints on the surface of the clay figures, or comparative studies of the forms of terracotta soldiers' ears because this part of the human face is absolutely unique and therefore used in modern forensic practice for identification purposes). On the base of visual analyses of the material that could be obtained, taking into account the

serial production of the big details (torsos, feet, heads) for assembling of the whole figures, as well as traces of the different instruments on faces of these figures, and after personal experience in working with elastic materials such as clay, the authors proposed a hypothesis that the reconstruction of face details (ears, noses, eyebrows, mustaches, etc.) which complete the assemblage was of the same type of serial mass production. Occasional or intentional deformation of face details in the process of their fixation, supplemented with elements such as coiffures and accentuated sections of face hair served as a basis for visible diversity in the clay soldiers and officials. However, we cannot say much about the personal characteristics of the real representatives of Qin society. We see only a reproduction of the appropriate image, but not the distinct person in the emperor's army or court. The observations received indicate sheer haste and even negligence in the work of the craftsmen during the final stages of constructing this enormous funeral complex that never reached the level of the preliminary plans.

Keywords

terracotta army, Mausoleum of Qin Shihuangdi, serial production in Antiquity, individual features

For citation

Solovyev A. I., Komissarov S. A. Terracotta Warrior: Image or Person? *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-9-22

Обнаружение на подступах к гробнице Цинь Шихуанди траншей, заполненных терракотовыми фигурами воинов и лошадей, входит в число самых замечательных археологических открытий минувшего века. Раскопки начались в 1974 г. и поначалу проводились очень масштабно и, что греха таить, немного торопливо. Однако достаточно рано обнаружились недостатки в методике исследований, особенно в области консервации находок. Огорчала неспособность сохранить окраску на терракотовых фигурах¹. Выяснилось, что краска наносилась на слой лака, который на воздухе из-за полной дегидратации давал трещины и откалывался вместе с нанесенным сверху красителем. Трудно даже вообразить всю меру разочарования исследователей, когда только что выкопанный полихромный объект буквально у них на глазах терял все краски. Как отмечал Ся Инь, руководитель отдела по сохранению артефактов музея «Мавзолей императора Цинь Шихуана», краска на воздухе начинала разрушаться уже через 15 секунд, а через четыре минуты она полностью исчезала². Поэтому вызывает огромное уважение принятое мужественное решение приостановить раскопки до тех пор, пока не будут разработаны новые методы. К счастью, с помощью германских коллег удалось достаточно быстро решить возникшую проблему. Поверхность терракотовой статуи тщательно очищали от соляных кристаллов и лишайников, после чего закрепляли окраску эмульсией акрилового полимера Rhoplex MC-76 [Лань Дэшэн, 2013]. В результате удалось зафиксировать практически весь спектр: пурпурный, лиловый, голубой, молочно-белый, изумрудно-зеленый и бледно-зеленый, серый и черный цвета, с преобладанием ярко-красных и зеленовато-розовых тонов [Сюй Вэйхун и др., 2015. С. 7]. Также установлено использование уникального синтетического пигмента «китайский пурпурный», который представляет собой силикат бария и меди ($\text{BaCuSi}_2\text{O}_6$) и, возможно, был получен даосскими алхимиками как побочный продукт в процессе создания «искусственного нефрита» [Xia Yin et al., 2014]³. Всего удалось выявить 12 базовых пигментов и, самое малое, 24 разновидности красящих смесей⁴. Такое цветовое богатство оказало большое влияние на современных исследователей, привыкших к монохромной, обедненной временем палитре древней пластики. Им яви-

¹ Как описывал ситуацию Ли Сяочунь [2017], фигуры, утратившие красочный слой, смотрятся простыми, лаконичными и даже несколько схоластичными, тогда как фигуры, сохранившие раскраску, передают атмосферу воодушевления, жизненной энергии, благодаря чему армия выглядит грозной и внушительной. Про схоластику – это, конечно, зря, но в целом отражает.

² См.: *Fercility*. The original colors of the terracotta army // Сайт туристической компании China Highlights. 09.02.2021. URL: <https://www.chinahighlights.com/xian/terracotta-army/color.htm> (дата обращения 01.01.2021).

³ См. также: Liu Z., Pianetta P. Ancient Warriors and the origin of Chinese purple // Сайт SLAC-National Accelerator Laboratory. 30.03.2007. URL: <https://www-ssl.slac.stanford.edu/content/science/highlight/2007-03-30/ancient-warriors-and-origin-chinese-purple> (дата обращения 01.01.2021).

⁴ Королева Н. Легендарная «терракотовая армия» китайского императора снова станет цветной // Сайт Deutsche Welle (DW); раздел «История». 21.04.2015. URL: <https://www.dw.com/ru/легендарная-терракотовая-армия-китайского-императора-снова-станет-цветной/a-18367625> (дата обращения 01.01.2021).

лась мощная гамма красок, с особой силой акцентировавшая реализм воспроизведенных образов, позволившая представить яркий колорит минувшей эпохи и говорить, среди прочего, об основах придворного макияжа и разнообразии воинских причесок.

Недавно завершился третий этап раскопок (2009–2019), которые велись в ограниченном формате на 1-й траншее с керамическими солдатами и на подступах к Мавзолею. Обращение как к вновь раскопанному, так и к музеефицированному ранее материалу позволяет отметить детали, пока еще сокрытые в обилии известной информации, попытаться верифицировать некоторые сведения летописной традиции и даже пролить новый свет на события давно минувших лет. В общих чертах мы уже касались этой проблемы [Соловьев, Комиссаров, 2020], которая, однако, заслуживает большей детализации. В данной статье, из всего многообразия возникающих аспектов, мы остановимся на одном из чаще всего встречаемых и популярных представлений – персонификации лиц терракотовых воинов из сопровождения Цинь Шихуанди, портреты которых не повторяются.

Предлагаемое далее истолкование этого сюжета основано на личных впечатлениях и материалах авторов, полученных при многократных осмотрах терракотовой армии Первого императора, экспонированной в тех самых траншеях, где она и была обнаружена; а также знакомства с экспозициями Исторического музея пров. Шэньси и Музея г. Сиань. Отметим, что основываются они практически исключительно на дистанционном визуальном осмотре и фотофиксации. Правда, благодаря любезности коллег из Института археологии пров. Шэньси мы все-таки смогли вплотную рассмотреть одну из глиняных фигур чиновников со следами раскраски, что позволило дополнить полученные впечатления. Что же касается массива фигур, размещенных в траншеях, то непосредственный контакт с материалом, бесспорно, способен внести серьезные коррективы и более чем существенно дополнить полученные выводы.

Первое, что бросается в глаза, – это «разноликость» воинства при всей заметной унификации поз и экипировки и отсюда – гипотеза об индивидуальности фигур, у каждой из которых был реальный прототип. Такую точку зрения отстаивали многие специалисты (см., напр.: [Фэн Шэнци, 1995; Евсюков, Комиссаров, 1986]). В многочисленных научно-популярных публикациях сложилось устойчивое мнение, что «торсы и ноги воинов сделаны стандартными, а руки и головы, точнее лица, индивидуализированы. Возможно даже, что скульпторы лепили лица с натуры, с реально живших солдат императора» [Рязанцев, 2002. С. 47]⁵. Выдающийся российский антрополог Н. Н. Чебоксаров сумел даже выявить характерные антропологические признаки, выделив 22 представительных портрета для анализа. Их прототипы он отнес к восточноазиатской расе тихоокеанских монголоидов; в то же время по отдельным чертам отмечалось сходство с монголоидно-австралоидным населением Южного Китая и «американоидным» элементом в составе древних и современных тибетцев [Крюков и др., 1978. С. 129–130]. Впрочем, отечественным исследователям до сих пор остается практически недоступна портретная серия если не всех двух с лишним тысяч открытых фигур, то хотя бы той части, что уже склеена, отреставрирована и выставлена на обозрение (экспонирована) в траншеях на месте раскопок.

В настоящее время детально исследована технология производства корпусов воинского контингента глиняной армии. Установлен массовый, по сути, почти что мануфактурный процесс их изготовления, предполагавший наличие нескольких специализированных мастерских с разделением труда внутри. И заменой трудоемкой индивидуальной лепки, а затем и обжига фигур их серийной «отливкой» в заранее подготовленных формах [Die Terracottaarmee...,

⁵ См. также: «Все фигуры были раскрашены для максимального сходства с живыми людьми, к тому же ученые пока не нашли двух одинаковых – у всех фигур разные лица» [Мясникова М. Грек и китаец – братья навек: кто создал Терракотовую армию первого императора Китая? // Сайт Вести.RU, раздел «Наука». 15.11.2016. URL: <https://www.vesti.ru/nauka/article/1045121> (дата обращения 01.01.2021)]; «Одинаковых фигур практически нет – у каждой свои индивидуальные особенности, даже выражение лиц у воинов разное» [Мироненко О. Загадки терракотовой армии Цинь Шихуанди // Сайт «Большая Азия». 11.04.2019. URL: <https://bigasia.ru/content/pub/review/zagadki-terrakotovoy-armii-tsin-shikhuandi/> (дата обращения 01.01.2021)]; и др.

2001]. Такой подход позволял экономить ресурсы, а самое главное, время, отпущенное на оснащение гробницы, которого в конечном счете так и не хватило. Аналогичная технология, предполагавшая разделение производства компонентов будущего изделия на несколько параллельных операций, достаточно точно реконструируется и по материалам найденных сланцевых доспехов [Комиссаров, Соловьев, 2017]. Вряд ли стоит сомневаться, что древние китайские мастера, склонные максимально рационализировать любой производственную операцию, прошли мимо такой возможности и в этом случае.

В то же время многие ученые, изучавшие «загробную армию», пришли к выводу, что скульптуры изготавливались не на одном или нескольких гигантских конвейерах, а в рамках сравнительно небольших мастерских, где производили не только блоки и детали терракотовых статуй, но и, вероятно, отливали бронзовые изделия, в основном, оружие [Quinn P. et al., 2017]. В частности, изучение почти 40 тыс. арбалетных болтов, найденных вместе с терракотовой армией, показало, что в их составе выделяются группы, изготовленные из бронзы с различным химическим составом. Возможно, это также свидетельствует о производстве не в рамках единого гигантского арсенала, а в разных бронзолитейных печах, входивших в состав упомянутых выше сравнительно малых полифункциональных мастерских с гибким производством, которые управлялись из единого технологического и административного центра, поскольку единство и стандартизация как металлургического, так и керамического процесса явно преобладали над всеми выявленными различиями. В наши дни этот организационный принцип получил название «тойотизма» (в противопоставлении «фордизму»), поскольку подобное «клеточное» производство было организовано в рамках корпорации «Тойота» [Martín-Torres et al., 2014]⁶.

Возвращаясь к глиняным фигурам, несложно заметить, что для дополнительной моделировки деталей экипировки будущих скульптур использовались приемы наклепной техники. На это указывают следы крепления утраченных деталей, например шнуровки, хорошо заметные среди сохранившихся аналогичных элементов. Сходным образом лепились и лица. Характерные черты такой техники видны на некоторых скульптурах, доступных для обозрения. Так, весьма показательны следы повреждений на лице пожилого воина, облаченного в так называемый мягкий доспех (рис. 1, 1), в реальности представлявший собой толстое длиннополое пальто с правосторонним запахом на груди, стянутое поясом, с разрезами под мышками для облегчения движения рук, подбитое вязким волокнистым материалом по принципу хорошо известной фуфайки, которая, кстати, ведет свою родословную от подобного защитного вооружения⁷. На лице воина с левой стороны полностью утрачен ус, а с правой стороны сохранился лишь его небольшой фрагмент (рис. 1, 2, 3). Заслуживает внимания область в районе носогубных складок, где мелкие трещинки указывают на то, что щеки и губы представляли собой отдельные элементы, которые крепились, в данном случае «примазывались», к поверхности заготовки головы. Аналогичным образом в соответствующие углубления помещались глазные яблоки, веки поверх них и брови над ними. Внешние края этих деталей разглаживались заподлицо с прилегающей поверхностью, формируя характерные черты глаз, лба и щек. Таким же образом крепился и нос – важнейший после самой заготовки («болванки») элемент, к которому и вокруг которого крепились упомянутые части лица. Думается, что на поверхности в тех местах, где предполагалось размещение накладных элементов, делались бороздки или насечки для лучшего скрепления, аналогично тому, как это имеет

⁶ См. также: *Pinkowski J.* Chinese terra cotta warriors had real, and very carefully made, weapons // The Washington Post (on-line). 26 November, 2012. URL: https://www.washingtonpost.com/national/health-science/chinese-terra-cotta-warriors-had-real-and-very-carefully-made-weapons/2012/11/26/999b9cb4-2840-11e2-b4e0-346287b7e56c_story.html; *Zhang Chengliang.* Toyota and the terracotta army: mass production and mass media // China Daily. 11 January, 2013. Размещено на сайте Университетского колледжа Лондона. URL: <https://www.ucl.ac.uk/terracotta-army/news/2013/jan/toyota-and-terracotta-army-mass-production-and-mass-media> (дата обращения для всех: 01.01.2021).

⁷ Кстати и сейчас на улицах осеннего Пекина можно увидеть патрульных, облаченных в типологически близкое снаряжение, правда без сквозных разрезов под мышками и соответствующими времени изменениями в покрое.

место при склейке роговых, костяных или деревянных деталей, например, лука. Следы таких действий можно заметить на некоторых лицах, с утраченными фрагментами накладных причесок и волосяного покрова лица (рис. 1, 4, 5). Можно полагать, что наличие или отсутствие таких насечек, а равно и плотность скрепления элементов, зависели от степени их просушки, в первую очередь, «болванки». На более сухой поверхности делались насечки, в которые вдавливалась более мягкая глина деталей. Разумеется, вся эта поверхность должна была увлажняться, что, похоже, не всегда делалось с необходимой тщательностью. И результатом было отслоение элементов и появление характерных трещин, чаще всего возникавших при неравномерной сушке.

Рис. 1. Следы технологической операции на терракотовых скульптурах из ямы № 1 Музея-мавзолея императора Цинь Шихуанди (указаны стрелками): 1–4 – экспозиция Исторического музея пров. Шэньси (фото А. И. Соловьева); 5, 6 – приводится по: [Ciarla R., 2011]

Fig. 1. The traces of technological operation on terracotta sculptures from Pit No. 1 of Museum-Mausoleum of the emperor Qin Shihuang (shown by arrows): 1–4 – As presented in exposition in Historical museum of Shaanxi Province (photo by A. I. Soloviev); 5, 6 – as given in: [Ciarla R., 2011]

Казалось бы, что в этом особенного? Если посмотреть на видеохронику работы современных скульпторов, можно заметить, что они формируют образ постепенно, примазывая к будущему лицу небольшие кусочки глины. Так, в частности, действовали современные китайские мастера при изготовлении факсимильных копий глиняных воинов, работа которых была показана в документальном фильме на общественном британском канале Channel 4⁸. Важно отметить, что процесс изготовления занял весьма продолжительное время, которого у древних мастеров, если представить себе масштабы погребального комплекса и число необходимых для него фигур, похоже, не было совсем. Это, на наш взгляд, тем более важно, что в Древнем Китае на тот момент отсутствовала сама традиция скульптурного портрета.

Поэтому, учитывая накопленный производственный опыт, создатели терракотовой армии максимально рационализировали процесс, пополнив его «отливками» корпусов с последующей аппликацией деталей. Аналогичным образом поступали и в мастерских, изготавливавших для них головы. Здесь также одна «линия» или «щех» занималась выделкой заготовок голов, в самых общих чертах напоминавших эту часть тела. Возможно, что отмечаемые антропологические групповые различия в лицах статуй могут быть связаны с расположением мастерских в разных частях страны. И объединение этой специфики в одном комплексе, помимо всего прочего, могло символизировать единство впервые созданной централизованной империи. Другие линии занимались изготовлением апплицируемых частей лиц, набор которых включал уши, брови, веки, щеки, нос, губы, накладки на лоб и подбородок. Можно видеть следы их закрепления на «болванке», которые в ряде случаев не смогла скрыть поверхностная отделка лиц, вероятно, поспешно проводимая на заключительных этапах.

В китайских древностях эпохи Западного Чжоу – Чуныцю известны подобные аппликативные наборы с изображениями бровей, глаз, губ, усов, щек, ушей, подбородков и т. п., изготовленные из бронзы и нефрита⁹, что позволяет предполагать продолжение традиции в более позднее время и на массовом материале.

Недавно китайские и английские ученые в рамках большого совместного проекта исследовали левое ухо у 30 фигур из ямы № 1, для чего сначала создали 3D-модели этих ушей. Сравнение показало, что все 30 образцов заметно отличались друг от друга. Это вновь активизировало дискуссию о том, что у каждой статуи был реальный прототип, поскольку уши у каждого человека имеют индивидуальную форму и в этом отношении также могут фиксировать личность, как и отпечатки пальцев [Bevan et al., 2014. Fig. 3]¹⁰. Однако отмеченные различия можно вполне успешно объяснить и производственными причинами: во-первых, глиняные детали могли изготавливать небольшими сериями в разных мастерских; во-вторых, процесс прикрепления этих деталей (в данном случае – ушей) к «болванке» осуществлялся вручную, поэтому даже у одного мастера (а их было больше одного) результаты могли отличаться подчас весьма существенно; в-третьих, сама выборка не очень представительна. На это не без юмора указала журналистка Элизабет Квилл, написав, что проверка и подтверждение потребует времени, поскольку надо будет еще изучить свыше 13 тыс. ушей¹¹. К это-

⁸ New secrets of the terracotta warriors secret history / Produced and directed by Ian Bremner, for Channel 4 // Размещено на видеохостинге Youtube. 11.02.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GCxg1tvVOr0> (дата обращения 01.10.2020).

⁹ Например, в составе инвентаря могильника Тяньма. См.: [Чжунго каогу..., 2004. С. 93].

¹⁰ Pringle H. Ears of ancient Chinese terra-cotta warriors offer clues to their creation // National Geographic (online). 14 November, 2014. URL: <http://news.nationalgeographic.com/news/2014/11/141114-terra-cotta-warriors-qin-shi-huang-tomb-china-archaeology.html>; Griffith S. Was China's terracotta army modeled on real soldiers? Every single pair of ears on the statues is found to be unique // Mail Online. 19 November, 2014. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2840752/Was-China-s-Terracotta-army-modelled-real-soldiers-single-pair-ears-statues-UNIQUE.html>; Leafloor L. Technology Reveals Chinese Terracotta Warriors Were Likely Replicas of Real Soldiers // Ancient Origins (online). 19 November, 2014. URL: <https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/chinese-terracotta-warriors-were-replicas-real-020100> (дата обращения для всех: 01.01.2021).

¹¹ Quill E. Were the terracotta warriors based on actual people? // Smithsonian Magazine (on-line). March, 2015. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/were-terracotta-warriors-based-on-actual-people-180954321/?page=1> (дата обращения 01.01.2021).

му можно добавить еще одно соображение, которое неизбежно возникает, когда речь заходит о портретном воспроизведении реальных персонажей. В этом случае, учитывая бесспорное боевое прошлое воинского контингента и тот возрастной набор его типажей – от молодых безусых солдат до опытных и закаленных в сражениях бойцов, не раз выдерживавших, надо полагать, массированные обстрелы своего строя из луков и арбалетов противника, прошедших жестокую бойню рукопашных схваток, которыми столь богаты батальи древности, – возникает вопрос о «производственных травмах». Иными словами, о тех шрамах и увечьях, упоминаниями о которых пестрит мировая литература, когда речь заходит о лицах ветеранов военных кампаний, иссеченных вражеским оружием, покрытых следами заживших ран, а то и «пылью дорог и сражений». Тех самых травм, которые как раз, являясь особыми приметами, и придают сугубый индивидуализм лицу человека, черты которого столь значимы с позиции древнекитайской физиогномики. В настоящий момент можно говорить, что таких отпечатков батального быта на лицах представителей терракотовой армии усмотреть не удастся. Разумеется, можно сказать, что это еще не настоящая армия, а всего лишь «полиция» или дворцовая стража, однако степень оснащённости оружием ближнего и дальнего боя, вместе со средствами индивидуальной защиты, колесницы, боевое построение – все говорит о том, что в глине скопировали именно армейское подразделение. Эта особенность на данный момент выводит череду образов глиняной армии из состава персональной портретной галереи.

Обращаясь к конкретным объектам, несложно заметить различия в дальнейших операциях по работе с портретами. Имеются в виду те действия, которые предпринимались мастерами после того, как было предварительно смоделировано лицо. По подсыхшей глине наносились разного рода формующие «подрезки», особенно заметные в тех случаях, когда не проводилось заглаживание (влажной тканью или кожей) поверхности, уничтожавшее следы работы инструментов (рис. 1, 5) и придававшее поверхности гладкий, почти полированный вид. Вероятнее всего, такие различия можно связать с поспешностью в выполнении трудовых операций после смерти Цинь Шихуанди и возникшей необходимостью срочно завершить объект, возводившийся около 40 лет. Тогда некоторые операции, если они не имели жизненно важного значения, просто игнорировались или делались недостаточно качественно. Свидетельства такого подхода отыскиваются не только в отделке поверхности щек, лба, носа и губ, но и в не меньшей мере – в оформлении усов и бородок. Например, их поверхность оставалась гладкой, без обычной штриховки, моделирующей волосную покров (рис. 2, 1–4). Иногда даже обходились без накладных (налепных) усов, заменяя их самым простым решением – штриховкой поверхности над верхней губой (рис. 1, 5). Вероятно, во всех этих случаях предполагалась возможность сэкономить время и обойтись простой раскраской. Статусность, которая могла скрываться за моделировкой форм бород и усов еще предстоит изучить, однако то сходство, которое демонстрируют в этом плане лица командного контингента, позволяет принять такое допущение. Другой, скорее всего, еще больший статусный признак можно признать за прическами, которым в отличие от растительности на лице, похоже, придавалось гораздо большее значение. Во всяком случае, у всех изваяний, которые нам удалось детально рассмотреть, прически при всем их разнообразии и сложности выполнены наиболее тщательно и детализировано¹².

¹² Музейные работники для удобства описания статуй выделили восемь основных типов для формы лица (весьма условных, привязанных к форме восьми иероглифов), а также шесть типов усов и два базовых типа причесок (вполне реальных). Но корреляция этих форм друг с другом и с другими характеристиками подлежит дальнейшему выяснению и уточнению. См.: Face shapes of terracotta warriors // Сайт турфирмы «Travel China Guide». 3 September, 2020. URL: <https://www.travelchinaguide.com/cityguides/xian/terracotta/face.htm>; Moustache of terracotta warriors // Там же. URL: [elchinaguide.com/attraction/shaanxi/xian/terra_cotta_army/moustache.htm](https://www.travelchinaguide.com/attraction/shaanxi/xian/terra_cotta_army/moustache.htm); Hairstyle and headgear of terracotta warriors // Там же. URL: https://www.travelchinaguide.com/attraction/shaanxi/xian/terra_cotta_army/hairstyle.htm (для всех дата обращения 01.01.2021).

Рис. 2. Портреты глиняной армии (1–7, 9 – из ямы № 1 Музея-мавзолея императора Цинь Шихуанди; 7 – в экспозиции Исторического музея пров. Шэньси; 8, 11 – яма K0006 и 10 – яма № 2 Музея-мавзолея императора Цинь Шихуанди). В том числе 1–6, 9 – по: [Ciarla R., 2011]; 8, 10, 11 – фото А. И. Соловьева

Fig. 2. Portraits of the clay army (1–7, 9 – from Pit No. 1 of Museum-Mausoleum of the emperor Qin Shihuang; 8, 11 – Pit K0006 and 10 – Pit No. 2 of Museum-Mausoleum of the emperor Qin Shihuang). Among them 1–6, 9 – as given in: [Ciarla R., 2011]; 8, 10, 11 – photo by A. I. Soloviev

Завершающей операцией в процессе изготовления портретной галереи можно считать раскраску, которая, судя по тому как краска отслаивалась после извлечения фигур из почвы, проводилась на лаковую основу после обжига. В тех случаях, когда усилия реставраторов удалось сохранить красочный слой, обращает на себя внимание его толщина. Временами она настолько велика, что скорее напоминает штукатурку (рис. 2, 7–9, 11). Можно предположить, что это было не случайно. С одной стороны, не исключено, что это как-то отражало реальные традиции «мэйкапа» циньской эпохи и двора, а с другой – имело сугубо практическое значение, закрывая все дефекты производства, включая оставшиеся следы рабочих инструментов, разной глубины царапины и прочие огрехи производственной деятельности и транспортировки (рис. 1, 5; 2, 2, 3). Вероятно, финальная раскраска осуществлялась уже на месте, где-нибудь поблизости от некрополя или на его территории – на специально выделенном участке (увы, пока не найденном), где проходила окончательная сборка. Тон лиц варьировал от красновато-коричневого цвета загара до чисто белого, возможно, воспроизводившего боевую раскраску. Несложно представить себе, какое впечатление могли производить такие мертвенно-белые лица с живыми глазами на неприятеля, да и на рядовых жителей столицы (рис. 2, 7).

Возвращаясь к сказанному, отметим, что для производства «портретов» представителей императорской армии и дворцовых чиновников, скорее всего, использовались стандартизированные наборы из серии стереотипных отливок голов и заготовок деталей лица. Но как же быть с реально фиксируемым портретным разнообразием? Дело в том, что мастеру-керамисту трудно сделать две одинаковые головы, особенно в поточном производстве, если он только специально не ставит перед собой такой цели. Прикрепляя и разравнивая на влажной глиняной «болванке» материалы заготовок, мастер неизбежно их деформирует. Несколько иных движений – более сильных, или наоборот, слабых и разнонаправленных в момент «примазывания» деталей изменяют форму бровей и век, а следовательно, и выражение лица. Аналогичные действия в районе висков и носогубной складки меняют абрис скул, форму щек и овал лица; столь же легко заглаживающие движения в направлении от носа могут сделать его более плоским и широким, а в обратном направлении, наоборот, сделать спинку его острее и т. д. А если добавить сюда различные прически и накладные усы, слегка изменив в процессе скрепления их форму, бородки, брови, которые также способны меняться в зависимости от силы и направления нажима, необходимого для соединения материалов, изменятся черты и выражения лиц. В итоге получится портретно разнообразный ряд, усиленный тонировкой и раскраской терракотовых фигур. Если с этих позиций все-таки внимательно присмотреться к лицам древнего воинства, можно, на наш взгляд, усмотреть в некоторых из них явные черты сходства, обусловленные не столь сильным вмешательством мастера в процесс соединения подготовленных физиономических элементов с базовой «болванкой» (рис. 3). Таким образом, едва ли можно говорить о персональных характеристиках конкретных людей, воспроизведенных в лицах глиняной армии. Скорее, в траншеях выставлены очень реалистичные и в то же время условные фигуры, связь которых с прообразами в воинской среде манифестируется прическами, оружием и статусными реалиями.

Любопытно отметить, что в ряде случаев, на наш взгляд, головы крепились не на те корпуса, для которых они изначально предполагались. На эту мысль наводит то обстоятельство, что иногда рельефно выделенные наклепные усы заштукатуривались толстым слоем красителя и при взгляде издали не читались. Примером может служить портрет чиновника из ямы K0006 (рис. 2, 8, 11). В других случаях «недокрашенная» растительность на лице некоторых воинов (рис. 2, 7) может быть также связана с тем, что ассортимент продукции «портретных» мастерских не успевал за производителями корпусов, поэтому уже на месте при сборке фигур использовали то, что было. Например, молодым призывникам по статусу усы не полагались, но, тем не менее, можно встретить фигуры, у которых на туловище рядового солдата (без доспеха, в простом халате) была укреплена голова с усами, которые могли носить только

Рис. 3. Воины в яме № 1, чьи «портреты» собраны из одинаковых заготовок. Обозначены красными линиями. Собрание Музея-мавзолея императора Цинь Шихуанди. Все фото А. И. Соловьева

Fig. 3. Warriors from Pit No. 1 of Museum-Mausoleum of the emperor Qin Shihuang, with portraits made from identical details (depicted with red arrows). All photos by A. I. Soloviev

старшие по возрасту или по званию. При раскраске эту лишнюю деталь пытались закрыть слоем пигмента либо просто игнорировали. На известный дефицит «головной» составляющей фигур и, возможно, разные темпы производства разных деталей указывают материалы ямы № 3 («штаб»), в которой лишь у немногих торсов были установлены головы (рис. 2, 10). Хотя у некоторых, судя по глиняному защитному шарфу, которым фиксировались головы, ранее столь необходимая деталь присутствовала. Но когда терракотовый боец по какой-то неведомой причине потерял голову, заменить ее оказалось нечем. Собственно, данный сюжет, вместе с рядом других упомянутых выше моментов, может свидетельствовать о поспешности и незавершенности строительства сопроводительных ям с терракотовыми скульптурами. Полностью реализовать чудовищный по объему проект, судя по всему, не удалось¹³. И поэтому, так же, как и в реальной армии, оказавшейся в критической ситуации, в строй ставились уже любые «инвалиды» – фигуры с повреждениями конечностей и туло-

¹³ Напомним, что полностью заброшенным оказался еще один проект Цинь Шихуанди – дворец Эпан, для которого успели построить только гигантский стилобат, то есть выполнили только «нулевой цикл» [Комиссаров, Соловьев, 2019]. Можно вспомнить и совершенно пустую яму № 4, которую, вероятно, просто не успели заполнить фигурами.

вища, а то и вообще без головы¹⁴. В целом же, говоря о портретности терракотовой армии и чиновничьего аппарата, призванных сопровождать в заупокойные странствия Первого императора, и о соотношении воспроизведенных образов с реальными людьми, следует, очевидно, зафиксировать отсутствие между ними прямой связи. Портреты терракотовой армии, скорее всего, представляют собой некие условно стандартизированные образы, различия между которыми объясняются их происхождением из разных мастерских и неизбежной спецификой работы разных мастеров. И портреты глиняных воинов имеют сходство с реальными субъектами не большее, чем раскрашенные фигурки металлических и восковых солдатиков нового времени, настольные армии которых, возможно, имеют затерянный в веках общий корень не только с древнеегипетскими *ушебти*, но и с полноразмерной терракотовой циньской и уменьшенной ханьской армиями Древнего Китая и все уменьшающимися фигурками средневековых династий, информация о которых могла распространиться на запад по Шелковому пути.

Список литературы

- Евсюков В. В., Комиссаров С. А.** Цинь Шихуан и его гробница // Атеистические чтения. М.: Политиздат, 1986. Вып. 16. С. 86–108.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Мультидисциплинарные методы в исследовании мавзоля Цинь Шихуанди (на примере технологического изучения каменных доспехов) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 95–104.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Дворец, который мог бы стать самым большим в мире // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 16–23. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-16-23
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.** Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: ГРВЛ, 1978. 343 с.
- Ли Сяочунь.** Технические приёмы изготовления фигур «Терракотовой армии» Цинь Шихуана как особый художественный процесс // Универ. науч. журн. = Humanities & Science University Journal: Филолог. и ист. науки, археология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 98–103.
- Рязанцев Ю.** Глиняная армия // Наука и жизнь. 2002. № 8. С. 46–47.
- Соловьев А. И., Комиссаров С. А.** Была ли готова к небесным сражениям терракотовая армия Первого циньского императора // Шелковый путь: Историческое наследие и современное развитие: Материалы науч.-практ. конф. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 30–39.
- Bevan A., Li Xiuzhen, Martínón-Torres M., Green S., Xia Yin, Zhao Kun, Zhao Zhen, Ma Shengtao, Cao Wei, Rehren Th.** Computer vision, archaeological classification and China's terracotta warriors // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 49. P. 249–254. DOI 10.1016/j.jas.2014.05.14
- Ciarla R.** The Eternal Army: The terracota soldiers of the First Emperor / Photos by A. De Luca. [Novaro]: White Star Publishers, 2011. 288 p.
- Die Terrarottaarmee des Ersten Chinisischen Kaizerers Qin Shihuang / Blänsdorf C., Emmerling E., Petzet M. (Hrsg.). München: Bayerischen Landesamtes für Denkmalphlige, 2001. 771 S. (Arbeitshefte des Bayerischen Landesamtes für Denkmalphlige. Band 83).
- Martínón-Torres M., Li Xiuzhen J., Bevan A., Xia Yin, Zhao Kun, Rehren Th.** Forty thousand arms for a single Emperor: from chemical data to the labor organization behind the bronze arrows of the terracotta army // Journal of Archaeological Method & Theory. 2014. Vol. 21. P. 534 – 562. DOI 10.1007/s10816-012-9158-z

¹⁴ То, что наибольшая концентрация безголовых вояк оказалась именно в «штабе», – несомненно, случайность.

- Quinn P. S., Zhang Shangxin, Xia Yin, Li Xiuzhen.** Building the terracotta army: ceramic craft technology and organization of production at Qin Shihuang's mausoleum complex // *Antiquity*. 2017. Vol. 91, iss. 358. P. 966–979. DOI 10.15184/aqu.2017.126
- Xia Yin, Ma Qinglin, Zhang Zhiguo, Li Zhendong, Feng Jian, Shao Anding, Wang Weifeng, Fu Qianli.** Development of Chinese barium copper silicate pigments during the Qin Empire based on Raman and polarized light microscopy studies // *Journal of Archaeological Science*. 2014. Vol. 49. P. 500–509. DOI 10.1016/j.jas.2014.05.035
- Лань Дэшэн.** Цинь юн ихао кэн синь чу ту бинмаюндэ бинхай юй фанчжи [兰德省。秦俑一号坑新出土兵马俑的病害与防治 // 文博]. Болезни и их профилактика у вновь раскопанных фигур солдат и лошадей в яме № 1 циньских погребальных фигур // *Вэньбо*. 2013. № 4. С. 77–84 (на кит. яз.).
- Сюй Вэйхун, Шэнь Маошэн, Ли Чжо.** Цинь шихуанди лин ихао бинмаюн пэйцзан кэн 2900–2011 нянь фацзюэ цзяньбао [许卫红、申茂盛、李卓。秦始皇帝陵一号兵马俑陪葬坑2009–2011年发掘简报 // 文物]. Краткий отчет о раскопках сезона 2009–2011 гг. сопроводительного захоронения № 1 с керамическими фигурами солдат и лошадей Мавзолея Цинь Шихуанди // *Вэньбу*. 2015. № 9. С. 4–38. (на кит. яз.).
- Фэн Шэнци.** Чжэньхань шицзедэ гуйбао – цинь юн [冯声麒。震撼世界的瑰宝—秦俑]. Циньские погребальные фигуры – сокровище в сфере создания форм, которое потрясло мир. Пекин: Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ, 1995. 66 с. (на кит. яз.).
- Чжунго каогусюэ (лян чжоу цзюань) [中国考古学 (两周卷) / 张长寿、殷玮璋]. Археология Китая (эпоха двух Чжоу) / Отв. ред. Чжан Чаншоу, Инь Вэйчжан. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2004. 593 с. (на кит. яз.).

References

- Bevan A., Li Xiuzhen, Martín-Torres M., Green S., Xia Yin, Zhao Kun, Zhao Zhen, Ma Shengtao, Cao Wei, Rehren Th.** Computer vision, archaeological classification and China's terracotta warriors. *Journal of Archaeological Science*, 2014, vol. 49. P. 249–254, DOI 10.1016/j.jas.2014.05.14
- Ciarla R.** The Eternal Army: The terracota soldiers of the First Emperor, Photos by A. De Luca, [Novaro], White Star Publishers, 2011. 288 p.
- Die Terrarottaarmee des Ersten Chinesisichen Kaizerers Qin Shihuang / Blänsdorf C., Emmerling E., Petzet M. (Hrsg.). München, Bayerischen Landesamtes für Denkmalphlige, 2001, 771 S. (Arbeitshefte des Bayerischen Landesamtes für Denkmalphlige. Band 83)
- Evsyukov V. V., Komissarov S. A.** Tsin' Shikhuan i ego grobnitsa [Qin Shihuang and his tomb]. In: *Ateisticheskie chteniya [Atheistic readings]*. Moscow, Politizdat, 1986, iss. 16, p. 86–108. (in Russ.)
- Feng Shengqi.** Zhenhan shijiede guibao – qin yong [冯声麒。震撼世界的瑰宝—秦俑]. Qin funeral figures – a treasure in the sphere of shape-making that shook the world, Beijing, Beijing shifan daxue chubanshe, 1995, 66 p. (in Chin.)
- Komissarov S. A., Soloviev A. I.** Mul'tidistsiplinarnye metody v issledovanii mavzoleya Tsin' Shikhuandi (na primere tekhnologicheskogo izucheniya kamennykh dospekhov) [Multidisciplinary methods used in investigation of Mausoleum of Qin Shihuang (with example of technological studies of stone armour)]. In: *Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveishie itogi i perspektivy Mat-ly mezhdunar. simp [Multidisciplinary methods in archaeology: newest results and perspectives: Materials of Intl. symposium]*, Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 2017, p. 95–104. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Soloviev A. I.** The Palace that Could Be the Biggest in the World. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 16–23. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-16-23

- Kryukov M. V., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N.** Drevnie kitaitsy: problemy etnogeneza [Ancient Chinese: a problem of ethnogenesis]. Moscow, Oriental lit., 1978, 343 p. (in Russ.)
- Lan Desheng.** Qin young yihao keng xin chutu bingmayoungde binghai yu fangzhi [兰德省。秦俑一号坑新出土兵马俑的病害与防治 // 文博]. Illness and their prophylaxis as it presented among newly unearthed (clay) sculptures of warriors and horses in the Pit no. 1 with Qin funerals figures. *Wenbo*, 2013, no. 4, p. 77–84. (in Chin.)
- Li Xiaochun.** Tekhnicheskie priemy izgotovleniya figur «Terrakotovoi armii» Tsin' Shikhuana kak osobyi khudozhestvennyi protsess [Technical methods of manufacturing Qin Shihuang terracotta army figures as special artistic process]. *Humanities & Science University Journal: Philology and history, archaeology and arts studies*, 2017, no. 28, p. 98–103. (in Russ.)
- Martinón-Torres M., Li Xiuzhen J., Bevan A., Xia Yin, Zhao Kun, Rehren Th.** Forty thousand arms for a single Emperor: from chemical data to the labor organization behind the bronze arrows of the terracotta army. *Journal of Archaeological Method & Theory*, 2014, vol. 21, p. 534–562. DOI 10.1007/s10816-012-9158-z
- Quinn P. S., Zhang Shangxin, Xia Yin, Li Xiuzhen.** Building the terracotta army: ceramic craft technology and organization of production at Qin Shihuang's mausoleum complex. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 358, p. 966–979. DOI 10.15184/aqy.2017.126
- Ryazantsev Yu.** Glinyanaya armiya [Clay army]. *Sciences and Life*, 2002, no. 8, p. 46–47. (in Russ.)
- Soloviev A. I., Komissarov S. A.** Byla li gotova k nebesnym srazheniyam terrakotovaya armiya Pervogo tsin'skogo imperatora [Was Terracotta army of the First Qin emperor ready for celestial battle?]. In: Shelkovyi put': Istoricheskoe nasledie i sovremennoe razvitie: Mat-ly nauch.-prakt. konf. [Silk Road: Historical heritage and modern development: Materials of scientific-practical conf.]. Novosibirsk, NSU Publishers, 2020, p. 30–39. (in Russ.)
- Xia Yin, Ma Qinglin, Zhang Zhiguo, Li Zhendong, Feng Jian, Shao Anding, Wang Weifeng, Fu Qianli.** Development of Chinese barium copper silicate pigments during the Qin Empire based on Raman and polarized light microscopy studies. *Journal of Archaeological Science*, 2014, vol. 49, p. 500–509. DOI 10.1016/j.jas.2014.05.035
- Xu Weihong, Shen Maosheng, Li Zhuo.** Qin shihuangdi ling yihao bingmayoung peizang keng 2009–2011 nian fajue jianbao [许卫红、申茂盛、李卓。秦始皇帝陵一号兵马俑陪葬坑 2009–2011 年发掘简报 // 文物]. Preliminary report about excavations (during 2009–2011 season) of Pit no. 1 with ceramic figures of warriors and horses accompanying Qin Shihuangdi's Mausoleum. *Wenwu*, 2015, no. 9, p. 4–38. (in Chin.)
- Zhongguo kaoguxue (liang zhou juan) [中国考古学 (两周卷) / 张长寿、殷玮璋]. Archaeology of China (epoch of two Zhou). Ed. by Zhang Changshou, Yin Weizhang, Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2004, 593 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received
01.03.2021

Сведения об авторах

Соловьев Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
easolovievy@mail.ru

Комиссаров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, профессор кафедры востоковедения и Института Конфуция ГИ НГУ (Новосибирск, Россия), старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
sergai@mail.ru

Information about the Authors

Aleksandr I. Soloviev, Doctor Habilitatus (History), Leading Research Associate at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
easolovievy@mail.ru

Sergey A. Komissarov, PhD, Professor of the Chair of Oriental Studies and Confucius Institute of Humanitarian Institute at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation), Senior Research Associate at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
sergai@mail.ru

УДК 903.27(510)
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-23-36

Обзор памятников наскального искусства провинции Ганьсу, Китай

М. А. Кудинова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлен краткий обзор памятников наскального искусства, выявленных на территории пров. Ганьсу на северо-западе Китая. Петроглифы распространены на всей территории региона, наибольшая их концентрация наблюдается в северо-западной и центральной частях. Здесь же находятся наиболее изученные памятники. В конце XX – начале XXI в. значительное число местонахождений было открыто в восточной и юго-восточной частях провинции, многие из них до сих пор не опубликованы, большинство имеющихся публикаций увидели свет в малодоступных региональных изданиях, нередко без иллюстраций. Петроглифы Ганьсу исполнены в техниках выбивки, шлифовки и гравировки, крашенные рисунки пока не найдены. Наблюдаются отличия между памятниками разных районов провинции: местонахождения в северо-западной и центральной частях демонстрируют сходство с традициями Синьцзяна, Цинхая, Тибета, в меньшей степени – Внутренней Монголии, а памятники востока и юго-востока близки к наскальным изображениям Нинся, Внутренней Монголии и отчасти петроглифам Цзюйцзышань (пров. Хэнань).

Ключевые слова

Китай, Ганьсу, археология, петроглифы

Для цитирования

Кудинова М. А. Обзор памятников наскального искусства провинции Ганьсу, Китай // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 23–36. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-23-36

An Overview of Rock Art Sites in Gansu Province, China

M. A. Kudinova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper presents a brief overview of rock art sites known to date on the territory of Gansu Province in north-western China. Petroglyphs have been discovered in all parts of the province, most of them concentrate in the north-western and central parts of the region. Over the past decades, a significant number of rock art sites has been found in the eastern and south-eastern parts of Gansu, but many materials from this territory have not yet been published or were published in hard-to-get local periodicals, quite often without any illustrations. The purpose of this article is to fill the lacuna in the rock art studies of this part of China through the generalization of all available data on Gansu petroglyphs and listing the rock art sites known to date. Petroglyphs of Gansu can be generally attributed to the northern province of Chinese rock art. The techniques used to produce images include percussion (pecking), abrasion (scratching or rubbing) and engraving, no painted images have been discovered so far. At the same time, pronounced differences between rock art sites in different parts of the province can be observed: the sites in the north-western and central parts of the region have obvious similarities with the rock art traditions of Xinjiang, Qinghai, Tibet and (to a lesser degree) Inner Mongolia, while the petroglyphs of eastern and south-eastern parts of Gansu are close to the rock art of Ningxia, Inner Mongolia and partly to the petroglyphs of Jucishan in Henan Province.

Keywords

China, Gansu, archaeology, rock art

© М. А. Кудинова, 2021

For citation

Kudinova M. A. An Overview of Rock Art Sites in Gansu Province, China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 23–36. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-23-36

Введение

Провинция Ганьсу – регион в северо-западной части Китая. Её территория протянулась на 1600 км с северо-запада на юго-восток от Цинхай-Тибетского нагорья до Лёссового плато, в северной части Ганьсу начинается пустыня Гоби, а на юге возвышаются горы Циляншань. На западе провинция граничит с Синьцзян-Уйгурским автономным районом и пров. Цинхай, на севере – с Монголией, Автономным районом Внутренняя Монголия и Нинся-Хуэйским автономным районом, на востоке – с пров. Шэньси, на юге – с пров. Сычуань. Большую часть территории занимают степи, пустыни и горы, важнейшая водная артерия – р. Хуанхэ. Находясь на границе между засушливыми степями и пустынями Центральной Азии и плодородными землями Центральной равнины, этот район с древности был местом встречи разных культур и народов: жунов и ди, усуней, юэчжей, сюнну, китайцев (*хань*), сяньбийцев, жужаней, тюрков, тибетцев, уйгуров, тангутов, монголов. Здесь же проходил Шёлковый путь, связывавший Китай со странами Средней Азии, Ближнего Востока и Средиземноморья. Положение Ганьсу на границе крупных природно-климатических и культурно-исторических областей Евразии обусловило значительный интерес китайских и зарубежных исследователей к археологическому наследию этого региона.

О существовании наскальных изображений на территории современной пров. Ганьсу было известно еще Ли Даюаню – автору трактата «Канон вод с примечаниями», жившему в эпоху правления династии Северная Вэй, в V–VI вв. [Пан Ин, 2013. С. 206]. Однако научное их изучение началось в только 70-е гг. XX в., после открытия петроглифов в горах Хэйшань. К настоящему моменту на территории региона известно свыше 90 памятников наскального искусства, расположенных в разных частях провинции (рис. 1). Несмотря на то что по числу выявленных наскальных изображений пров. Ганьсу занимает четвертое место среди регионов Китая (после Синьцзяна, Внутренней Монголии и Юньнани), а история их научного исследования насчитывает почти полвека, до сих пор отсутствуют обобщающие работы, посвященные описанию и анализу местонахождений петроглифов на этой территории. Многие памятники (особенно обнаруженные за последнее десятилетие) вообще не опубликованы академически, сведения о них ограничиваются сообщениями местных СМИ и краеведов-любителей. Цель данной статьи – обобщить доступную информацию о петроглифах Ганьсу, представить обзор известных на данный момент памятников и тем самым частично заполнить существующий пробел в изучении наскального искусства Китая.

Материалы и обсуждение

1. Петроглифы северо-запада Ганьсу

Наиболее крупные и хорошо изученные памятники наскального искусства находятся в северо-западной части Ганьсу – это петроглифы в горах Хэйшань на территории городского округа Цзяюйгуань, а также в Субэй-Монгольском автономном уезде, городском уезде Юймэнь, уезде Гуачжоу и Аксай-Казахском автономном уезде городского округа Цзюцюань.

Наскальные изображения в горах Хэйшань¹ впервые обнаружены пастухами в 1972 г., после чего Управление по культуре и образованию г. Цзяюйгуань организовало обследование территории, и в ущелье Сыдаогусингоу (Сыдаогусиньгоу) была выявлена 31 плоскость с рисунками [Ганьсу дицзюй..., 1972. С. 42]. Последующие экспедиции в 1978, 1987, 2005, 2008, 2015 гг. позволили обнаружить новые местонахождения в ущельях Сыдаогусингоу, Хунлюгоу (Шигуанься), Моцзыгоу, Цзяохэгоу, Цзяохаогуо (рис. 1, 5). Петроглифы темати-

¹ Один из отрогов горной цепи Мацзуншань в пределах нагорья Бэйшань на севере Ганьсу.

чески разнородны (сцены охоты и танцев, животные, всадники на конях и верблюдах, буддийские пагоды) и принадлежат к разным историческим эпохам.

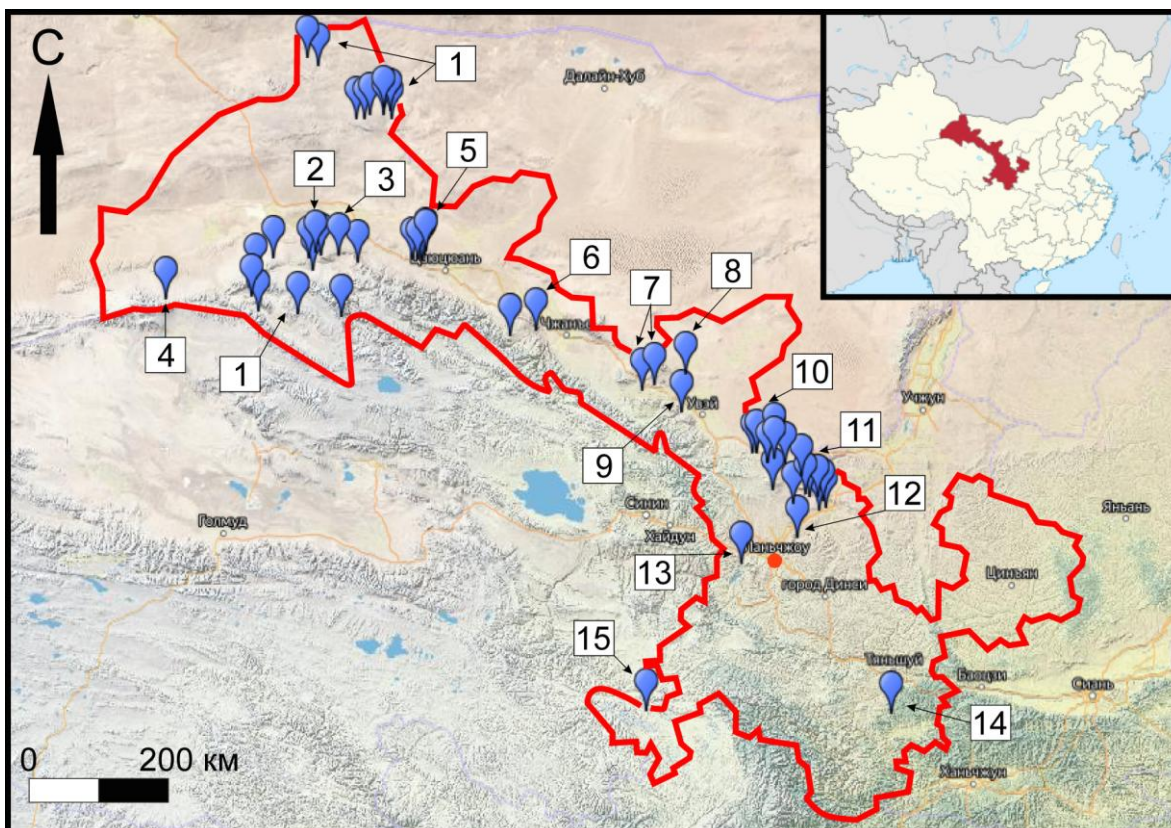

Рис. 1. Карта-схема распространения памятников наскального искусства на территории пров. Ганьсу: 1 – местонахождения петроглифов в Субэй-Монгольском автономном уезде; 2 – петроглифы уезда Гуачжоу; 3 – группа петроглифических памятников в волости Чанма, городской уезд Юймэнь; 4 – Циньязыгоу, Аксай-Казахский автономный уезд; 5 – группа петроглифических памятников в горах Хэйшань, городской округ Цзяюйгуань; 6 – местонахождения петроглифов в горах Юймюшань и Лэйшань, Сунань-Югурский автономный уезд; 7 – петроглифические памятники Нювашань и Бэйшань, уезд Юнчан; 8 – Чициньшань, район Цициньчуань; 9 – Ганьцюань-цзыгоу, район Лянчжоу; 10 – группа петроглифических памятников в уезде Гулан; 11 – местонахождения петроглифов в городском округе Байинь; 12 – Милугоу, уезд Юйчжун; 13 – Далангоу, уезд Юнцзин; 14 – Шуаньяося, уезд Чэнсянь; 15 – петроглифы уезда Мачу (подготовлена на основе ArcGIS Topo Map)

Fig. 1. Schematic map of the rock art sites distribution in Gansu Province: 1 – rock art sites in Subei Mongol Autonomous County; 2 – Guazhou County rock art site; 3 – Changma rock sites, Yumen City; 4 – Qingyazigou, Aksay Kazakh Autonomous County; 5 – Heishan rock art sites, Jiayuguan City; 6 – rock art sites in Yumushan and Leishan mountains, Sunan Yugur Autonomous County; 7 – Niuwashan and Beishan rock art sites, Yongchng County; 8 – Chijinshan, Jinchuan District; 9 – Ganquanzigou, Liangzhou District; 10 – rock art sites in Gulang County; 11 – rock art sites in Baiyin City; 12 – Milugou, Yuzhong County; 13 – Dalanggou, Yongjing County; 14 – Shuangyaoxia, Cheng County; 15 – Maqu County rock art site (produced using the ArcGIS Topo Map)

Площадь местонахождения в ущелье Сыдаогусингоу ок. 15 000 м², преобладают изображения яков, имеются также фигуры диких козлов, быков, оленей, верблюдов, птиц, змей, тигров, волков, барсов, лошадей, собак и других животных, изображения людей (в том числе, лучников и всадников), сцены охоты, ритуалов, изображение колесницы, иероглифические надписи цинского времени [Ганьсу дицюй..., 1972. С. 42; Чу Шибинь, Хань Цишоу, Ли Юнлян, 1990. С. 344–348; Цзяюйгуань Хэйшань..., 2016. С. 3–5]. Местонахождения Шигуаньсякоу и Хунлюгоу расположены в ущелье Шигуанься к северо-западу от поселка Юйцюань, Шигуаньсякоу – в восточной части ущелья, а Хунлюгоу – в западной. В исследованиях

1970–1990-х гг. они зачастую объединяются в один памятник, известный как Хунлюгоу или Шигуанься. Площадь петроглифов Шигуаньсякоу составляет ок. 2000 м². Рисунки включают изображения животных, растений, буддийских пагод, имеются также надписи на тибетском языке и китайская надпись, выполненная в годы Ваньли (1573–1620) эпохи Мин. Хунлюгоу меньше по площади (ок. 1000 м²), здесь также преимущественно представлены зооморфные образы: яки, козлы, верблюды, олени, тигры, птицы, собаки; кроме того, имеются выгравированные буддийские пагоды и храмы, свастики, лотосы, надписи на тибетском языке. Ущелья Моцзыгоу и Цзяохэгоу также расположены к северо-западу от поселка Юйцюань. Площадь памятника Моцзыгоу составляет ок. 5000 м². Здесь выбиты яки, лошади, верблюды, птицы, антропоморфные фигуры, сцены охоты и танцев, их сопровождают китайские иероглифические надписи (например, *Миньго ба нянь* 民国八年, то есть 8-й год Китайской Республики, 1919 г.) и современные граффити [Чу Шибинь, Хань Цишоу, Ли Юнлян, 1990. С. 350; Цзяюйгуань Хэйшань..., 2016. С. 3–5]. В ущелье Цзяохэгоу известно всего несколько изображений на площади ок. 10 м²: всадник, летящая птица и юрта. Цзяохэгоу – крупнейший памятник в составе петроглифов Хэйшань, его площадь составляет ок. 20 000 м². Известно более ста фигур людей и животных, а также изображения пагод и тибетские надписи [Цзяюйгуань Хэйшань..., 2016. С. 4].

В целом петроглифы Хэйшань обнаруживают сходство с наскальным искусством соседних районов в пределах Ганьсу (прежде всего, с памятниками в горах Мацзуншань на территории уезда Субэй), а также с наскальными изображениями Синьцзяна, Внутренней Монголии, Нинся. По мнению китайских исследователей, создание большинства зоо- и антропоморфных изображений, сцен охоты и ритуалов в горах Хэйшань может датироваться в пределах VIII–II вв. до н. э. (от эпохи Чуньцю до Западной Хань). Буддийские сюжеты, по-видимому, относятся к периоду средневековья (VIII–XIV вв., от середины эпохи Тан до Юань включительно), когда в районы современной Ганьсу распространяется тибетский буддизм. А изображение колесницы в ущелье Сыдаогусингоу может быть датировано бронзовым веком. В 1981 г. петроглифы Хэйшань включены в перечень охраняемых памятников культуры пров. Ганьсу, а в 2013 г. – в национальный список охраняемых памятников Китая [Ганьсу дицюй..., 1972. С. 43; Чу Шибинь, Хань Цишоу, Ли Юнлян, 1990. С. 351–352; Цзяюйгуань Хэйшань..., 2016. С. 3].

Субэй-Монгольский автономный уезд разделен на две части – северную и южную, между которыми лежит территория уездов Дуньхуан, Гуачжоу и Юймэнь. Петроглифы в Субэе открыты в 1983 г. В ходе работ 2004, 2006, 2010, 2014, 2015 гг. памятники наскального искусства выявлены как в северной, так и в южной частях уезда (рис. 1, 1). На севере это местонахождения в горах Мацзуншань и Хэйшань: Холэчжадэгай (Хожаньчжадэгай, Хажаньчжадэга), Шаньдээр (Шаньдэ), Гэгэусу (Хофоцзин), Будухулусытай (Будунхулусытэ), Тунгуту, Люгоу, Лаодаохудугэ (Лаодаоцзин), Шэньгоу, Цанкугоу. На юге – памятники в горах Циляншань: Дахэйгоу, Хунлюсябэйгоу (Хунлюсябэйшань), Хоухуэйваньцзы, Хуэйваньцзы, Цигэлюйгоу, Ханься, Дацинцюань, Аэргэлитай (Аэргалитай), Чжацзыгоу, Юэяху.

Преобладают разнообразные изображения животных: дикие козлы и бараны, быки и яки, тигры, верблюды, собаки, волки, олени; есть петроглифы в стиле оленных камней. Представлены также антропоморфные образы: всадники, охотники, сцены танцев и ритуалов, личины; есть изображения предметов вооружения, строений, колесниц, геометрические символы. Вопросы датирования, культурной и этнической атрибуции петроглифов Субэя пока не решены [Ван Цзяньсинь, Ли Юннин, Си Линь, 2006; Субэй яньхуа, 2015]. Например, на памятнике Дахэйгоу представлены олени, бараны-толстороги, горные козлы, собаки, яки, птицы и даже слоны, присутствуют также многофигурные сцены охоты и отдельные антропоморфные фигуры. Специфической чертой наскальных рисунков Дахэйгоу являются изображения «деревьев». В основном это одиночные рисунки, в некоторых случаях они дополнены парными фигурами оленей или же помещены в контекст охотничьих композиций [Го Сяюнь, Сунь Юань, Чжан Бовэнь, 2018. С. 35–36]. Аналогичные сюжеты известны в Синьцзяне (в горах

Куруктаг), Цинхае, Тибете, проблема их интерпретации пока не решена, однако можно предположить «шаманскую» трактовку этих изображений.

О петроглифах в уезде Гуачжоу имеется лишь одно упоминание в обзорной работе, посвященной наскальному искусству Восточной Азии. Согласно этой публикации, на территории уезда открыт один памятник наскального искусства – это петроглифы в горах Инцзуйшань к юго-востоку от дер. Нунфэн пос. Соянчэн (рис. 1, 2). На плоскости площадью 15 м² выгравированы изображения собак, горных баранов и верблюдов. Время их создания не определено [Zhang Yasha et al., 2019. С. 90]. Проверить эту информацию по другим источникам пока не удалось.

В городском уезде Юймэнь известно не менее восьми местонахождений наскального искусства: Шидуньцзылян, Луцзыгоу, Циншигоу, Мошигоу и др., все они расположены в волости Чанма (рис. 1, 3). Основное содержание составляют зооморфные образы: козлы и бараны, собаки, лошади, верблюды, кошачьи хищники, сцены охоты². На памятнике Шидуньцзылян известно около 20 фигур животных (козлов, баранов, оленей и верблюдов). В ущелье Луцзыгоу изображены олени, верблюды, тигры и собаки, а также человек верхом на верблюде. По стилистике наскальные изображения уезда Юймэнь схожи между собой и с петроглифами в горах Хэйшань в Цзяюйгуане и в горах Циляншань на территории Субэй-Монгольского автономного уезда [Чэнь Юбин, 2011; Zhang Yasha et al., 2019. С. 90].

На территории Аксай-Казахского автономного уезда на данный момент также известно лишь одно местонахождение петроглифов – Циньяцзыгоу. Памятник находится в ущелье в горах Циляншань неподалеку от дер. Дабату пос. Хунлювань (рис. 1, 4). Найдено три плоскости с петроглифами, их общая площадь составляет ок. 50 м². Фигуры людей (в том числе конных лучников) и животных выбиты на поверхности крупных песчаниковых валунов. Рядом с древними изображениями имеются современные рисунки и надписи (рис. 2, 1). Возраст памятника пока не установлен³.

2. Петроглифы центральной части Ганьсу

В центральной части Ганьсу наскальное искусство представлено памятниками в городских округах Чжанье, Цзиньчан и Увэй.

В 1985 г. петроглифы найдены в ущелье Хэйшитоугоу в Сунань-Югурском автономном уезде городского округа Чжанье. В 1990-е гг. на территории уезда еще дважды проводились работы по поиску и документированию наскальных изображений [Ду Чэнфэн, 2014. С. 3]. В 2002 г. исследованы местонахождения на отрогах хребта Циляншань – в горах Юймушань (памятники Хэйшитоугоу, Дахэся, Сяньятайцзы, Хуэйфандицзы)⁴ и в степи у подножия

² Чанма яньхуа [昌马岩画]. Петроглифы Чанма // Официальный сайт Управления по охране памятников культуры пров. Ганьсу. 22.02.2013. URL: <http://wwj.gansu.gov.cn/content/2013/sjwwbhdw/10016.html> (дата обращения 26.01.2021); Чанма синь фасянь яньхуа [昌马新发现岩画]. Новые петроглифы обнаружены в Чанма // Официальная страница Управления по туризму городского округа Юймэнь на новостном портале «Тяньтянь куайбао». 03.12.2019. URL: <https://kuaibao.qq.com/s/20190312A14JGE00?refer=spider> (Дата обращения 26.01.2021); Гэньчжэ чжэ тiao луйю сяньлу, ваньбянь Юймэнь цзуй мэи сяньцунь [跟着这条旅游线路, 玩遍玉门最美乡村]. Следуя по этому туристическому маршруту, посещаем самые красивые деревни Юймэня // Официальная страница Управления по культуре, спорту, телерадиовещания и туризму городского округа Юймэнь на новостном портале «Пэнпай синьвэнь» («The Paper»). 19.06.2020. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_7907184 (дата обращения 26.01.2021).

³ Циньяцзыгоу яньхуа [青崖子沟岩画]. Петроглифы Циньяцзыгоу // Официальный сайт Управления по охране памятников культуры пров. Ганьсу. 04.01.2018. URL: <http://wwj.gansu.gov.cn/content/2018/sjwwbhdw/11013.html> (дата обращения 26.01.2021).

⁴ Юймушань яньхуа [榆木山岩画]. Петроглифы Юймушань // Официальный сайт Управления по охране памятников культуры пров. Ганьсу. 22.02.2013. URL: <http://wwj.gansu.gov.cn/content/2013/sjwwbhdw/10022.html> (дата обращения 26.01.2021).

Рис. 2. Петроглифы Ганьсу: 1 – Цинъяцзыгоу, Аксай-Казахский автономный уезд; 2 – Хуэйфандицзы, Сунань-Югурский автономный уезд; 3 – Бэйшань, уезд Юнчан; 4, 5 – Цзянвоцзыгоу, уезд Цзинтай; 6, 7 – Ематань, район Пинчуань; 8 – Мяншавань, район Пинчуань. Фотографии взяты с официального сайта Управления по охране памятников пров. Ганьсу (<http://wwj.gansu.gov.cn/>)

Fig. 2. Gansu petroglyphs: 1 – Qingyazigou, Aksay Kazakh Autonomous County; 2 – Huifangdizi, Sunan Yugur Autonomous County; 3 – Beishan, Yongchang County; 4, 5 – Jiangwozigou, Jingtai County; 6, 7 – Yematan, Pingchuan District; 8 – Mianshawan, Pingchuan District. All photographs were taken from the official website of the Gansu Provincial Cultural Relics Bureau (<http://wwj.gansu.gov.cn/>)

гор Лэйшань [Zhang Yasha et al., 2019. P. 91–92; Ван Шэн, Пан Ин, 2017. С. 20–22] (рис. 1, 6). В работе Ду Чэнфэна, посвященной наскальному искусству уезда Сунань, дается информация о 23 памятниках: Алатао, Хэйшитоугоу, Бэньтоугоу, Бэньтоуцзинцзы, Янцзюаньвань, Юйшухэ, Байланхэ, Янканься, Байшитоу, Цзиньчанхэ, Хуаншуйгоу, Сунмугоу, Дундацюань, Паньдабань, Лэйшань, Шицзюйлихэ, Шиму, Чайэбо, Байлинцзы, Лунчанхэ, Шитаньгоу, Дашанькоу, Далэбахэ. Эти данные были получены автором книги в ходе разведок, проведенных с 2003 по 2013 гг. [Ду Чэнфэн, 2014. С. 14–20, 52–166]. Тематика изображений достаточно разнообразна, в основном представлены зооморфные образы, сцены охоты и войны, изображения колесниц и т. д. (рис. 2, 2). Петроглифы уезда Сунань датируются китайскими исследователями в широком диапазоне: от каменного века до эпохи Тан (VII–X вв.) [Ду Чэнфэн, 2014. С. 24–25; Ван Шэн, Пан Ин, 2017. С. 20–22].

В городском округе Цзиньчан петроглифы впервые выявлены в 1994 г. в горах Ньюшань в уезде Юнчан. Полевые исследования на территории округа проводились в 1995, 2002, 2014, 2015 гг., в результате обнаружены и исследованы местонахождения в районе Ньюшань, Янцзюань, Хуньянцзюань, Маобула, Бэйшань (уезд Юнчан) и Чицзиньшань, Шиянцзыдабань (район Цзиньчуань) [Ван Шэн, Пан Ин, 2017. С. 21] (рис. 1, 7).

Петроглифы в горах Ньюшань, одном из отрогов цепи Циляншань, расположены к юго-западу от дер. Чжаодинчжуаньцунь на территории поселка Синьчэнцзы уезда Юнчан. Наскальные изображения разбросаны на территории площадью ок. 2 км². Они открыты в 1994 г., изучались научными экспедициями в 1995 и 2002 гг. Основное содержание памятника – изображения животных: яков, быков, горных козлов, оленей, собак, волков, верблюдов, тигров. Представлены сцены терзания травоядных хищниками, борьбы животных, охоты конных лучников на диких баранов и быков, выпаса скота. Имеются изображения колесниц. Плохая сохранность затрудняет дешифровку ряда рисунков. Археологи, изучавшие памятник, определяют его возраст в пределах от периода Чуныцю до эпохи Хань (VIII в. до н. э. – III в. н. э.) [Ван Юаньлинь, 2007].

Памятник Бэйшань расположен к северу от дер. Чэньцзячжай волости Цзяоцзячжуан уезда Юнчан. Площадь плоскости с петроглифами составляет примерно 90 м², на ней выбито 32 отдельных изображения: олени, собаки, горные бараны, всадники (рис. 2, 3)⁵.

Наскальные изображения в ущелье Чицзиньшань на территории района Цзиньчуань обнаружены в октябре 2014 г. (рис. 1, 8). Рисунки выбиты на относительно ровной скальной поверхности, представлены изображения животных, личины, сцены охоты. По стилистике и содержанию они схожи с петроглифами Ньюшань и Бэйшань в уезде Юнчан⁶.

На территории городского округа Увэй также известно несколько памятников наскального искусства в районе Лянчжоу и уезде Гулан. В ущелье Ганьцюаньцзыгоу к юго-востоку от дер. Эргоуцунь волости Сиин в районе Лянчжоу (рис. 1, 9) на скальной поверхности площадью ок. 4 м² выбиты изображения трех лошадей, быка и оленя, датируемые предположительно эпохой Чжаньго (V–III вв. до н.э.) [Ван Юаньлинь, 2007. С. 96].

Петроглифы в уезде Гулан впервые обнаружены в 2017 г., к настоящему времени известно пять памятников: Чжаоцзышаньдагоу у дер. Хуачжуаньцунь в пос. Дацзин, Ланцзягоу и Дагоу у дер. Танфанцунь в пос. Пэйцзяин, Чоунюгоу и Лоутицзыгоу в волости Синьбаоцзы (рис. 1, 10). Изображения (горные козлы, олени, лошади (в том числе под седлом), волки, собаки, верблюды, быки, яки, люди, в том числе, всадники и лучники, личины, деревья, сцены охоты) исполнены в технике выбивки. Имеются также тангутские надписи [Пан Ин, Ли Сюэюй, 2019].

⁵ Бэйшань яньхуа [北山岩画]. Петроглифы Бэйшань // Официальный сайт Управления по охране памятников культуры пров. Ганьсу. 22.02.2013. URL: <http://wwj.gansu.gov.cn/content/2013/sjwwbhdw/10023.html> (дата обращения 26.01.2021).

⁶ Аньцзюнь Цзипин. Цзиньчан фасянь 40 юй фу яньхуа [安君吉平. 金昌发现 40 余幅岩画]. В Цзиньчане обнаружено более сорока петроглифов // Сайт «Мэйжи Ганьсу» — официальный сайт газеты «Ганьсу жибао». 24.10.2014. URL: <http://gansu.gansudaily.com.cn/system/2014/10/24/015228413.shtml> (дата обращения 26.01.2021).

3. Петроглифы восточной части Ганьсу

На востоке пров. Ганьсу в рельефе преобладают лёссовые холмы, а наскальные изображения сравнительно немногочисленны и плохо изучены, большая их часть выявлена только в XXI в. Известные в настоящее время петроглифы распространены в основном на территории городского округа Байинь, примыкающего к Автономному району Внутренняя Монголия и Нинся-Хуэйскому автономному району – в уездах Цзинтай и Цзиньюань и в районе Пинчуань (рис. 1, 11). Еще по одному памятнику находится на территории городского округа Ланьчжоу и Линься-Хуэйского автономного округа.

Петроглифы в уезде Цзинтай впервые обнаружены в 2006 г. В настоящее время известно несколько местонахождений: Шилугоу, Пэнцзяся, Цзянвоцзыгоу, Хуанъягоу, Лянцзявань, Хуншиягоу, Баньтаньгоу, Вэйцюаньгоу и петроглифы Каменного леса Хуанхэ (*Хуанхэ шилинь яньхуа*). Набор сюжетов разнообразен. Так, в ущелье Шилугоу в волости Сытань в основном изображены олени, что соответствует названию памятника (дословно «Ущелье каменных оленей») ⁷. На ровной скальной поверхности местонахождения Пэнцзяся (расположено к востоку от дер. Лапайцунь волости Чжэнлу) выбиты изображения толсторогих баранов, людей, спирали и волнистые линии, сцены соития ⁸. Петроглифы Хуншия находятся в ущелье Цюаньцзыгоу к западу от дер. Циншидуньцунь на территории поселка Цаовотань. Здесь имеются выбитые фигуры баранов и лошадей, стада оленей, концентрические окружности ⁹.

На памятнике Цзянвоцзыгоу в горном ущелье вблизи дер. Хунсяньцзыцунь пос. Хуншуй (всего шесть плоскостей с рисунками общей площадью ок. 100 м²) представлены сцены охоты и ритуалов (рис. 2, 4), зооморфные (козлы, волки, куланы) и антропоморфные фигуры, концентрические окружности (возможно, соляные знаки или схема созвездия) (рис. 2, 5), другие геометрические символы ¹⁰ (см. также: [Го Сяюнь, Сунь Юань, Чжан Бовэнь, 2018. С. 36–38]). Местонахождение Лянцзявань тоже расположено к югу дер. Хунсяньцзыцунь на территории поселка Хуншуй, здесь изображены бараны и фантастическое зооантропоморфное существо ¹¹.

Петроглифы в ущелье Хуанъягоу выявлены к югу от заброшенной деревни Дуаньцзявань на территории дер. Соцяоцунь пос. Луян. Они нанесены на сравнительно ровную поверхность красного песчаника. Размер памятника: ок. 9 м в длину, ширина варьирует от 1,3 до 2 м. Здесь так же, как и в Цзянвоцзыгоу, показаны люди, животные (волки, толсторогие бараны, олени), концентрические круги (сравнительно крупные, до 65 см в диаметре), а также личины, «отпечатки» ладоней и копыт, волнистые линии, спирали и другие геометрические символы. Особый интерес представляет композиция, где пять животных (предположительно, волков) показаны вокруг концентрических окружностей [Го Сяюнь, Сунь Юань, Чжан Бовэнь, 2018. С. 38–39; Пан Ин, Ли Сяююй, 2019].

Памятники Баньтаньгоу, Вэйцюаньгоу и Каменный лес Хуанхэ расположены на территории поселка Чжунцюань. В ущелье Баньтаньгоу к югу от дер. Дашуйцунь рисунки выбиты

⁷ Шилугоу яньхуа [石鹿沟岩画]. Петроглифы Шилугоу // Официальный сайт Музея уезда Цзинтай. б.г. URL: http://www.jtxbwg.cn/jtxbwg/pic/detail_1219936_31830_170476.html (дата обращения 26.01.2021).

⁸ Пэнцзяся яньхуа [彭家峡岩画]. Петроглифы Пэнцзяся // Официальный сайт Музея уезда Цзинтай. б.г. URL: http://www.jtxbwg.cn/jtxbwg/pic/detail_1219936_31830_170484.html (дата обращения 26.01.2021).

⁹ Хуншия яньхуа [红水崖沟岩画]. Петроглифы Хуншия // Официальный сайт Музея уезда Цзинтай. б.г. URL: http://www.jtxbwg.cn/jtxbwg/pic/detail_1219936_31830_170475.html (дата обращения 26.01.2021).

¹⁰ Хуншуй Цзянвоцзыгоу яньхуа [红水姜窝子沟岩画]. Петроглифы Цзянвоцзыгоу <в поселке> Хуншуй // Официальный сайт Управления по охране памятников культуры пров. Ганьсу. 04.01.2018. URL: <http://wwj.gansu.gov.cn/content/2018/sjwwbhdw/11008.html> (Дата обращения 26.01.2021); Цзянвоцзыгоу яньхуа фубэнь [姜窝子沟岩画副本]. Копии петроглифов Цзянвоцзыгоу // Официальный сайт Музея уезда Цзинтай. б.г. URL: http://www.jtxbwg.cn/jtxbwg/pic/detail_1219936_31830_170478.html (дата обращения 26.01.2021).

¹¹ Лянцзявань яньхуа [梁家湾岩画]. Петроглифы Лянцзявань // Официальный сайт Музея уезда Цзинтай. б.г. URL: http://www.jtxbwg.cn/jtxbwg/pic/detail_1219936_31830_170477.html (дата обращения 26.01.2021).

на обломке скалы, площадь поверхности которого составляет ок. 6,3 м² (примерно 1,9 м в высоту и 3,3 м в длину). В основном она заполнена зооморфными (дикие бараны, лошади) и антропоморфными фигурами, есть также отдельные изображения луков и стрел, геометрические символы¹². В ущелье Вэйцюаньгоу на поверхности красного песчаника выбиты фигуры людей, личины, изображения животных, отдельные линии и знаки¹³.

Наскальные изображения Каменного леса Хуанхэ расположены на территории дер. Сядалиньцунь вблизи национального геопарка «Каменный лес Хуанхэ». Обнаружены две плоскости с петроглифами. На первой, длина которой составляет 6,9 м, ширина – ок. 2 м, изображены личины, фигуры животных (в основном оленей), следы копыт, концентрические круги и крестообразные знаки. Вторая плоскость в размерах значительно уступает первой (длина 1,14 м, ширина 1,28 м), здесь выбиты концентрические окружности, прямоугольники и другие геометрические символы, часть из которых невозможно идентифицировать из-за плохой сохранности, обусловленной воздействием солнечных лучей, водной и ветровой эрозии [Го Сяюнь, Сунь Юань, Чжан Бовэнь, 2018. С. 39–40].

В уезде Цзиньюань к настоящему времени открыто несколько памятников наскального искусства. Самый известный из них – местонахождение Уцзячуань на территории пос. Лючуань, обнаружен в 1976 г. Рисунки принадлежат к разным эпохам и культурам, часть из них можно достаточно уверенно отнести к тюркскому времени (подробнее см.: [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019; Варенов, 2020]).

Еще несколько местонахождений петроглифов, объединенных под названием петроглифы Дабиндао, обнаружены за последние несколько лет (одно из них – в 2020 г.) на территории поселка Саньтань к северу от дер. Синьтяньцунь. Наскальные изображения (лучники, лошади, олени, дикие козлы), нанесенные на поверхность красного песчаника, по мнению китайских ученых, могут относиться к историческим эпохам от Чуньцю до Хань включительно (VIII в. до н. э. – III в. н. э.)¹⁴.

Кроме того, в уезде Цзиньюань открыт еще ряд памятников наскального искусства: Няньцзывань, Чжанцзятайцзы, Янцзюаньгоу, Шиянтань, Дашагоу, Синхоугоу, Шэньгоу, Шаньшуйгоу. Большинство из них находится на северном берегу р. Хуанхэ, неподалеку друг от друга. Петроглифы включают в основном изображения животных. Примером может служить памятник Дашагоу, где встречены фигуры горных козлов, оленей, собак, а также антропоморфные изображения. Исключение составляет лишь памятник Шиянтань, расположенный на южном берегу р. Хуанхэ, в отдалении от остальных местонахождений. Там представлены гравированные рисунки, нанесенные на поверхность гранитных валунов¹⁵.

В 2007 г. наскальные изображения обнаружены в районе Пинчуань – в местечке Ематань. В последующие годы на территории района открыто еще несколько памятников: Мяньюша-

¹² Баньтаньгоу яньхуа [板蕁沟岩画]. Петроглифы Бантаньгоу // Официальный сайт Музея уезда Цзинтай. б.г. URL: http://www.jtxbwg.cn/jtxbwg/pic/detail_1219936_31830_170485.html (дата обращения 26.01.2021).

¹³ Юаньшидэ цзии – Байинь яньхуа [原始的记忆—白银岩画]. Первобытные воспоминания – петроглифы Байинь // Официальная страница Комитета по туризму городского округа Байинь на новостном портале «Пэннай синьвэнь» («The Paper»). 28.05.2020. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_7592203 (дата обращения 26.01.2021).

¹⁴ Дабиндао яньхуа [大兵道岩画]. Петроглифы Дабиндао // База данных историко-культурных фондов на официальном сайте Музея городского округа Байинь. 23.03.2017. URL: <http://www.byiswh.com/Item/3849.aspx> (дата обращения 26.01.2021); Дабиндао гудао ичжи [大兵道古道遗址]. Памятник древняя дорога Дабиндао // База данных историко-культурных фондов на официальном сайте Музея городского округа Байинь. 23.03.2017. URL: <http://www.byiswh.com/Item/3848.aspx> (дата обращения 26.01.2021); Синьфасянь яньхуадянь вэй гудай юму миньцзу Хуанхэ лююй шэнхо тигун цзочжэн [新发现岩画点为古代游牧民族黄河流域生活提供佐证]. Открытие нового местонахождения петроглифов предоставило новые данные о жизни древних кочевников в бассейне р. Хуанхэ // Официальный сайт информационного агентства «Синьхуа». URL: http://www.xinhuanet.com/travel/2020-08/17/c_1126375358.htm (дата обращения 26.01.2021).

¹⁵ Ду Шуцзэ. Цзиньюань яньхуа каоча саньци (шан) [杜树泽. 靖远岩画考察散记 (上)]. Заметки об обследовании петроглифов <уезда> Цзиньюань (ч. 1) // Новостной портал городского округа Байинь («Байинь синьвэнь ван»). 28.02.2017. URL: <http://www.bynews.com.cn/Item/12413.aspx> (дата обращения 26.01.2021).

вань (Байяньлинь), Юаньдуньгоу, Сяохуанвань, Цзиньэрчуань. Петроглифы Ематань находятся у дер. Емацунь пос. Шуйцюань на берегу Хуанхэ в ущелье Хуншань у восточного склона гор Даланшань (отрога хребта Мицзяшань), их площадь ок. 50 м². Содержание наскальных рисунков разнообразно: здесь есть личины, контуры ладоней, изображения людей и животных, сцены охоты (рис. 2, 6, 7)¹⁶. Лю Цзайцун, со ссылкой на мнение неких неназванных специалистов, указывает, что местонахождение датируется концом III – IV тыс. до н. э. (т. е. неолитом – энеолитом) и является синхронным культурам Мацзяю и Цицзя¹⁷. Позднее он отметил и наличие на памятнике характерных черт палеолитического искусства [Лю Цзайцун, 2020]. В то же время ряд личин из Ематань иконографически близки к тюркским каменным изваяниям и, по нашему мнению, могут быть датированы периодом раннего средневековья (рис. 2, 7).

Местонахождение Мяншавань также расположено на территории поселка Шуйцюань, к северу от дер. Сяцунь, в нескольких километрах от Ематань. В центральной части памятника выбита антропоморфная фигура, по обеим сторонам от которой расположены изображения свиней, баранов и собак, рыб и т. д. Вся сцена, предположительно, представляет собой обряд жертвоприношения и может датироваться I тыс. до н. э. Есть и более поздние, явно буддийские изображения (рис. 2, 8).

В июне 2015 г. открыты петроглифы в ущелье Милугоу на территории поселка Цинчэн уезда Юйчжун городского округа Ланьчжоу (рис. 1, 12), где на скалах выбиты окружности с точкой в центре и зооморфные изображения¹⁸. Выбивки из Милугоу, по мнению исследователя петроглифов Ганьсу Лин Пина, обнаруживают некоторое сходство с петроглифами Цзюйцзышань в пров. Хэнань¹⁹. Известно также местонахождение Далангоу в уезде Юнцзин на севере Линься-Хуэйского автономного округа [Ван Шэн, Пан Ин, 2017. С. 23] (рис. 1, 13).

4. Петроглифы юго-востока и юга Ганьсу

Наскальные изображения известны и на крайнем юге и юго-востоке пров. Ганьсу – в уезде Мачу (Мацзюй) Ганьнань-Тибетского автономного округа и в уездах Лисянь, Чэнсянь и Вэньсянь городского округа Луннань [Пан Ин, 2013. С. 206; Ван Шэн, Пан Ин, 2017. С. 24]. На петроглифах в ущелье Шуаньяося у дер. Тайшаньцунь на территории поселка Хуанчжу в уезде Чэнсянь (рис. 1, 14) изображена антропоморфная фигура, геометрические символы и знаки, напоминающие иероглифы, также есть надпись, которая может быть прочитана как 告禹 *гао юй* и дешифрована как «совершать жертвоприношение Великому Юю» [Цай Фуцюань, 2016].

В уезде Мачу петроглифы найдены в 1993 г. Памятник расположен на территории поселка (до 2017 г. – волости) Цихама, между деревнями Кэцин и Кэча, на берегу р. Цзекэхэ – притока Хуанхэ (рис. 1, 15). Размеры плоскости с рисунками: 3,5 × 2,8 м. Изображены животные (олени, козлы, быки) и люди в островерхих и трехрогих головных уборах, сходных с изобра-

¹⁶ Ематань Хуанхэ яньхуа [野麻滩黄河岩画]. Петроглифы Ематань <на берегу> Хуанхэ // Официальный сайт Управления по охране памятников культуры пров. Ганьсу. 21.06.2016. URL: <http://wwj.gansu.gov.cn/content/2016/sjwwbhdw/10032.html> (дата обращения 26.01.2021).

¹⁷ Лю Цзайцун. Хуанхэ яньхуа: лайцзы юаньгу вэньминдэ хухуань [黄河岩画: 来自远古文明的呼唤]. Петроглифы Хуанхэ: зов древних цивилизаций // Сайт «Мэйжи Ганьсу» – официальный сайт газеты «Ганьсу жибао». 09.12.2014. URL: <http://gansu.gansudaily.com.cn/system/2014/12/09/015303848.shtml> (дата обращения 26.01.2021).

¹⁸ Пэн Вэйго. Юйчжун Цинчэн Милугоу шанья шан фасянь лян чу яньхуа [彭维国. 榆中青城麋鹿沟山崖上发现两处岩画]. На скалах <в ущелье> Милугоу обнаружены две плоскости с наскальными изображениями // Сайт «Мэйжи Ганьсу» – официальный сайт газеты «Ганьсу жибао». 11.06.2015. URL: <http://gansu.gansudaily.com.cn/system/2015/06/11/015565816.shtml> (дата обращения 26.01.2021).

¹⁹ Пэн Вэйго. Ганьсу яньхуа яньцзю чжуаньцзя Лин Пин: «Чоусян тунсиньюань ту'ань ши синсянгу» [彭维国. 甘肃岩画研究专家令平: 抽象同心圆图案是星象图]. Исследователь петроглифов Ганьсу Лин Пин: «Абстрактные изображения концентрических окружностей – это карта звездного неба» // Портал «Чжунго вэньу ван» Государственного комитета по охране культурного наследия КНР. 12.06.2015. URL: <http://www.wenwuchina.com/a/19/245313.html> (дата обращения 26.01.2021).

жениями на местонахождении Уцзячуань. Определенное сходство наблюдается также с петроглифами Иньшань среднего периода, создание которых приписывается туюйхуням [Мацзюй Кэцин яньхуа, 1996. С. 44]. Таким образом, можно предположить, что наскальные изображения в уезде Мачу также связаны с деятельностью кочевников эпохи раннего средневековья.

Заключение

Памятники наскального искусства Ганьсу едины по технике выполнения (выбивка, про шлифовка, гравировка) и близки по содержанию (преобладают зооморфные образы). Но, несмотря на общие черты, петроглифы в разных частях провинции отличаются тематически и стилистически. Памятники в северо-западных районах демонстрируют сходство с наскальным искусством Синьцзяна, Цинхая и Тибета, отчасти – Внутренней Монголии. Местонахождения в городском округе Байинь имеют ряд общих черт с петроглифами Внутренней Монголии и Нинся. А изображения в ущелье Милугоу схожи с петроглифами Цзюйцзышань в пров. Хэнань. Подобная эклектичность позволила Чжан Яша выделить территорию Ганьсу как особую переходную зону между северным и северо-западным ареалами наскального искусства Китая [Чжан Яша, 2016].

Петроглифы распространены практически повсеместно на территории Ганьсу. Местонахождения на северо-западе провинции известны с 1970-х гг., позднее обнаружены памятники в центральной и восточной частях региона. На юге и юго-востоке Ганьсу известны пока лишь единичные местонахождения. Возможно, такая ситуация объясняется неравномерным уровнем обследованности территории или же худшей сохранностью памятников в более развитых экономически юго-восточных районах. Кроме того, неодинакова и степень изученности памятников: если данные местонахождений северо-запада неоднократно публиковались, им посвящено значительное число научных работ, то многие петроглифы на востоке провинции открыты совсем недавно и зачастую известны лишь по кратким сообщениям в местных СМИ, нередко содержащим противоречивые сведения. Документирование и исследование наскальных изображений центральной части, востока и юго-востока Ганьсу – одна из актуальных задач археологии северо-западного Китая на современном этапе.

Список литературы

- Варенов А. В.** Всадники в трехрогих головных уборах на петроглифах Китая и их сибирские и центральноазиатские соответствия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 10: Востоковедение. С. 35–49.
- Варенов А. В., Кудинова М. А., Соловьев А. И.** Полевое исследование писаницы Уцзячуань в уезде Цзиньюань провинции Ганьсу (КНР) летом 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 345–352.
- Zhang Yasha, Lv Chunxiang, Pang Ying, Weilisi.** Rock art in Western China and Tibetan Autonomous Region // Rock Art in East Asia. A Thematic Study. Charenton-le-Pont, 2019. 148 p. (на англ. яз.)
- Ван Цзяньсинь, Ли Юннин, Си Линь.** Ганьсу Мацзуншань цюй каогу дяоча цзяньбао [王建新、李永宁、席琳。甘肃马鬃山区考古调查简报]. Краткий отчет об археологической разведке в районе гор Мацзуншань, Ганьсу // Каогу юй вэньу. 2006. № 5. С. 27–36. (на кит. яз.)
- Ван Шэн, Пан Ин.** Ганьсу яньхуа дяоча, яньцзюдэ сяньчжуан цзи сыкао [王圣、庞颖。甘肃岩画调查、研究的现状及思考]. Анализ современного состояния обследования и изучения петроглифов Ганьсу // Тяньшуй шифань сюэюань сюэбао. 2017. Т. 37. № 1. С. 20–25. (на кит. яз.)

- Ван Юаньлинь.** Ганьсу Юнчан Ньюшань яньхуа дяоча юй яньцзю [王元林. 甘肃永昌牛娃山岩画调查与研究]. Обследование и изучение петроглифов в горах Ньюшань в Юнчане, Ганьсу // Каогу юй вэньу. 2007. № 3. С. 91–97. (на кит. яз.)
- Ганьсу дицзюй гудай юму миньцзудэ яньхуа – Хэйшань шикэ хуасян чубу дяоча [甘肃地区古代游牧民族的岩画—黑山石刻画像初步调查]. Петроглифы древних кочевых народов на территории Ганьсу: предварительное обследование наскальных изображений в горах Хэйшань // Вэньу. 1972. № 12. С. 42–46. (на кит. яз.)
- Го Сяюнь, Сунь Юань, Чжан Бовэнь.** Ганьсу яньхуа каоча [郭晓云、孙源、张博文. 甘肃岩画考察]. Обследование петроглифов Ганьсу // Нэймэнгу ишу сюэюань сюэбао. 2018. № 2. С. 33–42. (на кит. яз.)
- Ду Чэнфэн.** Сунань яньхуа [杜成峰. 肃南岩画]. Петроглифы Сунань. Ланьчжоу: Ганьсу миньцзю чубаньшэ, 2014. 200 с. (на кит. яз.)
- Лю Цзайцун.** Ганьсу яньхуа – Хуанхэ вэньхуадэ лиши иньцзи [刘再聪. 甘肃岩画—黄河文化的历史印记]. Петроглифы Ганьсу – исторические свидетельства культуры Хуанхэ // Ганьсу жибао. 15.01.2020. С. 10. (на кит. яз.)
- Мацзюй Кэцин яньхуа [玛曲柯庆岩画]. Петроглифы Кэцин в Мачу // Сицзан ишу яньцзю. 1996. № 3. С. 44–45. (на кит. яз.)
- Пан Ин.** Ганьсу яньхуа тэчжэн цзунли [庞颖. 甘肃岩画特征综理]. Анализ особенностей петроглифов Ганьсу // Сяньдай фунюй. 2013. № 8. С. 206–208. (на кит. яз.)
- Пан Ин, Ли Сяюй.** Хэси цзоулан дун бу Гулан сянь яньхуа каоча [庞颖、李笑宇. 河西走廊东部古浪县岩画考察]. Обследование петроглифов в уезде Гулан в восточной части Хэсийского коридора // Шэкэ цзунхэн. 2019. Т. 34. № 9. С. 122–125. (на кит. яз.)
- Субэй яньхуа / Хань Цзиган чжубянь [肃北岩画 / 韩积罡主编]. Петроглифы уезда Субэй / Гл. ред. Хань Цзиган. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь мэйшу чубаньшэ, 2015. 268 с. (на кит. яз.)
- Цай Фуцюань.** Хуанчжу гуань Тайшань яньхуа цзи сянгунань ицзи каочжэн — цзяньлунь Ин Цинь хуанцзинь лайюань [蔡副全. 黄渚关太山岩画及相关遗迹考证—兼论嬴秦黄金来源]. Петроглифы Тайшань в Хуанчжу и атрибуция связанных с ними памятников: к вопросу об источниках золота в княжестве Цинь эпохи Чжаньго // Миньцзю ишу. 2016. № 5. С. 76–80. (на кит. яз.)
- Цзяюйгуань Хэйшань яньхуа тулу / Чжан Сяодун, Ню Хайпэн чжубянь [嘉峪关黑山岩画图录 / 张晓东、牛海鹏主编]. Каталог петроглифов в горах Хэйшань / Гл. ред. Чжан Сяодун, Ню Хайпэн. Цзяюйгуань. Ланьчжоу: Ганьсу вэньхуа чубаньшэ, 2016. 126 с. (на кит. яз.)
- Чжан Яша.** Цин-Цзан яньхуа ситун чжундэ Ганьсу Циляншань яньхуа – цзяньлунь Чжунго яньхуадэ сы да цзюйюй лэйсин [张亚沙. 青藏岩画系统中的甘肃祁连山岩画—兼论中国岩画的四大区域类型]. Петроглифы Циляншань в Ганьсу в системе петроглифов Цинхай-Тибета: к вопросу о четырех крупных районах наскального искусства в Китае // Чжунго цзансюэ. 2016. № 4. С. 17–23. (на кит. яз.)
- Чу Шибинь, Хань Цзишоу, Ли Юнлянь.** Ганьсу Цзяюйгуань Хэйшань гудай яньхуа [初仕宾、韩集寿、李永良. 甘肃嘉峪关黑山古代岩画]. Древние петроглифы гор Хэйшань в Цзяюйгуане, Ганьсу // Каогу. 1990. № 4. С. 344–359. (на кит. яз.)
- Чэнь Юбин.** Чжунго лидай хуэйхуа цзяньцзе (лю): яньхуа [陈友冰. 中国历代绘画简介 (六): 岩画]. Краткая история изобразительного искусства Китая (ч. 6): петроглифы. 05.12.2011 // Портал «Госюэ» («Госюэ ван»). Электронный ресурс. URL: <http://www.guoxue.com/?p=4801> (дата обращения 24.01.2021) (на кит. яз.)

References

- Cai Fuquan.** Huangzhu guan Taishan yanhua ji xiangguan yiji kaozheng – jianlun Ying-Qin huangjin lai yuan [蔡副全。黄渚关太山岩画及相关遗迹考证—兼论嬴秦黄金来源]. A Research on the Petroglyphs near Taishan Village in Huangzhu Town and Related Relics – On the Sources of Gold in the state of Qin during the Warring States period. *National Arts*, 2016, no. 5, p. 76–80. (in Chin.)
- Chen Youbing.** Zhongguo lidai huihua jianjie (liu): yanhua [陈友冰。中国历代绘画简介 (六): 岩画]. Introduction to China fine arts (6): Rock Art. *Guoxue wang*. 05.12.2011. URL: <http://www.guoxue.com/?p=4801> (date of access: 24.01.2021) (in Chin.)
- Chu Shibin, Han Jishou, Li Yongliang.** Gansu Jiayuguan Heishan gudai yanhua [初仕宾、韩集寿、李永良。甘肃嘉峪关黑山古代岩画]. Ancient Petroglyphs of Heishan in Jiayuguan, Gansu. *Archaeology*, 1990, no. 4, p. 344–359 (in Chin.)
- Du Chengfeng.** Sunan yanhua [杜成峰。肃南岩画]. Sunan Rock Art. Lanzhou, Gansu Minzu Publ., 2014, 200 p. (in Chin.)
- Gansu diqu gudai youmu minzude yanhua – Heishan shike huaxiang chubu diaocha [甘肃地区古代游牧民族的岩画—黑山石刻画像初步调查]. Rock art of ancient nomadic peoples of Gansu region – a preliminary survey of stone engraving images in Heishan mountains. *Cultural Relics*, 1972, no. 12, pp. 42–46. (in Chin.)
- Guo Xiaoyun, Sun Yuan, Zhang Bowen.** Gansu yanhua kaocha [郭晓云、孙源、张博文。甘肃岩画考察]. An observation and study of petroglyphs in Gansu Province. *Journal of Inner Mongolia Arts University*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 33–42. (in Chin.)
- Jiayuguan Heishan yanhua tulu / Zhang Xiaodong, Niu Haipeng zhubian* [嘉峪关黑山岩画图录 / 张晓东、张海鹏主编]. *Heishan Jiayuguan Petroglyph Antique Catalogue*. Editors-in-chief Zhang Xiaodong, Niu Haipeng. Lanzhou, Gansu Culture Publ., 2016, 126 p. (in Chin.)
- Liu Zaicong.** Gansu yanhua – Huanghe wenhuade lishi yinji [刘再聪。甘肃岩画—黄河文化的历史印记]. Gansu Rock Art – the historical imprints of the Yellow River culture. *Gansu Ribao*. 15.01.2020. P. 10. (in Chin.)
- Maqu Keqing yanhua [玛曲柯庆岩画]. Keqing Petroglyphs in Maqu. *Tibetan Art Studies*, 1996, no. 3, p. 44–45 (in Chin.)
- Pang Ying.** Gansu yanhua tezheng zongli [庞颖。甘肃岩画特征综理]. A Comprehensive Analysis of the Features of Gansu Rock Art. *Modern Women*, 2013, no. 8, p. 206–208. (in Chin.)
- Pang Ying, Li Xiaoyu.** Hexi zoulang dong bu Gulang xian yanhua kaocha [庞颖、李笑宇。河西走廊东部古浪县岩画考察]. Investigation of Rock Art in Gulang County in the eastern part of Hexi Corridor. *Social Sciences Review*, 2019, vol. 34, no. 9, p. 122–125. (in Chin.)
- Subei yanhua.* Han Jigang zhubian [肃北岩画 / 韩积罡主编]. *Rock Paintings of Subei*. Editor-in-chief Han Jigang. Lanzhou, Gansu Renmin Meishu Publ., 2015, 268 p. (in Chin.)
- Varenov A. V.** Horsemen in Three-Horned Headdresses at Chinese Rock-Art Sites and Their Siberian and Central Asian Affinities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 10: Oriental Studies, p. 35–49. (in Russ.)
- Varenov A. V., Kudinova M. A., Soloviev A. I.** Field research at the Wujiachuan Rock Art Site in Jingyuan County of Gansu Province, China, in the Summer of 2019. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, vol. 25, p. 345–352. (in Russ.)
- Wang Jianxin, Li Yongning, Xi Lin.** Gansu Mazongshan qu kaogu diaocha jianbao [王建新、李永宁、席琳。甘肃马鬃山区考古调查简报]. The Investigation Report on the Ancient Relics of the Mazong Mountains Area in Gansu. *Archaeology and Cultural Relics*, 2006, no. 5, p. 27–36. (in Chin.)

- Wang Sheng, Pang Ying.** Gansu yanhua diaocha, yanjiude xianzhuang ji sikao [王圣、庞颖。甘肃岩画调查、研究的现状及思考]. The analysis of current situation in investigation and research on Gansu rock art. *Journal of Tianshui Normal University*, 2017, vol. 37, no. 1, p. 20–25. (in Chin.)
- Wang Yuanlin.** Gansu Yongchang Niuwashan yanhua diaocha yu yanjiu [王元林。甘肃永昌牛娃山岩画调查与研究]. Investigation and Research on Niuwa Mountains Rock Art in Yongchang, Gansu // *Archaeology and Cultural Relics*, 2007. № 3. С. 91–97. (in Chin.)
- Zhang Yasha.** Qing Zang yanhua xitong zhongde Gansu Qilianshan yanhua – jianlun Zhongguo yanhuade si da quyue leixing [张亚沙。青藏岩画系统中的甘肃祁连山岩画—兼论中国岩画的四大区域类型]. Gansu Qilian Mountains Petroglyphs in the Qinghai-Tibet Rock Art System – on the Four Regional Types of Chinese Rock Art. *China Tibetology*, 2016, no. 4, p. 17–23. (in Chin.)
- Zhang Yasha, Lv Chunxiang, Pang Ying, Weilisi.** Rock art in Western China and Tibetan Autonomous Region. *Rock Art in East Asia. A Thematic Study*. Ed. by J. Clottes and B. Smith. Charenton-le-Pont, ICOMOS, 2019, 148 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

04.02.2021

Сведения об авторе

Кудинова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
maria-kudinova@yandex.ru

Information about the Author

Maria A. Kudinova, Cand. of Science (History), Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
maria-kudinova@yandex.ru

УДК 903.27 / 7.031.1
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-37-52

Монографические публикации и исследования петроглифов северных районов Китая в последней четверти XX века

А. В. Варенов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

До начала 2000-х гг. в Китае изданы монографические исследования и публикации наскального искусства из четырех административно-территориальных единиц провинциального уровня северо-запада страны: Внутренней Монголии, Нинся, Синьцзяна и Цинхая. Петроглифы Внутренней Монголии исследовали и публиковали Гай Шаньлинь, Лян Чжэньхуа и Н. Даленгуриб. Все четыре монографии о петроглифах Нинся – Чжоу Синхуа, Ли Сянши и Чжу Цуньши, два альбома Сюй Чэна и Вэй Чжуна – изданы практически одновременно, в самом начале 1990-х гг. Вышедшая в 2001 г. книга Тан Хуйшэна и Чжан Вэньхуа посвящена наскальным рисункам Цинхая. Древние изображения Синьцзяна опубликованы в альбомах Чжао Янфэна, Ван Линьшаня и Ван Бо, в книгах Ван Бинхуа и Су Бэйхая. Коллективный альбом фотографий «Петроглифы Китая» представляет собой своеобразный путеводитель по основным памятникам наскального искусства всех провинций КНР. В целом можно констатировать, что современное китайское научное петроглифоведение зародилось в первой половине 80-х гг. XX в., а расцвета, отмеченного выходом целого ряда монографий, достигло во второй половине 80-х – 90-х гг.

Ключевые слова

Северо-Западный Китай, археология, монографии, публикация петроглифов, исследование памятников наскального искусства

Благодарности

Написание данной работы осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

Для цитирования

Варенов А. В. Монографические публикации и исследования петроглифов северных районов Китая в последней четверти XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 37–52. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-37-52

Book Publications and Research of Petroglyphs of Northern Regions of China in the Last Quarter of the 20th Century

A. V. Varenov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In China, rock art is spread mainly in the border regions – carvings and engravings in the north of the country and paintings in the south. Before the beginning of the 21st century, research books and albums of petroglyphs were pub-

© А. В. Варенов, 2021

lished in four administrative units at provincial level in the north-west of the county: Inner Mongolia, Ningxia, Xinjiang and Qinghai. Petroglyphs of Inner Mongolia were studied and published by Gai Shanlin, Liang Zhenhua and N. Dalengurib. The earliest and the latest books by Gai Shanlin available to us (published in 1985 and 2002 respectively) were entirely devoted to the interpretation of rock carvings and searches for their analogies. All four monographs on Ningxia rock art – by Zhou Xinghua, Li Xiangshi and Zhu Cunshi, Xu Cheng and Wei Zhong were published almost simultaneously, at the beginning of the 1990s. Ancient rock art of Xinjiang was published in albums by Zhao Yangfeng, Wang Linshan and Wang Bo and in books by Wang Binghua and Su Beihai. The monograph by Tang Huisheng and Zhang Wenhua was devoted to the description of Qinghai petroglyphs and the problems of their interpretation. The album of photos “The Rock Arts of China” is a kind of a guide to the main rock art sites known by 1993 in all the Chinese provinces. Generally, it can be stated that modern Chinese scientific rock art research was born in the first half of the 1980s, when the first articles on rock carvings started to appear in Chinese archaeological periodicals and flourished in the second half of the 1980s and the 1990s, when quite a number of monographs were published.

Keywords

North-Western China, archaeology, books, publication of petroglyphs, research of rock-art sites

Acknowledgements

This paper was made possible with the financial support of the RFBR, project № 18-09-00557: “The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Periods of Antiquity and Middle Ages)”

For citation

Varenov A. V. Book Publications and Research of Petroglyphs of Northern Regions of China in the Last Quarter of the 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 37–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-37-52

Введение

В Китае петроглифы в основном распространены в окраинных районах – выбивки и гравировки на севере страны и красочные изображения – на юге. До начала XXI века в КНР изданы монографические исследования и публикации петроглифов из четырех административно-территориальных единиц провинциального уровня севера страны: автономного района Внутренняя Монголия (рис. 1, 1), Нинся-Хуэйского автономного района (рис. 1, 2), Синьцзян-Уйгурского автономного района (рис. 1, 3) и провинции Цинхай (рис. 1, 4). В нескольких альбомах и монографиях представлено наскальное искусство со всей территории Китая, в том числе и из его северных районов. Цель данной работы – дать обзор и, в силу неизбежной ограниченности объема журнальной статьи, краткое описание этих публикаций. Следует также оговориться, что в ходе сбора материала удалось найти биографические данные далеко не всех авторов рассмотренных китайских книг о наскальных изображениях.

Внутренняя Монголия

Петроглифы Внутренней Монголии в XX в. исследовали и публиковали Гай Шаньлинь, Лян Чжэньхуа и Н. Даленгуриб.

Гай Шаньлиня по праву считали «специалистом № 1» в области изучения петроглифов в Китае¹. В числе наиболее значительных его работ, посвященных публикации памятников наскального искусства отдельных районов Внутренней Монголии, можно назвать монографии «Петроглифы [гор] Иньшань» (рис. 2, 1), «Петроглифы [степи] Уланьчаб» (рис. 2, 2) и «Петроглифы пустыни Баданьцзилинь» (рис. 2, 3). Все монографии Гай Шаньлиня о петроглифах из южных и западных районов Внутренней Монголии выполнены по одной схеме [Гай Шаньлинь, 1986; 1989; 1997а]. Основная часть объема отводится краткому описанию наскальных рисунков, сопровождающемуся иллюстрациями-заливками небольшого размера, с разбивкой их по местонахождениям, пунктам и группам. Как правило, прилагается альбом фотографий наиболее интересных, с точки зрения автора, петроглифов. В конце книги идет не очень обширная интерпретационная часть исследования.

¹ Подробнее о жизни и деятельности Гай Шаньлиня см. [Варенов, 2020].

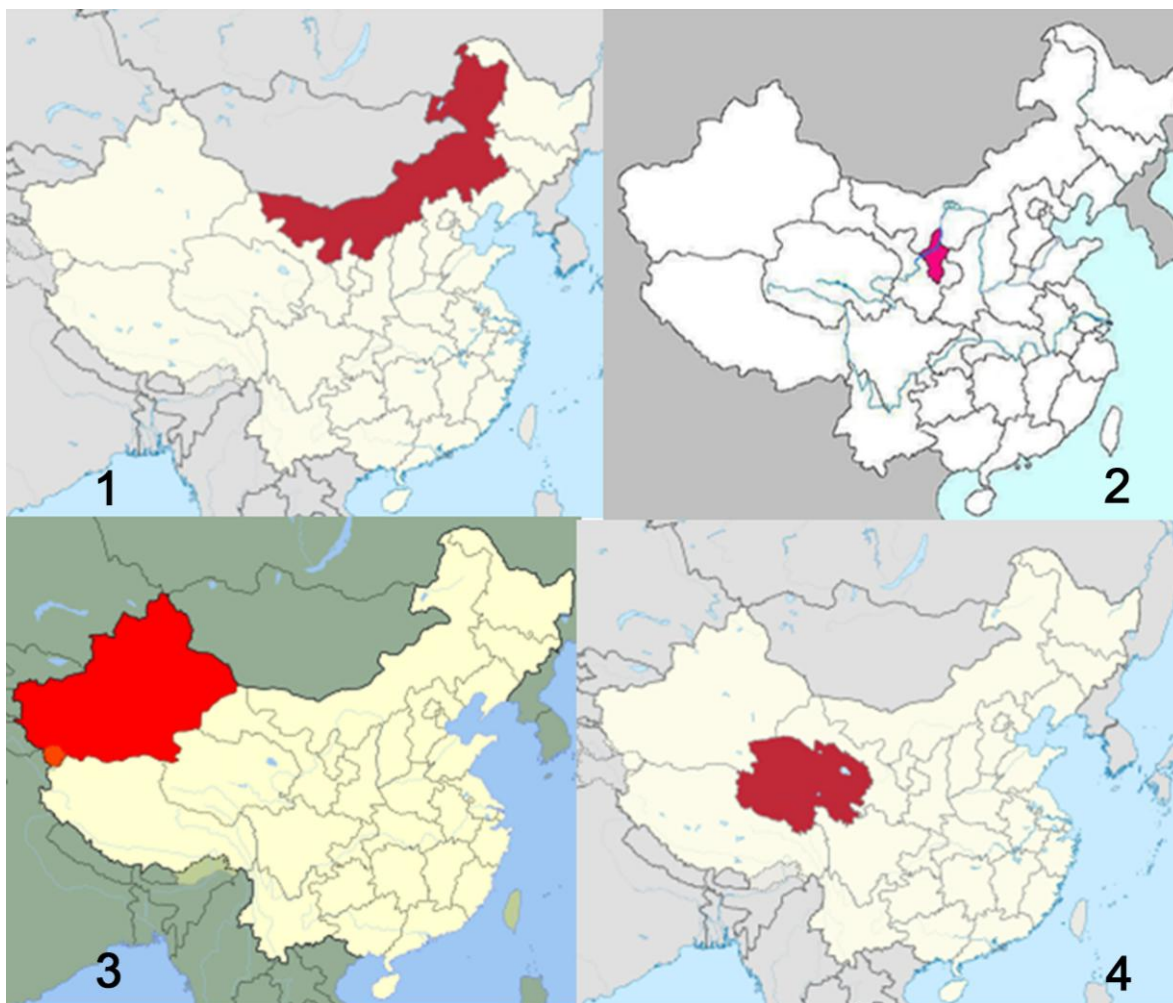

Рис. 1. Карты административно-территориальных единиц КНР провинциального уровня:

1 – автономный район Внутренняя Монголия; 2 – Нинся-Хуэйский автономный район;
3 – Синьцзян-Уйгурский автономный район; 4 – провинция Цинхай

Fig. 1. Maps of administrative units of the PRC at provincial level:

1 – Inner Mongolia Autonomous Region; 2 – Ningxia-Hui Autonomous Region;
3 – Xinjiang-Weigur Autonomous Region; 4 – Qinghai Province

В работе 1986 г. о петроглифах гор Иньшань она посвящена догадкам об их хронологии и отраженной в наскальных изображениях древней охотничье-скотоводческой цивилизации. В книге 1989 г. о петроглифах степи Уланьчаб рассматриваются их сюжеты, стиль, хронология и другие вопросы. В монографии 1997 г. о петроглифах пустыни Бадын-Джаран (*кит.* Баданьцзилинь) исследовательский раздел состоит из семи глав, первая из которых отведена анализу плоскостей с рисунками, вторая – их основным сюжетам, третья – общественному значению петроглифов. В четвертой главе на материале наскальных изображений реконструируются формы древнего общества района Баданьцзилинь, в пятой рассмотрены техника нанесения рисунков и их художественный стиль, шестая посвящена поискам датировки петроглифов и этнической принадлежности их создателей, седьмая – взаимоотношению петроглифов с другими древними культурами.

Рис. 2. Публикации петроглифов Внутренней Монголии:

1 – Гай Шаньлин. Иньшань яньхуа [盖山林. 阴山岩画]. Петроглифы [гор] Иньшань (1986); 2 – Гай Шаньлин. Уланьчабу яньхуа [盖山林. 烏蘭察部岩画]. Петроглифы [степи] Уланьчаб; 3 – Гай Шаньлин. Баданьцилинь шамо яньхуа [盖山林. 巴丹吉林沙漠岩画]. Петроглифы пустыни Баданьцилинь; 4 – Лян Чжэньхуа. Чжоцзышань яньхуа [梁振华. 桌子山岩画]. Петроглифы [гор] Чжоцзышань (Столовых гор). Здесь и далее обложки книг на всех рисунках отсканированы А. В. Вареновым

Fig. 2. Books on petroglyphs of Inner Mongolia:

1 – Gai Shanlin. Yinshan yanhua [盖山林. 阴山岩画]. Petroglyphs in the Yinshan Mountains (1986); 2 – Gai Shanlin. Wulanchabu yanhua [盖山林. 烏蘭察部岩画]. Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland; 3 – Gai Shanlin. Badanjilin shamo yanhua [盖山林. 巴丹吉林沙漠岩画]. The Rock Paintings in Badanjilin Desert; 4 – Liang Zhenhua. Zhuozishan yanhua [梁振华. 桌子山岩画]. Rock Art in Zhuozi Mountains. Here and thereafter all image book covers are scanned by A. V. Varenov

Рис. 3. Книги о петроглифах Внутренней Монголии:

1 – Гай Шаньлин. Иньшань яньхуа [盖山林. 陰山岩画]. Петроглифы [гор] Иньшань (1985); 2 – Гай Шаньлинъ вэньцзи [盖山林文集]. Собрание статей Гай Шаньлина; 3 – Даленгуриб Н. Нэймэнгу яньхуа ишу [纳·达楞古日布. 内蒙古岩画艺术]. Искусство петроглифов Внутренней Монголии; 4 – Гай Шаньлин, Гай Чжихао. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии

Fig. 3. Books on petroglyphs of Inner Mongolia:

1 – Gai Shanlin. Yinshan yanhua [盖山林. 陰山岩画] Petroglyphs in the Yinshan Mountains (1985); 2 – Gai Shanlin wenji [盖山林文集]. Collection of papers by Gai Shanlin; 3 – Dalengurib Na. Nei Menggu yanhua yishu [纳·达楞古日布. 内蒙古岩画艺术]. Inner Mongolia's Art of Rock Carvings; 4 – Gai Shanlin, Gai Zhihao. Nei Menggu yanhua de wenhua jiedu [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Deciphering the Culture of Petroglyphs of Inner Mongolia

Помимо публикационных монографий, Гай Шаньлин издавал как серьезные книги теоретического характера, так и научно-популярные работы об изучении петроглифов. Из ранних исследований теоретического характера можно упомянуть «Петроглифы Иньшань» – книгу, одноименную с публикационной монографией 1986 г., но посвященную исключительно интерпретации наскальных рисунков (рис. 3, 1) [Гай Шаньлин, 1985]. В 1990-е годы выходят «Китайское петроглифоведение» и собрание многочисленных статей Гай Шаньлина,

оригиналы которых были иногда размещены в малодоступных изданиях (рис. 3, 2), а из популярных работ – «Петроглифы Китая» [Гай Шаньлинь, 1995a; 1995b; 1997b]. В 2002 г. увидела свет фундаментальная монография, написанная ученым в соавторстве с сыном Гай Чжихао «Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии» (рис. 3, 4). Самая поздняя из доступных нам монографий Гай Шаньлиня целиком посвящена интерпретациям и поискам аналогий, петроглифы (в основном, заливки) приводятся в ней лишь для иллюстрации тех или иных положений авторов [Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002].

Монография Лян Чжэньхуа описывает наскальные рисунки относительно небольшого района Внутренней Монголии – городского округа Ухай, расположенного на границе с Нинся, горы Чжоцзышань (*кит.* «Столовые горы») которого представляют собой продолжение гор Хэланьшань (рис. 2, 4). В принципе район гор Чжоцзышань уже был до этого обследован Гай Шаньлинем, а результаты его поисков опубликованы [Гай Шаньлинь, 1986. С. 386–411]. В книге Лян Чжэньхуа в качестве иллюстраций при описании петроглифического материала используются в основном не заливки, как у Гай Шаньлиня, а протирки (микалентные копии), присутствуют интерпретационные главы и альбом цветных фотографий [Лян Чжэньхуа, 1998]. В трех интерпретационных главах рассматриваются соотношение наскальных изображений и первобытной религии, их эстетическая ценность и делается вывод, что рисунки гор Чжоцзышань являются жемчужиной китайских петроглифов. Трехязычный (на китайском, монгольском и английском языках) альбом Н. Даленгуриба (рис. 3, 3) состоит из одних лишь цветных фотографий, с небольшим количеством интерпретационных объяснений [Даленгуриб, 2000].

Нинся

Все четыре монографии XX века о наскальных рисунках Нинся – Чжоу Синхуа, Ли Сянши и Чжу Цуньши, Сюй Чэна и Вэй Чжуна – изданы практически одновременно, в самом начале 1990-х гг.

В 1991 г. первой увидела свет монография-альбом Чжоу Синхуа (рис. 4, 1). В ней дается весьма подробная карта распространения петроглифов в уезде Чжунвэй и небольшой (примерно на 40 страниц) вступительный раздел «Открытие и исследование петроглифов Чжунвэя». В нем рассказывается о количестве и распространении наскальных изображений по уезду, особенностях рельефа местности и связанного с ним размещения петроглифов, об их сюжетах и содержании, назначении и применении, стиле и технике исполнения, об этнической принадлежности их создателей, общем и особенном в петроглифах Чжунвэя, догадки об их периодизации, соображения о ценности и охране петроглифов [Чжоу Синхуа, 1991]. За вступительным разделом у Чжоу Синхуа следует солидный по объему (более 400 снимков) альбом черно-белых фотографий, составляющий средний раздел его книги, а заключительный раздел представлен организованной по местонахождениям подборкой рисунков-заливок петроглифов Чжунвэя, занимающей около 250 страниц. Археологические памятники в этой подборке закодированы буквами латинского алфавита, а отдельные группы петроглифов внутри них пронумерованы арабскими цифрами. В самом конце книги дана расшифровка кодов местонаждений и таблица с абсолютными размерами скальных плоскостей с петроглифами, позволяющая в случае необходимости легко и быстро соотнести любой из них как с соответствующей прорисовкой, так и с фотографией.

В 1993 г. Ли Сянши² в соавторстве с Чжу Цуньши³ издал монографию «Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань» (рис. 4, 2). В начале этой книги размещен альбом цветных и черно-

² Ли Сянши (李祥石) не был профессионально подготовленным археологом. В 1965 г. он окончил Университет Нинся, после чего работал в отделе образования, культуры и здравоохранения уезда Хэлань Нинся-Хуэйского АР, а с 1985 г. – в отделе пропаганды того же уезда. Еще в 1969 г., в самый разгар так называемой «культурной революции», он открыл петроглифы в ущелье Хэланькоу (уезд Хэлань) и впоследствии, начиная с 1983 г., занимался их фиксацией и изучением, опубликовав более 20 научных работ, посвященных исследованию наскального искусства Нинся.

белых фотографий. Далее, примерно на 60 процентов объема монографии идет представленное по уездам описание петроглифов, сопровождающееся их рисунками, а оставшиеся 40 процентов листа заняты интерпретационными главами. В них петроглифы расцениваются как сокровища национальной культуры, дается краткое описание древних народов Нинся, географического окружения и природных условий гор Хэланьшань и Бэйшань, истории открытия и исследования их рисунков. Далее описаны символические изображения мифов, культы плодородия и тотемов, народные нравы и обычаи, их содержание и передача их «силы» в петроглифах. Авторами проводятся типологические исследования наскальных изображений, предпринята попытка их датирования при помощи лихенометрии, рассматриваются предназначение и использование петроглифов, их общее и особенное, художественность и специфика, сбор и упорядочение петроглифического материала. Затронуты вопрос о создателях петроглифов, проблема расшифровки их знаков (символов), и соотношения наскальных рисунков с «культурой Хуанхэ». В качестве негативного момента можно отметить, что не только текст, но и заливки-прорисовки в публикационном разделе книги Ли Сянши и Чжу Цуньши сверстаны в две колонки, поэтому заливки, как правило, оказываются слишком мелкими, так что их детали сливаются. Иногда они даже даны в зеркальном отображении [Ли Сянши, Чжу Цуньши, 1993].

В том же 1993 г. опубликованы сразу две монографии Сюй Чэна⁴ и Вэй Чжуна⁵, посвященные петроглифам гор Хэланьшань. Одна из монографий Сюй Чэна и Вэй Чжуна повторяет по схеме публикационные книги Гай Шаньлиня (рис. 4, 3). Основная часть ее объема отведена краткому описанию наскальных рисунков и сопровождающих их заливок-прорисовок, которые не отличаются высоким качеством. Прорисовки Сюй Чэна и Вэй Чжуна, как показывает их сопоставление с другими публикациями тех же самых петроглифических памятников, часто выполнены слишком схематично. Доверять им можно, только если прорисовка сопровождается еще и протиркой (микалентной копией) того же самого изображения. Ближе к концу книги следует интерпретационный раздел, и альбом цветных и черно-белых фотографий [Сюй Чэн, Вэй Чжун, 1993a]. В трех небольших (общим объемом 35 страниц) интерпретационных главах рассматриваются композиция петроглифов и техника их создания (выбивка или гравировка), анализируется содержание, делается вывод о хронологии и периодизации. Вторая книга Сюй Чэна и Вэй Чжуна представляет собой собрание протирок (микалентных копий) (рис. 4, 4). Альбомы этих авторов удачно дополняют друг друга. Мелкие схематичные заливки наскальных рисунков и их фотографии из одного легко перепроверяются крупными, на всю страницу, протирками (микалентными копиями) тех же петроглифов из другого [Сюй Чэн, Вэй Чжун, 1993b].

Синьцзян

Для Синьцзяна первыми монографическими публикациями петроглифов в XX веке стали альбомы Чжао Янфэна, Ван Линьшаня и Ван Бо, а также книги Ван Бинхуа и Су Бэйхая.

Опубликованный в 1987 г. альбом Чжао Янфэна увидел свет по горячим следам первых монографий Гай Шаньлиня (рис. 5, 1). Однако стремление автора «ковать железо, пока горячо» вылилось в не очень высокое качество его публикации [Чжао Янфэн, 1987]. В альбоме Чжао Янфэна географическая привязка фотографий дана в подрисуночных подписях по кодовой системе (A1, B2 и т. п.), но расшифровка этих кодов отсутствует, что не позволяет соотнести изданные петроглифы даже с уездами, и, тем более, с конкретными памятниками.

³ Чжу Цуньши (朱存世) родился в 1966 г. В 1985–1989 гг. он проходил обучение по специальности «археология» на факультете археологии Цзилиньского университета в Чанчуне.

⁴ Сюй Чэн (许成) родился в 1953 г. в пров. Нинся (современный Нинся-Хуэйский АР). В 1976 г. он окончил исторический факультет Пекинского университета по специальности «археология».

⁵ Вэй Чжун (卫忠) родился в 1965 г. в уезде Сянфэн пров. Шаньси. В 1983–1987 гг. он учился на историческом факультете Пекинского университета по специальности «археология».

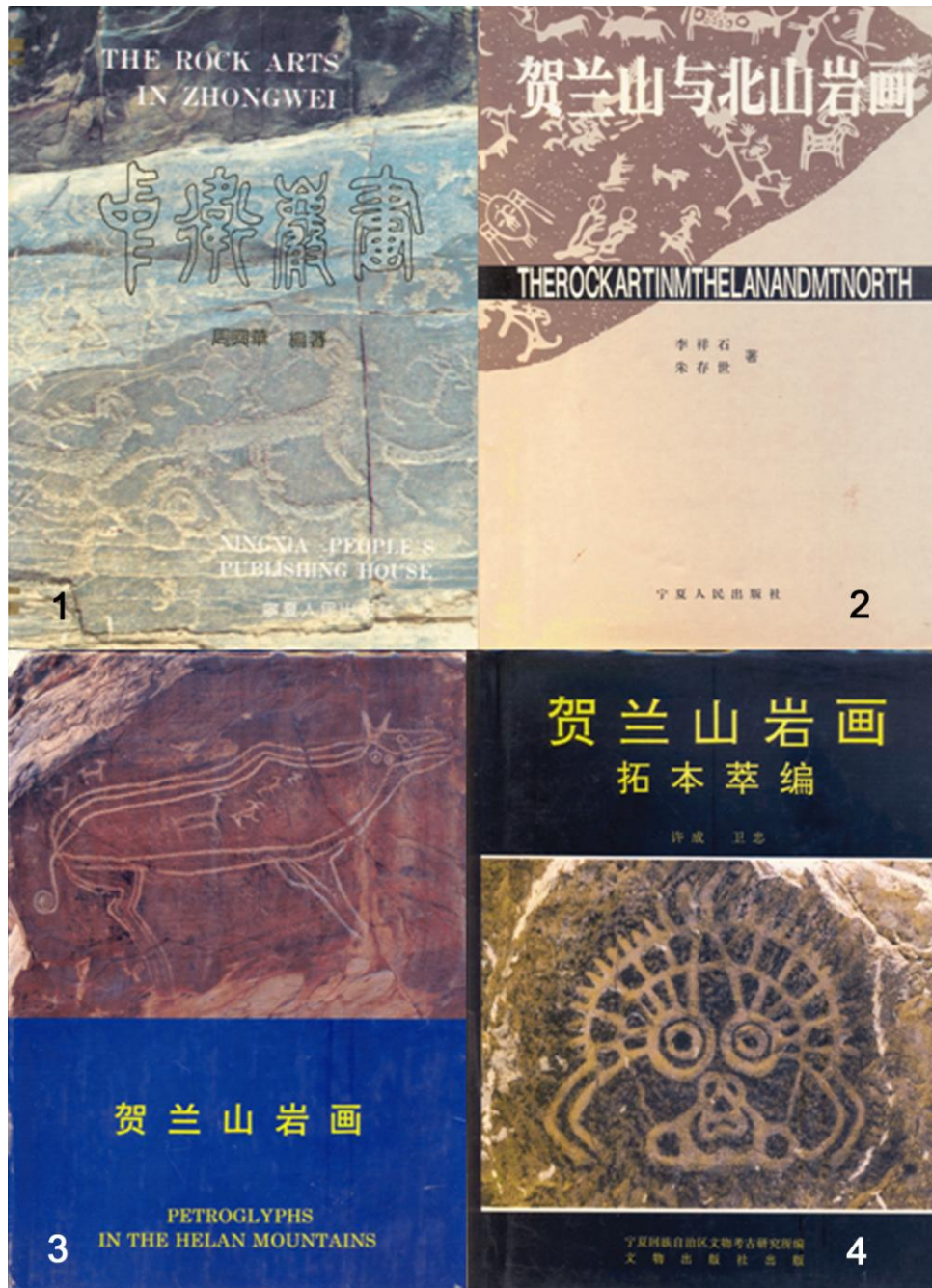

Рис. 4. Публикации петроглифов Нинся:

1 – Чжоу Синхуа. Чжунвэй яньхуа. [周兴华. 中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэй; 2 – Ли Сянши, Чжу Цуньши. Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石, 朱存世. 贺兰山与北山岩画]. Петроглифы [гор] Хэланьшань и Бэйшань; 3 – Сюй Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠. 贺兰山岩画]. Петроглифы [гор] Хэланьшань; 4 – Сюй Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа табэнь цуйбянь [许成, 卫忠. 贺兰山岩画拓本萃编]. Альбом собрания эстампов петроглифов [гор] Хэланьшань

Fig. 4. Books on petroglyphs of Ningxia:

1 – Zhou Xinghua. Zhongwei yanhua. [周兴华. 中卫岩画]. The Rock Arts in Zhongwei; 2 – Li Xiangshi, Zhu Cunshi. Helanshan yu Beishan yanhua [李祥石, 朱存世. 贺兰山与北山岩画]. The Rock Art in Mt. Helan and Mt. North; 3 – Xu Cheng, Wei Zhong. Helanshan yanhua [许成, 卫忠. 贺兰山岩画]. Petroglyphs in the Helan Mountains; 4 – Xu Cheng, Wei Zhong. Helanshan yanhua taben cuibain [许成, 卫忠. 贺兰山岩画拓本萃编]. Helan Mountains Petroglyphs in Ningxia Hui Autonomous Region, China

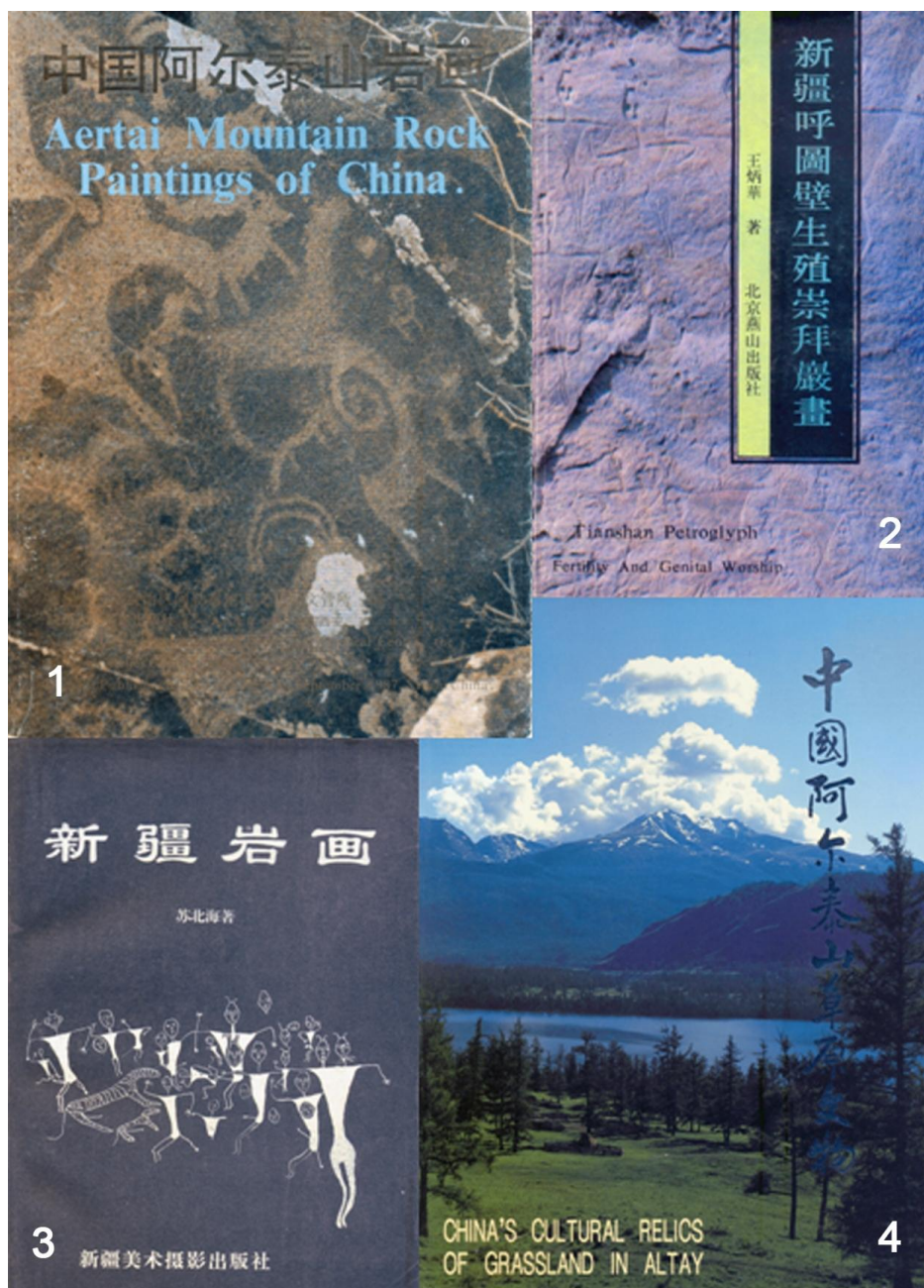

Рис. 5. Книги о петроглифах Синьцзяна:

1 – Чжао Янфэн. Чжунго Аэргтайшань яньхуа [越养锋. 中国阿尔泰山岩画]. Петроглифы Китайского Алтая; 2 – Ван Бинхуа. Синьцзян Хутуби шэнчжи чунбай яньхуа [王炳华. 新疆呼图壁生殖崇拜岩画]. Петроглифы уезда Хутуби в Синьцзяне, изображающие культ плодородия; 3 – Су Бэйхай. Синьцзян яньхуа [苏北海. 新疆岩画]. Петроглифы Синьцзяна; 4 – Ван Линьшань, Ван Бо. Чжунго Аэргтайшань цаюань вэньу [王林山, 王博. 中国阿尔泰山草原文物]. Степные древности китайского Алтая

Fig. 5. Books on petroglyphs of Xinjiang:

1 – Zhao Yangfeng. Zhongguo Aertaishan yanhua [越养锋. 中国阿尔泰山岩画]. Aertaishan Mountain Rock Paintings of China; 2 – Wang Binghua. Xinjiang Hutubi shengzhi chungbai yanhua [王炳华. 新疆呼图壁生殖崇拜岩画]. Tianshan Petroglyph Fertility and Genital Worship; 3 – Su Beihai. Xinjiang yanhua [苏北海. 新疆岩画]. Petroglyphs of Xinjiang; 4 – Wang Linshan, Wang Bo. Zhongguo Aertaishan caoyuan wenwu [王林山, 王博. 中国阿尔泰山草原文物]. China's Cultural Relics of Grassland in Altay

Пояснительный текст в альбоме появляется в минимальном объеме, а крупные цветные и черно-белые фотографии наскальных изображений не всегда четкие (в ряде случаев отсутствует наводка объектива на резкость). Впрочем, эти фотографии петроглифов сопровождаются в углу страницы их же мелкими прорисовками (заливками), что позволяет осуществлять взаимный контроль и необходимую коррекцию изображений. В альбоме Ван Линьшаня и Ван Бо (рис. 5, 4), носящего, скорее, характер туристического путеводителя и посвященного степным древностям Китайского Алтая в целом, даны несколько страниц цветных фотографий петроглифов хорошего качества, но зато их прорисовок нет, а пояснительный текст минимален [Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. С. 54–71].

В 1992 г. Ван Бинхуа⁶ выпущена в свет небольшая книжечка карманного формата объемом всего 60 страниц о петроглифах памятника Канцзяшимэньцзы в уезде Хутуби (рис. 5, 2). В «монографии» приводится как комплексная прорисовка всей плоскости с наскальными изображениями памятника Канцзяшимэньцзы, так и каждой из девяти групп рисунков, выделенных Ван Бинхуа в целях удобства их восприятия и описания. Исследователь рассматривает петроглифы Канцзяшимэньцзы в качестве живого примера культа плодородия и лучшего доказательства существования первобытного шаманизма, считает его источником ценного материала по древней хореографии, решает вопросы датировки петроглифов из Хутуби и этнической принадлежности их создателей [Ван Бинхуа, 1992]. В качестве негативного момента можно отметить небольшой формат книги, что не позволило воспроизвести рисунки в более крупном масштабе. Ограничение размера особенно повредило деталям двух десятков цветных фотографий, иллюстрирующих издание.

В монографии Су Бэйхай⁷, описывающей петроглифы Синьцзяна уезд за уездом, опубликованы только прорисовки (заливки тушью) наскальных рисунков, а фотографии их отсутствуют (рис. 5, 3). Заливки эти не отличаются высоким качеством [Су Бэйхай, 1994]. В 2013 г. монография Су Бэйхай была переиздана посмертно (видимо, к столетию ученого) под несколько измененным названием, но самого ее содержания, как текста, так и иллюстраций, перемены не коснулись [Су Бэйхай, 2013].

Цинхай

Исследование наскального искусства в Цинхае началось несколько позже, чем во многих других соседних регионах северного Китая (за исключением, разве что, Ганьсу) и представлено только монографией Тан Хуэйшэна⁸ и Чжан Вэньхуа «Петроглифы Цинхая: исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве» (рис. 6, 1). Она посвящена описанию достаточно немногочисленных петроглифов Цинхая, проблемам их датировки и интерпретации. В своей книге авторы применили теорию бинарных оппозиций к изучению первобытного мышления, мифоритуального комплекса и ранних форм искусства древнего населения Китая, включая и петроглифы [Тан Хуэйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001].

---

⁶ Ван Бинхуа (王炳华), один из крупнейших исследователей археологии Синьцзяна, родился в ноябре 1935 г. в г. Наньтун пров. Цзянсу. В 1960 г. он окончил исторический факультет Пекинского университета по специальности «археология» и поступил на работу в Институт археологии Синьцзян-Уйгурского АР. Петроглифами Синьцзяна Ван Бинхуа почти не интересовался, за исключением яркого памятника Канцзяшимэньцзы в уезде Хутуби, который он связывал с деятельностью саков. Ван Бинхуа начал заниматься им еще с 1987 г. и успел в 1990 г. опубликовать солидную статью по этой теме (см. [Комиссаров, Черемисин, Соловьев, 2020. С. 10, 14]), переложением которой, по сути, и являлась книга 1992 г.

⁷ Су Бэйхай (苏北海) (1915–1999), пожалуй, наиболее возрастной представитель китайского петроглифоведения, родился в уезде Уси пров. Цзянсу. В июле 1937 г. он окончил исторический факультет Педагогического института Цзянсу. После образования КНР Су Бэйхай работал доцентом, а впоследствии – профессором Синьцзянского университета.

⁸ Тан Хуэйшэн (汤惠生) родился 14 декабря 1955 г. в уезде Пинсян пров. Цзянсу, детство его прошло в уезде Лэду пров. Цинхай, куда в конце 1950-х гг., как «правый элемент», был сослан его отец. В 1983 г. Тан Хуэйшэн окончил исторический факультет Северо-Западного университета в Сиане по специальности «археология».

Обобщающие работы

С 90-х годов XX века стали появляться обобщающие исследования петроглифов Китая, охватывающие всю территорию страны, включая и ее северные районы.

Начало положил коллективный альбом фотографий «Петроглифы Китая» (рис. 6, 2). Он представляет собой своеобразный путеводитель по основным местонахождениям наскальных рисунков всех провинций КНР, в том числе и северных. После краткого вступления авторства Гай Шаньлиня и Лоу Юйдуна идет организованный по провинциям перечень всех известных на 1993 г. местонахождений и карта их расположения на территории Китая. Основной объем книги занимает подборка черно-белых фотографий петроглифов с их кратким описанием, иллюстрирующая специфику основных памятников наскального искусства, причем краткие пояснительные тексты к фото петроглифов из разных провинций принадлежат разным людям, видимо, авторам представленных снимков [Чжунго яньхуа, 1993]. В частности, описания петроглифов Внутренней Монголии оказались монополией Гай Шаньлиня; о петроглифах Синьцзяна написали Чжао Янфэн, Ван Минчжэ, Ван Бинхуа, Су Бэйхай; о петроглифах гор Хэланшань в Нинся – Ли Сянши, Сюй Чэн и Вэй Чжун (последние двое только в соавторстве); о петроглифах Цинхая – Ли Фушунь и Сунь Баоци.

В 1995 г. выходит монография Гай Шаньлиня «Китайское петроглифоведение» (рис. 6, 3). В первой главе автор знакомит читателей с новой для них наукой – изучением наскальных изображений или «петроглифоведением», в том числе рассказывает о ее исследовательских методах, связях с другими науками (культурологией, религиоведением, историей искусства и т. д.), принципах научной оценки петроглифов. Вторая глава описывает современную (на тот момент) ситуацию с изучением петроглифов в мире. Третья глава отведена открытию и исследованию петроглифов в Китае. В ней утверждается, что в Китае известны самые ранние исторические записи о петроглифах из всех других стран мира, рассказывается о зарождении в Китае научного петроглифоведения и описывается его современное состояние. Четвертая глава посвящена областям распространения петроглифов в Китае и их региональным особенностям. Петроглифы описываются по провинциям, сгруппированным в четыре крупных региона: Северо-Восточный, Северо-Западный, Юго-Западный и Юго-Восточный. В качестве примеров наскальных изображений, характерных для того или иного региона, приводятся как собственные прорисовки (копии петроглифов) автора, так и рисунки, заимствованные им из работ других исследователей.

В пятой главе даются основные сюжеты петроглифов Китая и их анализ: животные, изображения охоты и скотоводства, дорог, езды верхом и на колесницах, плавания на лодках, сцены военных столкновений и конфликтов, проявления первобытной религии, музыки и танцев. В небольшой (всего на три страницы) шестой главе рассматривается общественное положение создателей петроглифов, а в седьмой – общественное значение самих петроглифов. Восьмая глава анализирует эстетические стремления создателей петроглифов Китая. Девятая глава отведена поиску обоснования хронологии петроглифов Китая. В ней приводятся способы разгадывания загадки хронологии наскальных изображений, строится их периодизация, начиная от эпохи камня (палеолит и неолит), через бронзовый и ранний железный века вплоть до исторического (для Китая) времени. В десятой главе «Разворачивая прекрасную картину-свиток этнической истории» предпринята попытка выделить наскальные изображения сюнну, саков (саи), тюрков (туцзюе), восточных и (дун и), жунов, ло юэ (лак вьет), монголов и других этносов, как древних, известных нам по письменным источникам, так и ныне живущих народов.

Завершают книгу пять небольших глав. В одиннадцатой главе разбираются типы первобытного мышления, проявляющегося в наскальных изображениях, а также его особенности и закономерности. Двенадцатая глава в числе факторов, влияющих на петроглифы Китая, называет географическое окружение и время их создания. Тринадцатая глава посвящена экологическому мониторингу петроглифов Китая. В четырнадцатой главе анализируются

Рис. 6. Книга о петроглифах Цинхая и обобщающие издания:

1 – Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа. Цинхай яньхуа – шичань ишу чжун эрюань дуйли сывэй цзи ци гуаньянь дэ яньцзю [汤惠生, 张文华. 青海岩画—史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхая – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве; 2 – Чжунго яньхуа [中国岩画]. Петроглифы Китая; 3 – Гай Шаньлинь. Чжунго яньхуасюэ [盖山林. 中国岩画学]. Китайское петроглифоведение; 4 – Гай Шаньлинь. Яньши шангдэ лиши туцзюань: Чжунго яньхуа [盖山林. 岩石上的历史图卷:中国岩画]. Иллюстрированные свитки истории на скалах: петроглифы Китая

Fig. 6. The book on petroglyphs of Qinghai and summary editions:

1 – Tang Huisheng, Zhang Wenhua. Qinghai yanhua – shiqian yishu zhong eryuan duili siwei ji qi guanyan de yanjiu [汤惠生, 张文华. 青海岩画—史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Qinghai Petroglyphs – a Study of Dualism and its Ideas in Prehistoric Art; 2 – Zhongguo yanhua [中国岩画]. The Rock Arts of China; 3 – Gai Shanlin. Zhongguo yanhuaxue [盖山林. 中国岩画学]. Chinese Petroglyphic Studies; 4 – Gai Shanlin. Yanshi shangde lishi tujuan: Zhongguo yanhua [盖山林. 岩石上的历史图卷:中国岩画]. Illustrated Scrolls of History on Rocks: Chinese Petroglyphs

отношения петроглифов Китая с местными культурами, причем речь здесь не идет об археологии. Пятнадцатая глава рассматривает наскальные изображения основных районов мира (Европы, Африки, Азии, Америки и Океании) и определяет место петроглифов Китая среди них. В самом конце монографии идут два приложения: годовое и ежемесячное описание всех работ по поиску и исследованию петроглифов, проводившихся в Китае начиная с 1819 г., полная библиография монографий и статей о петроглифах Китая, охватывающая 1980–1992 гг. и небольшой (16 страниц) альбом черно-белых фотографий петроглифов Внутренней Монголии (почти половина его объема), Нинся, Ганьсу, Юньнани и других районов Китая [Гай Шаньлинь, 1995а].

В дальнейшем эта книга в значительно текстуально сокращенных и адаптированных для массового читателя научно-популярных вариантах, щедро оснащенных многочисленными цветными иллюстрациями (монография 1995 г. была исключительно черно-белой), в течение 1990-х гг. неоднократно издавалась в различных городах Китая. В качестве примера можно привести шанхайские «Иллюстрированные свитки истории на скалах: петроглифы Китая» (рис. 6, 4) [Гай Шаньлинь, 1997б].

Заключение

Внутренняя Монголия в области исследования наскального искусства оказалась в выигрышном положении по сравнению с другими регионами Китая. Во-первых, прорисовки-заливки из монографий Гай Шаньлиня отличались относительно высокой детализацией, вытекающей из научной добросовестности ученого, не жертвовавшего качеством рисунков ради ускорения темпов публикационной активности в гонке на опережение с конкурентами, которых у него, заметим, и не было. Во-вторых, все три книги, посвященные петроглифам основных районов юга и запада Внутренней Монголии, созданы одним автором, а значит, их иллюстрации и описания сопоставимого (практически одинакового) качества, и принципы отбора наскальных изображений для публикации из всего скопированного в поле массива материала были одни и те же. Иными словами, перед читателем-исследователем не стоит проблема сопоставимости критериев отбора опубликованных автором книги рисунков из различных регионов. Они были, предположительно, во всех случаях одинаковыми. Это дает возможность без большого риска попасть в ловушку неравноценного отбора материала проводить сравнительные исследования изображений гор Иньшань, степи Уланьчаб и пустыни Бадын-Джаран, в том числе и на уровне статистики.

Надо также отметить, что изданные в XX в. монографические публикации петроглифов гор Хэланьшань и Бэйшань из Нинся стараются не дублировать друг друга, и очень интересный рисунок или даже целая композиция из одной книги могут отсутствовать (и зачастую отсутствуют) в другой. Так что нельзя полностью исключать возможность, что между двумя группами авторов альбомов существовала взаимная договоренность о действии принципа «кто первый встал – того и тапки» (т.е. петроглифы). Поэтому для более-менее полного представления о наскальном искусстве Нинся следует располагать всеми четырьмя альбомами, а еще лучше – и более поздними серьезными изданиями с многочисленными цветными фотографиями петроглифов, вышедшими уже в XXI веке. Вообще фотографии наряду с протирками тушью (микалентными копиями) являются сейчас наиболее объективным способом копирования, доступным китайским исследователям.

В целом следует констатировать, что современное китайское научное петроглифоведение зародилось в 70-х – 80-х гг. XX в., когда в археологической периодике КНР начали публиковаться первые статьи о наскальных рисунках, а расцвета, отмеченного выходом целого ряда монографий, оно достигло во второй половине 80-х – 90-х гг.

Список литературы

- Варенов А. В.** Памяти Гай Шаньлиня (1935–2020) – выдающегося исследователя наскального искусства Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, вып. 10: Востоковедение. С. 162–166. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-162-166
- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В., Соловьев А. И.** Петроглифы Канцзяшимэньцзы (Синьцзян, КНР): еще раз о хронологии и семантике памятника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, вып. 10: Востоковедение. С. 9–22. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-9-22
- Ван Бинхуа.** Синьцзян Хутуби шэнчжи чунбай яньхуа [王炳华。新疆呼图壁生殖崇拜岩画]。Петроглифы уезда Хутуби в Синьцзяне, изображающие культ плодородия. Пекин: Бэйцзин Яньшань чубаньшэ, 1992. 58 с., 22 л. ил. (на кит. яз.)
- Ван Линьшань, Ван Бо.** Чжунго Аэртайшань цаоюань вэньу [王林山, 王博。中国阿尔泰山草原文物]。Степные древности китайского Алтая. Шэньчжоу: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1996. 4, 192 с., ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Иньшань яньхуа [盖山林。阴山岩画]。Петроглифы [гор] Иньшань. Хухото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1985. 4, 192 с., ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Иньшань яньхуа [盖山林。阴山岩画]。Петроглифы [гор] Иньшань. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1986. 2, 20, 442 с., IV, XLVIII л. илл. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Уланьчабу яньхуа [盖山林。烏蘭察部岩画]。Петроглифы [степи] Уланьчаб. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1989. 22, 336 с., XVI, XXXII л. илл. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Чжунго яньхуасюэ [盖山林。中国岩画学]。Китайское петроглифоведение. Пекин: Шуму вэньсянь чубаньшэ, 1995а. 338 с., XVI л. ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь вэньцзи [盖山林文集]。Собрание статей Гай Шаньлиня. Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1995b. 916 с. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Баданьцзилинь шамо яньхуа [盖山林。巴丹吉林沙漠岩画]。Петроглифы пустыни Баданьцзилинь. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 1997а. 400 с., VIII л. ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Яньши шандэ лиши туцзюань: Чжунго яньхуа [盖山林。岩石上的历史图卷: 中国岩画]。Иллюстрированные свитки истории на скалах: петроглифы Китая. Шанхай: Саньянь шудянь, 1997b. 126 с., ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь, Гай Чжихао.** Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩。内蒙古岩画的文化解读]。Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2002. 546 с., ил. (на кит. яз.)
- Даленгуриб Н.** Нэймэнгу яньхуа ишу [纳·达楞古日布。内蒙古岩画艺术]。Искусство петроглифов Внутренней Монголии. Хайлар: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2000. 208 с. с ил. (на кит. яз.)
- Ли Сянши, Чжу Цуньши.** Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石, 朱存世。贺兰山與北山岩画]。Петроглифы [гор] Хэланьшань и Бэйшань. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1993. 369 с. (на кит. яз.)
- Лян Чжэньхуа.** Чжоцзышань яньхуа [梁振华。桌子山岩画]。Петроглифы [гор] Чжоцзышань (Столовых гор). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1998. 102 с., 66 л. ил. (на кит. яз.)
- Су Бэйхай.** Синьцзян яньхуа [苏北海。新疆岩画]。Петроглифы Синьцзяна. Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1994. 616 с., ил. (на кит. яз.)
- Су Бэйхай.** Синьцзян янькэхуа [苏北海。新疆岩刻画]。Наскальные гравюры Синьцзяна. Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 2013. 596 с., ил. (на кит. яз.)
- Сюй Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠。贺兰山岩画]。Петроглифы [гор] Хэланьшань. Пекин: Вэньу, 1993а. 34, 398, XLVIII, XLVIII л. ил. (на кит. яз.)

- Сюй Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа табэнь цуйбянь [许成, 卫忠. 贺兰山岩画拓本萃编]. Альбом собрания эстампов петроглифов [гор] Хэланьшань. Пекин: Вэньу, 1993b. 46, 364, 20 с., ил. (на кит. яз.)
- Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа.** Цинхай яньхуа – шицянь ишу чжун эрюань дуйли сывэй цзи ци гуаньянь дэ яньцзю [汤惠生, 张文华. 青海岩画一史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхая – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2001. 280 с. (на кит. яз.)
- Чжао Янфэн.** Чжунго Аэртайшань яньхуа [越养锋. 中国阿尔泰山岩画]. Петроглифы Китайского Алтая. Сиань: Шэньси жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1987. 128 с. (на кит. яз.)
- Чжоу Синхуа.** Чжунвэй яньхуа. [周兴华. 中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэй. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1991. 6, 442 с. (на кит. яз.)
- Чжунго яньхуа [中国岩画]. Петроглифы Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1993. 150 с. (на кит. яз.)

References

- Komissarov S. A., Cheremisin D. V., Soloviev A. I.** Petroglyphs of Kangjiashimenzi (Xinjiang, PRC): once again about the chronology and semantics of the site. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, Vol. 19, No. 10: Oriental Studies. p. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-9-22
- Varenov A. V.** In Memoriam Gai Shanlin (1935-2020) – a prominent Chinese rock art researcher. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, Vol. 19, No. 10: Oriental Studies. p. 162–166. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-162-166
- Dalengurib Na.** Nei Menggu yanhua yishu [纳·达楞古日布. 内蒙古岩画艺术]. Inner Mongolia's Art of Rock Carvings. Hailar, Nei Menggu wenhua publishers, 2000. 208 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Yinshan yanhua [盖山林. 阴山岩画] Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Huhehot, Nei Menggu renmin publishers, 1985. 4, 192 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Yinshan yanhua [盖山林. 阴山岩画]. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Beijing, Wenwu publishers, 1986. 2, 20, 442 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Wulanchabu yanhua [盖山林. 烏蘭察部岩画]. Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland. Beijing, Wenwu publishers, 1989. 22, 336 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Zhongguo yanhuaxue [盖山林. 中国岩画学]. Chinese Petroglyphic Studies. Beijing, Shumu wenxian publishers, 1995a. 338 p., XVI pl. (in Chin.)
- Gai Shanlin wenji [盖山林文集]. Collection of papers by Gai Shanlin. Haerbing, Heilongjiang jiaoyu publishers, 1995b. 916 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Badanjinlin shamo yanhua [盖山林. 巴丹吉林沙漠岩画]. The Rock Paintings in Badanjinlin Desert. Beijing, Beijing Tushuguan publishers, 1997a. 400 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin.** Yanshi shangde lishi tujian: Zhongguo yanhua [盖山林. 岩石上的历史图卷: 中国岩画]. Illustrated Scrolls of History on the Rocks: Chinese Petroglyphs. Shanghai: Sanlian shudian publishers, 1997b. 126 p. (in Chin.)
- Gai Shanlin, Gai Zhihao.** Nei Menggu yanhua de wenhua jiedu [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Deciphering the Culture of Petroglyphs of Inner Mongolia. Beijing, Beijing Tushuguan publishers, 2002. 546 p. (in Chin.)
- Li Xiangshi, Zhu Cunshi.** Helanshan yu Beishan yanhua [李祥石, 朱存世. 贺兰山与北山岩画]. The Rock Art in Mt. Helan and Mt. North. Yinchuan, Ningxia People's publishing house, 1993. 369 p. (in Chin.)
- Liang Zhenhua.** Zhuozishan yanhua [梁振华. 桌子山岩画]. Rock Art in Zhuozhi Mountains. Beijing, Cultural Relics Publishing House, 1998. 102 p., 66 pl. (in Chin.)
- Su Beihai.** Xinjiang yanhua [苏北海. 新疆岩画]. Petroglyphs of Xinjiang. Urumchi, Xinjiang meishu sheying publishers, 1994. 616 p. (in Chin.)

- Su Beihai.** Xinjiang yankehua [苏北海。新疆岩刻画]. Petroglyphs of Xinjiang. Urumchi, Xinjiang meishu sheying publishers, 2013. 596 p. (in Chin.)
- Tang Huisheng, Zhang Wenhua.** Qinghai yanhua – shiqian yishu zhong eryuan duili siwei ji qi guanyan de yanjiu [汤惠生, 张文华。青海岩画一史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Qinghai Petroglyphs – a Study of Dualism and its Ideas in Prehistoric Art. Beijing, Kexue publishers, 2001. 280 p. (in Chin.)
- Wang Binghua.** Xinjiang Hutubi shengzhi chungbai yanhua [王炳华。新疆呼图壁生殖崇拜岩画]. Tianshan Petroglyph Fertility and Genital Worship. Beijing, Beijing Yanshan publishers, 1992. 58 p., 22 pl. (in Chin.)
- Wang Linshan, Wang Bo.** Zhongguo Aertaishan caoyuan wenwu [王林山, 王博。中国阿尔泰山草原文物]. China's Cultural Relics of Grassland in Altay. Shenchou, Xinjiang meishu sheying publishers, 1996. 4, 192 p. (in Chin.)
- Xu Cheng, Wei Zhong.** Helanshan yanhua [许成、卫忠。贺兰山岩画]. Petroglyphs in the Helan Mountains. Beijing, Wenwu publishers, 1993a. 34, 398 p. (in Chin.)
- Xu Cheng, Wei Zhong.** Helanshan yanhua taben cuibain [许成, 卫忠。贺兰山岩画拓本萃编]. Helan Mountains Petroglyphs in Ningxia Hui Autonomous Region, China. Beijing, Wenwu publishers, 1993b. 46, 364, 20 p., pl. (in Chin.)
- Zhao Yangfeng.** Zhongguo Aertaishan yanhua [越养锋。中国阿尔泰山岩画]. Aertaishan Mountain Rock Paintings of China. Xian, Shenxi renmin meishu publishers, 1987. 128 p. (in Chin.)
- Zhongguo Yanhua [中国岩画]. The Rock Arts of China. Beijing, Wenwu publishers, 1993. 150 p. (in Chin.)
- Zhou Xinghua.** Zhongwei yanhua. [周兴华。中卫岩画]. The Rock Arts in Zhongwei. Yinchuan, Ningxia People's Publishing House, 1991. 6, 442 p. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
28.01.2021*

Сведения об авторе

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения
Гуманитарного Института НГУ (Новосибирск, Россия)
avvarenov@mail.ru

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
avvarenov@mail.ru

УДК 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-53-67

Interpretation of the Images of Qing Judges in the Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints *Nianhua*

E. A. Zavidovskaia¹, T. I. Vinogradova², D. I. Maiatskii³

¹ National Tsing Hua University
Xinzhu, Taiwan

² Russian Academy of Sciences Library
St. Petersburg, Russian Federation

³ St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The paper aims to analyze different types of illustrations of court case *gong'an* 公案 stories featuring Qing dynasty judges Shi-gong 施公 and Peng-gong 鵬公 found in the late Qing woodblock editions and popular woodblock prints *nianhua* 年畫 in order to figure out how tales about imperial ‘fair officials’ have been reflected in book illustrations and in popular prints *nianhua* 年畫. Popular prints from various Russian and foreign collections mostly depict episodes featuring Qing dynasty judges Shi Shilun (施世綸, dec. 1722), originally a protagonist of the novel “Criminal Cases of Judge Shi” (施公案 *Shigong an*, preface dated 1798), and Peng Peng (彭鵬, 1637–1704) from the novel “Criminal Cases of Judge Peng” (彭公案 *Penggongan*, 1871) by Tanmeng Daoren 貪夢道人. “Shi-gong plays” about Judge Shi and his friends gained popularity during the Daoguang period (1821–1850), however Judge Shi was no longer their central protagonist. The popular prints mostly depict martial scenes from these plays based on the court case stories. This research claims to define sources of various types of illustrations and clarify connections between book illustrations, popular prints and drama.

Keywords

Court case stories, book illustration, play, popular print *nianhua*, Russian collection, martial scene

Acknowledgments

This study was funded by the Russian Foundation of the Fundamental (Basic) Research (RFFI or RFBR) № 19-59-52001 МНТ_а “Commerce, folk beliefs, arts on the traditional Chinese woodblock pictures from little studied collections of Russia and Taiwan”.

The authors express their gratitude to the research fellow of the Museum of Institute of History and Philology, Academia Sinica (Taiwan) Ms. Wang Renjun (王仁君) for providing copies of the illustrations from the woodblock editions and other valuable materials for this research.

For citation

Zavidovskaia A. E., Vinogradova T. I., Maiatskii D. I. Interpretation of the Images of Qing Judges in the Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints *Nianhua*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 53–67. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-53-67

© А. Е. Завидовская, Т. И. Виноградова, Д. И. Маяцкий, 2021

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2021

Интерпретация образов цинских судей в иллюстрированных ксилографах и на китайской народной картине

А. Е. Завидовская¹, Т. И. Виноградова², Д. И. Маяцкий³

¹ Национальный университет Цинхуа
Синьчжу, Тайвань

² Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Статья посвящена вопросу интерпретации и отображения событий судебных романов эпохи Цин «Дела, разобранные судьей Ши» (施公案 *Шигунъань*, аноним, первое предисловие 1798) и «Дела, разобранные судьей Пэн» (彭公案 *Пэнгунъань*, авт. Таньмэн Даожэнь 貪夢道人, 1871), преобразованных в пьесы пекинской оперы в середине – конце XIX в., на книжной иллюстрации и народной картине 年畫 *няньхуа* начала XX в. В качестве прототипов героев романов выступали реальные исторические персонажи: уездный судья Ши Шилунь (施世綸, ум. 1722) и уездный глава Пэн Пэн (彭鵬, 1637–1704), жившие в период правления императора Канси (1654–1722). В статье использованы материалы из российских и зарубежных собраний, в частности, в Научной библиотеке СПбГУ было обнаружено издание романа «Дела, разобранные судьей Ши» (ВУ147) с портретом судьи Ши и хвалебной к нему надписью. Мы обнаружили, что многочисленные народные картины из собраний Государственного Эрмитажа и Музея антропологии и этнографии РАН представляют собой батальные сцены, иллюстрирующие серию пьес «восемь больших арестов» 八大拿 *бадана*, в которых главную роль играют вовсе не судьи, а их помощники – brave удалцы. Эта серия пьес, созданная в первой половине XIX в., пользовалась большой популярностью в императорском дворце и у широкой публики именно благодаря эффектным батальным сценам. Отображение батальных сцен на народной картине зачастую придерживалось определенного канона, что видно на примере оформления сцен из пьесы «Храм восьми духов» (八蠟廟 *баламяо*), и может быть объяснено желанием художников запечатлеть кульминационную и наиболее узнаваемую сцену пьесы. В статье отмечается разница в интерпретации образов судей в книжных иллюстрациях и на народной картине, выдвигается тезис о том, что народные художники сами смотрели эти пьесы и создавали сюжеты народных картин на основе личных впечатлений.

Ключевые слова

судебный роман, книжная иллюстрация, пьеса, народная картина, российские коллекции, батальные сцены

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-59-52001 МНТ_а «Торговля, народные верования, искусство и культура на традиционной ксилографической картине Китая из малоисследованных коллекций России и Тайваня».

Большая благодарность сотруднице музея Института истории и филологии, Академии Синика (Тайвань) г-же Ван Жэньцзюнь (王仁君) за предоставленные иллюстрации из старопечатных изданий и другие материалы.

Для цитирования

Zavidovskaja A. E., Vinogradova T. I., Maiatskii D. I. Interpretation of the Images of Qing Judges in the Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints *Nianhua* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 53–67. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-53-67

Introduction

Court case stories (公案小說 *gong`an xiaoshuo*) have been occupying a visible position in Chinese literary history since the Song dynasty. Our research pursuit is to revisit the perception of these stories by carefully interpreting its illustrative material and popular prints 年畫 *nianhua*. Since our scholarly lenses are focused on visual aspects of late imperial literature and drama, having checked both illustrated books and popular prints we were struck by the abundance of prints depicting mostly martial scenes from the stories about brave men helping the Qing dynasty judges 施公 *Shi-gong* and 鵬公 *Peng-gong*. Moreover, these images bear close ties with the plays, which were rather pop-

ular among the urban population of the mid-late XIX century. The scenes depicted on the sheets JIT-4789, JIT-4790, JIT-4791, JIT-4793, JIT-5997, JIT-5999¹ from the State Hermitage and sheet № МАЭ 3676-19_1 from MAE RAS all represent scenes referred to as “eight big arrests” (八大拿 *badana*)², a term for eight plays about brave men helping Judge Shi. Some of them were rather popular among *nianhua* artisans, therefore prints have titles similar to those of the plays, e.g. “Arresting Luo the Fourth Tiger” (拿羅四虎 *Na Luosihu*, sheets JIT-4791, JIT-4793 from Yangliuqing). Sheets JIT-5998, JIT-5999 titled “Lake Luomahu” (落馬湖 *Luomahu*) feature protagonists sailing on a boat, while sheet JIT-5997 with the same title also from Yangliuqing represents a performance of this play on the stage. Yangliuqing sheet JIT-4788 titled “Village Xihuangzhuang” (溪皇莊 *Xihuangzhuang*) depicts a scene with Judge Peng kept hostage in a hall. Sheet JIT-5043 produced in Shanghai illustrates a battle scene from the “Criminal Cases of Judge Peng”, proving that battle scenes were a prevailing type of composition in illustrating court case tales in *nianhua*.

Originally court case stories existed as oral narratives, which later turned into plays during the Ming period, and a new wave of chivalric court case stories emerged during the mid-late Qing period; these stories served as a plotline for court case plays popular with urban audiences of the XIX – early XX centuries. What made “Criminal Cases of Judge Shi” different from the criminal novels of the preceding periods is the prevalent role of chivalry (俠義 *xiayi*) in the cause of establishing justice and protecting the judge. Among them Huang Tianba 黃天霸, who had abandoned the path of banditry and rebellion becoming the official’s protector, serves as the most representative type of knight-errant in both “Criminal Cases of Judge Shi” and “Criminal Cases of Judge Peng”. What interests us is the source of the battle scenes depicted on popular prints: did *nianhua* artisans watch the opera and produce the sketches based on their own observations, or did they follow some established canon of depicting the battles from these operas? This research intends to clarify this issue.

In his paper introducing literary features of the early “court case novel” (公案小說 *gong'an xiaoshuo*) Dmitry Voskresenskiy quotes Lu Xun’s opinion about the novels telling stories of Judges Shi and Peng, saying that their “language is so coarse and poor that they can hardly be called ‘literature’” [Voskresenskiy, 1966. P. 108]. Lu Xun also criticized the political standing of these novels saying that their protagonists are just a bunch of messengers whose only joy is to serve the mighty ones [Tao Junqi, 1963. P. 27]. Robert van Gulik (1910–1967) misinterpreted Chinese court case stories as detective stories, while they are basically the opposite: they lack descriptions of the intellectual effort, focus on the military service rather than the investigation process per se. Renown judges should be seen as examples of the civil servant’s behavior rather than detectives. David Derwei Wang saw the potential of Chinese court case stories to turn into the Western detective novel. He suggested a term “chivalry and judge cases novel” (俠義公案小說 *xiayigong'an xiaoshuo*) for this hybrid type of novel [Wang, 1997. P. 117–118]. Novels “Three knight-errands and five righteous ones” (三俠五義 *Sanxia wuyi*, 1879) by Shi Yukun and “Criminal Cases of Judge Peng” (彭公案 *Penggong'an*, 1871) basically adopted a structure similar to that of the “Criminal Cases of Judge Shi”. Tao Junqi places stories about Huang Tianba and Judge Shi in a row with other popular literary pieces reflecting common hatred for corrupted officials and local bullies of that period, such as “Cases of Judge Peng”, “Cases of Judge Yu” (于公案 *Yugong'an*), “The Three Knights” (三俠劍

¹ All prints from the State Hermitage mentioned in this paper can be viewed online by entering their corresponding number into the search box of the museum’s online catalogue: <http://collections.hermitage.ru/>

² “Eight big arrests” include: “Ruler Ba’s Village” (霸王莊 *Bawangzhuang*, arresting Huang Longji 黃隆基), “Solitary Tiger Camp” (獨虎營 *Duhuying*, arresting Luo the Fourth Tiger 羅四虎), “Inner Sea Rampart” (裏海塢 *Lihaiwu*, arresting Lang Rubao 郎如豹), “Dongchang Residence” (東昌府 *Dongchangfu*, arresting She Wenseng 郝文僧), “Lake Luomahu” (落馬湖 *Luomahu*, arresting Li Pei 李佩), “Eight Spirits Temple” (八蠟廟 *Balamiao*, arresting Fei Degong 費德功), “Yin Family Fort” (殷家堡 *Yinjiabao*, arresting Yin Hong 殷洪), “Huaian Residence” (淮安府 *Huaianfu* – arresting Cai Tianhua 蔡天化). The final scenes of the plays serve as a bridge for the next play; therefore all of them are interconnected.

Sanxiajian), “Tales of Brave Knights” (永慶升平 *Yongqing shengping*) and the above-mentioned “Three knight – errands and five righteous ones”³.

Overview of Qing Judge Shi and Peng novel editions

One of the earliest editions of “Criminal Cases of Judge Shi” (施公案 *Shigong'an*, another title “Fantastic stories about Judge Shi cases” 施案奇聞 *Shi'anqiwen*, “Unusual Perspectives on One Hundred Judgments” 百斷奇觀 *Baiduan qiguan*, 1830) with the 1798 preface in nine *juan* and 97 chapters produced by *Wendetang* 文德堂 (Xiamen) is held at the British Museum. Some researchers consider 1798 to be the year of the book’s formation, which was preceded by a long period of Judge Shi stories circulating in the form of short plays and oral vernacular literature [Miao Huaiming, 2007. P. 64]. Scholars who have studied the history and reception of this novel generally agree that it was written in the late Qianlong (1735–1796) or early Jiaqing era (1796–1820) [Olivia Milburn, 2014. P. 118–119]. There were also the 1824 *Benya* 本衙 edition housed at Beijing Normal University (Reprint: *Shi'anqiwen* 施案奇聞 [Fantastic stories about Judge Shi cases]. 李德芳点校 Collated by Li Defang. Beijing: Beijing shifandaxue chubanshe 北京师范大学出版社, 1993), 1829 *Jinchangbenya* 金閩本衙 edition and 1830 edition [Du Yajuan, 2007. P. 5]. Fu Sinian Library of Academia Sinica (Taiwan) holds a woodblock edition “Fantastic stories of Judge Shi” (施案奇聞 *Shi'anqiwen*, another title “Tales about Judge Shi’s Cases with Portraits” 繡像施公案傳 *Xiuxiang shigong'an zhuan*) in eight *juan* and 97 chapters by *Penglai* 棚來 publisher dated 1839. A full account of early woodblock editions can be seen in the study by Miao Huaiming [Miao Huaiming, 2007]. In 1902 Shanghai publisher *Wenxuan shujuguang* 文宣書局光 published all ten sequels of the Judge Shi novel. A lithographic edition by Shanghai’s *Guangyishuju* 廣益書局 (1903) is kept in the library of Beijing Normal University. We would hardly be able to list all the late lithographic editions here due to their abundance.

Illustrations of the earliest extant 1830 edition prove that warrior protagonists like Huang Tianba have not entered the gallery of portraits, which includes: Virtuous Official Shi 施賢臣 (Fig. 1, 1), Liu Yuan 劉元, nee Wu 吳氏, Hu Dengju 胡登舉, Shi Zhong 施忠, He Tianbao 赫天保, Ni Qizhu 尼七銖 (appears in the plays), Seng Jiuhuang 僧九黃, nee Dao 刀氏, Li Kun 李棍, Wu Tianqiu 武天虬 (also present in the plays), Black-faced monk (黑面僧人 *Heimian sengren*). They all are in standing posture without traces of theatrical attire. Judge Shi is depicted without theatrical make-up, with a beard and mustache, wearing a robe of a Qing official.

The St. Petersburg University library woodblock edition of “The Tale about Criminal Cases of Judge Shi with a Portrait” (繡像施公案傳 *Xiuxiang shigong'an zhuan*, BY147) was produced in 1874 by *Jingdu Wenchengtang* 京都文成堂. It contains a portrait of Judge Shi riding on a donkey’s back (Fig. 1, 3), immediately bringing up associations with Laozi. This resemblance is enhanced by the fact that his outfit is similar to a Taoist’s robe. We suggest that the portrait of Judge Shi from BY147 copies the one from the earlier *Penglai* 棚來 edition “Fantastic stories of Judge Shi” (施案奇聞 *Shi'anqiwen*) in eight *juan* and 97 chapters dated 1839 (Fig. 1, 2).

In Chinese popular culture, donkeys are mentioned in old sayings “A donkey is not aware of his own ugliness” (驢不知臉醜 *lǔbuzhilianchou*), “To ride a donkey with a book in hand – let’s see what happens next” (抱著書本騎驢子—走著瞧 *baozhe shuben qi lüzi – zouzheqiao*). These meanings could be implied by the artist and may hint at the appearance of the judge. Only a beard and mustache are clearly seen on his face, while facial features are not distinct, because of many dots covering his face; does it imply that he used to suffer from smallpox? It is likely that this depiction

³ “Criminal cases of Judge Shi” had up to 10 collections of continued stories (538 chapters in total), “Criminal cases of Judge Peng” – 17 collections, “Three knight-errands and five righteous ones” – 24 collections.

Fig. 1. Judge Shi portraits:

1 – from *Wendetang* (1830) edition, from: Shi'anqiwen [施案奇聞. 上海: 上海古籍出版社] Fantastic stories about Judge Shi cases. Shanghai: Gujichubanshe, 2002, juan 1. P. 5 (photo by author); 2 – from: Shi'anqiwen [施案奇聞. 棚來] Fantastic stories of Judge Shi, Penglai, 1839, juan 1. P. 3, Fu Sinian Library, Taiwan (photo by author); 3 – from: Xiuxiang shigong'an zhuan [繡像施公案傳. 京都文成堂]. The Tale about Criminal Cases of Judge Peng Shi with Portraits. Jingduwenchengtang, 1874. P. 3, Oriental Department of St. Petersburg University Library, BU147. (photo by author); 4 – portraits of Judge Shi and others, from: Dazi zuben xiuxiang shigong'an quanji [大字足本繡像施公案全集. 上海大成書局] Full Collection of Big Character Judge Shi Court Cases with Portraits. Shanghai dachengshuju, p. 3 (photo by author)

Рис. 1. Портреты судьи Ши:

1 – из издания печати Вэньдэтан (1830), из: [Шианьцивэнь. Удивительные истории о делах, разобранных судьей Ши. Шанхай: Шанхай гуцзичубаньшэ, 2002, цз. 1. С. 5] (фото автора); 2 – из: [Шианьцивэнь. Удивительные истории о делах, разобранных судьей Ши. Пэнлай, 1839, цз. 1. С. 3, Библиотека Фу Сынянь, Тайвань] (фото автора); 3 – из: Сюсян шигуньянь чжуань. О делах, разобранных судьей Ши, с портретами. Цзиндುವэньчэнтан, 1874. С. 3]. Восточный отдел научной библиотеки СПбГУ, ВУ147 (фото автора); 4 – портреты судьи Ши и других, из: [Дацзы цзубэнь сюсян шигуньянь цюаньцзи. Полное собрание дел, разобранных судьей Ши с портретами в больших иероглифах. Шанхай дачэн шуцзюй, С. 3] (фото автора)

symbolizes his ugliness. Importantly, this portrait is supplied by an inscription of “Praise for the portrait of Judge Shi” (施公像讚 *Shigongxiang zan*) shown below:

汝身不長，
汝貌不揚。
胡爲邦家之柱石，
而爲生民負碩望。
汝外惡，
汝內臧。
寧獨德政之昭昭，
而實文章之宗匠。
嘻。微斯人也，
幾失子羽然明之相。 [Xiuxiang, 1874. P. 2]

You are not tall, nor boast conspicuous appearance.

You have become a pillar for the State, and an abode of hope for the people.

You look ugly, but have treasures inside you.

Have you gained glory only through virtuous governance?

Truly an outstanding master of literary writing!

Hey! The man though small, would he give in to the unattractive Ziyu and Ranming?

Praise for the portrait of Judge Shi consists of a title in 4 Chinese characters and of 55 words of the main text. The text is not marked with punctuation marks. It is written partly in the calligraphic style of *lishu* (“clerical script”), partly – in *caoshu* (“draft script”), which made it difficult to understand. Apparently, the board with this text was cut out by a hardly literate master, whose *caoshu* was rather poor, and he most likely did not fully understand the meaning of what he had carved. As a result some characters and their combinations were strongly transformed by him (for example, the verb 爲 “to be” was presented twice in different ways). The presence of a single type rhyme throughout the entire text with “-ang” at the end of each even line and grammatical parallelisms allows to divide the text into ten paired lines with the pattern 4-4-7-7-3-7-7-5-8, so that the first and second strokes have 4 characters each, the third and fourth – 7 characters each and so on. Each line represents an opposition, a technique that is very common in Chinese old literature. In the final line the judge is compared with Ziyu and Ranming – two famous politicians of the Zhou Dynasty, who were both wise and ugly.

Qing literati Gu Gongxie’s 顧公變 “Leisurely notes from the country in summer” (銷夏閑記 *Xiaoxia xianji*) has a description of Judge Shi’s appearance saying that “his appearance was bizarre, eyes look askew, weak hands, stumbling feet, slanting mouth”, needless to say that the portrait in the BY147 edition also portrays Judge Shi as a rather ugly person. But in the plays he was always presented as an elderly respected man character *laosheng* 老生, whose inner moral beauty was combined with noble appearance, so these peculiar facial features of Judge Shi did not show on stage [Shao Zengqi, 1962. P. 15]. Olivia Milburn concludes that all surviving accounts of Shigong’s ugliness and disabilities appear to date from the late Qing Dynasty and therefore may be influenced by his portrayal in the “Fantastic stories about Judge Shi cases” [Milburn, 2014. P. 125].

The illustrations of the lithographic edition by Shanghai’s *Guangyishuju* (1903) portrayed the protagonists in fighting poses proving close ties with the operatic tradition rather than the one springing from the book tradition exemplified by *Wendatang* edition. The Republican period lithographic edition “Full Collection of Big Character Judge Shi Court Cases with Portraits” (大字足本繡像施公案全集 *Dazizuben xiuxiang shigong’an quanji*) by *Shanghai dachengshuju* 上海大成書局 has several sheets with portraits, where protagonists are arranged in groups according to their participation in “eight big arrests”. Judge Shi is shown as a Qing official next to Kangxi Emperor, while Huang Tianba is shown wearing a stage costume; an interesting mixture of protagonists of the novel and plays about Judge Shi (Fig. 1, 4).

Evolution of the “court case plays” about Judges Shi and Peng

Oral narratives about Judge Shi existed during the early Jiaqing years (1796–1820), supposedly, the so-called “secret books” (道活秘本 *daohuo miben*) used by story-tellers could have been released to the publisher, resulting in the production of the numerous “sequels” of the Judge Shi novel 施案奇聞 *Shi'anqiwen*⁴ [Du Yajuan, 2007. P. 14]. Tao Junqi stresses that “Shi-gong plays” proliferated after the spread of the novel “Fantastic stories of Judge Shi” (施案奇聞 *Shi'anqiwen*) and vernacular literary piece *pingshu* 評書 “Five Daughters and Seven righteous” (五女七貞 *Wunü qizhen*), and the plays gained popularity mostly in Beijing during the Daoguang, Xianfeng and Tongzhi periods (1825–1874). According to Shao Zengqi, the novel “Fantastic stories of Judge Shi” (施案奇聞 *Shi'anqiwen*) is a revision of the *pingshu* “Five Daughters and Seven righteous” with some changes and reductions. Peking Opera plays featuring Huang Tianba became well-known to the public throughout the XIX century, especially the plays titled “Fight with Lianhuantao” (連環套 *Lianhuantao*), “Lake Luomahu” (落馬湖總講 *Luomahu*) and “Evil tiger village” (惡虎村 *Ehucun*) making Huang Tianba one of the favourites among theatre connoisseurs; the total number of “Shi-gong plays” amounted to thirty [Tao Junqi, 1963. P. 26]. The plots of the plays were mostly borrowed from *pingshu* “Five Daughters and Seven righteous”, the content and style of the plays were designed by the martial role actors 武生 *wusheng* who played leading roles [Shao Zengqi, 1962. P. 15, 16]. A famous *wusheng* actor and playwright Shen Xiaoqing (沈小慶, 1808–1855) believed to be the author of “eight big arrests”, was also a rigorous listener of story-tellers and very likely could have heard narratives about Judge Shi [Du Yajuan, 2007. P. 7]. His plays became very popular during the Daoguang and Xianfeng periods (1821–1861). Judge Peng’s stories and short plays started circulating in Beijing during the Daoguang period (1821–1850), around which time there formed a *pingshu* “Judge Peng court cases” (彭公案 *Penggong'an*), the novel by Tanmeng Daoren 貪夢道人 was published even later in 1871, but little is known about Judge Peng plays.

All the “Judge Shi” and “Judge Peng” plays were produced by drama troupes working in Beijing and gained popularity in the capital around the 1820–1830s. The novels bear strong Pekinese flavor due to the venue of their formation and proliferation. For instance, Peng-gong in the novel “Criminal Cases of Judge Peng”, originally a commoner from Fujian province who finally made it to the rank of Governor of Guangdong, was changed into a Manchu bannerman belonging to the 5th regiment of the Borderland Ren Banner; the novel mentions various locales of Beijing as well, moreover, these types of novels widely used Beijing dialect [Keulemans, 2014. P. 74]. However, we have found an impressive amount of popular lithographic prints from early XX century Shanghai also featuring “eight big arrests”, proving their popularity in the teahouses of Shanghai in the early XX century. These prints belong to the so-called *xiaojiaochang* 小校場 prints (“prints from the small parade ground”) tradition of Shanghai, discussed in more detail below.

The novel about Judge Shi was not banned by the Qing government, therefore short plays featuring Huang Tianba entered the imperial stage during the Xianfeng period (1851–1861); famous *wusheng* actors Tan Xinpei (譚鑫培, 1847–1917) and Yang Xiaolou (楊小樓, 1878–1938) were invited to the palace to perform “eight big arrests” for Cixi Dowager [Yu Zhibin, 1962. P. 30]. The album titled “Praising the Ascending Peace” (慶賞昇平 *Qingshang shengping*, 1851–1874, kept at the National Library, Beijing) was produced by the Bureau of Ascending Peace (昇平署 *Shengpingshu*), which was in charge of imperial opera performances, supposedly it was made as

⁴ A collection of hand-written librettos and oral vernacular pieces of different genres called “Librettos from Che Prince residence” (車王府曲本 *Chewang fuquben*, around 4400 booklets), dated mid–late XIX century, contains tales based on “Shi-gong stories”: “General Tale of Huaian residence” (淮安府總講 *Huaianfu zongjiang*), “General Tale of Ruler Ba’s village” (霸王莊總講 *Bawangzhuang zongjiang*), “General Tale on Lake Luomahu” (落馬湖總講 *Luomahu zongjiang*) [Zhang Wenshu, 2015. P. 219–220]. Moreover, this collection mentions “Criminal Cases of Judge Shi” in the genre of drum tale *guci* 鼓詞 [Miao Huaiming, 2007. P. 64–65].

a gift for Cixi Dowager. It featured portraits of the characters from two Judge Shi plays wearing costumes and make-up, including “Lake Luomahu” (ten portraits) and “Daoist Cai Tianhua” (蔡天化 *Caitianhua*, twelve portraits), these plays were introduced to the court by the Anhui troupe. Mei Lanfang Memorial Museum in Beijing holds another album belonging to the Bureau of Ascending Peace featuring two Judge Shi plays “Eight spirits temple” (八蠟廟 *Balamiao*) and “Ruler Ba’s Village” (霸王莊 *Bawangzhuang*) with a vertical line describing the actor’s make-up to the right from the portrait. These images give us a glimpse of the canonical attire of different characters from the “Judge Shi plays” and allow comparisons with the appearance of the characters in popular prints. Each villain from “eight big arrests” was supposed to have his own recognizable make-up colouring, and each of the “arrests” displayed one certain type of warfare, e.g. “Lake Luomahu” – a water battle, “Ruler Ba’s Village” – a daytime battle on the ground [Zhao Qi`en, 2016. P. 34]. Therefore each of the eight plays had its own special *dangzi* 檔子, a stage setting and a design of moves and tricks in the martial scenes illuminating the skill of the leading *wusheng* actor [Du Yajuan, 2007. P. 18]. We suggest that *nianhua* prints strived to illustrate the most brilliant *dangzi* of each play, so that such *nianhua* could be seen as a “visiting card” for a play. Below we examine how two out of “eight big arrests” plays were interpreted in popular prints.

Case of “Eight spirits temple” play

The play “Eight spirits temple” is based on chapters 305–310 (chapters 17–22 of the 5th sequel book) of the novel “Criminal Cases of Judge Shi”, which had undergone visible editing: the erotic content of the story was reduced, the part of Huang Tianba was exaggerated to grant him a central place on stage. Originally, a bandit leader Fei Degong 費德功 was supposed to have a fixed make-up made of three blobs of purple colour, a portrait from the palace album (Fig. 2, 1) gives an idea of this make-up, yet it is not completely the same on all *nianhua* that we have checked [Zhao Qi`en, 2016. P. 34]. Comparing several prints from Yangliuqing and Shanghai we quickly discover similarity in their composition with Fei Degong placed in the centre, next to him are Huang Tianba’s wife Zhang Guilan 張桂蘭 and a boy He Renjie 賀仁杰, who were used as bait to lure out Fei Degong; Zhang Guilan is not present on some sheets [Zhongguo muban, 2009. P. 120–121]. These prints most likely depict a final scene, when the fort held by villain Fei Degong was captured by Huang Tianba’s friends, among them is also an old martial arts master Zhu Biao. A print from Shanghai “Capturing Fei Degong at Zhaoxianzhen village” (招賢鎮捉拿費德公 *Zhaoxianzhen zhuona Feidegong*, JIT-5042) features characters with names different from those in the *jingju* opera (Fig. 2, 3).

Case of “Luomahu lake” play

The play “Lake Luomahu” is widely present on *nianhua* prints produced in Yangliuqing and Shanghai. The play is based on the story from chapter 285 (or chapter 46 of the 4th sequel book) of the “Criminal Cases of Judge Shi”. Composition of the prints featuring this play has variations, but the villain 李佩 Li Pei is always recognizable due to two long pheasant feathers as part of his head-dress (an attribute of a barbarian general, Fig. 2, 2). For instance, print JIT-5997 (Yangliuqing) depicts a stage performance with Li Pei seated and Huang Tianba standing next to him probably preparing to launch an attack on Li Pei (Fig. 3, 1)⁵.

Sheet JIT-5999 (Yongqinghe shop, Yangliuqing) shows Judge Shi’s alliances Zhu Biao, Zhu Guangzu 朱光祖, Wan Junzhao 萬君兆 sailing on a boat towards Li Pei stronghold with tablet “Luomahu” on it, a water battle is about to erupt, since Zhu Biao is pulling at his bowstring (Fig. 4, 1).

⁵ Curiously, a hand-written note glued to the right fringe of this print contains a commentary by Alekseev’s Chinese teacher, in which he does not identify the play and the depicted protagonists, he just describes them as “mountain general” 山將 *shanjiang*, “mountain king” 山王 *shanwang*, and a “hero” 英雄 *yingxiong*.

Fig. 2. Attire of the actor performing Fei Degong 費德功, Li Pei 李佩 and popular print “Capturing Fei Degong at Zhaoxianzhen village”:

1 – Attire of the actor performing Fei Degong 費德功, from: *Qingshang shengping* [慶賞昇平] Palace album “Praising the Ascending Peace”. URL: <https://kuaibao.qq.com/s/20190403A0LMGK00?refer=spider> (accessed 30.11.2020); 2 – Attire of the actor performing Li Pei 李佩, from: *Qingshang shengping* [慶賞昇平] Palace album “Praising the Ascending Peace”. URL: http://www.nlc.cn/newzqwqhg/qssp/lmh/201102/t20110215_36934.htm (accessed 30.11.2020); 3 – popular print “Capturing Fei Degong at Zhaoxianzhen village” 招賢鎮捉拿費德公 (No. ЛТ-5042). The State Hermitage, St. Petersburg (photo provided by the Museum)

Рис. 2. Костюмы актеров, изображающих Фэй Дэгуна 費德功, Ли Пэя 李佩 и народная картина «Арест Фэн Дэгуна в деревне Чжаосьяньчжэнь»:

1 – костюма актера, изображающего Фэй Дэгуна 費德功, из: [Циншан шэнпин. Дворцовый альбом «Прославление мира». URL: <https://kuaibao.qq.com/s/20190403A0LMGK00?refer=spider>] (дата обращения 30.11.2020); 2 – костюм актера, изображающего Ли Пэя 李佩, из: [Циншан шэнпин. Дворцовый альбом «Прославление мира». URL: http://www.nlc.cn/newzqwqhg/qssp/lmh/201102/t20110215_36934.htm] (дата обращения 30.11.2020); 3 – народная картина «Арест Фэн Дэгуна в деревне Чжаосьяньчжэнь» 招賢鎮捉拿費德公 (No. ЛТ-5042). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (фото предоставлено музеем)

Fig. 3. Popular prints “Lake Luomahu” (落馬湖):

1 – (No.ЛТ-5997). The State Hermitage, St. Petersburg (photo provided by the Museum);

2 – (No.ЛТ-8217). The State Hermitage, St. Petersburg (photo provided by the Museum)

Рис. 3. Народные картины «Озеро Ломаху» (落馬湖):

1 – (№ ЛТ-5997). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (фото предоставлено музеем);

2 – (№ ЛТ-8217). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (фото предоставлено музеем)

However on the sheet ЛТ-5998 (Dailianzeng shop, Yangliuqing) we see villain Li Pei and his gang standing on the bank, while a group of men including Huang Tianba, Zhu Guangzu and Zhu Biao approach them on a boat, with Wan Junzhao politely greeting the men on the bank, since the plan was to capture Li Pei by using his son-in-law Wan Junzhao as a decoy (Fig. 4, 2).

Fig. 4. Popular prints “Lake Luomahu” (落馬湖):

1 – (No. ЛТ-5999). The State Hermitage, St. Petersburg (photo provided by the Museum);

2 – (No. ЛТ-5998). The State Hermitage, St. Petersburg (photo provided by the Museum).

Рис. 4. Народные картины «Озеро Ломаху» (落馬湖):

1 – (№ЛТ-5999). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (фото предоставлено музеем);

2 – (№ЛТ-5998). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (фото предоставлено музеем)

Print ЛТ-8217 (Hengyuansheng shop, Yangliuqing) shows yet another way of Wan Junzhao trying to deceive Li Pei. Hegemonic Li Pei and a warrior protecting him are shown standing on the bank of the lake, Wan Junzhao holds his hands in respectful greeting, Huang Tianba is next to him

in a pose ready to fight (Fig. 3, 2). Examination of this series of prints allows us to suggest that these are different stages of the final part of the story.

Xiaojiaochang prints from Shanghai

During his travel to the Yangtze region of China in early 1909, Vasily Alekseev purchased hundreds of prints in Hankou, Suzhou and Shanghai, most of which are housed at the State Hermitage. Notably, prints illustrating stories of Judges Shi and Peng seem to have been produced in series by renowned Shanghai print shops: “Sunwenya” 孙文雅 (JIT-5043, “Capturing Huafeng at Xihuangzhuang village”, Judge Peng story), “Junxiangge” 筠香閣 (JIT-5044, “Huang Tianba destroying Ehu village”, Judge Shi story), “Jiuheshai” 久和齋 (JIT-5053, “Judge Shi. Case of flying robber stabbing at Yin Family Fort”, Judge Shi story), “Muxinchang” 睦新昌 (JIT-4637, “Big havoc in Huaian residence”, Judge Shi story), “Gandesheng” 甘德盛 (JIT-6010, “Bright Dragon among the clouds and Phoenix Ridge”⁶, Judge Ji story). They all look like crowded fighting scenes. Prints from Shanghai have marks *shang* 上 (Shanghai), *su* 蘇 (Suzhou) and *han* 漢 (Hankou) in the corner, signifying the place of their purchase and therefore pointing at a large network of Shanghai prints distribution and popularity of this type of theatrical prints across the wide Yangtze river region.

Conclusion

This paper has taken a genre of chivalric court case stories about Judges Shi and Peng as a subject reflected both in late imperial illustrated editions and popular prints *nianhua*. We have discovered a key role of traditional opera as the medium through which court case stories became known to a wider illiterate public and showed how these prints could in a certain sense advertise and promote popular plays about “eight big arrests” based on Judge Shi’s stories. These plays with martial scenes were edited specifically for the newly emerging dynamic *jingju* genre. What may be considered an important outcome of this study is an assumption that court case plays were produced specifically for stage performances, moreover the artisans themselves watched them and produced their sketches based on personal impressions. Nonetheless, the compositions of the prints for “Eight Spirit Temple” and “Lake Luomahu” plays display a certain compositional pattern and depict the most breathtaking scene from the entire story, making the content of each print easily recognizable by the wider public. Therefore, the examined prints may be considered a reproduction of the real stage action, not a product of the artisans’ fantasies. Portraits of the actors from palace albums show just another facet of the universality of the cultural codes used in the drama performances. No matter where they were staged – in the yard, in the tea-house or the imperial palace, they all abided to the same set of symbolic patterns used in composing the traditional drama.

References

- Du Yajuan.** Shigong an xiaoshuoyu shigong xi deguanxi [杜雅娟。《施公案》小说与“施公戏”的关系] Connections between the novel “Criminal Cases of Judge Shi” and ‘Judge Shi plays’. Master thesis. 2007, p. 1–36. (in Chin.)
- Keulemans, Paize.** Sound Rising from the Paper: Nineteenth-Century Martial Arts Fiction and the Chinese Acoustic Imagination. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Asia Center, 2014. 234 p.
- Liu Shide, Deng Shaoji.** Qingdai gong`an xiaoshuo de sixiang qinxiang: yi shigong an, sanxiawuyi weili [刘世德, 邓绍基。清代公案小说的思想倾向：以《施公案》，《三侠五义》为例] Ideological tendencies of Qing court case novels: case of “Criminal Cases of Judge Shi” and

⁶ This play titled “A Tower of Zhao Family” (趙家樓 *Zhaojialou*) featuring deeds of Judge Ji (濟公案 *Jigong an*) has also been included in above mentioned “Librettos from Che Prince residence” (車王府曲本 *Chewangfu quben*), two plays were produced by actors of Songzhu troupe 嵩祝班 organized by Prince Yiqin-wang 儀親王, among who were some *kunqu* genre actors from the Suzhou area, therefore this play belongs to the *kunqu* genre.

“Three knight-errands and five righteous ones”. *Wenxuepinglun* (文学评论 Literary Criticism), 04.30.1964, p. 41–60. (in Chin.)

- Miao Huaiming.** Shigong an xinkao [苗懷明。《施公案》新考]. The re-examined “Criminal Cases of Judge Shi”. *Zhongzheng daxue zhongwen xueshu niankan* (中正大學中文學術年刊 Chung Cheng journal of Chinese studies). 2007, no. 10, p. 61–78. (in Chin.)
- Milburn, Olivia.** Strange stories of Judge Shi: Imagining a Manchu Investigator in Early Qing China. *Ming Qing Studies*, 2014, p. 117–139.
- Tao Junqi.** Guanyu Shigong an jumu de quxiangxing [陶君起。关于《施公案》剧目的趋向性] About tendencies of the “Criminal Cases of Judge Shi” plays. *Xijubao* (戏剧报 Drama News), 1963, no. 06, p. 26–30. (in Chin.)
- Shao Zengqi.** Shigong’an he shigong xi [邵曾祺。《施公案》和施公戏] “Criminal Cases of Judge Shi” and ‘Shi-gong plays’. *Shanghai xiju* (上海戏剧 Shanghai Drama), 09.28.1962, p. 14–17. (in Chin.)
- Yu Zhibin.** Ruhe pingjia shigong xi: yu Shao Zengqi tongzhi shangque [于质彬如何评价<施公戏>: 与邵曾祺同志商榷] How to evaluate ‘Shi-gong plays’: a discussion with Comrade Shao Zengqi. *Shanghai xiju* (上海戏剧 Shanghai Drama), 27.12.1962, p. 29–31. (in Chin.)
- Voksresenskiy, Dmitry.** Sudebnaia povest gong’an v Kitae. Court case novel in China. *Narody Azii I Afriki* (Peoples of Asia and Africa). 1966, no. 1, p. 107–115. (in Rus.)
- Wang, David Der-wei.** Fin-de-Siècle Splendor Repressed Modernities of Late Qing Fiction, 1848–1911. Stanford, Stanford University Press, 1997, 433 p.
- Xiuxiang shigong’an zhuan [繡像施公案傳] The Tale about Criminal Cases of Judge Peng Shi with a Portrait. Beijing, Wenchengtang 京都文成堂, 1874. (in Chin.)
- Zhang Wenshu.** Jiancang guben Chewangfuquben shulüe [張文澍。家藏孤本《车王府曲本》述略] Brief Account of the “Librettos from Che Prince Residence”. *Zhonghuaxiqu* (中华戏曲 Chinese Drama), 2015, no. 51, p. 214–221. (in Chin.)
- Zhao Qi'en.** Qianxi jingju badana dui shi-gong’an xiaoshuo de gaibian: yi balamiao weili [赵奇恩。浅析京剧“八大拿”对《施公案》小说的改编—以《八蜡庙》为例] Primary analysis of how ‘eight big arrests’ changed the “Criminal Cases of Judge Shi”: case of “Eight spirits temple” play. *Dawudai* (大舞台 Big Stage), 2016, p. 32–34. (in Chin.)
- Zhongguo muban nianhua jicheng. Ed. by Feng Jicai. Eluosi cangpinjuan [冯骥才主编。中國木版年畫集成。俄羅斯藏品卷]. Compendia of the Chinese woodblock New Year pictures. Volume from the Russian collections. Beijing: Zhonghua shuju, 2009, p. 1009. (in Chin.)

Список литературы

- Воскресенский Д. Н.** Судебная повесть гунъань в Китае // Народы Азии и Африки. 1966. № 1. С. 107–115.
- Keulemans, Paize.** Sound Rising from the Paper: Nineteenth-Century Martial Arts Fiction and the Chinese Acoustic Imagination. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Asia Center, 2014. 234 p.
- Milburn Olivia.** Strange stories of Judge Shi: Imagining a Manchu Investigator in Early Qing China // *Ming Qing Studies*. 2014. P. 117–139.
- Wang David Der-wei.** Fin-de-Siècle Splendor Repressed Modernities of Late Qing Fiction, 1848–1911. Stanford: Stanford University Press, 1997. 433 p.
- Ду Яцзюань.** «Шигунъань» сяшошой «шигунси» дэгуанъси [杜雅娟。《施公案》小说与“施公戏”的关系]. Связи между романом «Дела, разобранные судьей Ши» и «пьесами о судьей Ши». Магистр. дисс. 2007. С. 1–36. (на кит. яз.)
- Лю Шидэ.** Циндай гунъань сяшо дэ сысян цинсянсин: и «Шигунъань», «Санъсяуи» вэйли [刘世德，邓绍基。清代公案小说的思想倾向：以《施公案》，《三侠五义》为例].

- Идеологические тенденции в цинском судебном романе: на примере «Дел, разобранных судьей Ши» и «Трех храбрых, пятерых справедливых» // Вэньсюэ пинлунь (文学评论 Литературная критика). 04.30.1964. С. 41–60. (на кит. яз.)
- Мяо Хуаймин.** «Шигунъань» синькао [苗懷明。《施公案》新考]. Новое исследование «Дел, разобранных судьей Ши» // Чжунчжэн дасюэ чжунвэнь сюэшу нянькань (中正大學中文學術年刊 Научный ежегодный журнал китаеведных исследований университета Чжунчжэн). 2007. № 10. С. 61–78. (на кит. яз.)
- Сюсян шигунъань чжуань** [繡像施公案傳]. Сказание о Делах, разобранных судьей Ши. Пекин: Циндунвэньчэнтан 京都文成堂, 1874. 80 с. (на кит. яз.)
- Тао Цзюньци.** Гуаньюй «шигунъань» цзюйму дэ цюйсянсин [陶君起。关于《施公案》剧目的趋向性]. О тенденциях в пьесах по «Делам, разобранным судьей Ши» // Сицзюй бао (戏剧报 Новости драмы). 1963. № 6. С. 26–30. (на кит. яз.)
- Чжан Вэньшу.** Цзяцангубэнь «Чэванфуцуйбэнь» шулюэ [張文澍。家藏孤本《车王府曲本》述略]. Краткое описание сохраненной в семье «Книги пьес из резиденции Чэванфу» // Чжунхуа сицзюй (中华戏曲 Драма Китая). 2015. № 51. С. 214–221. (на кит. яз.)
- Чжао Циэнь.** Цяньси цзинцзюй «бадана» дуй «шигунъань» сяошо дэ гайбянь: и «Баламяо» вэйли [赵奇恩。浅析京剧“八大拿”对《施公案》小说的改编—以《八蜡庙》为例] Предварительные изыскания о том, как «восемь больших арестов» повлияли на «Дела, разобранные судьей Ши»: на примере пьесы «Храм восьми духов» // Даутай (大舞台 Большая сцена). 2016. С. 32–34. (на кит. яз.)
- Чжунго мубань няньхуа цзичэн. Элосы цанпинь цзюань [冯骥才主编。中國木版年畫集成. 俄羅斯藏品卷] Собрание ксилографических картин Китая. Под ред. Фэн Цицзя. «Из собраний России». Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. 1009 с. (на кит. яз.)
- Шао Цзэнци.** «Шигунъань» хэ «шигунси» [邵曾祺。《施公案》和施公戏] «Дела, разобранные судьей Ши» и «пьесы о судьбе Ши» // Шанхай сицзюй (上海戏剧 Драма Шанхая). 09.28.1962. С. 14–17. (на кит. яз.)
- Юй Чжибинь.** Жухэ пинцзя «шигун си»: юй Шао Цзэнци тунчжи шанцюэ [于质彬如何评价《施公戏》: 与邵曾祺同志商榷]. Как оценивать «пьесы о судьбе Ши»: дискуссия с товарищем Шао Цзэнци // Шанхай сицзюй (上海戏剧 Драма Шанхая). 27.12.1962. С. 29–31. (на кит. яз.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
24.12.2020*

Сведения об авторах

Завидовская Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, ассистент-профессор Национального университета Цинхуа (Синьчжу, Тайвань)
katushaza@yahoo.com

Виноградова Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, заведующий Отделом литературы стран Азии и Африки ОЛСАА БАН (Санкт-Петербург, Россия)
ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Маяцкий Дмитрий Иванович, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
d.mayatsky@spbu.ru

Information about the Authors

Ekaterina A. Zavidovskaia, PhD (Philology), Assistant Professor of the National Tsing Hua University (Xinzhu, Taiwan)

katushaza@yahoo.com

Tatiana I. Vinogradova, PhD (History), Head of Oriental Publications Department, Russian Academy of Sciences Library (St. Petersburg, Russian Federation)

ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Dmitri I. Maiatskii, PhD (Philology), Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

d.mayatsky@spbu.ru

УДК 929
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-68-79

Переписка архимандрита Палладия (Кафарова) с Е. К. Бюцовым

А. М. Куликов

*Финансовый университет
Москва, Россия
Институт востоковедения РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Исследуется переписка участника XII (1840–1849), начальника XIII (1849–1859) и XV (1865–1878) Российских духовных миссий в Пекине (РДМ), крупнейшего отечественного востоковеда, архимандрита Палладия (Кафарова) (1817–1878) с главой Российской дипломатической миссии в Китае, Евгением Карловичем Бюцовым (1837–1904). Оригиналы писем были найдены автором в Государственном архиве Российской Федерации (Москва) в фонде Бюцова. Анализируемые письма написаны в Пекине в период с 30 июня по 3 декабря 1877 г., когда архимандрит Палладий (Кафаров) являлся главой XV РДМ, а Евгений Бюцов руководил Российской дипломатической миссией в Китае. Исследование ранее не введенных в научный оборот документов ставит целью восполнить пробелы в изучении деятельности XV РДМ и ее контактов с Российской дипломатической миссией в Китае. Письма предоставляют богатый материал об отношении двух руководителей важнейших российских инстанций, официально действующих в китайской столице после Второй опиумной войны.

Ключевые слова

Российская духовная миссия в Пекине, архимандрит Палладий, Палладий Кафаров, Евгений Бюцов, Российская дипломатическая миссия в Пекине

Для цитирования

Куликов А. М. Переписка архимандрита Палладия (Кафарова) с Е. К. Бюцовым // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 68–79. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-68-79

Correspondence of Archimandrite Palladius (Kafarov) with E. K. Byutsov

A. M. Kulikov

*Financial University
Moscow, Russian Federation
Institute of Oriental Studies of the RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article contains the correspondence of participant XII (1840–1849), head XIII (1849–1859) and XV (1865–1878) of Russian Ecclesiastical Missions in Beijing (REM), the greatest Russian orientalist, Archimandrite Palladius (Kafarov) (1817–1878) to the head of the Russian Diplomatic Mission in China, Evgeny Karlovich Byutsov (1837–1904). The original letters were found by the author in the State Archive of the Russian Federation (Moscow) in the Byutsov collection. The analyzed letters were written in Beijing from June 30 to December 3, 1877, during the period when Archimandrite Palladius (Kafarov) was the head of the XV Russian Ecclesiastical Mission, and Yevgeny Byutsov led the Russian diplomatic mission in China. The study of documents that were not yet introduced into scien-

© А. М. Куликов, 2021

tific circulation aims to fill in the gaps in the study of the activities of the XV Russian Ecclesiastical Mission in Beijing and its contacts with the Russian Diplomatic Mission in China. The letters provide rich material on the relationship between the two leaders of the most important Russian authorities, officially operating in the Chinese capital after the Second Opium War. The letters contain numerous details about the everyday aspects of the life of XV REM, including many references to earlier unknown difficulties encountered by the chief of the XV REM with its employees. Archimandrite Palladius pays much attention to the description of the restructuring of the Northern Metochion of the REM, which began during this period.

Keywords

Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, Archimandrite Palladius, Palladius Kafarov, Eugene Byutsov, Russian Diplomatic Mission in Beijing

For citation

Kulikov A. M. Correspondence of Archimandrite Palladius (Kafarov) with E. K. Byutsov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 68–79. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-68-79

По истории Российской духовной миссии в Пекине (РДМ) написано немало литературы, однако большая часть современных изданий в той или иной степени лишь заимствуют общую информацию из книг конца XIX – начала XX в. Со времен выхода в свет в 1916 г. труда архимандрита Авраамия «Краткая история Российской духовной миссии в Китае» [Архимандрит Авраамий, 2006] по сей день не существует более подробного издания, излагающего историю РДМ с опорой на архивное наследие, сохранившееся в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске и других городах России. В этом свете образцовыми можно назвать труды А. С. Ипатовой [1991] и А. Н. Хохлова [1979а, 1979б], обративших пристальное внимание на богатейшее архивное наследие руководителей РДМ.

Не менее сложная ситуация обстоит и с правопреемницей РДМ – Российской дипломатической миссией, открывшейся в Пекине в 1861 г. и перенявшей у РДМ функцию официального дипломатического представительства Российской империи в цинском Китае¹. Подробную информацию о начальном периоде этой важнейшей для истории российско-китайских отношений инстанции найти крайне сложно.

Автор полагает, что публикация архивных материалов, связанных с богатой историей РДМ и Дипломатической миссией Российской империи в Китае, снабдит современных исследователей новыми фактами для последующей интерпретации и анализа. Особенно интересным является переходный период, когда РДМ лишилась своих дипломатических функций и передала их светской Дипломатической миссии Российской империи. С этого момента РДМ из двойного подчинения МИД Российской империи и Святейшему правительствующему синоду переходила в полное ведение последнего.

Крупнейший дореволюционный синолог, участник XII (1840–1849), глава XIII (1849–1859) и XV (1865–1878) РДМ, архимандрит Палладий (Кафаров)² был в числе тех немногих, кто не просто наблюдал, как меняется РДМ, но и состоял в теснейшем контакте с первыми официальными светскими посланниками Российской империи в Китае. Среди таковых был Евгений Карлович Бюцов³, занимавший пост Российского посланника в Китае с 1869 по 1870 и с 1873 по 1883 гг.

¹ Право отправлять русских посланников в Китай было закреплено еще во второй статье русско-китайского Тяньцзиньского трактата 1858 г., однако ратификация его состоялась лишь в 1860 г., а фактически первый русский постоянный представитель прибыл в Китай в 1861 г. Им стал Лев Федорович Баллюзек (1822–1879), находившийся в Китае в статусе министра-резидента.

² Петр Иванович Кафаров (в монашестве – Палладий) (16(28).09.1817–6(18).12.1878) – востоковед, дипломат, путешественник и миссионер. Родился в Старошешминске Чистопольского уезда Казанской губернии. Образование получил в Казанской духовной семинарии. Участник XII (1840–1849 гг.) и начальник XIII (1849–1859 гг.) и XV (1865–1878 гг.) Российских духовных миссий в Пекине (РДМ). С 1860 по 1864 гг. служил в церкви при Русском посольстве в Риме. Умер в Марселе. Похоронен в Ницце (могила сохранилась).

³ Евгений Карлович Бюцов (1837–17.10.1904) – русский дипломат. Родился в шведской семье. Сын Карла Карловича Бюцова (1791–1852). Образование получил в Императорском Александровском лицее, который окончил в 1856 г. В том же году назначен секретарем по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной

Бюцов и Кафаров, скорее всего, познакомились в Пекине в первой половине 1867 г., когда первый прибыл в китайскую столицу из Японии. В письме барону Ф. Р. Остен-Сакену⁴ от 3 июня 1867 г. архимандрит Палладий писал: «Отъезд добрейшего Александра Егоровича [Влангали]⁵ оставил в нашем обществе некоторую пустоту; к счастью, восполняет ее теперь Евгений Карлович (Бюцов); знакомство с ним для меня – истинная находка; он привез с собой несколько японских книг, писанных по-китайски, которые открывают для меня новый мир и новые точные взгляды на Японию. Он выписал сюда всю свою японскую библиотеку, и я жду прибытия ее с нетерпением» [Хохлов, 1979б. С. 209–210].

Помимо личного общения Кафаров и Бюцов состояли в переписке, часть которой, принадлежавшей перу архимандрита Палладия, сохранилась в фонде Бюцова, пребывающем ныне в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)⁶.

Всего в фонде содержится восемь писем архимандрита Палладия, написанных в период с 1870 года по 3 декабря 1877 г. Первое письмо от 26 июля 1870 г., написанное Палладием из села Никольское во время экспедиции по Дальнему Востоку⁷, и второе от 7 (19) января 1874 г. из Пекина, были опубликованы А. Н. Хохловым [Хохлов, 1979а. С. 155–158]. Оставшиеся шесть, писанные в Пекине, содержат богатый материал о быте членов XV РДМ.

Как известно, до появления светской Российской дипломатической миссии в Китае в круг обязанностей РДМ входило научное изучение Китая и выполнение различных дипломатических поручений МИД, но XV РДМ стала первой миссией в чьи обязанности входила исключительно миссионерская работа. В связи с этим в состав ее вошли только лица духовного звания⁸, а число их было весьма незначительным: помимо архимандрита Палладия и иеромонахов Сергия⁹ и Геронтия¹⁰, в XV РДМ состоял иеромонах Исайя из числа сотрудников

Сибири Н. Н. Муравьева (1809–1881). Принимал участие в переговорах с Китаем, приведших к заключению в 1858 г. Айгунского трактата. С 1858 г. на службе в МИД Российской империи. В 1862–1865 – русский консул в Тяньцзине. В 1865–1869 – консул в Хакодате. В 1869–1870 – поверенный в делах в Китае. В 1871 г. стал первым русским консулом в Йокогаме, сочетая эту должность с постом поверенного в делах в Японии. С 1873 по 1883 г. – русский посланник в Китае. В 1881 г. участник заключения русско-китайского трактата об Илийском крае (Петербургский договор). В 1884–1889 – посланник России в Греции; в 1889–1897 – в Иране. В 1897–1904 – посланник при дворе короля Швеции и Норвегии. Умер в городе Баден. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Петербурге [Дипломатический словарь, 1971. Т. I. С. 261].

⁴ Федор Романович Остен-Сакен (1832–19.04(02.05)1916) – дипломат, ученый и государственный деятель. В 1852 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Работал в Азиатском Департаменте МИД. В 1865 избран секретарем Императорского Русского Географического общества. В 1870–1897 гг. исполнял обязанности директора Департамента внутренних сношений МИД; с декабря 1889 г. – почетный член Российской Академии Наук. Умер в Петрограде, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище (могила не сохранилась).

⁵ Александр Егорович (Георгиевич) Влангали (1823/1824–19.03.1908) – российский дипломат и коллекционер. Родился в С.-Петербургской губернии в семье дипломата и востоковеда Георгия Михайловича Влангали (1781–1834). Окончил Горный институт Петербурга. Впоследствии занимался поиском золотых и серебряных руд в Киргизии. Сделал успешную военную карьеру, дослужившись до звания генерала-майора. Принимал участие в Крымской войне в качестве старшего инженера-офицера и заведовал оборонительными работами в г. Инкерман. С 1860 по 1862 г. служил генеральным консулом в Сербии. В 1863–1869 и 1870–1873 гг. являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекине. В 1873 г. оставил службу в Китае по состоянию здоровья. Впоследствии продолжал государственную и дипломатическую деятельность. С 1866 г. являлся действительным членом Сибирского отделения Русского географического общества. Умер в Сан-Ремо, где и был похоронен [Альманах современных русских государственных деятелей, 1897. С. 1240–1241].

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 862. Оп. 1. Д. 121. Письма архимандрита Палладия Бюцову Евгению Карловичу. 26 июня 1870–3 декабря 1877 г.

⁷ В 1870–1871 гг. Палладий совершил путешествие через китайскую Маньчжурию и вновь присоединенным к Российской империи областям Дальнего Востока.

⁸ Ранее в состав РДМ могли входить и светские лица. Как правило, студенты, врачи и художники.

⁹ Сергей (Артамонов, ум. после 1879) – участник XV РДМ. До отправки в Пекин служил экономом Петербургской духовной академии. 25 августа 1865 г. Палладий командировал его в Ургу для служения при консульской церкви. Летом 1866 г. Сергей отправился в Иркутск, где узнал о своем исключении из состава РДМ [Хохлов, 1979б. С. 150; Архимандрит Авраамий, 2006. С. 111–112].

¹⁰ Геронтий (Левицкий, ок. 1826 – 15.01.1897) – участник XV РДМ. Окончил Курскую духовную семинарию, после чего был послушником в Киево-Печерской лавре, на Афоне и в Александро-Невской лавре. Перед отправлением в Пекин получил золотой наперсный крест от Кабинета Александра II. В ноябре 1866 г. отправился в Ургу

предыдущей миссии¹¹. К сожалению, как следует из писем Палладия Бюцову, состав XV миссии оказался крайне неудачным¹²: о. Сергей почти сразу после приезда в Пекин стал злоупотреблять алкоголем, в связи с чем Кафарову пришлось отослать его в Ургу. Вместо о. Сергея в штат миссии был зачислен священник Иоанн Рахинский¹³, но и его поведение оказалось не слишком примерным: крайне сдержанный и аккуратный в оценках архимандрит Палладий называет его в переписке «полоумным». Что здесь подразумевается – душевная болезнь или взбалмошный характер – сказать трудно. Проблемы были и с иеромонахом Геронтием, о котором архимандрит пишет Бюцову: «отпустить [о. Геронтия в Тяньцзинь] побаиваюсь, не отпустить, пожалуй, еще хуже будет; в последнее время он озадачил и озаботил нас; всего не описать». А далее упоминает, что за о. Геронтием нужен «постоянный надзор, чтобы [не] наблюдал с чем-нибудь». Не исключено, у о. Геронтия к тому моменту начала развиваться душевная болезнь – нередкая спутница пекинских миссионеров.

Таким образом, в составе XV РДМ Палладий фактически мог опереться лишь на иеромонаха Исаяю, а после его смерти в 1871 г. – на иеромонаха Флавиана¹⁴, которому впоследствии суждено было стать руководителем XVI (1878–1884) РДМ.

для служения при консульской церкви. Основал в Урге русское кладбище и активно занимался проповедью православия. В январе 1880 г. принят в московский Покровский монастырь, где и скончался [Архимандрит Авраамий, 2006. С. 110–112].

¹¹ Исаяя (в миру – Иван Федорович Поликин, ум. 12.11.1871 (по другим данным 10.11.1871) – участник XIV и XV РДМ. Сын дьяка, окончил Архангельскую духовную семинарию, после чего в августе 1853 г. поступил в Петербургскую духовную академию, которую окончил в звании кандидата. В 1857 г. был пострижен в монашество с именем Исаяя и вошел в состав XIV (1858–1864) РДМ. В Пекине занимался изучением конфуцианства и выборкой новостей из китайских газет, составлял русско-китайские и китайско-русские словари. Крестил нескольких китайцев в деревне Дундиньань (東定安) рядом с Пекином, тем самым распространив деятельность РДМ за пределы столицы. По окончании срока XIV РДМ получил пожизненную пенсию в 500 р. и орден Св. Анны 2-й степени. После отъезда XIV РДМ остался в Пекине и вошел в состав следующей миссии. Помогал о. Палладию управлять миссией, осуществлял переводы проповедей и песнопений на китайский разговорный язык (*сухуа* 俗話). Во время путешествия о. Палладия в Южно-Уссурийский край (1870–1871) фактически осуществлял управление миссией. При богослужении вводил в употребление китайский разговорный язык [Хохлов, 2016. С. 29–40].

¹² Судя по всему, Палладию не была предоставлена возможность самостоятельно выбрать будущих миссионеров для XV РДМ, так как, имея к тому моменту огромный опыт жизни в Китае в составе XII и XIII РДМ, архимандрит вряд ли бы остановился на столь неудачных кандидатурах. Уже находясь в Пекине во главе XV РДМ и ощущая нехватку кадров, Палладий неоднократно отказывался от возможных кандидатур новых миссионеров, мотивируя это плохим качеством предлагаемых кадров (см. ниже).

¹³ Иоанн Рахинский (ум. в конце XIX в.) – участник XV-й РДМ. Учился в Новгородской духовной семинарии, после чего служил сельским священником. Овдовев, служил при церкви Петербургской духовной семинарии. Окончил курс в С.-Петербургской духовной академии, работал смотрителем духовного училища, а затем служил настоятелем церкви на станции Угловка Николаевской железной дороги. В 1866 г. принят в состав XV РДМ на место иеромонаха Сергея (Артамонова). В Пекине служил при церкви Русской дипломатической миссии и участвовал в школьных занятиях в албазинском училище, изучал конфуцианство. Впоследствии вошел в состав XVI РДМ. Уволился из миссии в январе 1881 г. с пенсией в 433 р. См.: [Архимандрит Авраамий, 2006. С. 111, 117; Хохлов, 1979б. С. 152].

¹⁴ Флавиан (в миру – Николай Николаевич Городецкий, 25.07.1840–4.11.1915) – участник XV и глава XVI РДМ. Учился в Орловской гимназии, после чего слушал курс юридических наук в Московском университете (1858–1862). Год числился в Петербургской духовной академии, затем в 1863 г. поступил послушником в московский Симонов монастырь. Семнадцатого февраля 1866 г. пострижен в монашество с именем Флавиана. Девятого апреля 1867 г. рукоположен в сан иеромонаха с переводом в Казанский Спасо-Преображенский монастырь. В 1868 г. перемещен в Симферополь иеромонахом Таврического архиерейского дома и определен инспектором классов Симферопольского женского епархиального училища. В 1872 г. назначен настоятелем Бахчисарайского Успенского монастыря. Пятого июля 1873 г. назначен в состав XV РДМ, где переводил на китайский язык краткие комментарии к Евангелию. Второго января 1879 г. возведен в сан архимандрита и назначен главой XVI РДМ. Став руководителем миссии, продолжил занятия по переводу богослужебных книг. После возвращения в Россию в 1884 г. занимал различные церковные должности. Умер в должности митрополита Киевского и Галицкого. Был награжден орденами Св. Александра Невского с бриллиантовыми знаками, Св. Владимира 1 степени и Св. Андрея Первозванного [Архимандрит Авраамий, 2006. С. 111, 113, 116–125; Из письма Высокопреосвященнейшего Флавиана, 1912. С. 1–5].

В письмах содержится множество бытовых подробностей, связанных с перестройкой Северного подворья миссии¹⁵, куда после создания Дипломатической миссии перебрался состав РДМ, до этого пребывавший на подворье южном.

Все письма публикуются и комментируются впервые.

Письмо № 3¹⁶.

Пекин, 30 июня
[18]77¹⁷

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Евгений Карлович

Сей час получил письмо ваше вместе с почтою, и сей час же посетил нас Николай Иванович¹⁸. Вы сообщили мне неприятный сюрприз; но ничего делать, по неволе надобно утешиться ради политических обстоятельств. Хорошо еще, что Райтерн¹⁹ не поставил вовсе кассировать²⁰ вспоможений миссии²¹.

Рад я слышать, что здоровье Ваше и семейства Вашего в вождическом²² состоянии, благодаря горному воздуху; мы тоже не слишком тяготимся жарами.

Дело о библиотеке не клеится; менее 800 лан²³ подрядчик не соглашается строить; за переделку же моего восточного помещения за все (включая и окраску полов), требует 350 рублей, – цена еще сносная.

Лука еще не доставил сметы на здание библиотеки; явились и другие охотники и сегодня жду сметы от нового подрядчика, по крайней мере для сведения.

Придется теперь поохладить расчеты на новые постройки; но кажется, что крайности не будет.

Скоро придется мне снова тревожить Вас финансовою просьбою о 500 рублях; не знаю, возможно ли Вам уделить такую сумму.

¹⁵ Кит. *Бэй-гуань* (北館 Северное подворье) – первоначально место расположения казенных квартир албазинцев (потомки русских казаков, плененные китайцами в районе острога Албазин и увезенные в 1684 и 1685 гг. в Пекин), куда их поселил император Канси (康熙) (1654–1722, правил 1661–1722), впоследствии – северное подворье РДМ.

¹⁶ Орфография оригинала приведена в современный вид. Авторская пунктуация сохранена.

¹⁷ Год приписан синим карандашом, возможно, пометка сделана сотрудниками архива в наше время.

¹⁸ Возможно, речь идет о востоковеде Николае Ивановиче Веселовском (12.11.1848–1918). Родился в Москве. В 1873 г. окончил факультет восточных языков С.-Петербургского университета, где остался преподавать. В 1885 г. принимал участие в археологической экспедиции в Восточный Туркестан. В 1895 г. возглавил экспедицию в Самарканд [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1984. Т. VI. С. 100–101].

¹⁹ Михаил Христофорович Рейтерн (Райтерн) (12(24).09.1820–11(23).08.1890) – государственный деятель Российской империи. Образование получил в Царскосельском лицее. Начал службу в Министерстве финансов. Далее служил в Министерстве юстиции, Морском министерстве. С 1862 по 1878 – министр финансов Российской империи. С 1881 по 1886 – председатель Комитета министров. С 1890 г. – граф [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1899. Т. XXVI. С. 511–512].

²⁰ Упразднить, отменить.

²¹ По всей видимости, речь идет о неких переменах в финансировании РДМ. Известно, что 7 декабря 1876 г. Государственный совет утвердил ежегодную сумму содержания Миссии в 15 600 р. и единовременное ассигнование на ремонт зданий в 16 500. На эти деньги и было развернуто строительство, упоминаемое в письмах [Архимандрит Авраамий, 2006. С. 113].

²² Палладий использует это слово в значении «превосходное», подразумевая отличное состояние здоровья Бюцова и его семьи.

²³ От кит. *лян* (兩) – денежная единица измерения серебра.

Мой глубочайший поклон Елене Васильевне ²⁴.

Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга
А[рхимандрит]. Палладий

P.S. Я соблазнился, открывшейся в саду о. Геронтия в яме, водой и подрядил выкопать колодец, за 250 рублей, – можно отнести этот расход на ремонтные [расходы] нынешнего года. Боюсь только, не было бы фиаско.

Иеромонашеские здания быстро оканчивают; строятся печи.

Я слышал, что Вы будете сегодня в Гуан шань сы ²⁵; в таком случае покорнейше прошу передать мое глубокое почтение Г[осподину]. Брандту ²⁶.

Письмо № 4.

3 июля 77 г.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь,
Евгений Карлович,

Покорнейше благодарим за посылаемые Вами к нам известия. Подписной лист при сем возвращаю; нам весьма приятно было принять участие в добром деле.

Павел Степанович ²⁷ известил меня о получении тяжелой почты и я просил его предупредить меня о дне Вашего нового посещения Нань-гуаня ²⁸, чтобы командировать о. Флавиана за серебром. Такое раннее прибытие почты сущий сюрприз.

²⁴ Елена Васильевна Бюцова (урожд. Клейменова) (ум. после 1913 г.) – супруга русского посланника в Китае, Евгения Карловича Бюцова.

²⁵ Место в Пекине. Последняя часть слова, скорее всего, – *сы* (寺) – буддийский монастырь. Подробную информацию о нем найти не удалось.

²⁶ Максимилиан Август Ципио фон Брандт (Maximilian August Scipio von Brandt) (8.10.1835–24.08.1920) – немецкий дипломат и публицист. Родился в Берлине в семье прусского генерала Генриха фон Брандта (1789–1868). Получил образование во Французском колледже в Берлине (Französisches Gymnasium). В 1860–1861 гг. принимал участие в прусской экспедиции в Восточную Азию, в результате которой 24 января 1861 г. был подписан прусско-японский договор. С 1862 г. – консул Северогерманского союза в Йокогаме. С 1872 г. – немецкий министр-резидент в Японии. С 1875 по 1893 г. – посол Германской империи в Китае.

²⁷ Павел Степанович Попов (26.08.1842–7.12.1913) – дипломат и востоковед. Родился в Курской губернии в семье священника. В 1859 г. окончил Курское духовное училище. В 1865 г. завершил обучение в Курской духовной семинарии. В 1870 г. окончил отделение восточных языков С.-Петербургского университета, после чего уехал в Пекин, где сначала стал студентом при Российской дипломатической миссии, затем – ее старшим драгоманом, а в 1886 г. – русским генеральным консулом в Пекине. Помимо издания собственного «Русско-китайского словаря» (1879 г.), в 1888 г. завершил работу над «Китайско-русским словарем» Палладия. Впоследствии преподавал китайский язык в С.-Петербургском университете [Дмитриев, 2015. С. 147–148].

²⁸ *Нань-гуань* (南館) – южное и исторически первое подворье РДМ в Пекине. Находилось на месте бывшего Русского посольского двора (*Хуй-тун гуань* 會同館 «Палата приемов»), где до этого останавливались русские посланники, агенты и гонцы. Посольский двор был устроен в 1693 г. по приказу императора Канси для временного проживания русских, приезжающих в Пекин. Размещался в здании бывшего Корейского посольского двора (*Гаоли гуань* 高麗館) и находился в ведении *Лифаньюаня* (理藩院 Палата по управлению инородцами). С 1729 г. по вторую половину XIX в. в *Нань-гуань* жили архимандриты – руководители и члены РДМ. Подворье располагалось в современном районе *Дун-цзяо минь сянь* (東交民巷) (старое название – *Дун-цзян ми сянь* 東江米巷) к югу от Запретного города. После 1861 г. здесь находилась Российская дипломатическая миссия. В этом же районе находился Посольский квартал, который в 1900 г. штурмовали *ихэтуани* [Архимандрит Авраамий, 2006. С. 32–33].

С глубоким сожалением и даже с ужасом я думаю о Ваших поездках в город. Неужели нет возможности отложить дела до более сносного времени? На днях, по неосторожности, я оплатился за несколько минут стояния на жаре ужасною ночью и теперь боюсь не только выходить из подворья, но и выходить из комнаты в жаркую пору дня. Вы положительно рискуете Вашим здоровьем.

Покорнейше прошу передать мой почтительнейший привет Елене Васильевне.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
А. Палладий

Письмо № 5.

10 июля 77.

Ваше Превосходительство,
Милостивый государь,
Евгений Карлович,

С глубокою благодарностью возвращаю при сем успокоительные телеграммы.

Дело о библиотеке наконец подвинулось; нашелся подрядчик, по фамилии Чжан, католик, некогда участвовавший в постройках во Франц. посольстве; он согласился построить точно такое же помещение, как мои восточные три гуаня²⁹, и включая окраску здания, равно переделку моего восточного помещения, также с окраской полов, просил за все про все 1000 лан; мы с о. Флавианом диву дались; или прежний подрядчик брал с нас ровно вдвое, или новый берется на риск; однако ж последний все измерил и все сообразил и стоит на своем; я решился подрядить его, в такой мысли, что если у нас будет такая огромная библиотека, то в ней можно поместить и церковные книги, и предполагавшееся для того здание (где живет о. Флавиан) оставить часть на ризницу, и часть для приезжих, – чего у нас не было. Не знаю, одобрите ли вы такое распоряжение. Дерево подрядчик берется употребить *хуан сун*³⁰, столбы цельные. Теперь он начинает подвозить материал. Постройка училища плохо подвигается; здания иеромонашеские скоро будут вчерне готовы; только для пола у о. Флавиана еще не подготовлено ничего. – Теперь меня тревожит мысль о наших бедных 11 тысячах; что-то о них ни слуху, ни духу. Пожалуй, еще выдумают какие-нибудь валюты³¹, чтобы вовсе не посылать их, право, боюсь.

Мы, слава Богу, здоровы. Надеюсь, что тем более у Вас все обстоит благополучно.

Если бы я знал наверно день Вашего посещения Нань-гуаня³², то рискнул бы утром поехать и вечером вернуться. В экипаже еще сносно.

Сегодня ждем почты. Не привезла ли она известий о наших деньгах.

²⁹ От кит. *гуань* (館) – подворье, постоялый двор.

³⁰ *Хуан сун* (黄松) – сосна желтая. Не совсем ясно, о каком растении идет речь, так как в естественных условиях сосна желтая (лат. *Pinus ponderosa*) произрастает только в западных районах Северной Америки. Маловероятно, что данный материал в конце XIX в. импортировался в Китай из США.

³¹ От итал. *valuta* (стоимость, монета). В контексте фразы Палладий, скорее всего, использует его в значении «способ».

³² Подчеркивание сделано архимандритом Палладием.

Покорнейше прошу передать мое глубочайшее почтение Елене Васильевне. Если не ошибаюсь, то завтра Ваша красавица Оленька ³³ именинница. От души поздравляю.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
А. Палладий.

P.S. Всем обитателям, из наших джентльменов, Вашего сансуси ³⁴ мой искренний привет.

Письмо № 6.

7 августа 77 г.
Ваше Превосходительство
Милостивый государь,
Евгений Карлович,

Соболезную, что не удалось мне подышать чистым горным воздухом на Вашей даче. Все эти дни прошли, с хлопотами совершенно незаметно. Хлопоты же были не по одним постройкам, которые подвигаются вперед скоро, как Вы благоволите усмотреть сами, когда найдете удобный день.

Забота моя теперь об о. Геронтии. Я уже объяснился с ним насчет его отправления и он охотно со мной согласился, что в Пекине ему во всех отношениях неудобно. Подробности сообщу при свидании с Вами. Вопрос теперь о средствах его выезда и проезда; по правилам следует, чтобы Синод сообщил о выезде миссионера из Пекина в м-во И[ностранных].Д[ел]., которое уже распоряжается о выдаче выезжающему денег на проезд по Монголии (для нас, 300 р.) и по Сибири. Так как о. Геронтию оставаться здесь, в ожидании всех этих пред М[инистерст]-вом о высылке ему прогонных денег от Кяхты до Петербурга, в Кяхту или Иркутск. Не знаю, как Вы посмотрите на мои проекты. О. Геронтий собирается уехать отсюда в октябре, раннее едва ли может; теперь просится в Тяньцзинь на время; отпустить побаиваюсь, не отпустить, пожалуй, еще хуже будет; в последнее время он озадачил и озаботил нас; всего не описать. Буду ждать Вашего доброго решения и совета.

Я получил из Иркутска давножданное письмо от Преосвященного ³⁵; он совершенно разочаровал меня. Из Миссион. общества ³⁶ отправляют в миссионеры всякий сброд, коей нам не нужен; след[овательно] о новом миссионере нечего и думать; лучше остаться пока втроем.

---

³³ Ольга Евгеньевна Бюцова (Папа-Федорова) (1877–20.01.1925) – русская придворная дама, участница Белого движения. С 1902 г. – фрейлина Императрицы Александры Федоровны (1872–1918). С 1908 г. – свитная фрейлина. В 1915 г. вышла замуж за генерал-майора Императорского флота, Георгия Николаевича Папа-Федорова (1866–1926). В 1919 г. покинула Россию. Умерла в Берлине. Вместе с мужем похоронена на русском кладбище Берлин-Тегель (Russischer Friedhof Berlin-Tegel) (могила сохранилась).

³⁴ От фр. *sans souci* «без забот». Такое название имел дворец прусского короля, Фридриха Великого (1712–1786) в Потсдаме. Палладий иронично намекает на некое место в Пекине или рядом с ним, где Бюцов проводил свой досуг.

³⁵ Епископ Вениамин (в миру – Василий Антонович Благодравов) (20.01(1.02.1825–2(14).02.1892). Родился в семье священника. В 1840 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию. С 1846 по 1850 гг. учился в Казанской духовной семинарии. Двадцать седьмого августа 1849 г. пострижен в монашество. В последующие годы преподавал в Казанской духовной академии. С 1858 г. – ректор Томской духовной семинарии. С 1861 г. – ректор Костромской духовной семинарии. В 1862 г. назначен настоятелем Забайкальской духовной миссии. С 18 марта 1868 г. – епископ Камчатский, Курильский, Алеутский. С 31 марта 1873 г. – епископ Иркутский и Нерчинский. Шестнадцатого апреля 1878 г. возведен в сан архиепископа. Умер в Иркутске. Погребен в Иркутском кафедральном соборе (взорван в 1932 г.).

³⁶ Православное миссионерское общество – организация, созданная в Российской империи в 1865 г. с целью содействия православным миссиям в деле обращения нехристиан в православную веру. Действовало под покрови-

Здесь пошел слух, что Вы возвращаетесь в Пекин 20 августа. Не смею беспокоить Вас просьбою пожаловать к нам 15, хотя Ваше посещение для [нас] было бы радостно.

Мое глубочайшее почтение Елене Васильевне и поздравление с окончанием летнего сезона.

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
А. Палладий.

P.S. Согрешил я, давши слово Павлу Степановичу побывать у него на закуске по случаю назначения его старшим драгоманом. Завтра решился ехать к нему; оттуда рискну, во вторник, навестить Ал. Ивановича³⁷, в Нань-гуань.

Письмо № 7.

12 августа 77.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Евгений Карлович,

Снова надоедаю Вам своими докуками и на этот раз официальною просьбой: спешу я потому, что наступает отправление почты и с ней может быть Вам угодно было бы писать в Петербург о своевременном ассигновании прогонных денег для о. Геронтия. Если Вы найдете нужным поспешить, то покорнейше прошу не церемониться и остановить пока и мой пакет в Синод; я отправляю его вместе с сим к Александру Ивановичу.

Если будет на то Ваша добрая воля, я был бы весьма рад и благодарен Вам, коли бы Вы присоединили с Вашей стороны, отзыв об уместности моей меры по отношению к о. Геронтию, за которым нужен постоянный надзор, чтобы [не] наблудил с чем-нибудь.

Третьего дня я сделал великий подвиг, из Яньцинсы³⁸ проехал в Нань-гуань и оттуда вечером вернулся восвояси. До сих пор отдыхаю.

Мой низжайший поклон Елене Васильевне.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга
А. Палладий.

P.S. Поводом к отправлению о. Геронтия я поставил его худосочие, которое зловредно действует на его физическое и моральное состояние.

тельством императрицы Марии Александровны (1824–1880) и высшим наблюдением Синода. Существовало до 1917 г.

³⁷ Александр Иванович Кояндер (6.08.1846–26.10.1910) – дипломат и переводчик. Происходил из финского рода. Образование получил в Лазаревском институте восточных языков в Москве. В 1865 г. поступил на службу в МИД. С 1871 г. – студент в составе Российской дипломатической миссии. С 1873 по 1874 гг. – возглавлял русскую дипломатическую миссию в Китае в статусе поверенного в делах. Впоследствии до 1881 гг. – секретарь миссии. С 1881 по 1883 гг. – первый секретарь миссии. После возвращения из Китая в Европу в 1883–1884 гг. занимал пост министра-резидента в Черногории; в 1884–1886 гг. – дипломатический агент в Болгарии; 1886–1902 гг. – дипломатический агент и генеральный консул Российской империи в Египте; 1902–1910 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Португалии. Умер в Швейцарии. Похоронен на кладбище Монтуа (Cimetière de Montoie) в Лозанне.

³⁸ Яньцинсы (延慶寺 «Монастырь долгого счастья») – буддийский монастырь, расположенный в совр. районе Хайдянь (海澱區) Пекина.

Письмо № 8.

3 декабря

[1877 г.]

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь,
Евгений Карлович,

Глубоко благодарю Вас за доставление счета; следующие по нему с меня деньги 248 р. 30 к. я с благодарностью возвращу Вам при первом удобном случае. Мне кажется, что нет надобности в подробном счете с оконных и дверных, и др. приборах.

Вчера я получил частное известие, что сын о. Иоанна³⁹, оправдан⁴⁰; суд приговорил его отдать на попечение родителя. Хороша перспектива! Полоумный сын на попечении полоумного отца! Притом присутствие его сына в Дух. Миссии (об его поступке все наши христиане знают, благодаря о. Геронтию) было бы в высшей степени неудобно и предосудительно. Я хочу употребить все меры, чтобы отклонить от миссии такой оборот дела и сегодня же поговорю с о. Иоанном; пусть он поместит своего сына в какой-нибудь монастырь, года на два; на три, или предпримет что-нибудь другое. Пусть хоть выезжает отсюда.

При сем с благодарностью возвращаю телеграммы.

Мой нижайший поклон Елене Васильевне.

Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга.
А. Палладий.

Список литературы

- А. [Е.] Я[новский]. Рейтерн, Михаил Христофорович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 26. С. 511–512.
- Александр Георгиевич Влангали // Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 1240–1241.
- Архимандрит Авраамий.** Краткая история русской православной миссии в Китае // Бэйгуань Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 218 С.
- Бюцов // Дипломатический словарь / Ред. А. А. Громыко. М.: Изд-во полит. лит., 1971. Т. 1. С. 261.
- Веселовский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1894. Т. 6. С. 100–101.
- Дмитриев С. В.** Попов П. С. // Большая российская энциклопедия. М.: Бол. Росс. энцикл., 2015. Т. 27. С. 147–148.
- Из письма Высокопреосвященнейшего Флавиана, Митрополита Киевского и Галицкого // Кит. благовестник. 1912. Вып. 2 от 15 февр. С. 1–5.
- Ипатов А. С.** Письма архимандрита Поликарпа (из истории Российской духовной миссии в Пекине // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 91–97.

³⁹ Сын о. Иоанна Рахинского (см. выше). Подробную информацию о нем найти не удалось.

⁴⁰ Подчеркивание сделано рукой Палладия.

- Хохлов А. Н.** Исаяя Поликин: миссионер, переводчик, филолог // Вост. архив. 2016. № 1 (33). С. 29–40.
- Хохлов А. Н.** Новые материалы о путешествии П. И. Кафарова по Дальнему Востоку в 1870–1871 гг. // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). М., 1979а. Ч. 3. С. 101–158.
- Хохлов А. Н.** П. И. Кафаров и его эпистолярное наследие // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К 100-летию со дня смерти). М.: ИВ АН СССР, 1979б. Ч. 2. С. 124–255.

References

- A. [E.] Ya[novskii].** Reitern, Mikhail Khristoforovich. In: Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1899, vol. 26, p. 511–512. (in Russ.)
- Aleksandr Georgievich Vlangali. In: Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyateli [Almanac of modern Russian statesmen]. St. Petersburg, Isidor Goldberg Publ., 1897, p. 1240–1241. (in Russ.)
- Arkhimandrit Avraamii.** Kratkaya istoriya russkoi pravoslavnoi missii v Kitae [A brief history of the Russian Orthodox mission in China]. In: Bei-guan Kratkaya istoriya Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae [Bei-guan A Brief History of the Russian Spiritual Mission in China]. Comp. by B. G. Aleksandrov. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2006, 218 p. (in Russ.)
- Byutsov. In: Diplomaticeskii slovar' [Diplomatic dictionary]. Ed. by A. A. Gromyko. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1971, vol. 1, 261 p. (in Russ.)
- Veselovskii. In: Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, I. A. Efron Publ., 1894, vol. 6, p. 100–101. (in Russ.)
- Dmitriev S. V.** Popov P. S. In: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2015, vol. 27, p. 147–148. (in Russ.)
- Iz pis'ma Vysokopreosvyashchennishego Flaviana, Mitropolita Kievskogo i Galitskogo [From a letter from His Eminence Flavian, Metropolitan of Kiev and Galitsky]. *Kitaiskii blagovestnik*, 1912, no. 2, p. 1–5. (in Russ.)
- Ipatova A. S.** Pis'ma arkhimandrita Polikarpa (iz istorii Rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine [Letters from Archimandrite Policarpo (from the History of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1991, no 2, p. 91–97. (in Russ.)
- Khokhlov A. N.** Isaiya Polikin: missioner, perevodchik, filolog [Isaiah Polikin: missionary, interpreter, philologist]. *Vostochnyi arkhiv*, 2016, no. 1 (33), p. 29–40. (in Russ.)
- Khokhlov A. N.** Novye materialy o puteshestvii P. I. Kafarova po Dal'nemu Vostoku v 1870–1871 [New materials about the journey of P. I. Kafarov in the Far East in 1870–1871]. In: P. I. Kafarov i ego vklad v otechestvennoe vostokovedenie (k 100-letiyu so dnya smerti) [P. I. Kafarov and his contribution to Russian oriental studies (on the 100th anniversary of his death)]. Moscow, IOS AS of the USSR Publ., 1979, pt. 2, p. 124–225; pt. 3, p. 101–158. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
08.10.2020

Сведения об авторе

Куликов Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент департамента Иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета (Москва, Россия); научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

bilis@inbox.ru

Information about the Author

Andrey M. Kulikov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University (Moscow, Russian Federation); Research Fellow, China Department of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation)

bilis@inbox.ru

УДК 94(5)
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-80-90

Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века

В. А. Перминова

*Институт востоковедения РАН
Москва, Россия*

*Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия*

Аннотация

Одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения на протяжении последних нескольких десятилетий, остаются проблемы исторического прошлого. Вопросы истории, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, антияпонской войны (1937–1945 гг.), всё ещё являются весьма болезненными для Китая. Исследование эволюции подходов КНР к событиям военного прошлого, начиная с самых первых десятилетий после 1945 г., представляется важным по причине того, что именно во второй половине XX в. был сформулирован подход китайских властей к интерпретации военной агрессии Японской империи в Азии, который стал впоследствии основой для проводимой КНР политики в отношении Японии. В статье исследуется специфика восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли государства и негосударственных акторов в формировании исторической памяти о войне в Китае во второй половине XX столетия (в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны (1950–70-е гг.), в период нормализации японо-китайских отношений после подписания межправительственного заявления в 1972 г. вплоть до периода «обновления» памяти об антияпонской войне в 1980-е гг.).

Ключевые слова

Китай, Япония, проблемы исторического прошлого, антияпонская война, японо-китайские отношения

Для цитирования

Перминова В. А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 80–90. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-80-90

War Remembrance in China and Its Influence on Sino-Japanese Relations in the 1950s – Early 1980s

V. A. Perminova

*Institute of Oriental Studies RAS
Moscow, Russian Federation*

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Problems of the past remain one of the most important factors that have plagued Sino-Japanese relations for the last few decades. Questions that are related to events of WWII and in particular events of the Second Sino-Japanese war are still relevant and remain a sensitive issue in contemporary China. Complicated postwar Sino-Japanese relations are

© В. А. Перминова, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies

not only caused by political and economic factors, but to a great extent are related to specific perceptions of events of the shared past in the first half of the 20th century by these two nations. Collective remembrance of Sino-Japanese wars and one of the most major wars of the 20th century – WWII – that was formed during the 20th centenary is vastly different in China and Japan, and still has a great impact on the dynamics of bilateral relations. The paper studies Chinese approaches to the interpretation of the Sino-Japanese war of resistance, role of the State and non-State actors in forming collective war remembrance in China during different stages of postwar development in the 20th century: during the first decades after the end of WWII (1950–70s), period of normalization of Sino-Japanese relations after 1972 – when a joint declaration was signed and “renewing” war remembrance in the 1980s.

Keywords

China, Japan, problems of the historical past, anti-Japanese war, Sino-Japanese relations

For citation

Perminova V. A. War Remembrance in China and Its Influence on Sino-Japanese Relations in the 1950s – Early 1980s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 80–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-80-90

Введение

Одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения на протяжении последних нескольких десятилетий, остаются проблемы исторического прошлого. Вопросы истории, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, антияпонской войны, всё ещё являются весьма болезненными для Китая, поскольку на их решение влияют факторы как политико-экономического, так и морально-этического характера. Призывы к Токио признать ответственность за агрессию и военные преступления Японской империи в Азии в первой половине XX в. то приглушаются на волне улучшения японо-китайских отношений, то вновь актуализируются, повышая уровень напряженности двусторонних отношений до критического. Такие сложные взаимоотношения обусловлены не только факторами политико-экономического характера, но и в значительной мере особенностями восприятия народами этих двух стран событий общего прошлого. Историческая память о японо-китайских войнах и самой крупной войне XX в. – Второй мировой, – сформировавшаяся в течение прошлого столетия и существенно отличающаяся в Китае и Японии, до сих пор непосредственным образом влияет на динамику двусторонних отношений.

Наглядным примером «раскручивания» проблем военного прошлого являются антияпонские волнения, прокатившиеся по Китаю в начале XXI в.¹ Такие «выплески» народного гнева тесно переплетены с чувствами национальной гордости и патриотизмом. А с учётом специфики восточного менталитета и боязнью руководства «потерять лицо» в решении такого сложного и неоднозначного вопроса как проблемы истории, даже незначительного повода для охлаждения отношений между Японией и Китаем, нередко становится достаточно для очередного предъявления друг другу претензий с неизбежной отсылкой к событиям прошлого.

Обычно проблемы японо-китайских отношений в контексте исторической памяти рассматриваются учёными начиная с периода 80–90-х гг. (когда КНР стала активно заявлять о неприемлемости подхода японского руководства к вопросам общего исторического прошлого) или даже позднее (с начала 2000-х гг., когда эти проблемы стали включаться в международную повестку дня). Обобщающих исследований, которые рассматривали бы динамику изменения подходов к событиям военного прошлого в Китае с течением времени, практически нет. Проблемы интерпретации вопросов истории в КНР затронуты в работах нескольких зарубежных ученых: П. Кобла [Coble, 2007], Р. Миттер [Mitter, 2000], Дж. Рейли [Reilly, 2004; Reilly, 2011], К. Роуз [Rose, 1998], Хэ Инань [He Yinan, 2006; He Yinan, 2007; He Yinan, 2009], которые рассматривают, как правило, отдельные эпизоды антияпонской войны в контексте формирования памяти о войне (Нанкинскую резню, проблему «женщин

¹ Речь идет о масштабных антияпонских демонстрациях в КНР, прошедших весной 2005 г. (поводом к которым послужила кампания по вхождению Японии в Совет Безопасности ООН на постоянной основе), и в 2012 г. после национализации Японией островов Дяюйдао/Сэнкаку, суверенитет над которыми оспаривает Китай.

для утешения», разработку и испытание японцами бактериологического оружия на Северо-Востоке Китая). Особенности восприятия в КНР вопросов истории и их влияние на отношения Пекина и Токио частично изучены в статьях специального выпуска журнала «Modern Asian Studies» под заглавием «China in World War II, 1937–1945: experience, memory and legacy». Проблемы исторического прошлого в японо-китайских отношениях рассмотрены также в работах отечественных исследователей: А. А. Батаковой [2017], В. Э. Молодякова [2019], К. С. Санина [2015], Д. В. Стрельцова [2019]. Одной из немногих работ, в которых подробно рассматривается процесс формирования памяти о войне сопротивления, можно считать фундаментальное исследование китайского историка Чань Яна [Chan Yang, 2018], где особое внимание автор уделил периоду 1950–80-х гг., практически не затронутому в работах других ученых.

Исследований на китайском языке, посвящённых проблемам исторического прошлого и их влиянию на японо-китайские отношения, крайне мало. Вопросы, касающиеся памяти о войне сопротивления, специфики ее формирования и эволюции с течением времени, остаются за пределами внимания учёных, публикующих работы в КНР. В отличие от Японии, где кардинальные перемены в стране после окончания Второй мировой войны привели к переосмыслению событий военного времени, что проявилось, в свою очередь, в дискуссиях относительно интерпретации событий прошлого, в Китае трактовка японской агрессии в 30–40-х гг. XX в. всегда была однозначной (Японская империя проводила захватническую политику в Китае, причинив народу Китая огромные страдания), менялись лишь некоторые акценты в этой трактовке, которые в зависимости от текущей внешнеполитической ситуации расставляло китайское руководство². К числу работ, в которых частично затрагивается вопрос памяти о войне в Китае, можно отнести: [Лю Яньцзюнь, 2009; Лю Дэцзюнь, 2005; Сунь Пинхуа, 2009].

Целью данного исследования является изучение специфики восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли государства и негосударственных акторов в формировании исторической памяти в Китае в первые десятилетия после 1945 г. Речь преимущественно пойдёт об интерпретации войны сопротивления 1937–1945 гг. в материковом Китае и влиянии вопросов истории на отношения между Пекином и Токио в 50-х – начале 80-х гг. XX в.

Формирование исторической памяти об антияпонской войне в Китае

После окончания Второй мировой войны Китайской Республике, которая «вместе с союзными государствами одержала победу в борьбе с мировым империализмом и фашизмом», необходимо было «установить дружественные отношения со всеми странами, которые встали на путь мирного развития»³, в их числе была и Япония. Несмотря на то что японское вторжение принесло неисчислимые беды китайскому народу, в отношении Токио Чан Кайши провозгласил подход «воздавать добром за обиду» (以德报怨)⁴, в соответствии с которым строгое наказание должны были понести лишь те военные преступники, которые совершили тяжкие преступления, в отношении же остальных следовало проявить снисхождение [Лю Яньцзюнь, 2009. С. 6]. В тот период Китайской Республике, где продолжала разгораться гражданская война, было важно не обострять ситуацию на внешнеполитическом фронте, поэто-

² Сунь Гэ. Чжун жи чуань мэи чжун дэ чжань чжэн цзи и. [孙歌。中日传媒中的战争记忆]. Историческая память в китайских и японских СМИ. 24.08.2009. URL: <https://news.163.com/09/0821/18/5H8T4BBN00011HJ4.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

³ Цзян чжу си цзуй синь янь лунь. [蒋主席最新言论]. Заявления генералиссимуса Чан Кайши. Шанхай: Гоцзи чубаньшэ, 1945. С. 1–2. URL: <https://taiwanebook.ncl.edu.tw/en/book/NTUL-9910002646/reader> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

⁴ Принцип «воздавать добром за обиду» (以德报怨) упоминается в классических китайских текстах – он встречается в конфуцианском трактате «Лунь юй» («Лунь юй. Сянь вэнь»), а также в «Дао дэ цзин» (Главы 63, 79).

му о недавних преступлениях Японии в Китае руководство предпочло лишний раз не упоминать.

Впрочем, при Мао Цзэдуне серьёзной критике за события военного прошлого Токио также не подвергался. В первую очередь, это было вызвано стремлением получить дипломатическое признание со стороны стран Запада и Японии. Кроме того, основным врагом КНР при Мао Цзэдуне была отнюдь не Япония, а режим Чан Кайши на Тайване, вскоре после войны в качестве угрозы стали рассматривать США, а с конца 1960-х гг. – СССР⁵. Провозгласив борьбу против американского империализма, Мао Цзэдун неоднократно заявлял о том, что «общий враг Японии и Китая – США» [Мао Цзэдун вай цзяо..., 1994. С. 373], поэтому КНР «находится на одном и том же пути с Японией, которая борется за свою независимость, отстаивает демократию и свободу» [Мао Цзэдун вай цзяо..., 1994. С. 439]. С началом Корейской войны, во время которой Япония служила плацдармом для американских ВС, китайские власти стали обвинять США в ремилитаризации Японии [Лю Яньцзюнь, 2009. С. 12]. В условиях противостояния КНР растущему влиянию США в азиатском регионе китайские власти пытались сместить образ «врага народа» с Японии на США, представляя Японию жертвой американского империализма⁶. Такой подход в полной мере служил восстановлению японо-китайских связей и налаживанию торгово-экономического сотрудничества между странами – несмотря на идеологические разногласия, Япония была одним из крупных инвесторов в экономику КНР [Кульнева, 2013. С. 193–195]. Такая модель взаимодействия между Токио и Пекином получила название «холодная политика – горячая экономика» (政冷经热).

В ситуации, когда руководство КНР стремилось к нормализации отношений с Токио, исследование вопросов, связанных с военными преступлениями Японии, не поощрялось и даже пресекалось. В частности, публикации о Нанкинской резне не приветствовались руководством по причине того, что они могли способствовать «разжиганию межнациональной ненависти» [Reilly, 2004. P. 278; Yang Daqing, 1999. P. 858]. Отсутствие научных публикаций в 1950–70-х гг., в которых акцентировалось бы внимание на военных преступлениях Японии, объясняется ещё и тем, что возобновление исследований антияпонского противостояния означало бы дополнительное исследование роли Гоминьдана в войне. Это было невыгодно тогдашнему руководству КНР, поскольку одним из ключевых моментов в описании антияпонской борьбы был акцент на лидирующей роли КПК. Позиционирование КПК в качестве единственной эффективной силы, которая боролась против агрессора, значительно укрепляло авторитет действующей власти, особенно в первые годы после прихода к власти коммунистов в 1949 г. Триумф КПК в результате победы в гражданской войне оттенялся жертвенностью китайского народа как в борьбе против японцев, так и в борьбе против сил Гоминьдана [Лю Дэцзюнь, 2005. С. 7–8].

В данном контексте преступления японцев в период агрессии в Китае, равно как и вся антияпонская война и даже Вторая мировая война воспринимались лишь как эпизод, хотя и важный, общего революционного движения. Поэтому неудивительно, что отдельные моменты войны сопротивления порой представлялись как удача (в случае локальной победы сил КПК) либо неудача (в случае, когда силы Гоминьдана были вынуждены отступить) того или иного лагеря. В частности, в произволе японцев при захвате Нанкина в 1937 г. власти КНР обвиняли армию Чан Кайши, поскольку она «не смогла защитить столицу» [Chan Yang, 2018. P. 47]. Пересмотр роли Гоминьдана в антияпонской войне начал происходить лишь в 80-е г. на волне либерализации режима в стране и большей свободы печати. Представление Чан Кайши патриотом и одним из лидеров антияпонской борьбы происходило также на фоне попыток привлечь Тайвань к идее «мирного объединения Родины». В этот период стали по-

⁵ Пытаясь привлечь Японию к совместному противостоянию советской угрозе, руководство КНР даже допускало развитие ею собственных вооруженных сил [Reilly, 2011. P. 468].

⁶ Чжоу Эньлай лян ци цзин гао жи бэнь цзюнь го чжу и фу хо [周恩来两次警告日本军国主义复活]. Чжоу Эньлай предупреждает о возрождении японского милитаризма. 03.02.2016. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2016/0202/c85037-28105056.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

являться статьи о важной роли в антияпонской борьбе Второго объединенного фронта Гоминьдана и КПК и фильмы, рассказывающие об успехах армии Чан Кайши в отдельных военных операциях против японцев⁷. По иронии судьбы как раз в этот период Гоминьдан стремительно утрачивал свой авторитет на Тайване, постепенно уступая позиции демократическим силам.

Характерным проявлением того, что в 50–60-е гг. антияпонская война рассматривалась в Китае в контексте революционной истории, является сооружение мемориалов в память о погибших как в гражданской войне, так и в войне против японцев. Нередко упоминание о жертвах обеих войн совмещал в себе один и тот же памятник. В частности, мемориальный парк павших революционеров Юйхуатай (雨花台) в Нанкине, построенный вскоре после образования КНР на месте, где при Гоминьдане проводили публичные казни коммунистов, был сооружен в память о «жертвах 22-летнего периода [1927–1949] правления бандитов Гоминьдана и жертв японских милитаристов» [Chan Yang, 2018. P. 130–131]. Как правило, и в музеях, посвященных военной истории, о героях антияпонской войны упоминали в контексте их основной задачи – борьбы с режимом Чан Кайши. В свою очередь, о подвигах солдат, воевавших против японцев на стороне Гоминьдана, говорили только в том случае, если они впоследствии переориентировались на КПК⁸ [Chan Yang, 2018. P. 130–131]. Освещение событий антияпонской войны в КНР было осложнено не только противостоянием коммунистов и гоминьдановцев, но и проблемой разделения населения, находящегося в оккупации, на патриотов и коллаборационистов (предателей), к которым нередко причисляли солдат армии Чан Кайши. П. Кобл отмечает сходство такой ситуации с проблемой трактовок военного периода Франции в годы её оккупации 1940–1944 гг. [Coble, 2007. P. 406–407].

Важным элементом в оценке событий войны сопротивления является разделение ответственности между японским народом и тогдашним руководством страны. Согласно этому взгляду, который актуален и в настоящее время, народ Японии не виновен в агрессивных действиях армии на территории Китая, поскольку сам стал жертвой милитаристского режима: «...народ Японии не поддерживал агрессивную политику японского правительства в первой половине XX в.» [Мао Цзэдун вай цзяо..., 1994. С. 373]; «...японский милитаризм принёс неисчислимые беды китайскому народу, но, вместе с тем, японский народ тоже стал жертвой этого режима. [...] Уверен, что дружественный и миролюбивый народ Японии будет помнить этот урок истории и не позволит возродиться милитаризму в стране...»⁹; «...и китайский народ, и японский народ стали жертвой агрессивной войны, которую развязал японский милитаризм. Японский народ не виновен в этом...» [Сунь Пинхуа, 2009. С. 36]. Как Мао Цзэдун, так и Чжоу Эньлай заявляли о том, что нужно оставить неприятные события военного времени в прошлом и выстраивать между двумя странами долгосрочные дружественные отношения («...нужно забыть тот печальный период, когда между Японией и Китаем шла война... Зачем держать в голове те безрадостные события?» [Мао Цзэдун вай цзяо..., 1994. С. 222, 226]; «...Япония и Китай оказались в состоянии войны непродолжительное время, поэтому этот период следует выбросить из памяти...»¹⁰).

Чёткое разделение на «миролюбивый японский народ» и «кликну милитаристов» традиционно прослеживалось и в учебниках истории. В большей мере в них акцентировали внимание на подвиге китайского народа в борьбе с японским милитаризмом, от которого он избавил не

⁷ Например, фильм «Сражение под Тайэрчжуаном» («血战台儿庄»), вышедший в 1986 г.

⁸ Об освещении событий антияпонской войны и гражданской войны в исторических музеях Китая см.: [Mitter, 2000].

⁹ Чжоу Эньлай лян ци цзин гао жи бэнь цзюнь го чжу и фу хо [周恩来两次警告日本军国主义复活]. Чжоу Эньлай предупреждает о возрождении японского милитаризма. 03.02.2016. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2016/0202/c85037-28105056.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

¹⁰ Чжоу Эньлай юй чжун жи мао и. [周恩来与中日贸易]. Чжоу Эньлай и японо-китайские торговые отношения. 28.03.2011. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2017/0328/c85037-29173133.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

только китайцев, но и самих японцев. Таким образом, преступления японской армии в период оккупации Китая не были в фокусе внимания. Отсутствие явного антияпонского подтекста в освещении событий войны демонстрирует и терминология, которую использовали в учебниках: слово «Япония» (日本), как правило, не фигурировало при описании военного периода, были лишь «японский империализм» (日帝), «японская армия» (日军) или «японские бандиты/грабители» (日寇) [Reilly, 2011. P. 470].

Ещё одна особенность памяти об антияпонской войне в Китае до 1980-х гг. – это её региональный характер. В то время когда на государственном уровне исследования преступлений японской армии пресекались и о них было говорить не принято, на местном уровне память о войне сохранялась в виде воспоминаний отдельных людей и общества в целом в масштабах городского округа или провинции [Jian Zhang, 2007. P. 24]. Подтверждением этому может служить тот факт, что память о действиях японцев существенно отличалась у людей, живущих в разных регионах. Как правило, это были те военные операции, которые непосредственно затрагивали местность, где люди проживали, а не военное вторжение японской армии в целом. Более того, эти конкретные военные операции могли быть мало известны на общегосударственном уровне. Даже память о такой крупной операции, как оккупация Нанкина среди жителей той же провинции Цзянсу не была однородной – Нанкинская резня в большей мере была запечатлена в памяти только у тех людей, чьи семьи непосредственно затронуло это событие [Chan Yang, 2018. P. 131–132]. Иными словами, память об антияпонской войне в первые несколько десятилетий после её окончания поддерживалась не за счёт государственной просветительской политики или пропаганды, а на основе комплекса индивидуальных воспоминаний о событиях военного времени. На этом выводе настаивают некоторые китайские исследователи, поскольку он опровергает распространённое мнение о том, что в Китае подобно Японии до 1980-х гг. был провал в памяти о войне, т.н. «амнезия» [Chan Yang, 2018. P. 196; Лю Яньцзюнь, 2009. С. 10–11; Сунь Пинхуа, 2009. С. 8–9].

Ключевым событием, повлиявшим не только на развитие японо-китайских отношений, но и на расстановку сил в Азии, является признание мировым сообществом КНР – установление между Китаем и странами капиталистического блока официальных дипломатических отношений и разрыв официальных отношений этих стран с Китайской Республикой (Тайванем). Нормализация отношений между Пекином и Токио была закреплена подписанием совместного межправительственного заявления в сентябре 1972 г. Из-за всесторонней активизации сотрудничества между двумя странами 1970-е и начало 80-х гг. некоторые исследователи называют «медовым месяцем» японо-китайских отношений, продлившимся 10 лет¹¹ [Лю Цзяньпин, 2010; He Yinan, 2009. P. 174–205] – вплоть до их обострения в 1982 г. после инцидента с внесением исправлений в японские учебники истории.

На фоне укрепления связей между Китаем и Японией в 70-е гг. основным подходом к интерпретации событий военного прошлого в КНР оставалось разделение ответственности между японским народом и милитаристами. Исследование военных преступлений японской армии руководство КНР все так же не приветствовало, основной акцент был сделан на том, что с «миролюбивым народом Японии» можно и нужно развивать дружественные отношения. Казалось бы, договор 1972 г., в котором Япония признавала свою ответственность за причинённый китайскому народу ущерб и «чувствовала глубокое сожаление» по поводу происшедшего, а Китай, в свою очередь, отказывался от имущественных и репарационных претензий к Токио, наконец, давал возможность закрыть «позорные страницы» прошлого и забыть «неудобные» вопросы двусторонних отношений. Однако события следующих десятилетий свидетельствовали об обратном.

¹¹ Фан Юаньюань. Цянь тань чжун жи гуань си. [万元元. 浅谈中日关系]. Японо-китайские отношения в простом изложении. 2013. URL: <http://www.doczj.com/doc/3322d4c665ce0508763213c8.html> (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

Некоторые учёные [Chan Yang, 2018. P. 197–198; He Yinan, 2006. P. 72–73; He Yinan, 2009. P. 203–205; Лю Цзяньпин, 2010. С. 5–6] рассматривают первые десять лет после 1972 г. не как период «нормализации» японо-китайских отношений, а как период, когда эти отношения были, наоборот, «ненормальными» с учётом набора нерешенных вопросов, которые тянулись из предыдущих десятилетий. Получалось, что эти проблемы и память о прошлом были «приглушены» для реализации основной политической задачи – выхода Китая из дипломатической изоляции. При этом на фоне улучшения японо-китайских отношений и общего «потепления» в отношениях среди азиатских стран (часть исследователей называют период дипломатического признания КНР ключевым событием, вызвавшим окончание «холодной войны» в Азии [Jager, Mitter, 2007. P. 2]), разные подходы к пониманию событий военного прошлого оставались единственными и со временем наиболее заметными вопросами, которые могли давать повод для охлаждения двусторонних отношений.

Подтверждением того, что дипломатическое урегулирование опережало реальное сближение между странами, может служить тот факт, что в преддверии визита в КНР премьер-министра Танака Какуэй в сентябре 1972 г. китайские власти провели кампанию по разъяснению местному населению того, зачем К. Танака собирается посетить Китай и почему необходимо налаживать отношения с Японией. На протяжении нескольких десятилетий после окончания войны, вплоть до начала 1970-х гг., китайцы всё ещё продолжали воспринимать японцев как врагов. Несмотря на искренне дружественный настрой японских делегатов, посещавших послевоенный Китай с целью развития двустороннего торгового сотрудничества, местное население всегда с настороженностью, а порой и с явным недовольством относилось к подобным визитам. Как пишут китайские исследователи, «один вид японского флага оживлял в памяти неприятные события военного прошлого»¹², так что «местным властям приходилось убеждать работников, которые принимали японские делегации на торгово-промышленных выставках и ярмарках, доброжелательно встретить гостей из Японии» [Сунь Пинхуа, 2009. С. 36]. Для того чтобы визит К. Танака в КНР не вызвал негативной реакции в обществе, за несколько месяцев до его приезда местные власти должны были «провести разъяснительную работу с тем, чтобы для каждой семьи было понятно, почему с Японией следует восстановить отношения»¹³. Лейтмотивом этого «разъяснения» стало разделение ответственности за агрессию в Китае между японским народом и «кликкой милитаристов», а также убеждение в том, что японцы – миролюбивый народ, который дружественно настроен по отношению к Китаю. О тщательной подготовке китайской стороны к нормализации отношений с Токио Чжоу Эньлай упоминал и во время переговоров с К. Танака: «...нам нужно объяснить народу, который подвергся тяжёлым испытаниям в период войны, почему мы должны восстановить отношения с Японией»¹⁴.

Нежелание руководства КНР заострять внимание на вопросах истории в период подготовки соглашения дало основания японской стороне считать, что все вопросы послевоенного урегулирования решены полностью и окончательно [Стрельцов, 2019. С. 120–121]. Еще одним фактором, повлиявшим на уверенность японского руководства в том, что страны Азии, в прошлом пострадавшие от агрессии, больше не будут поднимать вопросы истории в отношении Токио, стала заметно усиливающаяся привлекательность Японии как потенциального инвестора на фоне ее стремительного экономического и научно-технологического развития. Предоставление официальной помощи развитию (ОПР) странам Азии, в том числе и Китаю, отказавшемуся от репараций, становилось дополнительным подтверждением дружественных намерений и готовности Японии помогать странам своего региона «сверх положенного».

¹² Чжун жи цзянь цзяо цянь Чжоу Эньлай тань жи цзюнь цинь хуа ши: жи бэнь жень минь у цзэ. [中日建交前周恩来谈日军侵华史: 日本人民无责]. Чжоу Эньлай об истории агрессии японского милитаризма в Китае до установления японо-китайских дипломатических отношений: японский народ не несёт ответственность за агрессию. 20.11.2012. URL: https://cul.sohu.com/20121129/n358918295_3.shtml (дата обращения 22.02.2021) (на кит. яз.)

¹³ Чжун жи цзянь цзяо цянь...

¹⁴ Ibid.

1982 г. стал важной вехой в истории японо-китайских отношений, своеобразным водоразделом, когда проблемы исторического прошлого стали принципиальным образом влиять на взаимодействие между двумя странами. Обычно именно с этого момента учёные [He Yinan, 2006; He Yinan, 2007; Reilly, 2004; Reilly, 2011; Rose, 1998; Батакова, 2017] начинают рассматривать расхождение в оценках китайской и японской сторонами событий военного времени как проблему. Поводом к охлаждению отношений и предъявлению претензий Токио со стороны Пекина стала публикация в Японии учебников истории, в которых содержалась принципиально новая оценка ряда исторических событий, основанная на приукрашивании политики японской властей в 30–40-е гг. XX в.¹⁵ Одобрение министерством образования таких учебников привело к официальным протестам со стороны КНР, что впоследствии вылилось в кампанию по восстановлению исторической справедливости в ответ на «забвение истории» японской стороной.

Появление проблем исторического прошлого на внешнеполитической повестке дня в 80–90-х гг. XX в. связано с рядом факторов, среди которых важное место занимает внешнеполитический, а именно – изменение баланса сил в период окончания «холодной войны» и связанная с этим неопределенность в дальнейшей системе безопасности АТР. Обновление в Китае памяти о войне, как называют период 80–90-х гг. некоторые учёные («new remembering» [Coble, 2007. P. 402–403]), происходило в период либерализации политической и социально-экономической жизни на фоне реализации политики «реформ и открытости» и служило мощным фактором консолидации общества в условиях кризиса социалистической идеологии.

Выводы

Память об антияпонской войне в Китае в течение первых десятилетий после окончания Второй мировой войны формировалась руководством страны с учетом сложившейся после 1945 г. внешнеполитической ситуации и исходя из потребностей развивать с Японией торгово-экономическое сотрудничество. Считая, что улучшение экономических отношений в дальнейшем приведет и к политическому сближению между Пекином и Токио, китайские власти не акцентировали внимание на тех вопросах, которые могли бы привести к усилению конфронтации между странами. Проблемы исторического прошлого в этой ситуации не должны были мешать нормализации японо-китайских связей. Идея разделения ответственности за агрессию в Китае между японским народом и тогдашним руководством страны позволила не только поддерживать неофициальные связи с Токио, но и создать основу для политического диалога между государствами. Вместе с тем тот факт, что многие вопросы послевоенного урегулирования оставались нерешенными еще несколько десятилетий, привел к тому, что даже после восстановления дипломатических отношений между Японией и Китаем и в условиях активной государственной пропаганды в КНР положительного образа японского народа и Японии – страны, вставшей на путь мирного развития, в 1980-х гг. в Китае с новой силой проявились антияпонские настроения, в основе которых лежали проблемы исторического прошлого.

Список литературы

- Батакова А. А.** Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX – начало XXI вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
- Кульнева П. В.** Роль политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений // Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 191–212.
- Молодяков В. Э.** Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2019. 248 с.

¹⁵ В новых учебниках действия японской армии в период Тихоокеанской войны были названы не «агрессией», а «продвижением», в частности, было указано, что Япония не «вторглась» (侵略) в Китай, а «продвинулась» (進出) на его территорию.

- Санин К. С.** Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6? № 3 (20). С. 48–59.
- Стрельцов Д. В.** Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Ред. А. В. Торкунов, Д. В. Стрельцов. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 119–136.
- Chan Yang.** World War Two legacies in East Asia. China remembers the war. L.; N. Y.: Routledge, 2018. 238 p.
- Coble P. M.** China's «new remembering» of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // The China Quarterly. 2007. № 190. P. 394–410.
- He Yinan.** National mythmaking and the problems of history in Sino-Japanese relations // Japan's Relations with China: Facing a Rising Power / Ed. P. E. Lam. L.: Routledge, 2006. P. 69–77.
- He Yinan.** Remembering and forgetting the war: elite mythmaking, mass reaction, and Sino-Japanese relations // History and Memory. 2007. Vol. 19. № 2. P. 43–74.
- He Yinan.** The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations since World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 357 p.
- Jager S. M., Mitter R.** Introduction: re-envisioning Asia, past and present // Ruptured histories: war, memory, and the post-Cold War in Asia / Ed. S.M. Jager, R. Mitter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. P. 1–14.
- Jian Zhang.** The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations // China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past? / Ed. Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007. P. 15–34.
- Mitter R.** Behind the scenes at the museum: nationalism, history and memory in the Beijing War of Resistance Museum, 1987–1997 // The China Quarterly. 2000. № 161. P. 279–293.
- Reilly J.** China's history activists and the war of resistance. History in the making // Asian Survey. 2004. Vol. 44. P. 276–294.
- Reilly J.** Remember history, not hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. № 2. (China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy). P. 463–490.
- Rose C.** Interpreting history in Sino-Japanese relations: a case-Study in political decision-making. L.: Routledge, 1998. 272 p.
- Rose C.** Patriotism is not taboo: nationalism in China and Japan and implications for China-Japan relations // Japan forum. 2001. Vol. 12. P. 169–181.
- Yang Daqing.** Convergence or divergence? Recent historical writings on the rape of Nanjing // American Historical Review. 1999. Vol. 104. № 3. P. 842–865.
- Лю Дэцзюнь.** Кан жи чжань чжэн янь цзю шу пин. [刘德军. 抗日战争研究述评]. Обзор исследований о войне сопротивления японским захватчикам. Цзинань: Цилу шушэ, 2005. 553 с. (на кит. яз.)
- Лю Цзяньпин.** Чжань хоу чжун жи гуань си «бу чжэн чан» ли ши го чэн юй цзе гоу [刘建平. 战后中日关系“不正常”历史的过程与结构]. «Ненормальный» исторический процесс и структура послевоенных японо-китайских отношений. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. 285 с. (на кит. яз.)
- Лю Яньцзюнь.** Нань цзин да ту ша дэ ли ши цзи и. [刘燕军. 南京大屠杀的历史记忆]. Историческая память о Нанкинской резне // Канжи чжаньчжэн яньцзю. 2009. Вып. 4. С. 5–22. (на кит. яз.)
- Мао Цзэдун вай цзю вэнь сюань.** [毛泽东外交文选]. Собрание дипломатических документов Мао Цзэдуна. Пекин: Чжунян вэньсянь чубаньшэ, Шицзе чжиши чубаньшэ, 1994. 658 с. (на кит. яз.)

Сунь Пинхуа. Чжун жи ю хао суй сян лу. [孙平化。中日友好随想录]. Размышления о японо-китайских дружественных отношениях. Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2009. 449 с. (на кит. яз.)

References

- Batakova A. A.** Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniiakh Iaponii s gosudarstvami Vostochnoi Azii (konets XX – nachalo XXI vv.) [Problems of history past in Japan's relations with East Asia (the end of 20th – early 21st century)]. PhD dissertation (History science). Moscow, 2017. (in Russ.)
- Kulneva P. V.** Rol' politicheskikh faktorov v razvitiu iapono-kitaiskikh ekonomicheskikh otnoshenii [The role of political factors in development of Sino-Japanese economic relations]. In: Iaponiia v Azii: parametry sotrudnichestva. Ed. by E. V. Molodiakova. Moscow, AIRO-XXI, 2013, p. 191–212. (in Russ.)
- Molodiakov V. E.** Neproshedshee proshloe. Oчерki politicheskoi i intellektual'noi istorii Iaponii XIX–XX vekov [Past that had not gone. An outline of political and intellectual history of Japan in 19–20th centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2019, 248 p. (in Russ.)
- Sanin K. A.** Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniiakh KNR s gosudarstvami Vostochnoi Azii [Historical problems in the relations between the PRC and the countries of East Asia]. *Comparative politics*, 2015, vol. 6, no. 3 (20), p. 48–59. (in Russ.)
- Streltsov D.V.** Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniiakh Iaponii s Kitaem i Respublikoi Koreia [Problems of history past in Japan's relations with China and Republic of Korea]. In: Transformatsiia mezhdunarodnykh otnoshenii v Severo-Vostochnoi Azii i natsional'nye interesy Rossii [Transformation of foreign relations South-East Asia and national interests of Russia]. Ed. by A. V. Torkunov, D. V. Streltsov. Moscow, Aspekt Press, 2019, p. 119–136. (in Russ.)
- Chan Yang.** World War Two legacies in East Asia. China remembers the war. London, New York, Routledge, 2018, 238 p.
- Coble P. M.** China's "new remembering" of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945. *The China Quarterly*, 2007, no. 190, p. 394–410.
- He Yinan.** National mythmaking and the problems of history in Sino-Japanese relations. Japan's Relations with China: Facing a Rising Power. Ed. by P. E. Lam. London, Routledge, 2006, p. 69–77.
- He Yinan.** Remembering and forgetting the war: elite mythmaking, mass reaction, and Sino-Japanese relations. *History and Memory*, 2007, vol. 19, no. 2, p. 43–74.
- He Yinan.** The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations since World War II. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 357 p.
- Jager S. M., Mitter R.** Introduction: re-envisioning Asia, past and present. Ruptured histories: war, memory, and the post-Cold War in Asia. Ed. by S. M. Jager, R. Mitter. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2007, p. 1–14.
- Jian Zhang.** The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations. China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past? Ed. by Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA), Edward Elgar Publishing, 2007, p. 15–34.
- Mitter R.** Behind the scenes at the museum: nationalism, history and memory in the Beijing War of Resistance Museum, 1987–1997. *The China Quarterly*, 2000, no. 161, p. 279–293.
- Reilly J.** China's history activists and the war of resistance. *History in the making. Asian Survey*, 2004, vol. 44, p. 276–294.
- Reilly J.** Remember history, not hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan. *Modern Asian Studies*, 2011, vol. 45, no. 2 (China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy), p. 463–490.
- Rose C.** Interpreting history in Sino-Japanese relations: a case-Study in political decision-making. London, Routledge, 1998, 272 p.

- Rose C.** Patriotism is not taboo: nationalism in China and Japan and implications for China-Japan relations. *Japan forum*, 2001, vol. 12, p. 169–181.
- Yang Daqing.** Convergence or divergence? Recent historical writings on the rape of Nanjing. *American Historical Review*, 1999, vol. 104, no. 3, p. 842–865.
- Liu Dejun.** Kang ri zhan zheng yanjiu shu ping. [刘德军。抗日战争研究述评]. Review of the research on the War of Resistance against Japan. Qinan, Qilu publishers, 2005, 553 p. (in Chin.)
- Liu Jianping.** Zhan hou zhong ri guan xi ‘bu zheng chang’ li shi de guo cheng yu jie gou [刘建平。战后中日关系“不正常”历史的过程与结构]. *Sino-Japanese relations after World War II: abnormal historical process and construction*. Beijing, Shehui kexue wenxian publishers, 2010, 285 p. (in Chin.)
- Liu Yanjun.** Nan jing da tu sha de li shi ji yi [刘燕军。南京大屠杀的历史记忆]. The historical memory of the Nanjing Massacre. *Kangri zhanzheng yanjiu*, 2009, no. 4, p. 5–22. (in Chin.)
- Mao Zedong wai jiao wen xuan.** [毛泽东外交文选]. Diplomatic documents of Mao Zedong. Beijing, Zhongyang wenxian chubanshe, Shijie zhishi chubanshe, 1994, 658 p. (in Chin.)
- Sun Pinghua.** Zhong ri you hao sui xiang lu. [孙平化。中日友好随想录]. Thinking about Sino-Japanese relations. Shenyang, Liaoning renmin publishing, 2009, 449 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.02.2021

Сведения об авторе

Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва, Россия); доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия)
verger177@yandex.ru

Information about the Author

Vera A. Perminova, PhD (History), Researcher at the Department of China of the Institute of Oriental Studies at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
verger177@yandex.ru

УДК 299.513 398.22 (571)
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-91-108

Буддийско-даосский синкретизм в школе «парного сокровенного» и медитация «чистоты и покоя»

А. А. Маслов

*Институт Дальнего Востока РАН
Москва, Россия*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Исследование посвящено основным идеям, текстам и формам практики синкретического даосского направления Чунсюань-пай – «парного сокровенного», получившего развитие в VII–X вв. Из буддизма оно заимствовало ряд логических построений Мадхьямики, в том числе систему четырехуровневого диалектического отрицания, а также идею абсолютного «опустошения сознания» для преодоления привязанностей как в миру, так и к любым ментальным концепциям. Частично эти идеи нашли отражение в особой даосско-буддийской медитативной традиции, ярким примером которой стал «Канон чистоты и покоя» (*Цинцзин цзин*) (приводится в авторском переводе). Несмотря на вполне традиционную структуру, тематическую связь с «Дао дэ цзином» и наставления, приписываемые Лао-цзюню, этот текст обращает особое внимание на технику «внутреннего взора» (*нэй гуань*), которая также тяготеет к буддийской практике вишашьяны и призвана устранить бинарные оппозиции («чистое – загрязненное», «движение – покой») в сознании практикующего. «Канон чистоты и покоя» и сегодня высоко почитается в даосских школах центрального Китая. Медиативная практика на его основе заключена в поэтапном прохождении «взирания внутрь», «взирания вовне», «взирания вдаль» и «прозрения пустоты». Высший этап «опустошения пустоты» приводит к деактуализации «эго» и обрыву всех связей с миром. Таким образом, экзегетическая идея «двойного сокровенного» реализуется как одна из форм практики в даосизме при влиянии буддийских идей.

Ключевые слова

Китай, религия, культура, даосизм, буддизм, «парное сокровенное», Чунсюань, «Канон чистоты и покоя», *сюаньсюэ*, медитация, логика

Для цитирования

Маслов А. А. Буддийско-даосский синкретизм в школе «парного сокровенного» и медитация «чистоты и покоя» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 91–108. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-91-108

Buddhist-Taoist Syncretism in the School of the “Twofold Mystery” and the Meditation of “Purity and Quietness”

A. A. Maslov

*Institute of Far Eastern Studies RAS
Moscow, Russian Federation*

*National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The papers are dedicated to the concepts, main ideas, texts, and forms of practice of the syncretic Taoist movement Chongxuan-pai – “Twofold mystery”, which was developed in the 7–10th centuries. This school borrowed a number of logical constructions of Madhyamika Buddhism, including the system of four-level dialectical negation, as well as the

© А. А. Маслов, 2021

idea of absolute “emptying of consciousness” for overcoming attachments both to mundane life and to any mental concepts. In part, these ideas are reflected in the Taoist-Buddhist practice of attaining “purity and quietness, a specific tradition of meditation, with its most important text “Canon of Purity and Quietness” (*Qingjing jing*) (given in this article in the author’s translation). Despite its traditional structure, thematic allusions with “Dao De Jing” and precepts attributed to Lao-jun, this Canon pays special attention to the technique of “inner contemplation” (*nei guan*), which also gravitates to the Buddhist practice of *vipasyana* and is called to eliminate binary opposition (pure-polluted, movement-rest) in the practitioner’s consciousness. The “Canon of purity and Quietness” is still highly revered in central China’s Taoist schools today. The basis of the meditative practice according to this Canon is the gradual ascending from “looking inward”, “looking outward” and “looking away” to “contemplation of emptiness”. The highest stage of “emptying the emptiness” leads to the complete deactualization of the ego and the breaking of all ties with the world. In this way, the exegetical idea of the “Twofold mystery” is realized as a form of Taoist practice influenced by Buddhist ideas.

Keywords

China, religion, culture, Taoism, Buddhism, “paired innermost”, Chongxuan, “Canon of Purity and Quietness”, *xuanxue*, meditation, logic

For citation

Maslov A. A. Buddhist-Taoist Syncretism in the School of the “Twofold Mystery” and the Meditation of “Purity and Quietness”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 91–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-91-108

«Сокровенное и еще раз сокровенное – вот врата к множеству потаенного» (玄之又玄, 众妙之门 *сюань чжи ю сюань, чжун мяо чжи мэнь*). Эта фраза из 1-го параграфа «Дао дэ цзина» породила множество споров, комментариев и даже целое даосское направление «Парного сокровенного» (*Чунсюань-пай*, или *Чунсюань-цзун* 重玄派), которое рассматривало эту сентенцию как ключ к глубинному пониманию всех изначальных смыслов даосизма. При этом некоторые школы вообще не видели ничего особенного в этой фразе, которая указывает лишь на мистическую глубину и «тайность» (*сюань*) всего, что связано с Дао, но ничего более этого. Другие же, например Ван Би 王弼 в III в., Чэн Сюаньин 成玄英 (VII в.) и Ду Гуантин 杜光庭 (IX–X вв.), напротив, считали, что только *сюань* открывает «врата» к пониманию Дао. Третьи рассматривали Чунсюань-пай как исключительно комментаторскую традицию, не предлагающую отдельные методы практики.

В этой работе мы рассмотрим, как Чунсюань, возникнув как комментаторская традиция, построенной вокруг единственной фразы из «Дао дэ цзина», постепенно переросла в отдельное направление, которое также оперировало своими текстами, прежде всего «Каноном чистоты и покоя» (*Цинцзин цзин*). И хотя эти тексты не несли серьезных вызовов другим даосским школам, а скорее находились в общем русле практики «созерцания пустоты», покоя, уединения, тем не менее, в них предлагалась эффективная методика медиативной практики, основанная на переплетении буддийских и даосских идей.

В данной работе мы будем говорить о «направлении Чунсюань» с оговоркой, поскольку это не означает существования именно отдельно взятой школы даосизма с многочисленными последователями. Скорее речь должна идти о традиционной эклектике средневекового даосизма и одном из примеров даосско-буддийского синкретизма, распространившегося в периоды Тан – Сун.

Характерной чертой, отмеченной многими исследователями Чунсюань [Assandri, 2005; Ozkan, 2013], является то, что по структуре философских рассуждений ее последователи опирались на традиции буддийской Мадхьямики, прежде всего системы диалектического отрицания для максимального «опустошения» сознания, обрыва любых связей не только с конкретными образами и идеями, но даже с самим стремлением достичь «чистоты и покоя».

Формально Чунсюань-пай 重玄派 (или Чунсюаньсюэ) переводится как «Учение о двойном сокровенном» или о «дважды потаенном», что восходит к выражению из упоминавшегося выше 1-го параграфа «Дао дэ цзина». Основателем направления Чунсюаньсюэ считается даосский мастер Чэн Сюаньин (ок. 632–650), именно он дал наиболее развёрнутую трактовку «двойного сокровенного» как способа понимания внутренних смыслов Лао-цзы. Сам он, сле-

дуя традиции «верного ученика», не претендовал на первенство и утверждал, что первым, кто понял идею «парного сокровенного», был мастер Сунь Дэн 孫登 в IV в. Однако до появления работ Чэн Сюаньина не обнаружено никаких текстов, которые обсуждали бы эту тему именно в контексте трактовки сокрытых смыслов Лао-цзы, поэтому мы можем утверждать, что именно Чэн де-факто и стал основателем нового направления.

Краткая биография Чэн Сюаньина содержится в «Новой истории династии Тан» (新唐书 *Синь тан шу*), где говорится, что он родился в Хэнани, в Шаньчжоу 陝州 (ныне г. Линбао) и долгое время жил в уединении в Дунхае («Восточное море» 東海 – скорее всего, на восточном побережье), занимаясь экзегетикой даосских текстов. В 631 г. танский император Тайцзун призвал его в столицу Чанъань и присвоил имя «мастер Сихуа» («Западный цветок»). Именно в этот период Чэн пишет свои основные труды, идеи которых, вероятно, он вынашивал в годы отшельничества и в которых пересекаются даосские и буддийские концепции. Среди них «Комментарии к «Дао дэ цзину» (老子道德经注 *Лаоцзы дао дэ цзин чжу*), «Комментарии к канону о спасении людей (度人经注疏 *Дужэнь цзин чжушу*) – даосскому тексту IV в. школы Линбао, «Комментарии к И-цзину» (ныне утраченные) и многое другое¹. Он также составляет субкомментарий к комментарию Го Сяна 郭象 (252?–312), на «Чжуан-цзы» [Наньхуа чжэньцзин, 1998].

В 636 г. он принял активное участие в знаменитых дебатах между буддистами и даосами. После победы последних император объявил даосизм наиболее почитаемой религией и приказал восстановить храмы в честь Лао-цзы. В 643 г. Чэн стал настоятелем известного храма Сихуагуань (西华觀). Взлет его карьеры был недолгим: он принял участие в восстании в период правления императора Гао-цзуна в 653 г. и был сослан в Ючжоу 郁州 (ныне территория пров. Цзянсу).

Логический метод четырехуровневого отрицания в направлении Чунсюань

Чунсюань является методом интерпретации Лао-цзы с помощью диалектических методов и логических построений, которые стали популярными в Китае под воздействием буддизма Мадхьямики. По своей сути это даосское направление, которое использовало буддийские термины и концепции Мадхьямики для интерпретации некоторых даосских идей, в том числе буддийские подходы к пониманию «пустоты» (空 *кун*), «двух истин» (二諦 *эр ди*), тетралеммы (四句 *сы цзюй*). Последователи этого направления приняли буддийские концепции для систематизации и кодификации своих учений, но в то же время сохранили отличия от буддизма.

Чунсюаньсюэ опирается на идею, вытекающую из «Дао дэ цзина» о том, что Дао и наличествует, и отсутствует одновременно, является и бытием, и небытием, но при этом не является не-небытием, ни не-бытием. Таким образом, через многократное отрицание постулируется мысль об абсолютной пустотности (虛 *сюй*), отсутствии (無 *у*) Дао, его полной внефеменологичности.

Эта идея, проповедуемая последователями Чунсюань, вытекает из 1-го параграфа «Дао дэ цзина» (см. таблицу), а сама эта трактовка несколько усложняет традиционное представление о том, что даос вечно «пребывает вне желаний», так как допускает его пребывание как внутри желаний (строка 1), так и вне их (строка 2), и даже вне привязки к самой концепции «желаний». Более того, между ними нет никакого различия вообще (строка 3), так как именно вместе они именуется «сокровенным» (строка 4).

¹ Янь Дун, Сюэ Юци, Ли Шаовэй, Чэн Сюаньин. Юаньши улян дужэнь шанпинь мяоцзин сычжу [嚴東、薛幽棲、李少微、成玄英。元始無量度人上品妙經四註]. Четыре комментария к изначальному канону спасения неисчислимого множества людей // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=452900> (дата обращения 01.01.2021).

Выдержка из «Дао дэ цзина» (§ 1)

1	А поэтому пребывай извечно вне желаний, дабы узреть его потаенность	故常無欲以观其妙
2	Пребывай извечно и в обладании желаниями, дабы узреть его проявления	常有欲，以观其徼
3	Оба они одинаковы, но различаются лишь именами	此两者同出而异名
4	И вместе назову их сокровенным	同谓之玄
5	Сокровенное и еще раз сокровенное – вот врата к множеству потаенного	玄之又玄，众妙之门

В этом параграфе противопоставляются (и одновременно сходятся вместе) две пары понятий. Прежде всего «потаенное (также – тайное, чудесное) 妙 (мяо) – проявленное (徼 цзяо)»; «быть вне желаний 無欲 – обладать желаниями 有欲». Вместе эти бинарные оппозиции сходятся или становятся тождественными друг другу (同 тун) только внутри «сокровенного» или «тайного» (玄 сюань). Таким образом, «сокровенным» или «таинственным» являются оба состояния, проявленное и непроявленное, бытие и небытие, отсутствие и наличие желаний и т. д. Из этого же вытекает, «что сокровенное и еще раз сокровенное» является именно тем состоянием, которое и позволяет постичь Дао, не определяя его ни через слова, ни через явления.

Объяснить это в рамках даосской теории (если вообще можно говорить о единой теории раннего даосизма) невозможно, и это становится возможным только после прихода в Китай буддизма с его фундаментальной логикой и интерпретацией диалектического отрицания.

Отдельные авторы [Assandri, 2005; Ozkan, 2013. P. 33–38] предположили, что в основе трактовок, предлагаемых Чунсюань, лежит диалектический метод Мадхьямики – тетралемма (санскр. Catuskoti, чатускоти), или по-китайски сы цзюй («четыре фразы» 四句). В логике ряда индийских школ тетралемма занимает важнейшее место для интерпретации относительности действительности. Метод чатускоти представляет собой логический аргумент набора из четырех дискретных функций или «неделимое четверостишие», он был важен в дхармических школах индийской логики и буддийских логико-эпистемологических традициях, в частности в школе Мадхьямики. Сам метод использовался самим крупнейшим индийским мыслителем направления Мадхьямики Нагарджуной (ок. 150–250) и в пост-нагарджунской традиции. Базовый метод чатускоти базируется на четырех логических аргументах:

- 1) X (т. е. утверждение)
- 2) –X (т. е. отрицание)
- 3) И X, и –X (существование обоих)
- 4) Ни X, ни –X (отрицание обоих)

Учитель Нагарджуна в своих рассуждениях доказывал иррациональность существования и ложность любых рассуждений, построенных на чисто логическом принципе, что X либо равен X, либо не равен X. Поскольку в ответе на данный вопрос всегда возможны два ответа: утверждение и отрицание, то его аргументы содержат два опровержения, одно из которых отрицает наличие, другое – отсутствие. Такое двойное отрицание именовалось Срединным Путем [Robinson, 1957. P. 294], а сама иррациональность мира доказывалась через его диалектическое отрицание.

Тетралемма состоит из четырех предложений, в которых каждое из них опровергает предыдущее. В китайской трактовке в рамках буддизма Махаяны это превращается в следующее [Assandri, 2011. P. 428–429]:

Все дхармы существуют	有
Все дхармы пустотны (не существуют)	空/無
Все дхармы и существуют, и пустотны (и не существуют)	亦有亦空/無
Все дхармы и не существуют, но и не пустотны (не существуют и не не существуют)	非有非空/無

Этот вид рассуждений сочетался с теорией двух уровней истины – мирской истины (世諦 *шиди*) и абсолютной истины (真谛 *чжэньди*), которые могут существовать одновременно, причем абсолютная истина превосходит мирскую, но не отрицает ее. Это позволяет преодолеть любые односторонние концепции для достижения реализации конечной истины и прийти к «срединному видению» (中觀 *чжун гуань*) [Маслов, 1994. С. 512–513]. Именно срединное видение представляет собой не столько состояние нахождения вне различий и определений, но и метод медитации, близкий к *випашьяне*, о котором мы скажем ниже

Если подставить в эту формулу фразу из «Дао дэ цзина» «сокровенное и еще раз сокровенное», то, исходя из трактовки Мадхьямики, мы получаем:

1	Пребывай извечно вне желаний	Отсутствие
2	Пребывай извечно и в обладании желаниями	Наличие
3	Оба они одинаковы, но различаются лишь именами	И наличие, и отсутствие
4	И вместе назову их сокровенным	Не-наличие и не-отсутствие

Вышеприведенный пример – применение тетралеммы, в которой смысл каждой строки принимается, но следующей строкой отрицается, не давая ощущения конечной реальности в словах. Помимо своих философских функций, она тесно связана с сотериологическими аспектами как буддизма, так и даосизма. Она шаг за шагом ведет практикующих к достижению конечной реальности, которая является либо реализацией Дао (得道 *дэдао*), либо абсолютной пустоты.

Фраза «от сокровенного к еще раз сокровенному» коррелируется с пассажем из § 48 «Дао дэ цзина»: «Следуя учению, день ото дня обретают. Следуя Дао, день ото дня утрачивают. Утрачивая и утрачивая вновь, достигают надеяния». Парная утрата – «утрачивая и утрачивая вновь» – равная полной самоутрате и саморастворению как по сути, так и даже по форме фразы соответствует «сокровенному и еще раз сокровенному». На первом этапе следует избавиться от ментальной иллюзии бытия, а на втором этапе от иллюзии небытия, которая заменяет первую. Это также понималось как избавление от любых желаний («забыть»), важнейший этап мистической практики, а затем и от самого желания избавления от желаний, что и именовалось «парным забытьем» (兼忘 *цзянван*). И если термин «забыть» и «самозабыть» широко встречается у ранних даосов, в том числе и у Чжуан-цзы, то концепцию «парного забытья» предложил буддист Цицзан. Идея «забытия после забытья» или «утраты после утраты» вдохновляла многих буддистов и даосов китайского средневековья, которые видели в этом истинное окончательное опустошение сознания и разрыв всех связей с материальным и даже духовным миром. В частности, на основе этой идеи один из мастеров даосской школы Шанцин Сыма Чжэньжэнь разработал методику достижения состояния абсолютного забытья, описав ее в трактате «Цзюань лунь» – «О сидении в забытьи» [Маслов, 2020. С. 17–20].

Именно Чэн Сюаньин в аннотации к предисловию к «Дао дэ цзину», названному «Важнейшие раскрывающие смысл комментарии к «Дао дэ цзину» (道德经开提序决义疏 *Даодэцзин кайти сюэцзюэ шиу*), говорит о «двойном сокровенном» как о главенствующем принципе» или даже «школе» (宗 *цзун*) в трактовке понимания смысла учения Лао-цзы. Он размышляет над тем, насколько точны были ранние комментарии к этому тексту и приходит к выводу, что некий Сунь Дэн 孫登 из царства Цзинь был прав, когда считал, что следует ру-

ководствоваться принципом «двойного сокровенного» [Assandri, 2005. P. 29]. Разные комментаторы, по мнению Чэна, предлагали свои трактовки, многие из которых оказались неточными. Например, некий Ян Цзюньпин указывал в качестве важнейшего принципа (旨 归 *чжигуй*) «сокровенную пустоту», Гу Хуэйцзюнь говорил о «недеянии», Мэн Чжичжоу и Цзан Сюаньцзин о благодати-Дэ, а правитель династии Лян У-ди – о «не-небытии и небытии». Но лишь Сунь Дэн понял потаенную сущность текста как «двойного сокровенного»: «То, что мы именуем *сюань*, означает «далекое и глубокое», а также «не имеющее препятствий». Речи будут далеки и глубоки без препятствий и привязанностей. Они не привязаны к существованию или к несуществованию. Они не привязаны ни к привязанности, ни к их отсутствию. Отсутствие привязанностей к этим «четырем отрицаниям» мы и называем парным сокровенным» [Tang Yijie, 2012. P. 149].

Именно через метод диалектического отрицания Чэн Сюаньин трактует «парное сокровенное»: «Муж, что обладает желаниями, привязывается к бытию (или существованию. – *A. M.*). А вот муж, что уже избавился от желаний, привязывается к его отсутствию (или к прекращению существования 無). Таким образом, он [Лао-цзы] говорит о первом «сокровенном»-*сюань*, дабы устранить эти односторонние представления. Но он опасается и того, что [последователь] может привязаться к этому «сокровенному», а поэтому он говорит о «еще раз сокровенном», дабы устранить и эту последнюю болезнь. И таким образом, он не только достигает того, что больше нет никаких препятствий, но и само состояние пребывания без препятствий не является препятствием. Это и есть отрицание отрицания, а поэтому он и говорит «сокровенное и еще раз сокровенное».

Как видим, Чэн Сюаньин видит в тексте «Дао дэ цина» сокрытую концепцию полного цикла диалектического отрицания через поэтапное отбрасывание любых привязанностей. В целом это заметно усложняет раннее представление о том, что, говоря словами первого биографа Лао-цзы Сыма Цяня, тот призывал «пребывать вне желаний» (無欲 *у юй*). По Чэн Сюаньину, даже само стремление «пребывания вне желаний» является серьезной помехой для достижения срединного Дао, так как привязывает последователя к некоей цели, то есть к одностороннему восприятию либо «бытия», либо «небытия». Истинный человек «не привязывается» (不滯 *бу дай*) ни к определениям, ни к существованию, ни к несуществованию. Чэн Сюаньин так продолжает свои рассуждения: «До этого он воспринимал Дао как срединность, избегая того, чтобы склоняться к одной из крайностей. Но как только болезнь привязанности к одной из крайностей устранена, следует устранить и само лекарство единой середины. А поэтому следует избавиться как от болезни, так и самого лекарства. Это и есть высшая из чудеснейших и тончайших сущностей, она целиком объясняет принцип и полностью проникает в изначальную природу» [Чэн Сюаньин, 2018. С. 305].

Дао «исходит от своей основы и своих корней» (自本自根) и «сохраняется с древних времен». «Поэтому, когда говорят, что «Дао – это не ничто, но и не-ничто», на самом деле это означает, что Дао не может обладать ни смыслом бытия, ни небытия». Если вы говорите, что Дао – небытие (отсутствие), тогда Дао порождает мириады вещей, оно существует во всех этих вещах, с их тенями и звуками. Если же вы говорите, что оно существует (обладает бытием), то мириады вещей уничтожаются и превращаются в ничто».

Само «двойное сокровенное», по мнению Чэн Сюаньина, указывает на двойственную и одновременно полностью отсутствующую природу Дао: «Именно потому, что есть Дао, которое приносит пользу, порождая мириады вещей, может формироваться бесконечная вселенная. И поэтому только Дао воистину является «бытием» (наличествует). Поэтому и говорится, что Дао, что охватывает все мириады дел и явлений и отсутствует, и не-отсутствует. Оно и пребывает здесь (наличествует), и не пребывает здесь. И нет способа дать Дао имя, нет способа определить ему правила... А поэтому даосы часто используют «ничто» 無 или «пустотное отсутствие» 虛無, чтобы естественным образом выразить смысл Дао. ... При этом названия 名 всех вещей являются не более чем «ложными названиями» 假名, пустышками, так

как многие явления, что не обладают формой, например «Дао», или «естественность», просто не могут иметь ничего кроме ложного имени или некоего «псевдонима» [Чэн Сюаньин, 2018. С. 306].

Эта интерпретация «двойного сокровенного» была продолжена известным даосским мастером и литератором Ду Гуантином 杜光庭 (850–933), который также изучал различные комментарии к тексту «Дао дэ цзин». Он разделяет все комментарии к нему на пять групп и в качестве одной из них выделил идею «двойного сокровенного». Он же перечисляет ряд людей, которые были сторонниками этого направления – это должно было создать ощущение линии передачи традиции (хотя из других источников именно прямая линия школы не вытекает), например, он называет известных даосских мастеров периода Лян Мэн Чжичжоу 孟智周 (IV–V вв.) и Цзан Цзиньцина 臧靜靜 (ок. 557–589), танских наставников Чэн Сюаньина и Ли Жуна 李榮, а также сунских мастеров Чжу Жоу 諸糵, Лю Цзиньси 劉進喜 [Sharf, 2005. P. 52; Kohn, 1991. P. 190]. Именно «линия мастеров», выстроенная Ду Гуантином, заставила многих ученых предположить, что речь идет об отдельной метафизической традиции, базирующейся на особом типе прочтения и трактовке внутренних смыслов «Дао дэ цзина». Однако западные исследователи, выделяя Чунсюань как отдельное явление, также не пришли к единому мнению. Некоторые авторы утверждали, что речь идет лишь об особой трактовке «Дао дэ цзина» без образования нового направления [Kohn, 1991; Sharf, 2005]. Более того, до рассуждений Ду Гуантина в IX в. это направление, скорее всего, вообще ничем не выделялось [Sharf, 2005. P. 59]. Другие исследователи даосизма, напротив, считали, что следует вести разговор об отдельной школе со своими характерными особенностями [Assandri, 2005. P. 427].

Заметим, что одним из первых обратил внимание на необходимость глубинного осознания «сокровенного» еще Ван Би 王弼 (226–249), основатель «Учения о сокровенном» (玄学 Сюаньсюэ), хотя и придавал ему несколько иной смысл. По его мнению, не-бытие является онтологическим существованием, как основа и исток всех мириад явлений в этом мире [Tang, 2012. P. 167–168]. Фундаментальное различие между Сюаньсюэ и Чунсюань заключалось в том, что первые утверждали, что «небытие» (無 у) является происхождением «бытия», в том числе Неба, Земли и всех мириад вещей, вторые же считали, что истинный смысл выходит за рамки любых концепций «бытия» и «небытия» [Chan, 1998. P. 100].

Далеко не все разделяли идею того, что «парное сокровенное» обладает настолько скрытым смыслом, что его понимание требует каких-то отдельных форм практики или комментирования. Так, Лу Цзи (陸機 261–303), философ, писатель и литературный критик, не видел в «парном сокровенном» ничего примечательного и писал в сборнике эссе «Вэнь сюань чжу» («Комментарии к “Литературному изборнику”»): «Парное сокровенное – отнюдь не потаенное, а девять земель [потустороннего мира] – отнюдь не глубоки» (重玄匪奧, 九地匪沈). Через много веков комментатор Ли Шань (李善 630–689) также не нашел никакого глубинного смысла в «двойном сокровенном» и так разъяснил эту мысль Лу Цзи: «Парное сокровенное – это и есть Небо» (重玄, 天也)².

Возможно, сами даосы действительно не считали Чунсюань отдельной школой, и это являлось просто «модным» для того времени направлением комментаторства, в котором сочетались даосские концепции и буддийская логика [Kohn, 1991. P. 190]. Представляется, что спор о том, следует ли считать Чунсюань отдельной даосской школой или просто типом комментаторства, несколько надуман, так как многие даосские направления образовывались именно вокруг традиции составления нового цикла комментариев, а не за счет внедрения

² Лу Цзи. Хань гаоцзу гунчэнь сун [陸機. 文選注: 漢高祖功臣頌 // 中國哲學書電子化計劃]. Комментарии к «Литературному изборнику»: Панегирики достойным министрам ханьского Гао-цзу // Чжунго чжэсюэшу дьянь-цзыхуа цзихуа = Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=843638> (дата обращения 01.01.2021).

кардинально новых идей, ритуалов или новых типов практики. В этом аспекте даосизм, равно как и китайский буддизм, представлял собой очень гибкую и «эластичную» традицию.

Тексты «чистоты и покоя»

Мастер Ду Гуантин был большим поклонником идей, зафиксированных в трактате «Цинцзин цзин» («Канон чистоты и покоя»), и даже опубликовал его ксилограф со своими комментариями. Этот текст представляет собой не только дидактическое изложение даосских идей, но и особый тип медиативной практики, нацеленной на опустошение сознания, достигаемое через абсолютные чистоту и покой.

«Канон чистоты и покоя»³ (далее – «Канон») – текст анонимного автора, который обычно датируется IX в. и представляет собой яркий пример танского синкретизма. Учитывая, что текст четко ритмизован, нельзя исключить, что изначально он пропевался, как это делается в ряде современных даосских школ. Существуют современные «музыкальные», распевные версии этого «Канона», хотя их авторы признаются, что современные распевы, скорее всего, никак не связаны с древней формой⁴. Современные даосы из школы Цюаньчжэнь-дао используют текст трактата для мнемонического произнесения во время ритуалов, что связано с тем, что текст состоит из коротких ритмизованных отрывков, во многом напоминающих классических стихи типа «цы».

Полное название текста – «Канон Неизменной чистоты и покоя, рассказанный Высочайшим правителем Лао-цзюнем» (太上老君說常清靜經 *Тайшан лаоцзюнь шо чан цинцзин цзин*). Текст включен в «Пещеру Духов» (洞神 *Дун шэнь*), один из трех разделов даосского канона «Сокровищница Дао годов правления Чжэн-тун» (正統道藏 *Чжэнтун даоцзан*, составлен в 1436–1449). «Дао цзан» содержит целых 11 версий «Канона» под различными названиями и с некоторыми разночтениями. Самой распространенной является названная выше версия, которую также именуют «Чудесный канон чистоты и покоя» (清靜妙經 *Цинцзин мяо цзин*). Она включает 391 иероглиф, и была особо популярной среди даосов (Дао цзан, цз. 620). При этом в «Дао цзане» есть и расширенная версия (цз. 1169) приблизительно в 600 иероглифов – «Канон сердца чистоты и покоя» (清靜心經 *Цинцзин синь цзин*). Ряд исследователей считают этот вариант наиболее ранним [Kohn, 2008. P. 800], хотя из текстологического анализа этого не следует.

В различных версиях этот текст может иметь разные иероглифы в названии, которые при этом звучат и понимаются одинаково: *цинцзин* (清靜 или 清淨). Оба этих термина *цзин* (靜 и 淨), различающиеся лишь левой графемой, означают «покой», «чистоту»; в даосизме использовались как взаимозаменяемые.

Формально авторство текста приписывается Лао-цзы, от имени которого и даются наставления. Текст распадается на две части, каждая из которых предваряется словами «Лао-цзюнь сказал...»; таким образом, формально перед нами два наставления Лао-цзы, сведенных воедино. Точное время создания текста неизвестно, предположительно он был составлен либо в конце периода Шести династий (220–589), либо в эпоху Тан [Чжунго даоцзю ши, 1996. С. 536]. Вариант, дошедший до нас, скорее всего, создан при династии Тан (618–907). К «Канону» написаны три предисловия (в ряде изданий приводятся в конце, поэтому вполне могут считаться послесловиями): первое приписывается известному магу Гэ Сюаню (葛玄, 164–244), второе – «истинному человеку» Цзо Сюаню 左玄, третье – «истинному человеку» Чжэн И. Про двух последних практически ничего не известно, Цзю Сюань упоминается как даосский небожитель, обитающий в высшей небесной сфере (大罗天 *да ло тянь*), в ряде рассказов он выступает как наставник медитации и алхимии.

³ Другой возможный перевод названия «Канон очищения и безмятежности».

⁴ Материалы полевых исследований автора в монастыре Чжуньюэмяо, уезда Дэнфэн, пров. Хэнань в 2011–2015 гг.

Автор самого раннего предисловия Гэ Сюань принадлежал к клану знаменитых даосских мастеров Гэ. Он был дядей по отцовской линии одного из величайших даосских мастеров Гэ Хуна, в историю он вошел также как Гэ Сянь (Бессмертный Гэ), Гэ Сяньвэн (Бессмертный старец Гэ) или Бессмертный князь Цзо Великого предела (太极左仙公 Тайцзи цзо сяньгун). Гэ Хун утверждал, что многие его знания, изложенные в самом известном трактате по даосской алхимии «Мудрец, объемлющий первоначальную простоту» (*Бао пу цзы*), пришли именно от Гэ Сюаня. По преданию, Гэ Сюань был первым, кто получил священные писания Школы Драгоценности духов (灵宝派 *Линбао пай*), важнейшей школы раннего даосизма, возникшей в V в., которая позже вобрала в себя множество идей из буддизма, в том числе и идею перерождения [Шэнь Чжуншу, 2007]. Центральный трактат школы Линбао «Канон пяти знаков» (*五符经 У фу цзин*) был составлен основателем школы Гэ Чаофу на основе составлений именно Гэ Сюаня и Гэ Хуна [Sampany, 2005].

По преданию, изложенному в предисловии к трактату, текст был поведен богине Си Ван-му, одному из центральных персонажей даосской традиции и хтоническому божеству, самим Лао-цзы во время его путешествия на Запад. В дальнейшем текст передавался изустно среди даосских мистиков и отшельников, пока не дошел до Гэ Сюаня, а тот впервые записал его. В дальнейшем носителями этого текста стали ряд даосских учителей, принадлежавших к Школе небесных наставников (天师道 *Тяньши дао*), или Истинного единого (正一道 *Чжэньши дао*).

Высказывались предположения, что именно Гэ Сюань в III в. был реальным автором «Канона чистоты и покоя», но это представляется маловероятным [Pas, 1998]. В «Каноне» видно явное смешение даосских и буддийских техник и теорий, причем именно этот синкретизм составляет основу медитативной практики. Столь тесное смешение не могло произойти раньше эпохи Шести династий (420–589 гг.), и, как следствие, текст был составлен не раньше V–VI вв., то есть после периода жизни Гэ Сюаня, а текст предисловия лишь приписывается ему.

В период Сун (960–1260) текст становится частью традиции Школы Полноты истины (全真道, *Цюаньчжэнь дао*), причем интерпретируется в рамках техники выплавления пилюли бессмертия (内丹, *нэйдань*). Знаменитый мастер этой школы Сунь Буэр (孙不二, 1119–1182) даже берет себе псевдоним (號 *хао*) «Бродяга чистоты и покоя» (清静散人 *Цинцзин саньжэнь*), очевидным образом указывая на основную идею своей практики [Miura, 2007. P. 800].

Мастер Ду Гуантин видел в трактате подтверждение идей «парного сокровенного» и соглашался с традиционной версией возникновения трактата, в частности, с «тайной передачей» мудрости от Си Ван-му до Гэ Сюаня. Впрочем, следует учитывать, что Ду Гуантин был известным писателем-новеллистом и писал небольшие увлекательные истории в жанре «боевых рассказов» о героях, силачах⁵, а поэтому не исключено, что в его версии возникновения «Цинцзин цзин» есть немало художественного вымысла. В дальнейшем текст комментировался практически в каждую династию известными учеными. Так, обширные комментарии были составлены в эпохи Сун (960–1279) и Юань (1271–1368).

В период Тан (618–907) появляется ряд текстов «чистоты и покоя», очень близких друг другу по содержанию и характеру изложения. Тексты эти в основном базируются на рефлексии идей «Дао дэ цина», широко цитируют этот трактат, однако придают многим его пассажам новое осмысление, прежде всего, в духе буддийской традиции, что являлось отражением нарастающего синкретизма периодов Тан – Сун. В целом тексты носят наставнический характер, но обсуждают не столько идеи внешней или внутренней алхимии, что было характерно для более ранних канонов, а методы достижения особого состояния сознания, выра-

⁵ Его самым известным произведением стало «Предание о госте с курчавой бородой» (虬髯客傳 *Qiu ran ke zhuan*).

жаемого обычно понятиями 清 (*цин*, «чистота», «незамутненность») и 淨 (*цзин*, «покой», «умиротворение»), а поэтому можно говорить о целой категории текстов «чистоты и покоя». Главный смысл наставлений – устранение желаний и достижение абсолютного «освобождения духа» (神解 *шэнь цзе*).

Способы практики, описанные в этих текстах, напрямую связаны исключительно с техникой медитации, прежде всего медитации на «пустоте» (*сюй*, *кун*), на полном отсутствии всяких внешних проявлений, на конечной деактуализации внешнего мира. Это состояние, которое и свидетельствует о достижении полной «чистоты и покоя» в сознании, проповедуемое даосскими текстами, восходит к буддийской концепции мадхьямики о конечной пустотности и иллюзорности реальности. Данный тип медитации можно понимать как апофатический, то есть не связанный с каким-то отдельным образом или явлением, а исключительно с самоочищением и отрицанием субстанциональной сущности. Такая медитация связана с абсолютной тишиной, молчанием, успокоением, что и выражается термином *цзин* (靜). В известной степени она противопоставлена другому типу медитации, практикуемой в более ранних даосских школах, – катафатической медитации на визуализации образов, при которой следовало «сберегать» (存 *цунь*) в сознании ряд духов или визуализировать, например, «три чистых» (三清 *сань цин*) божества, которые входят в сознание медитирующего.

Основная идея, изложенная в «Каноне чистоты и покоя», вполне традиционна – постепенное избавление от желаний через духовную практику, направленную на успокоение и очищение своего сознания и, в конце концов, прозрение Дао. На первый взгляд, текст выдержан в духе даосской классики и не многим отличается от идей, изложенных в «Дао дэ цзине». Перед нами – яркий пример танской философской эклектики, лишь имитирующий даосский трактат, но опирающийся в основном на буддийские идеи избавления от желаний и иллюзий мира.

Для вхождения в состояние абсолютной пустотности и непривязанности ни к бытию, ни к небытию (то есть «двойного сокровенного») адепты этого учения рекомендовали достигать состояние «чистоты и покоя». Эти категории не являются лишь простым описанием абстрактного состояния сознания, но представляют собой определённое направление медитативной практики, базирующейся на постепенном опустошении сознания и вхождении в состояние абсолютного преодоления конвенций реальности через «отрицание отрицания». Такие тексты в даосизме появились под влиянием буддийских концепций медитативного озарения *випасьяна*. В указанном контексте само понятие *цинцзин* означает отказ от разрушающих человека иллюзий, окончательное избавление от пут мира, предельную чистоту сознания. В частности, в буддизме термином *цинцзин* (清淨) переводится санскритское понятие *паривудхи* (*parishuddhi*) или палийское *вишудхи* (*vishuddhi*) – абсолютное и полное очищение от мирских иллюзий, свобода от зла и загрязнений. В целом же понятие *цинцзин* (清靜) означает «спокойный, полный безмятежности, тихий». Идея «чистоты и покоя» как основы духовного могущества человека постулируется еще в «Дао дэ цзине»: «Лишь тот, кто чист и спокоен, способен править в Поднебесной» (§ 45). Очищение сознания происходит через практику парного «вскармливания» – «чистоты» и «покоя» [Komjathy, 2004. P. 47–48]. Так, в стихотворном буддийском сочинении «Абхидхармакоша» индийского автора Васубандху, в его китайской версии (俱舍論 «Цзюйшэлунь»), переведенной сначала в 564–567 гг., а затем в 651–654 гг. знаменитым монахом Сюань-цзаном, говорится: «Отстранись от всех дурных поступков, от всех переживаний и загрязняющих первопричин – это и будет называться очищением и покоем» (цз. 16).

«Буддийское» содержание трактата во многом является реминисценцией текста популярной в китайском чань-буддизме «Сутры сердца совершенной мудрости», или сокращенно «Сутры сердца» («Праджняпарамита хридая сутра», Prajñāpāramitāhṛdaya, или 般若心經 *Паньжо синьцзинь*), как по смыслу, так и по структуре. Самой известной в Китае версией сутры стал вариант буддийского проповедника Кумараживы (334–413). При этом в даос-

ских школах периода Тан под термином «чистота и покой» начинает подразумевать не абстрактную идею успокоения и самоочищения, но сочетание определенной медитативной и психосоматической техники с настроением сознания, а также с комментаторской традицией поиска «тайных смыслов».

Техника медитации «чистоты и покоя» как восхождение к пустоте

Ключевой формой практики, которую предлагает текст, является метод «созерцания» или «взирания» (觀 *гуань*), то есть глубокой медитации и прозрения состояния запредельного покоя. Оба термина входят в число важнейших принципов внутренней даосской практике и встречаются в «Дао дэ цзине». В частности, § 45 подчеркивает эти два качества в качестве важнейших для управления: «Лишь тот, кто чист и спокоен, способен править Поднебесной».

Высшая степень медитации – это «взирать в пустоту» *кун гуань* (空觀), то есть прозревать абсолютно пустотную и само-отсутствующую природу, при которой «эго» человека полностью исчезает, когда «его сердце уже не является его сердцем, а его внешняя оболочка – уже не его внешняя оболочка». Последователь избавляется как от ощущения собственного тела, так и от любых внешних форм. «Опустошение сознания» проходит через четыре уровня медитации: «внутренний взор» или «взирать внутрь», то есть в свое сердце, «внешний взор» или «взирать вовне» (外觀 *вай гуань*), то есть на свое тело, и наконец, «взирание вдаль» (遠觀 *юань гуань*) – прозревать далекие вещи и явления. Причем на каждом этапе следует не столько визуализировать «сердце», «тело» и «вещи», но наоборот избавляться от них, «опустошать», пока не наступает высший, четвертый этап медитативной практики – «взирать на пустоту».

Основная техника медитации, которая описывается в тексте, именуется 內觀 *нэй гуань* («внутренний взор», «взирание вовнутрь») – термин, широко распространенный в даосизме. Эта техника, вероятно, приходит из буддизма, где практиковалась медитация через «взор внутрь» себя», *випассьяна* (*vipassana*), которая реализуется здесь через понятие *нэй гуань*. Сама техника достижения «чистоты и покоя» заимствована из буддийской практики устранения не столько желаний (это часть традиции даосизма), но самих причин этих желаний, например, «трех ядов» или «шести страстей», связанных с искушениями через тело или через мысли (или «идеи»).

Именно здесь мы встречаем практическое применение идей Чунсюань. Человек способен достичь высочайшего покоя и чистоты, но лишь «желания ведут его за собой», и единственный рецепт, как избежать этого – глубокая медитативная практика, или «взирание». Последователь должен «прозреть пустоту» или «взирать на пустоту» (空觀 *кун гуань*) за счет постижения двойного «отсутствия» (無無 *у у*), то есть уничтожить как загрязнение сознания, так и само стремление к очищению.

Медитация проводит последователя через три этапа. Первый этап – «обретение чистоты и покоя», второй – «постепенное проникновение в истинное Дао» и, наконец, «обретение Дао». Обретение Дао равносильно получению способности управлять миром, «трансформировать мириады живых существ». Часть 1.1. «Канона» описывает «внефеноменологичность» Дао, отсутствие его прямых проявлений. «Великий Путь» нейтрален, не обладает ни внешней формой (形 *син*), то есть внешними проявлениями или «телесностью», ни чувствами или страстями (情 *цин*), он не может быть как-то обозначен, то есть «обладать именем» (名 *мин*). Он лишь дает толчок к развитию мира через разделение на противоположности: «запускает солнце и луну», «порождает Небо и Землю». В этой части «Канон чистоты и покоя» не только четко следует базовым даосским идеям, но и прямо цитирует «Дао дэ цзин».

Часть 1.2. текста посвящена космологии, она говорит о фундаментальной бинарной оппозиции: «чистота–загрязнение» (清濁 *цин чжо*), «движение–покой» (動靜 *дун цзин*), при этом

чистота и движение являются свойствами Неба, загрязнение и покой – Земли, но только Дао обладает всей совокупностью свойств и лишь «делегирует» их Небу и Земле. Великое Дао, будучи изначально единым, разделяется на чистое *цин* и загрязненное или замутненное *чжо*, на «пребывающее в движении» *дун* и «пребывающее в покое» *цзин*, что является проявлением универсальных бинарных оппозиций *инь-ян*. Однако «загрязнение» (*чжо*) здесь выступает в буддийском смысле *кашая* (санск. *kāśāya*), то есть «страсти».

Часть 1.4 говорит об «избавлении от желаний», важнейшем постулате даосизма, но трактует это в буддийском аспекте через понятие «шести желаний» или страстей (六欲 *лю юй*), порождаемых «опорами сознания» или «шестью корнями»: желания, порождаемые глазами, ушами, носом, языком, осязанием и воображением. Там говорится о конкретных техниках: «взирание на пустоту» (觀空), причем эта часть представляет собой классическую тетралемму: «Взирание на пустоту также пустотно, но в самой пустоте нет ничего того, что было бы пустотным. То, что пустотно, отсутствует, а отсутствие отсутствия также отсутствует» (觀空亦空。空無所空所空既無。無無亦無). В дальнейшем истинное состояние постулируется через его отрицание, например, «недвижимость, в которой нет ничего от неподвижности», «зывается он Обретшим Дао, в действительности ничего он так и не обрел». Часть 1.4. также рассказывает о технике медитации «внутреннего взора» (апофатической медитации). «Внутренний взор» означает прозрение своего сердца, которое должно быть свободным от желаний и страстей. В этот момент происходит деактуализация «я» или утрата личности человека, исчезновение его как объекта и субъекта медитативной практики. Его сердце уже «не его сердце», его тело «уже не его тело», и эта идея «утраты себя», «самозабвения» (忘我 *ван во*) является ключевой в системе практики мистического даосизма. Таким образом, главная задача практикующего медитацию «внутреннего взора» заключается в том, чтобы отрешиться как от своей телесности, так и от своей личности. Более того, следует отрешиться и от самой идеи пустоты: «опустошить пустоту» (空空 *кун кун*), то есть достичь многократного отрицания. Тогда и достигается абсолютное «отсутствие» или небытие» (*у*) – полное отрицание внешних проявлений: «Сделать отсутствие отсутствующим – вот оно отсутствие».

Часть 1.5 говорит о том, что «проникновение в путь Дао» и есть обретение чистоты и покоя. При этом такой человек продолжает пребывать вне очевидных внешних проявлений своих «достижений», его добродетели не видны. Это соответствует принципу «сокрытости» самого главного, изложенному в «Дао дэ цзине»: «Всеохватная Благодать кажется недостаточной. Подлинная Благодать кажется сокрытой. Извечная истина кажется пустой» (§ 41). «Канон», продолжая эту мысль, говорит о том, что «обретший Дао в действительности ничего не обрел».

Части 2.1 и 2.2 наполнены скорее буддийскими, а не даосскими аллюзиями, в частности, «иллюзорное сознание» или «сознание, пребывающее в заблуждениях» (妄心 *ван синь*), страдания через эмоциональное окрашивание восприятия мира (煩惱 *фаньнао* санскр. *kleśa*, *клеша*), вновь повторяет идею того, что именно заблуждения в сердце приводят дух в смятение, а мятущийся дух привязывается к вещам, отсюда возникают страдания и препятствия в жизни. Это коррелируется с тремя способами «отвязки» от сущностной реальности: очищение сердца, очищение духа и деактуализация внешнего мира (1.3).

Таким образом, в «Каноне чистоты и покоя» представлены как минимум две важнейшие особенности. Во-первых, это систематичное изложение идей направления Чуансюэ, где система тетралеммы реализуется не как абстрактная теория, а как формы медитации. Во-вторых, мы видим синкретическое смешение буддийских и даосских техник и теорий в формально даосском трактате; тем самым подтверждается идея о том, что в теоретическом и практическом аспектах буддизм и даосизм периода Тан-Сун были мало различимы на уровне текстов.

В целом можно констатировать, что Чуансюэ не представляло собой отдельной школы даосизма, но являлось скорее сочетанием даосско-буддийских методов экзегетики текстов

и медиативной практики, где высшей целью ставилось «опустошение пустоты». Эта идея была выражена в ряде текстов «чистоты и покоя», наиболее известным из которых стал «Канон чистоты и покоя».

Приложение 1

«Канон чистоты и покоя»⁶

1.1.

Лао-цзюнь сказал:
Великий Путь не имеет формы,
Но он порождает и воспитывает Небо и Землю⁷.
Великий путь не имеет чувств,
Но он запускает движение солнца и луны.
Великий путь не имеет имени,
Но он возвращает и вскармливает мириады вещей.
Не знаю я его имени,
Но все же через силу назову его «Дао»⁸.

1.2.

Дао обладает как чистым, так и загрязненным,
Как движением, так и покоем.
Небо чисто, земля загрязнена.
Небо пребывает в движении, земля в покое.
Мужское чисто, женское замутнено.
Мужское пребывает в движении, женское в покое⁹.
Спускаясь к самой основе, проистекая к самым краям¹⁰,
Порождает оно мириады вещей.
Чистота – вот источник замутнения.
Движение – вот основа покоя.
Если человек сможет постоянно пребывать в чистоте и покое,
То и Небо, и Земля полностью вернуться к своему истоку¹¹.

1.3.

Дух человека любит чистоту,
Но сердце приводит его в смятение.
Сердце человека любит покой,
Но желания влекут его над собой.
Если сможешь навсегда избавиться от желаний,
То и сердце твое само придет в покой.
Очисти свое сердце
И дух сам очистится.

⁶ Перевод «Канона» выполнен автором данной статьи по: Тайшан лаоцзюнь шочан цинцзин цзин сун чжу [太上老君說常清靜經頌註 / 杜光庭註 // 正統道藏]. «Канон неизменной частоты и покоя», рассказанный Высочайшим учителем Лао-цзюнем, с комментарием / Комм. Ду Гуантина // Чжэнтун даоцзан [Сокровищница Дао годов правления Чжэн-тун], т. 533. Размещен в депозитарий Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=84438> (дата обращения 01.01.2021). Разбивка по параграфам принадлежит переводчику.

⁷ См. «Дао дэ цзин», § 51.

⁸ Там же, § 25.

⁹ Там же, § 61.

¹⁰ Ливия Кон трактует это как «Основа (чистота) опускается вниз, а [замутнённое] проистекает наружу».

¹¹ Ср. «Дао дэ цзин», § 16. В комментариях Хэшан Гуна на этот параграф уточняется, что речь идет о «возвращении к корням» (歸根 歸 根 歸 根).

Естественным образом шесть желаний¹² не будут рождаться,
А три яда¹³ исчезнут.

1.4.

Причина того, что человек не способен сделать это,
Заключается в том, что он еще не очистил свое сердце,
А его желания еще не рассеялись.
Тот же, кто уже отринул желания,
Взирает внутрь, в свое сердце,
И его сердце – это отсутствие сердца.
Взирает он вовне на внешнюю форму,
И его формой становится отсутствие формы.
Взирает еще дальше на вещи,
И эти вещи уже являют собой отсутствие вещей.
Стоит ему постичь эти три практики,
То будет он видеть все, как пустотное.
Взирай на пустоту ради опустошения.
Как только пустота исчезнет – вот только это и есть пустота.
То, что опустошено, и есть отсутствие-небытие.
Отсутствие отсутствия также является отсутствием.
Сделать отсутствие отсутствующим – вот оно отсутствие!
О, невозмутимое и извечно недвижимое!
Взирание на пустоту также пустотно,
Но в самой пустоте нет ничего того, что было бы пустотным.
То, что пустотно – отсутствует, а отсутствие отсутствия также отсутствует¹⁴.
Поскольку в спокойствии нет ничего от спокойствия, так откуда же появиться желаниям?

1.5.

В этой неподвижности, где нет даже того, что являлось бы недвижимым,
как же могут зародиться желания?
Когда желания более не рождаются, это и есть истинный покой.
Истинный покой откликается в вещах, а истинное постоянство обретает свою природу.
В этом постоянном отклике и постоянном спокойствии есть неизменные чистота и покой.
Если обрешь эти чистоту и покой, то постепенно проникаешь и в истинный путь-Дао.
Проникший в истинное Дао и зовется Обретшим Дао.
И хотя зовется он Обретшим Дао, в действительности ничего он так и не обрел.
И именно из-за того, что трансформирует он мириады живых существ,
И зовется он Обретшим Дао.
Тот, кто может постичь это, способен сам передавать священное Дао.

¹² Шесть желаний, или «шесть страстей» (六欲 *лю юй*), – в буддизме шесть желаний, порождаемых «опорами сознания», или «шестью корнями»: желания, порождаемые глазами, ушами, носом, языком, осязанием и воображением. В буддизме также понимаются как шесть чувственных желаний, вызываемых сексуальными устремлениями, внешним видом, манерами, звуками голоса или речами, утонченностью фигуры (обходительностью) и мыслями. Первые четыре желания относятся к категории «телесных» (身 *шэнь*), два последних – к «ментальным» (意 *и*).

¹³ «Три яда» (三毒 *сань ду*) в буддизме означают алчность (или желания *гэнь*), гнев или ненависть *энь* и незнание или глупость (*бэнь*). Они являются источником страстей и иллюзий – «тремя корнями» (三根 *сань гэн*) заблуждений.

¹⁴ А то, в чем отсутствует [пустотность], также пустотно (無無亦無).

2.1.

Лао-цзюнь сказал:

Мужья высоких качеств не соперничают, мужа же низких качеств любят соперничать¹⁵.

Люди высшей благодати не кичатся благодатью.

Люди же низкой благодати демонстрируют эту благодать¹⁶.

Тех, кто демонстрируют благодать, не назовут обладающими путем-Дао и благодатью-Дэ¹⁷.

2.2.

Причина того, почему живые существа не могут обрести истинного Дао, заключена в том, что сердца их пребывают в заблуждениях.

А если сердца их погружены в заблуждения, то и дух пребывает в смятении.

А дух, что пребывает в смятении, становится привязанным к мириадам вещей.

Привязываясь к мириадам вещей, рождаются в нем алчные устремления.

А рождение алчных устремлений ведет лишь к заблуждениям и страданиям¹⁸.

Заблуждения и помрачения ведут к суетным мыслям,

А это заставляет тревожиться и страдать и тело, и душу.

Еще больше сталкиваясь с загрязнением и позором,

Бесприютно бродя между рождением и смертью,

Постоянно погружаясь в море страданий¹⁹,

Навечно он утрачивает истинное Дао.

2.3.

О, истинное и вечное Дао!

Тот, кто поймёт это, сам достигнет его.

Те же, кто достиг понимания Дао, неизменно чисты и спокойны!

Список литературы

- Маслов А. А.** Трансформативная посвятельная традиция в даосизме и концепция *сяня* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 9–24.
- Маслов А. А.** Эр ди («Две истины») // Китайская философия: Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. С. 512–513.
- Ло Чжуншу.** Лунь чэн сюаньинь чуансюэ фанфа [罗中枢。论成玄英的重玄方法 // 哲学研究]. О методе двойного сокровенного Чэн Сюаньина // Чжэсюэ яньцзю. 2010. № 9. С. 63–69 (на кит. яз.)
- Наньхуа чжэньцзин чжушу** [南華真經註疏 / 郭象注, 成玄英疏, 曹礎基等点校]. Истинный канон Южного цветка / С коммент. Го Сяна, Чэн Сюаньина, Цао Чуцзи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1998. В 2-х т. 629 с. (на кит. яз.)

¹⁵ См. «Дао дэ цзин», § 41, 1.

¹⁶ Другой возможный перевод фразы: «Высшая благодать не обладать благодатью, низшая благодать — это придерживаться благодати».

¹⁷ См. «Дао дэ цзин», § 38, 1.

¹⁸ Заблуждения и страдания (кит. 煩惱 *фаньнао*, санскр. *клеша*). В буддизме страсти и омрачения, заблуждения и страдания связаны с незнанием или иллюзиями о смысле собственного существования и причинах страданий. Один из корней или причин клеши – алчные желания. Существуют первичные клеши – незнание (неведение), безнравственность и духовная слепота, вторичные клеши представляют собой мешающие эмоции, в том числе злоба, гнев, зависть.

¹⁹ Здесь очевидно прослеживается буддийское влияние – рассуждения о «море страданий» (*ку хай*) или «море сансары».

- Чжунго даоцзяо ши [中国道教史 / 卿希泰主编]. История даосизма в Китае: в 4-х т. / Под ред. Цин Ситая. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1996. 2940 с. (на кит. яз.)
- Чэн Сюаньин.** Дао дэ цзин кайти сюйцзюэ ишу [成玄英。道德經開題序訣義疏 // 經子叢書 / 嚴靈峰]. Комментарии, разъясняющие смысл Дао дэ цзина // Цзинцзы цуншу [Коллекция канонов] / Под ред. Янь Линфэна. Тайбэй: Нантянь шуцзюй, 2018. Т. 6. С. 239–728 (на кит. яз.).
- Шэнь Чжуншу, Цинь Вэйган.** Лючао линбаоцзинчжундэ гэ сяньгун [神塚淑、欽偉剛。六朝靈寶經中的葛仙公 // 宗教學研究]. Гэ Сяньгун в канонах Школы Линбао периода Шести династий // Цзунцзяосюэ яньцзю [Изучение религий]. 2007. № 3. С. 1–9; № 4. С. 2–11 (на кит. яз.)
- Assandri F.** The Yijing and Chongxuan Xue: An Onto-Hermeneutic Perspective // *Journal of Chinese Philosophy*. 2011. Vol. 38, № 3. P. 397–411.
- Assandri F.** Understanding Double Mystery: Daoism in Early Tang as mirrored in the FDLH (T 2104) and Chongxuanxue // *Journal of Chinese Philosophy*. 2005. Vol. 32, № 3. P. 427–440.
- Campany R. F.** Two Religious Thinkers of the Early Eastern Jin: Gan Bao and Ge Hong in multiple contexts // *Asia Major* (third series). 2005. Vol. 18, № 1. P. 175–224.
- Chan A. K. L.** A Tale of Two Commentaries: Ho-shang-kung and Wang Pi on the Lao-tzu // *Lao-Tzu and the Tao-Te-Ching* / ed. by L. Kohn, M. LaFargue. Albany: SANY Press, 1998. P. 89–117.
- Kohn L.** *Qingjing jing* 清靜經 Scripture of Clarity and Quiescence // *The Encyclopedia of Taoism* / ed. by F. Pregadio. London and New York: Routledge, 2007. Vol. 2. P. 800–801.
- Kohn L.** *Taoist Mystical Philosophy: The Scripture of Western Ascension*. Albany: SUNY Press, 1991. 345 p. (SUNY Series in Chinese Philosophy and Culture).
- Komjathy L.** *Daoist Texts in Translation* (e-book). Published by Center for Daoist Studies, 2004. 56 p.
- Miura Kunio.** Qingjing 清靜 Clarity and Quiescence // *The Encyclopedia of Taoism* / Ed. by F. Pregadio. London and New York: Routledge, 2007. Vol. 2. P. 799–800.
- Ozkan Cuma.** A comparative analysis: Buddhist Madhyamaka and Daoist Chongxuan (twofold mystery) in the early Tang (618–720). MA (Master of Arts) thesis. University of Iowa, 2013. 63 p. DOI 10.17077/etd.o9rxrm2t
- Pas J. F.**, in cooperation with Man Kam Leung. *Historical Dictionary of Taoism*. Lanham, MD: The Scarecrow Press, 1998. xliii, 414 p.
- Robinson R. H.** Some Logical Aspects of Nagarjuna's System // *Philosophy East and West*, 1957. Vol. 6, № 4. P. 291–308. DOI 10.2307/1397476
- Sharf R.** *Coming to Terms with Chinese Buddhism: a reading of the Treasure Store Treaties*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2005. 416 p. (Studies in East Asian Buddhism).
- Tang Yijie.** Cheng Xuanying and the Study of the Twofold Mystery // *Taoism* / Ed. by Mou Zhongjian, trans. by Pan Junliang, S. Normand. Boston: Brill, 2012. P. 149–175.

References

- Assandri F.** The Yijing and Chongxuan Xue: An Onto-Hermeneutic Perspective. *Journal of Chinese Philosophy*, 2011, vol. 38, no. 3, p. 397–411.
- Assandri F.** Understanding Double Mystery: Daoism in Early Tang as mirrored in the FDLH (T 2104) and Chongxuanxue. *Journal of Chinese Philosophy*, 2005, vol. 32, no. 3, p. 427–440.
- Campany R. F.** Two Religious Thinkers of the Early Eastern Jin: Gan Bao and Ge Hong in multiple contexts. *Asia Major* (third series), 2005, vol. 18, no. 1, p. 175–224.
- Chan A. K. L.** A Tale of Two Commentaries: Ho-shang-kung and Wang Pi on the Lao-tzu. In: *Lao-Tzu and the Tao-Te-Ching*. Ed. by L. Kohn, M. LaFargue, Albany, SANY Press, 1998, p. 89–117.

- Cheng Xuanying.** Daode jing kaiti xujue ishu [成玄英。道德經開題序訣義疏 // 經子叢書 / 嚴靈峰編]. Comments Explaining the Meaning of Dao De Jing. In: *Jingzi congshu* [Canon Collection]. Ed. by Yan Lingfeng. Taipei, Nantian shuju, 2018, vol. 6, p. 239–728. (in Chin.)
- Kohn L.** *Qingjing jing* 清靜經 Scripture of Clarity and Quiescence. In: *The Encyclopedia of Taoism*. Ed. by F. Pregadio. London and New York, Routledge, 2007, vol. 2, p. 800–801.
- Kohn L.** *Taoist Mystical Philosophy: The Scripture of Western Ascension*. Albany, SUNY Press, 1991, 345 p. (SUNY Series in Chinese Philosophy and Culture).
- Komjathy L.** *Daoist Texts in Translation* (e-book). Published by Center for Daoist Studies, 2004, 56 p.
- Luo Zhongshu.** Lun cheng xuanyinde chuangxue fangfa [罗中枢。论成玄英的重玄方法 // 哲学研究]. On Cheng Xuanyin's method of Twofold mystery. *Zhexue yanjiu* (*Philosophical Studies*), 2010, no. 9, p. 63–69. (in Chin.)
- Maslov A. A.** Er di (“Two Truths”). In: *Chinese Philosophy: Encyclopedic Dictionary*. Moscow, “Mysl” Publishing House, 1994, p. 512–513 (in Russ.)
- Maslov A. A.** Tradition of Transformative Initiation in Taoism and the Concept of *xian*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 9–24. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-9-24
- Miura Kunio.** Qingjing 清靜 Clarity and Quiescence. In: *The Encyclopedia of Taoism*. Ed. by F. Pregadio. London and New York, Routledge, 2007, vol. 2, p. 799–800.
- Nanhua zhenjing zhushu [南華真經註疏 / 郭象注、成玄英疏、曹礎基等点校]. *The True Canon of the Southern Flower*. With commentaries by Guo Xiang, Cheng Xuanying and Cao Chuji. Beijing, Zhonghua shuju, 1998, in 2 vols, 629 p. (in Chin.)
- Ozkan Cuma.** A comparative analysis: Buddhist Madhyamaka and Daoist Chongxuan (twofold mystery) in the early Tang (618–720), MA (Master of Arts) thesis. University of Iowa, 2013, 63 p. DOI 10.17077/etd.o9rxrm2t
- Pas J. F.**, in cooperation with Man Kam Leung. *Historical Dictionary of Taoism*. Lanham, MD: The Scarecrow Press, 1998, xliii, 414 p.
- Robinson R. H.** Some Logical Aspects of Nagarjuna's System. *Philosophy East and West*, 1957, vol. 6, no. 4, p. 291–308. DOI 10.2307/1397476
- Sharf R.** *Coming to Terms with Chinese Buddhism: a reading of the Treasure Store Treaties*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2005, 416 p., (Studies in East Asian Buddhism).
- Shen Zhongshu, Qin Weigang.** Liuchao lingbaojing zhongde Ge Xiangong [神塚淑、欽偉剛。六朝靈寶經中的葛仙公 // 宗教學研究]. Ge Xiangong in the Canons of the Lingbao School of the Six Dynasties Period. *Zongjiao xue yanjiu* (*Study of Religions*), 2007, no. 3, p. 1–9; no. 4, p. 2–11. (in Chin.)
- Tang Yijie.** Cheng Xuanying and the Study of the Twofold Mystery. In: *Taoism*. Ed. by Mou Zhongjian, trans. by Pan Junliang, S. Normand. Boston, Brill, 2012, p. 149–175.
- Zhongguo Daojiao shi* [中国道教史 / 卿希泰主编]. *History of Taoism in China*, ed. by Qing Xitai. Chengdu, Sichuan renmin chubanshe, 1996, in 4 vols., 2940 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received
11.01.2021

Сведения об авторе

Маслов Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор, и. о. директора Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия), профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

amaslov@asianinstitute.org

Information about the Author

Alexey A. Maslov, PhD, Professor, acting director of the Institute of Far Eastern Studies RAS (Moscow, Russian Federation), professor of HSE University (Moscow, Russian Federation)

amaslov@asianinstitute.org

Измерение времени с помощью благовоний в Восточной Азии

Е. Э. Войтишек¹, А. С. Шмакова²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация

За тысячи лет развития ароматической культуры в странах Восточной Азии накоплен огромный опыт в различных областях применения благовоний, в том числе в сфере календарных расчетов и измерения времени. Анализ артефактов, предметов религиозного культа и повседневного быта свидетельствует о широком использовании благовоний: кроме возжигания палочек и спиралей были изобретены суточные ароматические печати, будильники, а также часы, отмеряющие ночное время в строгой зависимости от сезона. Ароматические часы находили применение в навигации, инженерном деле, придворном и религиозном церемониале, в занятиях ученых, в монастырских и частных школах, чайных домах, служили предметом восхищения поэтов, художников и каллиграфов.

Использование курительниц, ароматического сырья и инструментария для измерения времени составляет яркий феномен в культуре Китая, Кореи и Японии, свидетельствуя о высокой адаптивности образов традиционной культуры не только к ежедневным бытовым потребностям, но и к различным достижениям науки и техники. Это находит подтверждение и в настоящее время вместе с производством новых моделей ароматических часов.

Ключевые слова

измерение времени, благовония, ароматические часы, благовонные палочки, ароматические печати, Восточная Азия

Благодарности

Данная статья подготовлена при поддержке гранта «Ароматическая культура Шелкового пути и ее трансформация на Корейском полуострове» от Корейского Фонда Республики Корея (№ 20200825-6415)

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Шмакова А. С. Измерение времени с помощью благовоний в Восточной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 109–124. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-109-124

Time Measurement with Incense in East Asia

Е. Е. Voytishek¹, A. S. Shmakova²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation

Abstract

Spanning across thousands of years of aromatic culture development in the countries of East Asia, incense application has accumulated vast experience in various fields, including calendrical calculations and time measurement.

Analysis of artifacts, objects of religious worship and everyday life indicates fragrant substances' great versatility in terms of their use: in addition to sticks, spirals and cones, devices such as the Hundred Graduations Incense seals, alarm clocks, as well as clocks that measured night time, strictly dependent on the calendar season, were invented. Various types of aromatic clocks could be distinguished by their great functionality, finding application in many areas – navigation, engineering, in court and religious ceremonies, scientists' work, in monastic and private schools, tea houses, and were the subject of admiration for poets, artists and calligraphers.

The study of the ways of using incense in East Asian countries (including for measuring time) is based on the analysis of a variety of sources – written, artistic and ethnographic. Compared to the large number of Chinese and Japanese sources, the cultural heritage of the Korean Peninsula contains significant gaps, which significantly complicates the interpretation of the material.

The use of incense burners, aromatic raw materials and various instruments for measuring time is a remarkable phenomenon in the fragrance culture of China, Korea and Japan, testifying to the high adaptability of symbols and images of traditional culture not only to everyday household needs, but also to various achievements of science and technology. This is confirmed at the present time, given the production of new models of aromatic clocks.

Keywords

incense measurement of time, aromatic clock, incense sticks, aromatic seals, East Asia

Acknowledgements

This research was prepared with the financial support of the KF “The incense culture of the Silk Road and its transformation on the Korean Peninsula”, project No. 20200825-6415

For citation

Voytishchik E. E., Shmakova A. S. Time Measurement with Incense in East Asia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 109–124. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-109-124

Введение

Изучение функций аромакультуры в странах Восточной Азии приводит к открытию феномена использования благовоний для астрономических и календарных расчетов, приспособленных к разным практическим целям.

Применение благовоний для отсчета времени в Китае известно с периода Южных и Северных династий (420–589). В эпохи Тан и особенно Сун (VII–XIII вв.) использование курильниц, благовонных палочек и ароматических печатей в качестве специфического инструментария для определения времени вошло в повседневный обиход – не только в религиозных службах и чтении сутр в храмах, но и при проведении различных светских мероприятий.

Сфера применения благовоний для календарных и временных расчетов при императорском дворе, в кругу философов, ученых и чиновников вместе с осознанием важности категории времени постепенно распространилась и на жизненные привычки простого народа. Народные способы измерения времени касались ежедневных привычек и потребностей, когда важно было определить время, необходимое для того, чтобы выпить горячего чая, съесть чашку риса, преодолеть некое расстояние, сжечь одну благовонную палочку¹. При этом если на Западе использование благовоний ограничивалось в основном религиозными или культовыми практиками, то в Китае (и затем в других странах Восточной Азии) им было найдено много сфер практического применения – только в функции измерения времени благовония широко использовались во дворцах, в правительственных учреждениях, буддийских храмах и во время занятий ученых.

Измерение времени в традиционном Китае

С глубокой древности измерение времени в Китае осуществлялось несколькими способами – с помощью солнечных часов (圭表 *гуйбяо*), водяных клепсидр (漏壺 *лоу ху* или 刻漏 *кэ лоу*) и позднее песочных часов (沙漏 *ша лоу*). Исследователи расходятся во мнении, были ли эти технические устройства изобретены в самом Китае в VII–VI вв. до н. э. или могли быть заимствованы в результате культурных контактов со странами Передней Азии, но несомненно, что к эпохе Хань (III в. до н. э.) солнечные часы и водяные клепсидры уже широко ис-

¹ До сих пор часто встречаемое в обиходе китайское выражение – «время горения одной палочки благовоний» (一炷香的时间 *и чжу сянь дэ шицзян*) – как раз отражает это представление.

пользовались при императорском дворе [Духовная культура Китая, 2009. Т. 5. С. 114–115; Старцев, 1978. С. 275].

У перечисленных способов измерения времени постепенно выявились некоторые недостатки и ограничения. Так, водяные клепсидры теряли функциональные свойства при температуре воздуха ниже нуля, солнечные часы – при облачной погоде, а песочные часы – при повышенной влажности. Поэтому впоследствии они были дополнены (а в некоторых случаях и заменены) еще одним способом отсчета времени – с помощью воспламенения благовоний (палочек и ароматического порошка) [Войтишек и др., 2020. С. 98].

Ароматические палочки как способ измерения времени

Для измерения времени проще всего было приспособить благовонные палочки: на них наносились отметки или насечки, соответствующие определенным временным промежуткам².

Для точного отсчета времени требовалось строгое соблюдение рецептуры составления ароматического сырья – с тем, чтобы скорость прогорания благовоний оставалась фиксированной и равномерной. Основу ароматического сырья обычно составляла сандаловая или агаровая древесина, к которой добавлялись другие ингредиенты, регулирующие скорость горения³.

Сферы применения благовонных палочек как инструментов измерения времени были самыми разными. Наиболее широко они использовались в стенах храмов для определения времени проведения ежедневных ритуалов и для расчета длительности разнообразных придворных церемоний. До сих пор для отсчета более длительных временных промежутков (в 7 дней, 30 дней и др.) повсеместно в храмах Китая применяются благовония в форме гигантских спиралей (как правило, в поминальных службах).

Помимо этого, ароматические палочки часто использовались и вне религиозной сферы. В Средние века зафиксированы случаи использования палочек и сложных ароматических часов в инженерном и морском деле⁴. До середины XX в. китайские шахтеры перед спуском под землю зажигали трехчасовую палочку, которая позволяла им отсчитывать смены. Чиновники, ученые и «люди культуры» часто возжигали благовония во время интеллектуальных встреч, включающих чаепитие, игру в шашки, стихосложение, музицирование, занятия каллиграфией и живописью. Популярным видом досуга было проведение разнообразных интеллектуальных состязаний, когда участники встреч за время горения одной палочки сочиняли стихотворение или создавали художественный экспромт⁵ [Войтишек и др., 2020. С. 99].

---

² Об этом как раз свидетельствуют стихотворные строки поэта периода Южных и Северных династий Юй Цзянью: «По горящим куреньям узнаю я ночные часы, по размеченной свечке проверяю я сроки для стражи» (цит. по: [Шефер, 1981. С. 215]).

³ Так, глина замедляла горение, а компоненты, содержащие смолу, наоборот, ускоряли. Кроме того, добавлялись и измельченные в порошок ароматические вещества – такие как ладан, пачули, гвоздика, камфора и многие другие. К этим ингредиентам подливали небольшое количество воды или вина, все смешивали в пастообразную субстанцию, которую с помощью пресса продавливали через круглые отверстия. Получившиеся на выходе длинные нити сушили и затем разрезали на палочки нужной длины [Bedini, 2005. P. 32].

⁴ В навигации ароматические печати использовались для измерения скорости ветра за короткий временной промежуток одной стражи (два астрономических часа). На них не влияли колебания волн, на их поверхности наносили метки, указывающие на единицу интервала времени, так что с одного взгляда было понятно, какой час. Поскольку продолжительность горения ароматической печати достигала двенадцати китайских часов *ши* (то есть сутки), такая печать являлась практически идеальным инструментом на море для определения времени суток. На китайских судах ароматические печати, как и компас, во избежание влияния ветра помещались в маленькое герметичное помещение. Кроме печатей *香篆 сяньжжуань* в морском деле широко использовались и благовонные спирали *盘香 паньсян*, тлеющие в зависимости от размера в течение нескольких суток [Хань Чжэньхуа, 1985. С. 2–3].

⁵ К палочке при помощи нити прикрепляли колокольчик: когда тлеющий огонь достигал нити, то колокольчик падал, сигнализируя об истечении отведенного срока [Bedini, 2005. P. 55].

С использованием благовоний связаны многие необычные технические изобретения в Китае. Во времена династии Юань прославленный придворный астроном и математик Го Шоуцзин (1231–1316) изобрел «ароматические часы с экраном» (屏风香漏 *пинфэн сянлоу*), а также «ароматические часы в шкафчике» (柜香漏 *гуй сянлоу*). Устройство этих двух видов часов было схоже: они представляли собой своеобразный контейнер, в который помещалась благовонная палочка – с тем чтобы минимизировать факторы внешнего воздействия (ветер, влажность) на характер и время ее горения⁶. Помимо таких часов китайцы изобрели несколько видов оригинальных «ароматических будильников» (火闹钟 *хо наочжун*, букв. «часы, [издающие] шум от огня», «огненные часы»). Часто они выполнялись с использованием образов и мотивов традиционной культуры (особой популярностью пользовались ароматические часы в форме драконьих лодок 龙舟香漏 *лун чжоу сянлоу*, связанные с китайским традиционным праздником в начале лета 端午节 *дуаньфу цзе*)⁷.

Ароматические печати как инструмент измерения времени

Помимо палочек для измерения времени использовали специфические курильницы, которые назывались ароматическими печатями 香印 *сяньинь*. На плоской поверхности сосуда с помощью ароматического горючего порошка искусно выкладывали иероглифические знаки либо узоры, соответствующие определенным отрезкам времени. Время определяли в зависимости от того, как огонь продвигался по узкой и извилистой «ароматической дорожке».

Предположительно ароматические печати проникли на территорию Китая вместе с тантрическим буддизмом в VIII в.⁸ Воскурение печатей, очевидно, было частью эзотерического ритуала, но невозможно утверждать, что они служили для измерения времени. «Печати Авалокитешвары» индийского происхождения не сохранились, нет и доказательств факта использования в Индии ароматических печатей для измерения времени. Вероятно, использование печатей в качестве инструментов измерения времени было китайским изобретением, которое могло быть введено после того, как появились переводы тантрических текстов.

Важными источниками, проливающими свет на использование этих печатей в быту аристократов, чиновников и людей культуры эпохи Тан, могут служить многочисленные упоминания в литературных произведениях, где речь идет об отсчете времени с помощью возжигания курений.

Приведем несколько примеров.

⁶ «Ароматические часы с экраном» представляли собой шкафчик около полутора метров в высоту с дверцей, в которое было вставлено стекло, окаймленное резной перфорацией. За дверцей зажигались длинные ароматические палочки, дым от них выходил наружу через отверстия в дверце. Часы в шкафчике напоминали собой горизонтальную витрину на ножках, около метра в длину, с открывающейся крышкой сверху. Эти и другие традиционные инструменты измерения времени хранятся в Музее времени в Пекине (北京时间博物馆) и представлены на экспозициях, посвященных т. н. «барабанным башням» 鼓楼 *гулоу*. Такие башни имелись в крупных городах Китая и использовались для оповещения населения о ходе времени, объявления комендантского часа и поддержания общественного порядка. См. Гулоу чжаньлань [鼓楼展览] // Китайский информационный сервер [中国网]. URL: http://guoqing.china.com.cn/2019-07/11/content_74977298_0.htm (дата обращения 30.08.2020).

⁷ Подробнее см. [Войтишек и др., 2020. С. 100–101].

⁸ По мнению С. Бедина, первое упоминание об ароматической печати встречается в переводах сутр Ваджраяны, которые позже были включены в состав Трипитаки. В свитке под названием «[Ароматическая] печать Бодхисаттвы Авалокитешвара» описан способ поджигания и выкладывания ароматического порошка в форме одного из знаков системы письма *сиддхам*, модифицированной формы санскрита, изобретенной переводчиком сутр Амoghavajra для использования в Китае. Об этом знаке-символе можно прочесть: «Этот чудотворный узор известен как “Великое Сострадание, от мук избавляющее”. Когда благовония возжигаются, то дым от них воплощает Истинный Закон [дхарму]; когда дым от благовоний рассеивается, это символизирует появление и исчезновение всех вещей в Пустоте» (цит. по: [Bedini, 2005. Р. 74]). Воскуривая печать, следовало читать мантру: *Оум ваджра дхарма хри!* Эта же мантра была вырезана на крышке, которой накрывался поддон с выложенным на нем ароматическим порошком.

闲坐烧印香，满户松柏气。Сянь цзо шао иньсян, мань ху сун бай ци.
火尽转分明，青苔碑上字。Хо цзинь чжуань фэньмин, цин тай бэйшан цзы.

Без дела сижу, возжигаю печать с ароматом,
заполнило двор дыханье сосны, кипариса.
Огонь догорел, стало светлее,
И мох зеленеет письмена на стеле ⁹.

Вероятно, под «огнем» подразумевался огонек тлеющей ароматической печати, которая догорела как раз тогда, когда стало светать. Не исключено, что герой стихотворения не мог уснуть и жег одну ароматическую печать на протяжении всей ночи.

У великого танского поэта Бо Цзюйи (772–846) есть следующие строки:

香印朝烟细，纱灯夕焰明。Сяньин чао янь си, шадэн си янь мин.

Утренний дымок печати с ароматом тонко вьется,
Горит ярко фонарь на вечернем свету ¹⁰.

Видимо, ароматическая печать, зажженная на ночь, к утру догорала, в связи с чем поэт отмечал, что дымок с наступлением утра становился тонким.

Проникновенным лиризмом и наблюдательностью отмечены строки еще одного танского поэта – Чжэн Ао (866–939):

佛前香印度晨烧，金锡当门照寂寥。

Фо цянь сяньинь фэй чэнь шао, цзиньси дан мэнь чжао цзияо.

Печать с ароматом догорает на утреннем свете перед статуей Будды,
С кольцами посох у входа напротив безмолвно блестит ¹¹.

Приведенные примеры позволяют предположить, что в эпоху Тан ароматические печати создавались с большой точностью – так, чтобы, будучи зажженными с наступлением ночи, догорать к восходу солнца. Как видно, такие печати широко использовались в буддийском церемониале, в бытовых и эстетических целях.

Подтверждением этого предположения можно считать описание печати в сборнике изречений эпохи Тан и Пяти династий (清异录 *Цин и лу*), составленном сунским чиновником Тао Гу (陶谷, 903–970), где речь идет о «курениях изогнутой воды» (曲水香 *цюйшуй сянь*):

用香末布篆文木範中，急覆之，是为「曲水香」。

Юн сяньмо бу чжуань вэнь муфань чжун, цзи фу чжи, шивэй цюйшуй сянь.

[Если] ароматический порошок распределить по письмам, вырезанным в деревянной форме, и быстро перевернуть ее, [то] получатся «курения изогнутой воды» ¹².

⁹ Стихотворение Ван Цзяня (王建, 768–833) под названием «Ароматическая печать» (香印 *сян инь*) включено в стихотворную антологию эпохи Тан. Дается по: (Цюань тан ши. Цюань сань бай лин и [全唐诗. 卷三百零一]. Полное стихотворное собрание эпохи Тан. Св. 301). URL: <https://ctext.org/quantangshi/301/zhs> (дата обращения 19.05.2020). Пер. с кит. – Е. Войтишек, П. Рябышев.

¹⁰ Дается по: (Цюань тан ши. Цюань сы бай у ши ци [全唐诗 卷四百五十七]. Полное стихотворное собрание эпохи Тан. Св. 457). URL: <https://ctext.org/quantangshi/457/zhs> (дата обращения 19.05.2020). Пер. с кит. – Е. Войтишек, П. Рябышев.

¹¹ Дается по: (Цюань тан ши. Цюань ба бай у ши у [全唐诗 卷八百五十五]. Полное стихотворное собрание эпохи Тан. Св. 855). URL: <https://ctext.org/quantangshi/457/zhs> (Дата обращения 19.05.2020). Метафора связана с блестящими оловянными колокольцами, которые буддисты подвешивали к посоху, предупреждая всех живых существ о своем появлении и приглашая к жертвованиям. Пер. с кит. – Е. Войтишек, П. Рябышев.

¹² Понятие 曲水香 *цюйшуй сянь* отсылало читателя к популярным среди людей культуры развлечениям 曲水流觞 *цюйшуй люшан* (букв. «чарка, плывущая по изогнутой воде»), которые включали ритуальное винопитие, стихосложение, каллиграфические экспромты и проводились у пруда с извилистыми каналами. Видимо, отсылка к этим образам была оправданной и не нуждалась в лишнем комментариях: к концу эпохи Тан символика пиршеств «у изогнутой воды» была хорошо известна в кругу образованной китайской элиты (узоры, выкладываемые с помощью ароматического порошка, напоминали изгибы каллиграфически выполненных писем). Цит. по: (Тао Гу. Сборник удивительных нравственных изречений. Св. 2) [陶谷 清异录 卷下]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=816345&repar=gb> (дата обращения 19.05.2020). Пер. с кит. – Е. Войтишек, П. Рябышев.

Приведенные выше описания курильниц в виде ароматических печатей являются скорее поэтическими и художественными образами – в них нет упоминаний о технических деталях, указывающих на сознательное использование их в качестве приборов для измерения времени. Однако если появление в VIII в. таких курильниц (а тем более «печати Авалокитешвары») и их использование в Китае окутано завесой эзотерических манипуляций, то о «суточной ароматической печати», созданной в XI в., достоверно известно, что с ее помощью уже измеряли время.

«Суточная ароматическая печать» и «печати пяти ночных страж»

Эпоха Сун, отмеченная особым расцветом культуры ароматов в Китае, ознаменовалась изобретением устройства для измерения времени с помощью специальных курильниц в виде ароматических печатей. По всей вероятности, оно появилось в середине XI в. и называлось «суточная ароматическая печать» 百刻香印 *байкэ сяньинь* (букв. «ароматическая печать ста кэ»), где понятие *байкэ* («сто кэ») обозначало отрезок времени, равный дню и ночи¹³. Такая печать горела ровно сутки, в связи с чем такие факторы, как тщательный подбор компонентов ароматического порошка, а также соотношение глубины, ширины, длины «дорожки» и скорости прогорания ароматического сырья, приобретали первостепенное значение.

Самое раннее упоминание ароматической печати «ста кэ» встречается в «Справочнике благовоний господина Чэня» (陈氏香谱 *Чэнь ши сяньпу*). Он был составлен в XII–XIII вв. неким Чэнь Цзином и представляет собой компиляцию сведений из более ранних справочников благовоний, из которых наиболее часто цитируются каталоги Шэнь Ли (沈立香谱 *Шэнь ли сяньпу*) и Хун Чу (洪刍香谱 *Хун чу сяньпу*).

До наших дней дошла цинская копия «Справочника благовоний господина Чэня»¹⁴. Второй свиток начинается с краткого описания используемых в то время водяных часов, за которым следует такой пассаж:

В год *гуйчоу* под девизом правления Синин (1073 г.) [случилась] большая засуха. Летом и осенью дожди [выпадали] не в срок, колодцы пересохли, народ с трудом утолял жажду. Тогда [некий чиновник] из Мэйси¹⁵, ожидающий назначения на должность, впервые изготовил «ароматическую печать ста кэ», [чтобы] с ее помощью определять [время] восхода и заката, и вдобавок создал «ароматические печати пяти ночных страж»¹⁶.

Из этого упоминания ясно следует, что ароматическая печать «ста кэ» была изобретена в качестве альтернативы водяным часам в период тяжелой засухи. Судя по описанию, печать делилась на 12 секторов, которые были покрыты извилистым геометрическим узором строгой конфигурации. Каждый сектор соответствовал определенному циклическому знаку. Время прогорания ароматической дорожки длиной около 66,6 см в одном секторе равнялось двум астрономическим часам (8,3 кэ). Все сектора были связаны в один замкнутый контур, поэтому ароматический порошок, видимо, поджигали так, чтобы огонь не расходился сразу в обе стороны. Пользоваться таким устройством можно было, лишь тщательно сверяясь с календарными вычислениями, что могли только те, кто обладал специальными знаниями и навыками.

¹³ Термин 刻 *кэ* обозначал единицу измерения времени, равную 14 минутам 24 секундам, следовательно, один западный час (60 минут) составлял примерно 4,2 кэ, а сто кэ равнялись одним суткам (24 ч = 1440 минут). В настоящее время термином *кэ* обозначают временной отрезок в четверть часа.

¹⁴ Справочник, состоящий из четырех свитков и датированный 1770 г., включен в знаменитое «Полное собрание книг по четырем разделам» (四库全书 *Сыку цюаньшу*).

¹⁵ Мэйси и в эпоху Сун считался крупным торговым городом (ныне находится в пров. Чжэцзян).

¹⁶ Памятник цитируется по: [Чэньши сяньпу [陈氏香谱]. Справочник благовоний господина Чэня]. URL: https://ctext.org/library.pl?if=en&res=110286&by_title=%E9%99%B3%E6%B0%8F%E9%A6%99%E8%AD%9C (дата обращения 11.10.2020). Пер. с кит. – П. Рябышев, И. Хассун.

В «Справочнике благовоний господина Чэня» содержались и подробные указания по созданию «печатей пяти ночных страж» (五更印刻 *уээн инькэ*), используемых при измерении ночных страж (更 *гэн*)¹⁷. Приводимая в памятнике классификация ароматических печатей основывалась на их размере: при изготовлении этих печатей учитывался фактор изменения продолжительности ночи в зависимости от времени года. Вместе с разной длительностью ночных страж соответственно изменялся и размер печатей. В «Справочнике» приведено описание всех 13 «печатей пяти ночных страж», использовавшихся в течение года.

Более подробная информация о «печатах пяти ночных страж» содержится в более позднем памятнике – известном сочинении Чжоу Цзячжоу «История благовоний» (香乘 *Сян шэн*) эпохи Мин. В нем представлены схемы дорожек-лабиринтов для ароматического порошка каждой из 13 печатей, указано время года, в которое печати использовались, приведены рецепты душистых смесей, использовавшихся в каждой печати.

К примеру, так в памятнике описывается начальная (первая) печать 上印 *шаньинь*:

[Используется в период] [с] 10-го дня [сезона] Малых снегов, [включая] Большие снега и зимнее солнцестояние, [по] 3-й день [сезона] Малых холодов. Первая печать [горит в течение] 60 кэ, диаметр – 3,3 цуня, [общая] длина [дорожки] 2,75 чи и не более¹⁸.

Анализ описания печатей в памятнике «История благовоний» дает основание выделить четыре печати, использовавшихся только один раз в течение года, и еще девять печатей, которые зажигали дважды в год. Судя по рисункам в сочинении, для печатей, которые использовали два раза в год, имелись варианты – «закрытые спирали» и печати с дополнительным витком в центре («открытые спирали») [Чжоу Цзячжоу, 2014. С. 447–453]. Вероятно, именно путем добавления или перекрытия спирали в центре можно было изменять время воспурения печати в пределах одного кэ, тем самым адаптируя ее под незначительные изменения длины ночи [Bedini, 2005. P. 98–99]. Несложно заметить, что все «печати пяти ночных страж» разделены на пять равных сегментов: когда прогорал один сегмент, это означало, что прошла одна стража. В отличие от суточной печати «ста кэ», лабиринты-зигзаги этих печатей имели начало и конец.

Из приведенных материалов следует, что такие печати, обладая высокой эстетической привлекательностью, были распространенным инструментом измерения времени по крайней мере, начиная с династий Тан и Сун. При этом в справочниках и трактатах ароматические печати обозначаются не только как 香印 *сяньинь*, а трактуются через понятия, связанные с термином 篆 *чжуань* («печать», «почерк») ¹⁹. Появление таких образных названий было связано с наблюдением за плавным движением прогорающего благовонного порошка, напоминающего изогнутые линии, выходящие из-под кисти искусного каллиграфа.

Таким образом, появившись в Китае приблизительно в VIII в., ароматические печати поначалу использовались преимущественно в религиозной сфере – с их помощью буддийские монахи отсчитывали время чтения сутр (недаром такие печати называли еще «беззвучными часами» 无声漏 *ушэн лэу*), определяли распорядок дня. Постепенно использование таких пе-

¹⁷ Ночные стражи – единица измерения ночного времени, равная двум часам (120 минутам). Время с 7 ч вечера до 5 ч утра включало пять страж по два астрономических часа.

¹⁸ Начальная (первая) печать – самая длинная, она горит в течение 60 кэ. Эта печать использовалась только в то время года, когда ночи длились приблизительно 60 кэ (около 14,4 часов). Длина последующих печатей постепенно уменьшалась, вплоть до продолжительности горения в 40 кэ (около 9,6 часов) последней печати. Первая и последняя печать использовались только раз в году, в то время как остальные зажигались два раза. Так, первая печать использовалась в течение только одного периода, который в григорианском календаре примерно соответствует периоду с 3-го декабря по 9-е января. В описании всех печатей несложно заметить использование названий 24 сезонов сельскохозяйственного солнечного календаря. (Цит. по [Чжоу Цзячжоу, 2014. С. 478–479]). Перевод – П. Рябышев, И. Хассун.

¹⁹ Среди наиболее употребительных названий фигурируют следующие: 香篆 *сян чжуань* («ароматная печать»), 香篆盤 *сян чжуань пань* («спиралевидная ароматная печать»), 宝篆 *бао чжуань* («драгоценная печать»), 玉篆 *юй чжуань* («нефритовая печать»).

чатей приобрело светский характер – в произведениях литераторов эпохи Тан можно найти множество метафор и ярких образов, связанных с мотивом догорания ароматической печати к утру, что говорит об их использовании для отсчета ночных часов. К эпохе Сун, с изобретением в середине XI в. суточной ароматической печати и специальных устройств для отсчета ночных страж, использование печатей на основе принципа прогорания благовонного порошка в единицу времени стало постепенно завоевывать популярность в кругах аристократов, чиновничества, ученых и представителей художественной интеллигенции²⁰.

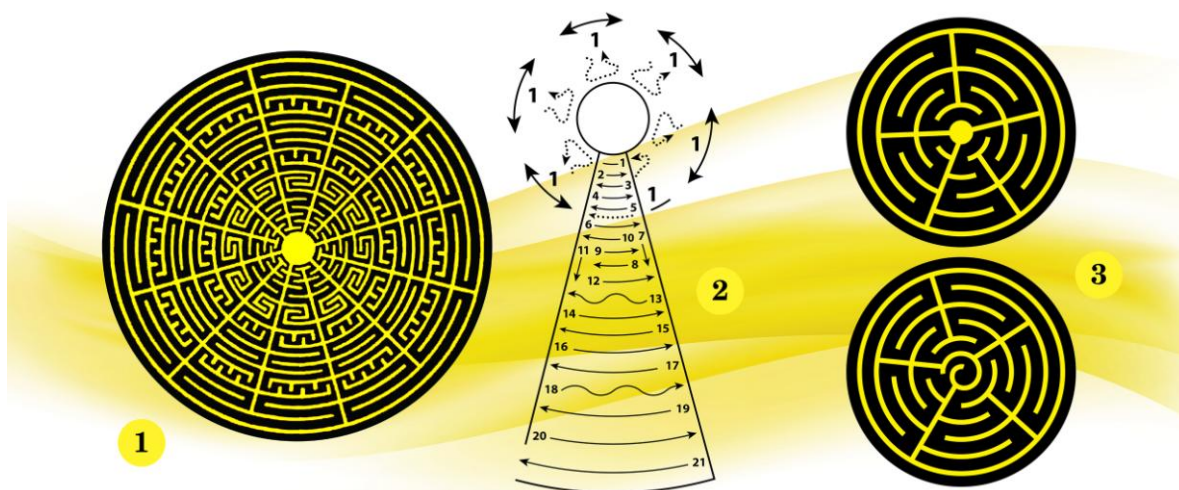

Рис. 1. Китайские ароматические печати

1 – китайская суточная ароматическая печать (по: [Бедини, 2010. Рис. 43]); 2 – схема прогорания ароматического порошка в одном сегменте суточной ароматической печати. Соответствует двум астрономическим часам (120 минут) (по: [Бедини, 2010. Рис. 44]); 3 – китайские ароматические печати «пяти ночных страж» с закрытой и открытой спиралью в центре (по: [Чжоу Цзячжоу, 2014. С. 447–453])

Fig. 1. Chinese Incense seals

1 – Chinese Hundred Graduations Incense seal (by [Bedini, 2010. Fig. 43]); 2 – Scheme of burning of aromatic powder in one segment of the Hundred Graduations Incense seal. Corresponds to two astronomical hours (120 min.) (by [Bedini, 2010. Fig. 44]); 3 – Chinese “Five Watch Incense Seals” (The Five Watch Aromatic Notch Timekeepers) with a closed and open spiral in the center (by [Zhou Jiazhou, 2014. P. 447–453])

²⁰ Отдельного внимания требует анализ орнамента в оформлении ароматических печатей. Ч. Бенн, один из комментаторов исследования С. Бедини, отмечает значительные отличия в типе узора на ранних буддийских печатях (в виде иероглифа или знака *siddhi*) и на печатях «ста кэ» (с геометрическим узором). На этом основании Ч. Бенн предполагает, что суточная печать «ста кэ» является изобретением, на которое не оказала влияния буддийская эзотерическая традиция. В узоре этой печати он усматривает влияние ханских бронзовых зеркал типа TLV. См. *Benn Charles D. Review: The Trail of Time: Time Measurement with Incense in East Asia by Silvio Bedini // China Review International, 1996. Vol. 3, no. 2. P. 360–363. URL: www.jstor.org/stable/23728841* (дата обращения 19.05.2020). Действительно, многие исследователи обращают внимание на календарный, астрологический и космогонический характер символики ханских зеркал с TLV-образным орнаментом. Подобная интерпретация касается и символики игральные доски для древнекитайской игры 六博 *любо* с шестью палочками (или двумя кубиками), что позволяет предположить использование поверхности зеркал и игральные доски для магических и гадательных практик [Ли Сюэцинь, 1997; Комиссаров, 2014]. Возможно, спустя тысячелетие, в эпоху Сун эта идея была воплощена и в конструкции китайских ароматических печатей для измерения времени.

В китайских научных трактатах, каталогах, литературных эссе, произведениях эстетической мысли XVII–XIX вв. можно часто встретить описания различных типов курильниц и ароматических печатей, используемых для отсчета времени, с анализом их художественных особенностей и функций²¹. Так, в знаменитом романе Цао Сюэциня «Сон в Красном тереме», заслужившим славу подлинной энциклопедии нравов китайского общества конца XVIII в., есть упоминание о «печати пяти ночных страж»²². Персонажи романа без труда отгадывают название иносказательно загаданной этой «обиходной вещи», что говорит о популярности такого метода измерения ночных страж в эпоху Цин.

Впоследствии китайские ароматические печати, потеряв часть своих функциональных свойств, превратились из инструмента измерения времени в предмет коллекционирования и эстетического наслаждения. На этом поприще особенно известен мастер Дин Юэху (丁月湖, 1829–1879), который прославился изготовлением разнообразных курильниц и изучил типологию благовонных печатей²³. До сих пор его труд «Каталог курильниц в виде ароматических печатей» (印香鑪式譜 *Иньсянлу ши пу*) является ценнейшим источником по истории развития ароматической культуры не только Китая, но и всего региона Восточной Азии²⁴.

В настоящее время ароматические печати в Китае ввиду особой сложности в использовании перестали ассоциироваться с инструментарием для измерения времени и остались лишь ценным артефактом в развитии культуры ароматов, служа, прежде всего, для эстетического наслаждения и изысканного развлечения. Функцию измерения времени выполняют лишь благовонные палочки или спирали разного размера, а сфера их использования ограничивается религиозной и ритуальной деятельностью. При этом нельзя сказать, что сейчас не известны другие области использования благовоний для измерения времени: в Китае работают

²¹ К этому времени ароматические печати династии Сун претерпели значительные внешние изменения и стали иметь вид многоуровневых курильниц, сделанных чаще всего из металла [Bedini, 2010. P. 107]. В частной коллекции Е. Э. Войтишек есть подобные курильницы-печати из латуни, бронзы и дерева (сделаны в Гонконге, на Тайване).

²² Речь идет об эпизоде с загадками, которые задают друг другу домочадцы в обществе матушки Цзя и главы семейства Цзя Чжэна (гл. 22). Переводчики прозаической и стихотворной части романа В. Панасюк и Л. Меньшиков не отразили эти тонкости в тексте на русском языке, указав, что речь идет о «благовонных свечах» (тогда как в стихотворении, сочиненном Линь Дай-юй, говорилось не о «пятой страже», а о «печати пяти ночных страж» 五夜更香 *уе гэньсян*). См. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. М.: Полярис, 1997. С. 311. Сравнить с текстом главы 22 романа на китайском языке. URL: www.sohu.com (дата обращения 06.09.2020).

²³ Дин Юэху был человеком высокой культуры, умелым каллиграфом и художником. Он скромно жил в уединенной бамбуковой хижине, где играл на лютне, занимался стихосложением и медитацией. Со временем у него появился интерес к ароматическим печатям, которые к концу XIX в. уже, видимо, утратили былую популярность. Главным источником биографической информации о Дин Юэху являются предисловия к каталогу, написанные и опубликованные его друзьями после смерти автора.

²⁴ В каталоге Дин Юэху представлены более сотни разнообразных видов и форм курильниц-печатей, отражающих привязанность китайских мастеров к образам и сюжетам традиционного искусства (мифологические животные и птицы, растения, благожелательные символы вроде тыквы-горлянки, жезла *жуи* и др.). Отдельного внимания заслуживают образы и символика каллиграфически выполненных надписей и рисунков, вырезанных на крышке таких курильниц. Именно в эти прорези закладывался ароматический порошок, который, элегантно прогорая, наглядно демонстрировал содержательную наполненность каждой сентенции. Среди таких надписей можно обнаружить буддийские и даосские понятия – например, «познать истину», «достичь просветления» (道悟 *дао у*); широко используемые символы «двойная радость» (雙喜 *шуйан си*) и «двойное долголетие» (雙壽 *шуйан шоу*); сентенции, словно обращенные к людям культуры *вэньжэнь* (к примеру, «обладать ученостью») (букв. «иметь дух книг и свитков», 有書卷氣 *ю шу цзюань ци*). Кроме этого, яркой художественностью и тонким мастерством отличаются вырезанные на крышке рисунки, сопровождаемые надписью-названием (например, терема и дворцы в растительном орнаменте, журавль, парящий в облаках, диковинные цветы, пятислойные облака и проч.). Дин Юэху. Иньсянлу ши пу [丁月湖. 印香鑪式譜]. Каталог курильниц в виде ароматических печатей. URL: <https://books.google.ru/books?id=FIepAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 05.01.2021).

редкостные мастера, которые восстанавливают диковинные ароматические часы времен династий Сун, Юань, Мин ²⁵.

Приспособления для измерения времени с помощью благовоний в Корее и Японии

Если говорить о Корее, то достоверных источников по данной теме крайне мало, что объясняется и плохой сохранностью исторического материала, и трудностями его интерпретации. Лишь в письменных памятниках XVIII–XIX вв. зафиксирована информация о том, что население Корейского полуострова издавна пользовалось ароматическими часами, аналогичными китайским. При этом трудно сказать, были ли они местного производства или когда-то привезены из Китая. Возможно, часть из них изготовлялась местными мастерами.

Так, в «Трактате об устройствах для измерения [времени]» (儀器輯說 *Ыйги чипсоль*) чиновника Нам Бёнчхоля (南秉哲), опубликованном в двух томах в 1859 г., содержится запись о том, что жители государства Силла использовали ароматические вещества для измерения времени с VI в. Автор трактата также указывает, что в периоды Корё (935–1392) и Чосон (1392–1910) в домах аристократов ароматические часы пользовались большой популярностью ²⁶. Эта краткая информация может считаться достоверной – именно в период Трёх государств (Когурё, Пэкче и Силла) в начале нашей эры начинается активный культурный обмен между Китаем и Кореей, повлиявший в дальнейшем на развитие корейской культуры и философской мысли ²⁷. Государства Когурё и Пэкче имели дипломатические отношения с Китаем в период Южных и Северных династий, а правители Силла активно взаимодействовали с ним в эпоху Тан [Хан Ёнью, 2010. С. 104].

Согласно материалам хроник «Исторические записи Трёх государств» (三國史記 *Самгук саги*, 1145) и «Оставшиеся сведения о Трёх государствах» (三國遺事 *Самгук юса*, 1285), с самого начала существования государства Когурё (37 г. до н. э. – 668 г. н. э.) корейцы вместе с заимствованием китайской письменности и буддизма ²⁸ начали постепенно осваивать применение ароматических средств в религиозных и повседневных целях [Ким Бусик, 1995; Ирён, 2018].

Этому способствовал и собственный богатый опыт населения Кореи в изучении свойств ароматических растений и субстанций, в изготовлении сосудов для их воскурения. Вершиной развития ароматической культуры древней Кореи можно считать знаменитую бронзовую позолоченную курильницу государства Пэкче (百濟金銅大香爐) – уникальное изделие, созданное на рубеже VI–VII вв. и символически отражающее целый комплекс религиозно-философских представлений, включая даосско-буддийские идеи, местные культы, локальные варианты дворцовых церемоний, повседневные практики населения [Войтишек, 2019].

Недостаточная источниковая база не позволяет точно проследить, как развивалась и совершенствовалась традиция использования благовоний на Корейском полуострове – в част-

²⁵ О современных китайских часовых мастерах из Сучжоу см.: <http://m-news.artron.net> (дата обращения 31.08.2020).

²⁶ В данном источнике речь идет о структуре и принципах работы различных часовых механизмов, которые изготавливались и использовались на Корейском полуострове в период Чонджо – Чхольджон (1776–1863). Трактат разделен на десять глав со следующим содержанием: часы в виде армиллярной сферы, часы со спусковым механизмом, планетарные часы, астролябии, экваторные часы, часы с маятником, планисферные часы, часы с весовым механизмом, солнечные часы, астрономические часы (句陣天樞令儀 (구진천추령의), букв. «устройство Духа Стран Света и созвездия Большой Медведицы»). См. Трактат об устройствах для измерения [времени]. Ыйги чипсоль. URL: <https://terms.naver.com/entry.nhn?docId=540851&cid=46637&categoryId=46637> (дата обращения 12.01.2021).

²⁷ Этот факт также подтверждается данными эпиграфики, а именно надписью на стеле когурёского вана Квангэтхо (374–413, г. п. 391/392–413) (подробнее см. [Джарылгасинова, 1979]).

²⁸ Принято считать, что буддизм проник на Корейский полуостров в конце IV в. через Когурё, куда монах Сундо, побывавший в китайском Тяньцзине, впервые привез буддийские сутры. В Пэкче развитие буддизма связано с именем монаха Моранандо из государства Восточное Цзинь (317–420) [Хан Ёнью, 2010. С. 106].

ности, при измерении времени. Тем не менее, часть крупных музеев Кореи располагает редкими экспонатами таких изделий. Так, в Музее времени г. Чондонджин представлена поздняя точная копия китайских ароматических часов в виде драконьей лодки²⁹.

На Японском архипелаге, где тоже довольно рано познакомились со свойствами ароматических растений³⁰, благовония были приспособлены и для измерения времени. Есть свидетельства, что такие технические устройства попали в Японию еще до периода Нара (710–794)³¹ – они использовались в религиозных и практических целях.

Так, ароматические часы 香(盤)時計 *ко:(бан) докэй* (букв. «часы (на подставке) с благовониями») ³² были заимствованы из Китая в эпоху Нара. Они представляли собой массивные деревянные лакированные кубические чаши с ящичком внизу, где хранили утварь (подставки и емкости для благовоний, валик, выравнивающие палочки и доски, ложки для порошка и пр.). При проведении религиозных ритуалов часы устанавливали перед статуями в буддийских храмах и изображениями бодхисаттв, их особенно ценили за безопасность и постоянную скорость прогорания благовонного порошка. В четырех секторах, по углам подставки с помощью специальных деревянных рамок с прорезями в виде зигзагов на уплотненный слой пепла наносили мелкий ароматический порошок, который затем поджигали. По всей длине зигзагообразной дорожки через равные промежутки устанавливали специальные метки. Время определяли по скорости прогорания ароматической дорожки³³.

Один из экземпляров таких ароматических часов хранился в императорской сокровищнице Сё:со:ин (正倉院). Поскольку на нем выгравированы знаки на санскрите, есть предположение, что в Японию эти приспособления попали через Китай из Индии. В периоды Асука-Хэйан (VII–XII вв.) такие часы использовали при специальном Ведомстве ритуалов (陰陽寮 *Онъё:рё:*), управляющем при императорском дворе календарными и астрономическими расчетами, гаданиями, различными празднествами. По этим часам настраивали звучание колокола, возвещающего простым людям о времени тех или иных событий. Кроме отправления разнообразных религиозно-культурных мероприятий (медитаций, храмовых служб, ритуалов

²⁹ См. материалы в Музее времени г. Чондонджин Республики Корея (пров. Канвондо). URL: <http://www.timemuseum.org> (дата обращения 27.12.2020).

³⁰ Начало развития ароматической культуры в Японии связывается с появлением бруска агарового дерева в 595 г. у побережья о. Авадзи, что было зафиксировано в хронике «Анналы Японии» (*Нихон сёки*, 720). Подробнее см. [Войтишек, Речкалова, 2020].

³¹ Так, в святилище О:ми-дзингу: в г. Оцу, связанном с почитанием 38-го японского императора Тэндзи-тэнно: (626–671), по легенде, изобретателем первой в Японии водяной клепсидры, установлены ароматические часы 香時計 (т. н. «древние огненные часы» 古代火時計 *кодэй хи-токэй*), сделанные по китайскому образцу в виде драконьей лодки. Принцип действия так же был основан на прогорании благовонной палочки, которая через определенные промежутки времени прожигала нить с подвесом, падающим со звоном на металлическую подставку. Такие часы использовали даже в темноте – звук падающих шаров отличался друг от друга, символизируя разное время. Реплики подобных изделий продаются в современных магазинах благовоний. Таланты императора Тэндзи-тэнно, пятистишием которого открывается знаменитая стихотворная антология XIII в. «Сто стихотворений ста поэтов» (百人一首 *Хякунин иссю*), дали начало традиции проведения здесь фестиваля карточной игры *хякунин иссю-карута* на знание антологии, устраиваемого в канун новогодних праздников. Святилище О:ми-дзингу:, таким образом, связано с двумя крупными достижениями императора в истории культуры. См. видеоролик о святилище: 近江神宮 Omi Jingu Shrine. URL: www.youtube.com (дата обращения 07.01.2021).

³² Для таких ароматических часов использовались еще и другие названия – 常香盤 *дзё:ко:бан* (букв. «обычная подставка с благовониями»); 時香盤 *дзико:бан* (букв. «подставка с благовониями для [определения] времени»).

³³ В настоящее время такие часы можно увидеть в арт-галереях (напр., в галерее компании Сё:эйдо: (松栄堂) в Киото, см. URL: www.shoyeido.co.jp), музеях, они выставляются в интернет-магазинах, специализирующихся на антиквариате и предметах интерьера (см., например, www.auctions.yahoo.co.jp). Изделия богато украшены растительным орнаментом и буддийской символикой, многие из них сделаны в эпоху Эдо (XVII–XIX вв.), ценятся довольно высоко (от 16.000 до 66.000 иен). Различные их виды представлены в Музее часовой компании Seiko в Токио (The Seiko Museum Ginza). URL: www.museum.seiko.co.jp (дата обращения 06.01.2020).

погребения) такие часы тогда использовали для контроля времени подачи воды на заливные рисовые поля, а также и в других практических целях³⁴.

Ароматические часы 線香時計 *сэнко:-токэй* (букв. «часы с благовонными палочками») представляли собой деревянный ящик с поддоном для хранения палочек и прочей утвари. В углубленной верхней части ящика, заполненной пеплом, четкими рядами устанавливались металлические держатели благовонных палочек, куда как раз вставлялись палочки перед началом какого-либо мероприятия. Такие устройства использовались в частных школах 寺子屋 *тэракоя* в эпоху Эдо (1603–1868) и в период Мэйдзи (с 1868 г. вплоть до начала XX в.), отмеряя время уроков. Кроме того, они служили также своеобразным таймером занятости гейш при приеме гостей (стоимость обслуживания рассчитывалась по количеству сожженных благовонных палочек – одна палочка прогорала примерно за 30 минут)³⁵.

Рис. 2. Корейские и японские ароматические часы:

1 – корейские часы в форме драконьей лодки (китайский аналог). Музей времени г. Чондонджин Республики Корея (пров. Канвондо). URL: [www.http://timemuseum.org](http://timemuseum.org); 2 – японские ароматические часы на подставке (香時計 *ко: докэй*) с дополнительными аксессуарами. Музей часовой компании Сэйко в Токио (URL: www.museum.seiko.co.jp); 3 – японские ароматические часы 線香時計 *сэнко: токэй* (букв. «часы с благовонными палочками»). Корпорация изящных искусств Ивано (URL: www.Iwano.biz)
Коллаж И. А. Аксенова

Fig. 2. Korean and Japanese Incense timers

1 – Korean dragon boat timer (Chinese counterpart). Chondongjin Museum of Time, Republic of Korea (Kangwon Province). URL: [www.http://timemuseum.org](http://timemuseum.org); 2 – Incense timer on a stand (香時計 *kou dokei*) with additional accessories The Seiko Museum Ginza in Tokyo (URL: www.museum.seiko.co.jp);

3 – Japanese Incense timer 線香時計 *senko: tokei* (lit. “timer with incense sticks”).

Iwano Fine Arts Corporation (URL: www.Iwano.biz).

Collages by I. A. Axenov

³⁴ Материалы полевых исследований Е. Э. Войтишек на о. Авадзи в 2018 г.; сайт арт-галереи благовоний компании Байкундо в г. Авадзи (淡路市梅薫堂). URL: www.baikundo.co.jp (дата обращения 06.01.2020).

³⁵ Показательны ароматические часы из музея компании Seiko в Токио: в прямоугольном ящике с поддоном установлены вертикальные и горизонтальные ряды держателей палочек (в длину помещается 13 держателей, в ширину – 9, всего 117 штук). Если каждая палочка прогорает около 30 минут, то общее время горения палочек, установленных в ящике, составляло 58,5 часов, то есть почти 2,5 суток. См. URL: www.museum.seiko.co.jp (дата обращения 06.01.2020).

В настоящее время такие устройства по понятным причинам не используют, но иногда демонстрируют желающим в клубах и арт-галереях на специальных занятиях по изучению японского искусства благовоний 香道 *ко:до:* (букв. «путь аромата»). В современной Японии и в этой области сила традиции велика: на фоне бума аромакультуры, продолжающегося последние десятилетия, недавно было найдено оригинальное бизнес-решение. Крупнейшие часовые компании и производители благовоний вместе с химиками-технологами объединили свои усилия по производству новых видов продукции. Речь идет о том же понятии – «ароматические часы» (香時計 *ко: докэй*), но переосмысленном в нынешних реалиях. Японские производители предлагают потребителям разнообразные виды наручных и настольных ароматических часов, умело используя концепцию «антистресс-эффекта», сопутствующего активной деятельности жителей современных мегаполисов. Корпус наручных часов, как и браслеты, источающие приятные ароматы, выполнены в разной цветовой гамме, с эффектными вариантами дизайна для разных категорий покупателей³⁶. Новые виды курильниц и благовоний оснащены специальными временными метками, что дает возможность следить за течением времени, наслаждаясь и изысканными ароматами, и элегантным дизайном.

Что касается ароматических печатей 香印 *сяньинь*, до сих пор популярных в китайской культуре, в Корее они особенно не прижились, а в Японии их продолжают широко использовать (но в другом качестве) в искусстве благовоний. Для наслаждения ароматами маленькие цветные прессованные печатки с душистыми компонентами (印香 *инко:*) кладут на горячий пепел в курильницу³⁷. В функции измерения времени ароматические печати сейчас практически не используются – даже в буддийских храмах по преимуществу поджигают только благовонные палочки, спирали и смеси из мелко толченой душистой древесины³⁸.

Выводы

За прошедшие сотни и тысячи лет развития ароматической культуры в странах Восточной Азии накоплен огромный опыт в применении благовоний, в том числе в сфере календарных расчетов и измерения времени.

Анализ артефактов, предметов религиозного культа и повседневного быта свидетельствует о большой вариативности в использовании благовоний: кроме возжигания палочек, спиралей и конусов были изобретены суточные ароматические печати, будильники, а также часы, отмеряющие ночное время в строгой зависимости от календарного сезона. Различные виды ароматических часов отличались большой функциональностью, находя применение во многих областях – в навигации, инженерном деле, придворном и религиозном церемониале, в занятиях ученых, в монастырских и частных школах, чайных домах, они служили предметом восхищения поэтов, художников и каллиграфов.

Это лишний раз подтверждает, что опыт применения благовоний в странах Восточной Азии нуждается в тщательном изучении, которое должно опираться на анализ целого комплекса источников – письменных (трактаты, технические руководства, каталоги, поэтическое наследие), художественных (изделия декоративно-прикладного искусства, инструментарий искусства благовоний), а также этнографических и антропологических материалов. При этом нельзя не отметить, что по сравнению с большим количеством китайских и японских источ-

³⁶ См. сайты компаний-производителей ароматических часов и курильниц. Напр., компания Rakuten fragrance watch предлагает покупателем часы KAORU («Аромат») с запахом камелии, сакуры, дерева *хиноки*, алойного дерева *дзинко:*, *кяра* и проч. (URL: www.product.rakuten.co.jp). На упаковках благовоний нередко дается информация о времени горения палочек или спиралей.

³⁷ Обычно такие печатки сделаны в форме различных символов японской культуры – фигурных листьев клена и дерева гингко, веера, волшебной колотушки, тыквы-горлянки, цветка хризантемы и др.

³⁸ Авторам статьи приходилось видеть в храмовом комплексе Тю:сондзи (中尊寺) в г. Хираидзуми (преф. Иватэ) тексты буддийских сутр, знаки которых были выложены ароматическим порошком на подносе с пеплом. Медленное прогорание священных знаков и сосредоточенное созерцание клубящегося дыма символизируют тем самым духовную связь с бодхисаттвами и глубокое очищение сознания.

ников, культурное наследие Корейского полуострова отличается значительными лакунами, что существенно затрудняет интерпретацию материала.

Использование курильниц, ароматического сырья и различного инструментария для измерения времени составляет удивительный феномен в странах Восточной Азии, свидетельствуя о высокой адаптивности символов и образов традиционной культуры, ритуала и магических практик не только к ежедневным бытовым потребностям, но и к различным достижениям науки и техники.

Список литературы

- Войтишек Е. Э.** Корейская курильница Пэкче и традиция использования курильниц бошань-лу в Восточной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 24–40. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-24-40
- Войтишек Е. Э., Речкалова А. А.** Агаровое дерево как феномен ароматической культуры Японии: классификации и функции // Японские исследования. 2020. № 3. С. 65–89. DOI 10.24411/2500-2872-2020-10020
- Войтишек Е. Э., Рябышев П. Д., Хассун И. А.** Использование благовоний для измерения времени в традиционном Китае // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: материалы конф. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 97–103. DOI 10.25205/978-5-4437-1147-8-97-103
- Джарылгасинова Р. Ш.** Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики (Стела Квангэтхо-вана). М.: Наука, 1979. 182 с.
- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Вост. лит., 2009. 1087 с.
- Ирён.** Оставшиеся сведения [о] Трех государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент. и указ. Ю. В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.
- Ким Бусик.** Самгук Саги (Исторические записи Трех государств): в 3 кн. / Пер. и коммент. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 1995. Кн. 2: Летописи Когурё, Пэкче. Хронологические таблицы. 405 с.
- Комиссаров С. А.** Самое раннее археологическое свидетельство об игре любо в Древнем Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 191–193.
- Ли Сюэцин.** Боцзюй чжань юй гуйцзюй вэнь [博局占与规矩纹]. Гадательная доска для игры любо и геометрические узоры // Вэньбу. 1997. № 1. С. 49–51.
- Старцев П. А.** О китайском календаре // Историко-астрономические исследования / Отв. ред. Л. Е. Майстров. М., 1975. Вып. 12. С. 253–317.
- Цао Сюэцин.** Сон в Красном тереме / Пер. и коммент. В. Панасюка, Л. Меньшикова. М.: Полиарис, 1997. Т. 1. 879 с.
- Чжоу Цзячжоу.** Сян шэн [周嘉胄。香乘]. История благовоний. Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2014. 560 с. (на кит. яз.)
- Шефер Э.** Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан // М.: 1981. 608 с. Серия: Культура народов Востока.
- Bedini Silvio.** The Trail of Time: Time Measurement with Incense in East Asia. Cambridge University Press, 2005. 368 p.

References

- Bedini Silvio.** The Trail of Time: Time Measurement with Incense in East Asia. Cambridge University Press, 2005. 368 p.
- Caо Xueqing.** Dream in the Red Chamber / Transl. and comments by V. Panashuk, L. Menshikov. Moscow, Polaris, 1997. Vol. 1, 879 p. (in Russ.)

- Dzharylgasimova R. Sh.** Etnogenez i etnicheskaya istoriya korejcev po dannym epigrafiki (Stela Gwanggaeto) [Ethnogenesis and Ethnic History of Koreans according to Epigraphic Data (Gwanggaeto Stele)]. Moscow, Nauka, 1979, 182 p. (in Russ.)
- Iryeon.** Ostavshiesya svedeniya [o] Tryoh gosudarstvah (Samguk yusa) [Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk Yusa)] / Transl. and comments by Yu. V. Boltach. St. Petersburg, Giperion, 2018, 894 p. (in Russ.)
- Kim Busik.** Samguk Sagi (Istoricheskie zapisi Trekh gosudarstv) [Records of the Three Kingdoms]: in 3 vol. / Transl. and comments by M. N. Pak. Moscow, Vost. Lit., 1995. Vol. 2: Koguryo, Baekje chronicles. Chronological tables. 405 p. (in Russ.)
- Komissarov S. A.** Samoe rannee arkheologicheskoe svidetel'stvo ob igre lyubo v Drevnem Kitae [The earliest archaeological evidence on liubo-game in Ancient China] // Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories. Novosibirsk, IAE SB RAN Publ., 2014, vol. XX, p. 191–193. (in Russ.)
- Li Xueqin.** “Liubo board divination” and geometric patterns [博局占与规矩纹]. Wenwu (Cultural Relics), 1997, No.1, p. 49–51. (in Chin.)
- Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 vol. / Ch. ed. M. L. Titarenko. Vol. 5: Science, technical and military thought, health care and education. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009, 1087 p. (in Russ.)
- Startsev P. A.** O kitaiskom kalendare // Istoriko-astronomicheskie issledovaniya [About the Chinese calendar // Historical and astronomical research] / Ed. by L. E. Maistrov. Moscow, 1975. Issue. 12, pp. 253–317. (in Russ.)
- Shefer Je.** Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tang [Golden peaches of Samarkand. A Book of Foreign Curiosities in the Tang Empire]. Moscow, 1981. Issue: Culture of the Oriental peoples, 608 p. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Koreiskaya kurilnica Baekje i tradicia ispolzovania kurilnic boshanlu v Vostochnoi Azii [Korean gilt-bronze incense burner of Baekje and the tradition of Han Boshanlu censer's usage in East Asia]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol.18, no. 10: Oriental Studies, p. 24–40 (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-24-40
- Voytishek E. E., Rechkalova A. A.** Agarovoe derevo kak fenomen aromatischeskoi kulturi Japonii: klassifikatsii i funktsii [Agarwood as a phenomenon of the incense culture of Japan: classifications and functions] // *Japan Studies*. 2020, № 3, p. 65–89. DOI 10.24411/2500-2872-2020-10020 (in Russ.)
- Voytishek E. E., Ryabishev P. D., Hassun I. A.** Time measurement with incense in traditional China // Proceeding of the international conference ‘Topical Issues around Studies of History, International Relations and Cultures of Eastern Countries’, Novosibirsk, NSU Press, 2020, p. 97–103. DOI 10.25205/978-5-4437-1147-8-97-103 (in Russ.)
- Zhou Jiashou.** Xiang sheng [周嘉胄。香乘]. The history of incense. Beijing, Jiuzhou chubanshe, 2014, 560 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
15.01.2021

Сведения об авторах

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения и руководитель направления «Востоковедение и африканистика» Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
e.voitishek@g.nsu.ru

Шмакова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
shmakovaa@yahoo.com

Information about the Authors

Elena E. Voytishek, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
e.voitishek@g.nsu.ru

Anna S. Shmakova, Candidate of History, Research Fellow, Department of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)
shmakovaa@yahoo.com

УДК 397:069.02:908
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-125-134

Этнографические музеи Гуанси и культура чжуан в их экспозициях

В. С. Глинкин

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

В статье затрагиваются вопросы истории появления этнографических музеев в Китае, рассматриваются основные направления их современного развития в Гуанси-Чжуанском автономном районе, такие как проблемы функционирования экомузеев и содержание экспозиций по чжуанской культуре. Чжуаны являются самым многочисленным из национальных меньшинств Китая, тем не менее, зарубежные ученые обычно не уделяют им должного внимания. Первые этнографические музеи появились в Китае еще в 1930-е гг. В настоящее время этнографические музеи в КНР следуют основным мировым тенденциям модернизации, таким, например, как цифровизация. В Гуанси создана сеть этнических экомузеев, имеющих целью сохранить местную культуру в естественном природном окружении. В статье показано, что результаты этого проекта не столь успешны, как планировалось. Существуют проблемы незнакомства местных жителей с собственной культурой, недостаточного финансирования и отсутствия интереса к экомузеям у их штатных сотрудников. Полевая часть работы автора представляет собой анализ экспозиций этнографических музеев Гуанси.

Ключевые слова

чжуаны, музейные экспозиции, этнографические музеи

Для цитирования

Глинкин В. С. Этнографические музеи Гуанси и культура чжуан в их экспозициях // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 125–134. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-125-134

Guangxi Anthropological Museums and the Representation of Zhuang Culture

V. S. Glinkin

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

This article analyzes the history and modern state of anthropological museums in the Guangxi-Zhuang Autonomous Region (PRC) and researches the issue of how Zhuang culture is presented in exhibitions. The Zhuang are by far the most populous minority in China. In spite of their population and importance, foreign scholars do not usually pay much attention to them. The first anthropological museums appeared in China in the 1930s and since then have been developing through the periods of decay and prosperity along with the country itself. At present, the PRC's anthropological museums are moving along with all the world trends of modernization of working processes and digitalization of practices and techniques. There is a network of ethnic ecomuseums in Guangxi. They were established to preserve local cultures in their own environment. This article shows that the results of the project are not as successful as planned. There are problems of ignorance among the local dwellers to their own culture, lack of funding and lack of interest in ecomuseums from both locals and managing personnel appointed by the government.

© В. С. Глинкин, 2021

Keywords

Zhuang people, museum exhibitions, ethnic museums

For citation

Glinkin V. S. Guangxi Anthropological Museums and the Representation of Zhuang Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 125–134. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-125-134

Введение

Статья посвящена истории развития и современному состоянию этнографических музеев в Гуанси-Чжуанском автономном районе (далее ГЧАР, Гуанси) и анализу в экспозициях этих музеев культуры чжуан. Чжуаны насчитывают ок. 17 млн чел. Основу традиционной экономики составляет заливное рисоводство. Язык чжуан, по мнению китайских исследователей, относится к тай-кадайской группе сино-тибетской языковой семьи [Вэй Цзинъюнь, Цинь Сянчжоу, 2008. С. 3]. В свою очередь российские исследователи [Москалёв, 1979. С. 26] выделяют тай-кадайские языки вместе с чжуанским в отдельную языковую семью.

Хотя некоторые ученые объясняют происхождение чжуан миграционной или конструктивистской¹ версиями, мы согласны с мнением Джеффри Барлоу: чжуаны являются древними обитателями Гуанси и самостоятельным этносом, чье современное состояние – продукт взаимодействия с ханьцами в историческом развитии². Современное название этноса *чжуан* в написании 壮 (иероглиф с элементами «левая сторона» и «воин») было принято в 1965 г. [Чжан Шэньчжэнь, 1997. С. 1127]. До этого ханьцы использовали для этнических групп этого этноса различные названия, часто оскорбительного характера. Например, в книге «Записки об инородцах к югу от Хребтов» для чжуан используется иероглиф 獠 *чжуан* с элементами «собака» и «ребенок» (См.: [Лю Сифань, 1987]).

Целью данной статьи является рассмотрение истории создания и современного состояния этнографических музеев в Гуанси и представление в них культуры чжуан.

История этнографических музеев в Китае

Традиция собирания древностей имеет в Китае давнюю историю, но первый открытый для публики музей Наньтун появился только в 1905 году [Su Donghai, 1995. P. 64]. Специализированные этнографические музеи возникли ещё позднее. Их организаторами стали Цай Юаньпэй и Линь Хуэйсян. Китайские исследователи называют в качестве момента появления первых этнографических экспозиций либо 1916 г. [Тан Ланьдун, 2007. С. 33], либо 1933 г. [Цуй Дунбо, 2015. С. 87]. Первым в стране специализированным этнографическим музеем стал Музей антропологии Сямэньского университета, (厦门大学人类博物馆 *Сямэньдасюэ жэньлэй боугуань*), открытый в 1934 г. (см. рисунок, 1).

Несмотря на последующее негативное влияние японской интервенции и гражданской войны, развитие этнографии и музейного дела в Китае не останавливалось. Например, в 1941 г. этнограф У Цзэлинь провел в Гуйчжоу три выставки, посвященных культуре народа, населяющего эту провинцию [Тан Ланьдун, 2007. С. 33], в университете Цинхуа был открыт факультет антропологии, и т. д. С образованием КНР в 1949 г. ситуация начинает меняться. Если Сунь Ятсен считал количество неханьцев в стране едва ли не равным статистической погрешности [Сунь Ятсен, 1985. С. 378], то для КНР национальный вопрос был критически важен. Подъем этнографических исследований ускорил развитие музейного дела.

¹ См., например: [Каур, 2000. P. 53].

² Barlow J. The Zhuang: a Longitudinal Study of Their History and Their Culture [Electronic resource] // Electronic library "iShare". Electronic data. [S. l., s. a.]. URL: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/20839422.html> (access date: 12.08.2020).

Национальные меньшинства и их культура в музеях Гуанси:

1 – автор на фоне Музея антропологии Сямэньского университета. Декабрь 2018 г.; 2 – входная композиция выставки «Многоцветье Гуанси»: интерактивный макет района с украшениями в виде чжуанской вышивки, бронзового барабана и водяных колес. Музей национальностей Гуанси. Наньнин, ГЧАР. Ноябрь 2018 г.; 3 – информационная табличка экспоната с QR-кодом. Наньнин, ГЧАР. Музей национальностей Гуанси. Ноябрь 2018 г.; 4 – сувенирная продукция: чехлы для телефонов с украшением в стиле чжуанской вышивки. Музей национальностей Гуанси. Ноябрь 2018 г.; 5 – диорама «Приготовление пищи». Музей национальностей Гуанси, экспозиция «Чжуанская культура». Наньнин, ГЧАР. Ноябрь 2018 г.; 6 – женский костюм гуансийских яо. Музей национальностей Гуанси, экспозиция одежды национальных меньшинств Гуанси. Наньнин, ГЧАР. Ноябрь 2018 г.

National minorities and their culture in Guangxi museums:

1 – the author against the background of Xiamen University Anthropology Museum; 2 – «Colorful minorities» exhibition. Entrance composition: interactive map of Guangxi decorated with Zhuang embroidery and water wheels. Guangxi Museum of Nationalities. Nanning, GZAR. November, 2018; 3 – an item information table with QR-code. Guangxi Museum of Nationalities, exhibition of Zhuang culture. Nanning, GZAR. November, 2018; 4 – ethnic souvenirs: Smartphone covers decorated in Zhuang embroidery style. Guangxi Museum of Nationalities. Nanning, GZAR. November, 2018; 5 – «Cooking food» composite picture. Guangxi Museum of Nationalities, exhibition of Zhuang culture. Nanning, GZAR. November, 2018; 6 – Guangxi Yao woman dress. Guangxi Museum of Nationalities. Guangxi Museum of Nationalities, exhibition of Guangxi people folk dress. November, 2018

Первая перепись населения 1953 г. выявила почти 400 этносов [Mullaney, 2010. P. 328]. Для прояснения ситуации в национальном вопросе было необходимо изучать национальные меньшинства, что нашло отражение и в проведении музейно-выставочной работы. В 1949 г. в университете Цинхуа была проведена первая в КНР этнографическая выставка [Юн Цзижун, 2006. С. 22]. Правительство начало сбор предметов национальной материальной культуры и создавало объекты их хранения, что было частью проекта по официальному признанию национальностей. Например, в 1956 г. более тысячи исследователей были направлены в районы проживания национальных меньшинств с целью сбора и документирования артефактов, ритуалов и практик. В 1959 г. в Пекине завершено строительство Дворца культуры национальностей (民族文化宫 *Миньцзу вэньхуагун*), который был создан в числе первых 10 больших архитектурных проектов нового Китая.

В «период деструкции», с 1957 по 1976 г. [Москалёв, 2001. С. 160], «старые» традиции, культура, привычки, идеи были объявлены «пережитками прошлого» и подлежали искоренению. В этих условиях о нормальном функционировании и развитии музеев речь не шла. Период реформ и открытости, начавшийся в 1978 г., означал восстановление разрушений, вызванных Культурной революцией. Возрождение национального строительства способствовало созданию новых этнографических музеев: если в 1978 г. в стране насчитывалось всего 349 музеев всех видов, то в 1999 г. их было 1374, в 2006–2300. В настоящее время в КНР имеется 3120 музеев, из них 12,6 % (около 400) – этнографические музеи различного уровня [Э Цзюнь, 2014. С. 28].

Современные этнографические музеи Гуанси

Самый крупный специализированный этнографический музей в районе, Музей национальностей Гуанси, был построен к 50-летию образования ГЧАР и открыт для публики в 2009 г. Он находится в районе Цзинсю г. Наньнин, столицы региона. Музейный комплекс занимает территорию 8,6 га, площадь помещений – более 30 000 м². Основное здание имеет три этажа. В музее содержится свыше 50 000 единиц хранения, в числе которых 345 бронзовых барабанов, 18 000 изделий из текстиля и др. Музей посвящен истории и культуре 12 национальностей, проживающих в Гуанси. Постоянные экспозиции музея: «Культура бронзовых барабанов»; «Многоцветье Гуанси»; «Культура чжуан»; «Вещи из прошлого»³. Проводятся также временные выставки. Помимо Музея национальностей, в Гуанси функционируют Музей народов реки Юцзян; Музей чжуанской культуры г. Чунцзо; Музей чжуанской культуры уезда Цзинси и др.

Современные условия диктуют этнографическим музеям необходимость изменений: традиционные музеи, чтобы сохранить своего посетителя, должны предлагать новые возможности и искать пути развития, например, такие как расширение функциональности, обновление и добавление экспозиций, их цифровизация и применение мультимедийных технологий, выведение в онлайн-формат [Ли Вэй, 2017. С. 5]. В Музее национальностей Гуанси помимо традиционных для подобных учреждений выставочных залов устроены кинозал, многофункциональный конференц-зал, библиотека специализированной этнографической литературы и др. [Гуй Синвэнь, 2008. С. 65]. Активно применяются новые технологии и современные подходы. Для иллюстрации обратимся к основной выставке музея: «Многоцветье Гуанси»⁴.

Помещения выставки сами по себе являются мультифункциональным экспонатом: интерактивными носителями информации выступают не только стенды с предметами, но и стены, потолок и открытые макеты (см. рисунок, 2). Выставка состоит из четырех разделов: «Домашний очаг», «Одеяние из радуги и перьев», «Чудо мастерства», «Музыка гармонии».

³ Официальный сайт Музея национальностей Гуанси. Информация о музее (на кит. яз.). URL: <http://www.amgx.org/news-8335.html> (дата обращения 10.12.2020).

⁴ Литературный перевод автора. Название на китайском языке – 五彩八桂, где 五彩 – «пять цветов», семантически – многоцветный, разноцветный, 八桂 – «8 коричневых [деревьев]», словосочетание используется как поэтическое название Гуанси.

В них рассказывается о быте, экономических основах хозяйства, предметах культа, верованиях и праздниках гуансийских этносов. Используются различные интерактивные диорамы и информационные стенды, телевизионные панели, музыкальное и световое сопровождение. Экспонаты снабжены QR-кодами, которые позволяют ознакомиться с описанием предмета на китайском языке (см. рисунок, 3). Описание, доступное по QR-коду, всегда более полно, чем написанное на пояснительной табличке. В сети Интернет Музей представлен официальным сайтом⁵, на котором находится вся информация об учреждении и онлайн-экскурсии, а также официальным аккаунтом в мессенджере Wechat.

Говоря об институциональном развитии, необходимо рассказать о проекте «1 + 10». Цифры обозначают сеть, состоящую из центрального элемента, Музея национальностей Гуанси, и десяти экомузеев под открытым небом, распределенных по территории района. Экомузей – это вариант музея под открытым небом, в котором предметы культуры экспонируются в их естественной среде [Yi Hong, 2011. С. 2]. Первой организацией такого рода в Китае является открытый совместно Китаем и Норвегией в 1998 г. экомузей Сога в пров. Гуйчжоу. Однако именно в Гуанси экомузеи были объединены в крупную структуру: первый экомузей белых яо в деревне Наньдань появился в 2004 г. [Оу Бо, 2018. С. 13], а уже в 2005 г. правительство Гуанси официально запустило проект «1 + 10». На данный момент все 10 экомузеев проекта построены и функционируют в населенных пунктах Наньдань, Напо, Цзинси, Дунсин, Саньцзян, Жуншуй, Луншэн, Линчуань, Цзинсю и Хэчжоу⁶.

Китайские ученые положительно оценивают создание подобной музейной структуры в Гуанси. Указывается, что Музей национальностей обеспечивает экомузеи района кадрами и материальными ресурсами, единицами хранения, организует обмен результатами научных изысканий, помогая их развитию [Вэй Хайлэй, Цао Вэй, 2013. С. 48]. Реализация этого проекта позволила достичь следующих целей:

- 1) собрано и сохранено более трех тысяч подлинных предметов, восстановлены традиционные жилища и другие объекты;
- 2) повышена осведомленность местных жителей и туристов в вопросах сохранения этнической культуры;
- 3) строительство музеев повлекло улучшение инфраструктуры деревень, в которых они созданы, развитие туризма повысило доходы местных жителей [Гун Шиян, 2016. С. 146–147].

Однако экомузеи Гуанси сталкиваются и с рядом проблем. Прежде всего, это низкая вовлеченность местных жителей в их работу. Причина – в подходе к созданию экомузеев. В Европе они создаются, как правило, жителями поселения. Следовательно, развитие, содержание и наполнение проекта – объект непосредственного интереса его участников. В Китае экомузей – это проект властей. Деятельность осуществляется сверху посредством распоряжения, назначения ответственных лиц, выделения конкретного объема средств. Жители деревень, входящих в экомузей, часто не понимают своей роли, возможностей и выгод своего статуса и не ощущают своего интереса и ответственности за происходящее в нём.

Недостаточное финансирование – ещё одна проблема. Местные власти открывают музеи, но не обеспечивают им достаточно ресурсов для работы и развития. Построенные традиционные жилища и объекты инфраструктуры без должного обслуживания постепенно ветшают. Кураторами музеев часто являются не коренные жители деревни, а, в целях экономии средств, приходящие сотрудники. В такой ситуации об активности и качестве работы говорить не приходится [Yi Hong, 2011. С. 30].

Одним из способов решения вышеозначенной проблемы и повышения «рентабельности» национальной культуры является её вовлечение в туристическую отрасль. Туризм увеличи-

⁵ Официальный сайт Музея национальностей Гуанси. (на кит. яз., англ. яз.) URL: <http://www.amgx.org/> (дата обращения 15.12.2020).

⁶ Более подробную информацию об этих музеях можно найти на сайте Музея национальностей: URL: <http://www.amgx.org/eco/> (на кит. яз.). (дата обращения 16.12.2020)

вадет доходы административной единицы, позволяет поднять уровень жизни. Только доходы г. Наньнин от внутреннего туризма составляли в 2010 г. около 23 млрд юаней, а в 2012 г. – уже 39 млрд юаней [Юй Цзинсюн, Сюн Вэй, Мо Сяофэн, 2013. С. 482].

Туризм является важнейшей зоной роста экономики национальных автономий [Ли Вэй, 2017. С. 6], а адаптация предмета культуры в туризме подразумевает превращение его в товар. Процесс такой коммодитизации имеет несколько этапов:

1) нахождение подходящего элемента материальной или нематериальной культуры;

2) повышение его известности через праздники, выставки, включение в дизайн городского пространства;

3) включение в списки нематериального культурного наследия на провинциальном и государственном уровне;

4) финальная стадия процесса – многократное воспроизведение элемента культуры в качестве сувенирной продукции, элемента декора и т.д. и продажа его в качестве «товара с этническим колоритом» (см. рисунок, 4). Стоит отметить, что превращение этнического артефакта в сувенир лишает его того значения, которое он имел внутри своей культуры [Люй Чжань, 2011. С. 45].

Музейные экспозиции культуры чжуан

Во время полевого исследования, проведенного в ГЧАР 2018 г., автор осмотрел следующие музеи, посвященные чжуанской культуре: Музей национальностей Гуанси (ГЧАР, г. Наньнин); Музей национальностей, проживающих на реке Юцзян (ГЧАР, г. Байсэ); Музей культуры чжуан (ГЧАР, городской округ Байсэ, уезд Цзинси); Музей культуры чжуан (ГЧАР, городской округ Наньнин, г. Чунцзо).

В осмотренных музеях есть таблицы или карты, посвященные автономным территориям проживания чжуан. В сопроводительной информации указывается площадь автономии, процент неханьского населения, год создания автономии и т. д. В экспозициях указывается, что в Гуанси распространены «диалекты чжуанского языка». В чжуанском языке существует две группы с 12 диалектами, и даже наречия внутри одной группы непонятны для носителей соседнего диалекта [Вэй Цзинъюнь, Цинь Сянчжоу, 2008. С. 3]. На этом основании можно считать чжуанский язык не единым языком, а группой языков.

Все экспозиции указывают, что основу хозяйства составляет заливное рисоводство. Экспозиции хозяйственной жизни чжуан представляют дома на сваях, старинные предметы утвари, изображения людей, готовящих пищу на огне, и др. (см. рисунок, 5). Описания выставленных предметов часто лишены четкой этнографической привязки: используется только название места обнаружения находки. В современных музеях традиционная одежда выставляется на рядах безличных манекенов, установленных в застекленных витринах [Varutti, 2010. P. 330]. На стенде, открывающем выставку одежды нацменьшинств ГЧАР, читаем: «Ткани, древние и простые» (см. рисунок, 6).

Что касается представления нематериальной культуры, во всех шести музеях ее образцы включали в себя фотографии или видео танцев, песен и праздников. Также даны таблицы со списками тех или иных культурных феноменов, ставших объектами нематериального культурного наследия разных уровней. Такое представление удовлетворяет целям развития туризма, но ничего не говорит о духовной культуре чжуан. Например, даны фотографии чжуанского праздника с надписью «чжуанское представление». Разъяснений о характере представления, его ритуальном смысле, участниках не дано ни в описании, ни в экскурсии с гидом⁷. О религиозных верованиях чжуан или других малочисленных народов музейные экспозиции тоже почти не говорят.

⁷ Наблюдения автора во время полевой работы, ноябрь 2018 г.

Выводы

Музейное дело в Китае развивалось и развивается в русле основных этапов истории страны: первые достижения в период Китайской Республики; негативное влияние японской интервенции и гражданской войны с 1930-х гг. по 1949 г.; подъем и развитие в начале 1950-х гг.; «период деструкции» с конца 1950-х по 1976 г.; устойчивое развитие и процветание в период Политики реформ и открытости с 1978 г. Этнографические музеи за последние 40 лет заняли свое место в государственной системе сохранения культурных ценностей. Развитие этнографических музеев КНР отвечает мировым практикам: проводятся цифровизация, музеи присутствуют в сети Интернет, активно применяются цифровые решения и современные технологии при организации выставок, происходит интеграция традиционных и новых форматов музейной деятельности, например, организация мастер-классов, представлений и т. д. Музейная деятельность выходит за рамки традиционных помещений: в стране развивается система экомузеев, в которых традиционная этническая культура сохраняется в среде своего бытования.

Однако перед китайскими этнографическими музеями стоят серьезные вызовы. Это утеря традиционной культуры и традиций ее носителями, снижение интереса к культуре и музеям, недостаточное финансирование, коммерциализация культуры. Многократное тиражирование предметов и их продажа туристам ведет к утере значения этих артефактов для чжуан и, соответственно, к гибели внутреннего содержания, фактическому уничтожению роли предмета как части культурного кода. Эти проблемы могут стать препятствием в развитии музейного дела в КНР, и особенно экомузеев, которые уже сейчас при выполнении своих функций сталкиваются с определенными сложностями.

Список литературы

- Москалёв А. А.** Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР. М.: Наука, 1979. 152 с.
- Москалёв А. А.** Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М.: Памятники ист. мысли, 2001. 223 с.
- Сунь Ятсен.** Избранные произведения / Под ред. С. Л. Тихвинского. М.: Наука, 1985. 759 с.
- Kaup Katherine.** Creating the Zhuang: Ethnic Politics in China. London; Lynne Rienner Publishers, 2000. 221 p.
- Mullaney Thomas.** Seeing for the state: the role of social scientists in China's ethnic classification project // Asian Ethnicity. 2010. Vol. 11, is. 3. P. 325–342.
- Su Donghai.** Museums and museum philosophy in China // Nordisk Museologi. 1995. Vol. 2. P. 61–80.
- Varutti Marzia.** Indexes of Exclusion // Narratives of Community: Museums and Ethnicity. Edited by O. Guntarik. Edinburgh. Museumetc, 2010. P. 318–339.
- Yi Hong.** Ecomuseum evaluation: experiences in Guizhou and Guangxi, China // Proceedings of the 3rd World Planning Schools Congress. 2011. p. 1–39.
- Вэй Цзинъюнь, Цинь Сянчжоу.** Чжуаньюй цзичу цзяочэн [韦景云、覃祥周。壮语基础教程]. Базовый курс чжуанского языка. Пекин: Чжунъян миньцзу дасюэ чубаньшэ, 2008. 318 с. (на кит. яз.)
- Вэнь Хайлэй, Цао Вэй.** Шэнтай боугуань юй миньцзу вэньхуадэ баоху юй чуаньчэн [文海雷、曹伟。生态博物馆与民族文化的保护与传承]. Экологические музеи в деле защиты и преемственности этнической культуры // Миньцзу луньтань. 2013. № 3. С. 47–50. (на кит. яз.)
- Гуй Синвэнь.** Гуанси миньцзу боугуань: миньцзу вэньхуадэ дяньтан [桂兴文。广西民族博物馆: 民族文化的殿堂]. Музей национальностей Гуанси: храм этнической культуры // Чжунго миньцзу. 2008. № 12. С. 65–66. (на кит. яз.)

- Гун Шиян.** Таньсо юй шицзянь: дуй Гуанси миньцзушэнтай боугуань «1+10» гунчэндэ хуэйгу, пинзця хэ сыкао [龚世扬。探索与实践: 对广西民族生态博物馆“1+10工程”的回顾, 评价和思考]. Поиск и практика: обзор, оценка и размышления о проекте экомузеев Гуанси «1+10» // Гуанси миньцзу яньцзю. 2016. № 1. С. 143–149 (на кит. яз.)
- Ли Вэй.** Миньцзу боугуньдэ цзяньшэ юй фачжань [李威。民族博物馆的建设与发展]. Создание и развитие этнографических музеев // Цинъюань чжие цзишу сюэюань сюэбао. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 1–8. (на кит. яз.)
- Лю Сифань.** Линбяо цзимань [刘锡蕃。岭表纪蛮]. Записки об инородцах к югу от Хребтов. Тайбэй: Наньтянь фахан, 1987. 351 с. (Переиздание книги 1934 г.) (на кит. яз.)
- Люй Чжань.** Чжуанцзу сюцю гуньдэ вэньхуачжуаньсин цзи шэхуэй ии [吕展。壮族绣球工艺的文化转型及社会意义] Чжуанские вышитые шары, их культурная трансформация и социальное значение // Чжунго миньцзу. 2011. № 10. С. 45–46. (на кит. яз.)
- Оу Бо.** Синь мэйти шидай миньцзувэньхуа чуаньбо синь таньсо [欧波。新媒体时代民族文化传播新探索]. Исследование распространения этнической культуры в эпоху новых медиа // Чуаньболи яньцзю. 2018. № 20. С. 13–14 (на кит. яз.).
- Тан Ланьдун.** Чжунго миньцзу боугуань лиши хуэйгу юй сяньчжуан фэньси [唐兰冬。中国民族博物馆历史回顾与现状分析]. Анализ истории и современного состояния этнографических музеев Китая // Чжуннань миньцзудасюэ сюэбао. 2007. № 11. С. 33–37. (на кит. яз.)
- Цуй Дунбо.** Миньцзу дицюй боугуань фачжаньдэ лиши юй сяньчжуан [崔东波。民族地区博物馆发展的历史与现状评述]. Анализ истории и современного состояния музеев в национальных районах // Душу вэньди. 2015. № 11. С. 87. (на кит. яз.)
- Чжан Шэньчжэнь.** Чжуанцзу тунши [张声震。壮族通史. 北京: 民族出版社]. Полная история чжуан. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 1997. 1293 с. (на кит. яз.)
- Э Цзюнь.** Шаошу миньцзу боугуаньдэ фачжань мяньлиньдэ тяочжань цзи дуйцэ. [俄军。少数民族地区博物馆发展面临的挑战及对策]. Вызовы развития музеев на территориях проживания национальных меньшинств и меры реакции на них. // Чжунго миньцзу вэньбо. 2011. № 4. С. 28–35. (на кит. яз.)
- Юй Цзинсюн, Сюн Вэй, Мо Сяофэн.** Гуанси тунцзи няньдянь – 2013. [余竟雄、熊威、莫小峰。广西统计年鉴-2013] Статистический ежегодник Гуанси за 2013 год. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2013. 664 с. (на кит., англ. яз.)
- Юн Цзижун.** Чжунго далу миньцзу боугуань шиедэ лиши фачжань [雍继荣。中国大陆民族博物馆事业的历史发展]. История развития музейного дела в материковом Китае // Чжунго боугунь. 2006. № 2. С. 19–27 (на кит. яз.)

References

- Moskalyov A. A.** Guangxi – Zhuangskiy i Ningxia – Hueiskiy avtonomnye raiony KNR [Guangxi – Zhuang and Ningxia – Hui autonomous regions of the PRC], Moscow, Nauka, 1979, 152 p. (in Russ.)
- Moskalyov A. A.** Teoreticheskaya baza natsionalnoi politiki KNR (1949–1999) [Theoretical basis of the PRC minority policy (1949–1999)]. Moscow, Pam'yantniki istoricheskoi mysli, 2001, 223 p. (in Russ.)
- Sun Yat-sen.** Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Ed. by S. L. Tikhvinskiy. Moscow, Nauka, 1985, 759 p. (in Russ.)
- Каур Katherine.** Creating the Zhuang: Ethnic Politics in China. London; Lynne Rienner Publishers, 2000, 221 p.

- Mullaney Thomas.** Seeing for the state: the role of social scientists in China's ethnic classification project. *Asian Ethnicity*, 2010, vol. 11, iss. 3, p. 325–342.
- Su Donghai.** Museums and museum philosophy in China. *Nordisk Museologi*, 1995, vol. 2, p. 61–80.
- Varutti Marzia.** Indexes of Exclusion. In: *Narratives of Community: Museums and Ethnicity*. Ed. by O. Guntarik. Edinburgh, Museumetc, 2010, p. 318–339.
- Yi Hong.** Ecomuseum evaluation : experiences in Guizhou and Guangxi, China. In: *Proceedings of the 3rd World Planning Schools Congress*, 2011, p. 1–39.
- Cui Dongbo.** Minzu diqu bowuguan fazhande lishi yu xianzhuang pingshu [崔东波. 民族地区博物馆发展的历史与现状评述]. *Research on history and modern state of museums in ethnic territories. Dushu wendi*, 2015, vol. 11, p. 87. (in Chin.)
- E Jun.** Shaoshu minzu diqu bowuguan fazhan mianlinde tiaozhan ji duice. [俄军. 少数民族地区博物馆发展面临的挑战及对策]. *Ethnic territories museums, challenges to their development and measures. Zhongguo minzu wenbo*, 2011, vol. 4, p. 28–35. (in Chin.)
- Gong Shiyang.** Tansuo yu shijian: dui Guangxi minzu shengtai bowuguan «1+10» gongchengde huigu, pingjia he sikao [龚世扬. 探索与实践: 对广西民族生态博物馆“1+10 工程”的回顾, 评价和思考]. *Search and practice: review, evaluation and thoughts on Guangxi ecomuseums “1+10” project. Guangxi minzu yanjiu*, 2016, vol. 1, p. 143–149. (in Chin.)
- Gui Xingwen.** Guangxi minzu bowuguan: minzewenhuade diantang [桂兴文. 广西民族博物馆: 民族文化的殿堂]. *Guangxi museum of nationalities: temple of ethnic culture. Zhongguo minzu*, 2008, vol. 12, p. 65–66. (in Chin.)
- Li Wei.** Minzu bowuguande jianshe yu fazhan. [李威. 民族博物馆的建设与发展]. *Ethnic museums creation and development. Qingyuan zhiye jishu xueyuan xuebao*, 2017, vol. 10, iss. 2, p. 1–8. (in Chin.)
- Liu Xifan.** Lingbiao jiman [刘锡蕃. 岭表纪蛮]. *Notes on the Man-barbarians to the South of Mountain Ridges. Taipei, Nantian fahang*, 1987, 351 p. (in Chin.)
- Lyu Zhan.** Zhuangzu xiuqiu gongyide wenhua zhuanxing ji shehui yiyi [吕展. 壮族绣球工艺的文化转型及社会意义] *Zhuang embroidered balls, culture transformation and social importance. Zhongguo minzu*, 2011, vol. 10, p. 45–46. (in Chin.)
- Ou Bo.** Xin meiti shidai minzuwenhua chuanbo xin tansuo [欧波. 新媒体时代民族文化传播新探索]. *New research on ethnic culture spread in the era of new media. Chuanboli yanjiu*, 2018, vol. 20, p. 13–14. (in Chin.)
- Tang Landong.** Zhongguo minzu bowuguan lishi huigu yu xianzhuang fenxi [唐兰冬. 中国民族博物馆历史回顾与现状分析]. *Analysis of history and modern state of the PRC ethnic museums. Zhongnan minzu daxue xuebao*, 2007, vol. 11, p. 33–37. (in Chin.)
- Wei Jingyun, Qin Xiangzhou.** Zhuangyu jichu jiaocheng. [韦景云、覃祥周. 壮语基础教程]. *Basic course of Zhuang language. Beijing: Zhongyang minudaxue chubanshe*, 2008, 318 p. (in Chin.)
- Wen Hailei, Cao Wei.** Shengtai bowuguan yu minzu wenhuade baohu yu chuancheng. [文海雷、曹伟. 生态博物馆与民族文化的保护与传承]. *Ecomuseums in ethnic culture protection and transmission. Minzu luntan*, 2013, vol 3, p. 47–50. (in Chin.)
- Yong Jirong.** Zhongguo dalu minzubowuguan shiyede lishi fazhan [雍继荣. 中国大陆民族博物馆事业的历史发展]. *History of museum industry in Mainland China. Zhongguo bowuguan*, 2006, vol. 2, p. 19–27. (in Chin.)
- Yu Jingxiong, Xiong Wei, Mo Xiaofeng.** Guangxi tongji nianjian – 2013. [余竟雄、熊威、莫小峰. 广西统计年鉴-2013] *Statistics yearbook of Guangxi –2013. Beijing, Zhongguo tongji chubanshe*, 2013, 664 p. (in Chin.)

Zhang Shengzhen. Zhuangzu tongshi. [张声震。壮族通史。北京：民族出版社]. History of the Zhuang. Beijing. Minzu chubanshe, 1997, 1293 p. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
18.12.2020*

Сведения об авторе

Глинкин Виталий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Факультета исторических и политических наук ТГУ (Томск, Россия)
glinkinvs@yandex.ru

Information about the Author

Vitaly S. Glinkin, PhD in History, senior teacher, Department of Oriental Studies, Faculty of History and Political Sciences National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
glinkinvs@yandex.ru

УДК 821.581 + 81'255.2

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-135-144

Новелла Пу Сунлина «Беседы зрачков»

А. Г. Сторожук

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена особенностям сюжетных построений новеллы Пу Сунлина (蒲松齡, 1640–1715) «Беседы зрачков» (瞳人語), а также вариантам перевода этого текста. В статье анализируется связь идей Пу Сунлина с традицией китайской медицины и даосскими представлениями о душах и духах человеческого тела, а также рассматривается традиция переложения новеллы на русский язык. При несомненном влиянии, которое оказали на «Беседы зрачков» фантастические произведения минского времени, нельзя не признать, что и изобразительные средства, и главная идея произведения оригинальны и самостоятельны. Даосское осмысление человеческой анатомии и физиологии освещается не только в этой новелле, но и в других произведениях из собрания «Странных историй из кабинета неудачника» (Ляо Чжай чжи и). Особенности художественной ткани текста и принципы перевода проиллюстрированы на примерах. Представлен также новый вариант перевода новеллы с пояснениями и комментариями.

Ключевые слова

Пу Сунлин, китайская литература, Ляо Чжай, переводы, даосизм

Для цитирования

Сторожук А. Г. Новелла Пу Сун-лина «Беседы зрачков» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 135–144. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-135-144

Pu Songling's Short-Story "Pupils' Talk"

A. G. Storozhuk

*Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article covers the plot and translation peculiarities of the short-story by Pu Songling (蒲松齡, 1640–1715) "Pupils' Talk". The connection between Pu Songling's ideas and tradition of Chinese popular medicine and Taoist concepts of souls and spirits of a human body is thoroughly analyzed; along with that the tradition of the story's interpretation in Russian is also studied. The issue of special spirits inhabiting all organs and anatomical areas of a human has been thoroughly worked out in both parts of "Huang Di's Inner Classic" as well as in "Huang ting Classic" and was a part of a common knowledge in traditional Chinese routine. Special medical treatises known as "Suishu" gave their own recipes of traditional medication combined with exorcism, and Pu Songling happened to be an author of such a treatise in two parts. Thus one has to admit that Pu Songling must be quite well acquainted with the tradition of Chinese folksy medicine based on the stated integrity of human physical organization with controlling spirits of each and every body-part. Therefore with the undeniable influence of Ming fiction on "Pupils' Talk" one can't help acknowledging that the descriptive means of expression as well as the chief idea of the story are authentic and independent. Taoist ideas about human anatomy and physiology can be met not only in this story, but in other pieces of the "Strange Tales from a Chinese Studio" (*Liao Zhai zhi yi*). Artistic peculiarities of the text as well as fundamentals of the translation are divisively demonstrated. A new variant of translation of the whole text is provided.

Keywords

Pu Songling, Chinese literature, Liao Zhai, translations, Taoism

© А. Г. Сторожук, 2021

For citation

Storozhuk A. G. Pu Songling's Short-Story "Pupils' Talk". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 135–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-135-144

Новелла Пу Сунлина (蒲松齡, 1640–1715) «Беседы значков» (по другому толкованию – «Зрочки говорят», 瞳人語) не входит в число наиболее знаменитых произведений собрания «Странных историй из кабинета неудачника» («Ляо Чжай чжи и», 聊齋志異). Она помещена в 1-й цзюань свода (это характерно как для традиционных, так и для современных изданий вне зависимости от того, компоновались ли они по 12-цзюаневой или 16-цзюаневой модели) и явно уступает как по выразительным средствам, так и по изощрённости замысла многим другим произведениям писателя, оказавшимся с ней в тесном соседстве. Вместе с тем целый ряд качеств, присущих «Беседам значков», позволяет говорить об этой новелле отдельно и возвращаться к ее особенностям, рассматривая их с самых разных сторон.

В сюжете новеллы явно заметно влияние рассказа из собрания Шэнь Дэфу (沈德符, 1578–1642) «Собранное в предместьях в годы Вань-ли¹» (萬歷野獲編 *Вань-ли ехо бянь*) «Странная болезнь» (奇疾) раздела «Бесовские наваждения» (鬼怪), цзюань 28 «Воздаяние» (果報). Там рассказывается о странных недугах, поразивших министра Му Шэня (穆深) и военного бригадира Шэнь Цаня (沈璨). У первого в ушах вдруг стал постоянно раздаваться шум, словно бы от повозок и лошадей. Однажды послышались голоса, сговаривавшиеся уехать в предместьях по делам. Шум тогда стих, а вечером вернулся опять. Никакое лечение не помогало, пока в один прекрасный день наваждение не пропало само. Второй же – бригадир Шэнь Цань – разгневал духа-покровителя некоего древнего дерева, повелев без какой-либо нужды срубить его. Когда срубили, все увидели огромного питона, заползшего в нос к бригадиру и причинявшего в течение десятилетия тому тяжкие страдания. Никакие средства от напасти не помогали, пока вдруг Шэнь Цань также в одночасье не исцелился. Куда подевалась змея, осталось тайной [Вань-ли ехо бянь, 1997. Т. 3. С. 728–729].

Главный герой новеллы Пу Сунлина также разгневал святых небожителей, за что был наказан слепотой, не исцелявшейся никакими медицинскими средствами. Вместе с тем, на том сходство и заканчивается: сам недуг не проходит, а спасением для героя становится глубокое раскаяние и приверженность чтению сутр.

Точно так же нельзя утверждать, что это единственное произведение Пу Сунлина, затрагивавшее тему обитания духов в различных органах человеческого организма и возможности видеть этих духов со стороны. Детально разработанная в даосской традиции концепция взаимосвязи человеческого здоровья с деятельностью многочисленных духов, населяющих все без исключения органы и анатомические области (включая головной мозг, перикард и прочее) была в упрощенном виде широко известна в самых разных кругах общества, включая простонародье. Имелись специальные простонародные книги, описывающие демонов болезни и предлагающие рецепты их изгнания – так называемые «Суй-шу» (崇書). Такого рода лечебники нередко содержали в себе и подлинные рецепты традиционной медицины, основанные на лечении травами, акупунктуре и прочем. Пу Сунлин был автором такого лечебника в двух частях; назывался он «Книга о лекарствах и наваждениях» (藥崇書 *Яо Суй-шу*), где давались многочисленные советы по терапии, хирургии, женским и детским болезням, а также по оказанию неотложной помощи (текст лечебника – [Пу Сунлин цзюань цзи, 1998. Т. 3. С. 2341–2363]). Другими словами, представления о медицине, во всяком случае, о народной китайской медицине, у писателя были вполне обширные и структурированные. Следовательно, и засилье духов во всех анатомических отделах и органах человека воспринималось им как данность. По-другому не могло быть, поскольку объяснение психических процессов через привязку их к важнейшим пяти органам грудной клетки и брюшной поло-

¹ Вань-ли (萬歷) – девиз правления минского императора Шэнь-цзуна (神宗, 1563–1620): 1572–1620.

сти – к так называемым «Пяти хранилищам» (五藏) – имеется уже в знаменитом «Каноне Желтого императора о внутреннем» (黃帝內經 *Хуан-ди нэйцзин*, III в до н. э.). Там называются и характеризуются сами «Пять хранилищ»² [*Хуан-ди нэйцзин*, Лин шу и чжу, 2002. С. 465], привязка к ним основных проявлений психической деятельности³ [*Хуан-ди нэйцзин*, Лин шу и чжу, 2002. С. 64–68], а также постулируется неразрывная связь между душевными качествами и другими важными анатомическими центрами человека⁴ [*Хуан-ди нэйцзин*, Су вэнь и чжу, 2002. С. 52]. Еще в одном важнейшем трактате, освещающем вопросы даосской медицины – «Каноне Срединного зала» (黃庭經 *Хуантин цзин*) – описываются особые «духи хранилищ», управляющие работой названных пяти анатомических областей, а также приводятся их имена⁵ [*Хуантин цзин* чжу и, 1996. С. 27–28]⁶. Следовательно, отношение к человеческому телу как к комплексу сложно сосуществующих духовных единиц было не новым; упомянутое выше влияние новелл Шэнь Дэфу в этом смысле могло выразиться только в частных изобразительных приемах (разговорах духов в голове больного, их временные отлучки по делам и прочее), но не в общем осмыслении проблемы. В частности, доказательством тому могут быть и другие произведения Пу Сунлина, так или иначе поднимавшие сходные вопросы. Например, это новелла «Человечек в ухе» (耳中人), где из уха медитирующего вылезает некий дух, внешне безобразный и устрашающий, ростом не более трех вершков, и, когда самосозерцание внезапно обрывается, то теряется и связь героя новеллы с населяющими его тело десятью душами, отчего он едва не умирает⁷ [Пу Сунлин, 2011. С. 4].

По средствам художественного выражения, как и говорилось выше, «Беседы зрачков», безусловно, не могут претендовать на какое-то особое место в творчестве Пу Сунлина. В них нет изысканности формы, отличающей, например, рассказы «Не Сяоцян» (聶小倩) или «Барышня Линь Четвертая» (林四娘), где ритмизованная проза и обычный прозаический текст постоянно переплетаются в сложных конструкциях. В новелле «Барышня Линь Четвертая», как и еще в целом ряде новелл, в текст могут инкорпорироваться и поэтические вставки. Нет в «Беседах зрачков» и демонстрации мастерского владения нюансами вэньяня, когда средствами классического литературного языка воспроизводилось диалектное просторечье (как, например, в новелле «Ван Шестой Молодец», 王六郎). Тем не менее, стиль новеллы изыскан и крайне непросто для передачи на других языках.

Само название уже таит в себе существенную сложность: 瞳 – это собственно «зрачки», хотя в название этой части глаза и может входить иероглиф 人 со значением «человек» (в других вариантах его заменяет омонимичный иероглиф 仁). Причиной такой странности является, возможно, позднее представление, что в зрачке видно изображение маленького человечка [Ван Ли, 1982. С. 381]. Иными словами, строго говоря, «человечки» как таковые в названии не присутствуют. Но коннотация подобного рода имеется, особенно учитывая, что это обстоятельство отражено в тексте новеллы: духов зрачков, выбравшихся на волю, наблюдает жена главного героя, и духи эти подобны крохотным человеческим фигуркам.

Отсюда и предложенный академиком В. М. Алексеевым вариант перевода «Зрачки-человечки беседовали». Перевод этот был сделан в 1949 г. и явился последним в работе академика над наследием Пу Сунлина [Пу Сунлин, 1988. С. 552]. Перевод выполнен ритмизо-

² «Канон Желтого императора о внутреннем» (黃帝內經 *Хуан-ди нэйцзин*), «Ось духа» (靈樞 *Линшу*), цзюань 12, глава 78 «Объяснение девяти игл» (九鍼論 *Цзю чжэнь лунь*).

³ «Канон Желтого императора о внутреннем» (黃帝內經 *Хуан-ди нэйцзин*), «Ось духа» (靈樞 *Линшу*), цзюань 2, глава 8 «Основа шэнь» (本神 *Бэнь шэнь*).

⁴ «Канон Желтого императора о внутреннем» (黃帝內經 *Хуан-ди нэйцзин*), «Вопросы о простом» (素問 *Су вэнь*), цзюань 3, глава 8 «Секретный свод Линляня» (靈蘭秘典 *Линлань ми дянь*).

⁵ «Канон Срединного зала и внутренних духов» (黃庭內景經 *Хуантин нэйцзин цзин*), глава 8 «Дух сердца» (心神 *Синь шэнь*).

⁶ Подробнее об этом вопросе см. [Сторожук, 2019].

⁷ Ляо Чжай чжи и, цзюань 1.

ванной прозой для придания новеллам «певучести и ритмичности, особенно в тех частях текста и его перевода, где Ляо Чжай не рассказывает в разбросанном виде, вне ритма, об очередных повествовательных вещах, а старается вовлечь рассказ в живописные или характерные формулы, располагающиеся обычно в параллельных строфах или частях строф» [Пу Сунлин, 1988. С. 552].

Задача, поставленная В. М. Алексеевым, абсолютно правомерна и своевременна: действительно, многие новеллы Пу Сунлина тяготеют к ритмизации нарратива, и это обстоятельство было бы необходимо отразить в переводе. Равным образом ритмизованно и вступление к «Ляо Чжаю», также переведенное В. М. Алексеевым. Но что касается именно новеллы «Беседы зрачков», то изысканность ритмических переплетений здесь, как уже отмечалось, значительно уступает другим произведениям из того же собрания; а вот многие скрытые цитаты и аллюзии, попадающиеся в тексте, безусловно, требуют подробного отражения в переводе и пояснения, иначе авторский замысел окажется неминуемо искажен. При этом для успешности перевода «Ляо Чжая» крайне желательно, если не сказать единственно возможно – придерживаться стилистических особенностей, выработанных В. М. Алексеевым, и претворенных в жизнь при издании четырех сборников новелл Пу Сунлина⁸. Механическое добавление комментариев в классический перевод не представляется возможным, так как их характер потребовал бы целого ряда изменений в тексте В. М. Алексеева, а это видится и неправильным по сути, и губительным для блестящего слога переложения. Поэтому для внесения требуемых пояснений и уточнений было решено предложить новый вариант перевода новеллы, который и приведен ниже.

Текст переводимой новеллы был сверен по основным полным сводам сборников Ляо Чжая – как современным [Пу Сунлин, 2011; 2015; 2016], так и цинским [например, Пу Сунлин, 1883; 1886], а также по «Полному собранию произведений Пу Сунлина» [Пу Сунлин цюань цзи, 1998] и специальным сборникам материалов и документов по Ляо Чжаю – например, по [Ляо Чжай чжи и цзыляо хуйбянь, 1985].

Беседы зрачков

Ученый из Чанъяня Фан Дун, хоть и был прославлен талантом, но нрав имел ветреный и небрежный, не придерживался правил и церемоний. Каждый раз, как видел на улице, что называется, «деву среди волн»⁹, неизменно с беспристойностью увязывался за ней хвостом.

За день до праздника Чистого огня¹⁰ случалось так, что вышагивал он по городскому предместью. Видит – маленькая повозка, красный полог¹¹ и расшитые занавеси; одетые

⁸ Об этих особенностях подробнее см., например, [Рифтин, 2008]; о необходимости следовать им при переводе см. [Со Цзявэй, 2019; 2020]; сами сборники: [Ляо Чжай, 1922; 1923; 1928; 1937].

⁹ Дева среди волн (遊女) – цитата из знаменитой поэмы Цао Чжи (曹植, 192–232) «Фея реки Ло» (洛神賦), в которой так называют прекрасную деву – духа реки Хань. Само выражение еще до Цао Чжи, во время ханьской династии, становится расхожим обозначением бессмертных обитательниц реки Ханьцзян, хотя восходит оно к цитате из «Книги песен» (詩經), в которой лишь говорится о некоей деве, гуляющей по берегу. Многозначность иероглифа 遊 ю, обозначавшего как «прогуливаться», так и «плыть по воде», рождает к жизни этот двойной образ, и впоследствии выражение «дева среди волн» может, как и в этом случае у Пу Сунлина, служить лишь обозначением вышедшей на прогулку дамы, правда, добавляя ей возвышенности сравнением с бессмертной красавицей из поэмы Цао Чжи.

¹⁰ Праздник Чистого света – Цинмин (清明) – 105-й (в ряде традиций 106-й) день после зимнего солнцестояния. В современном Китае это узаконенный праздник, проводящийся именно 5 апреля. Первоначально был связан с идеей весеннего обновления, впоследствии стал ассоциироваться единственно с идеей связи мира мертвых и мира живых и с поминовением усопших. У истоков традиции на 105-й день после зимнего солнцестояния праздновался День холодной пищи (寒食 Ханьши), сейчас он либо не празднуется совсем, слившись с Цинмином, либо отмечается за день до последнего. По народным представлениям, это день связан с памятью о добродетельном подданном по имени Цзечжи Туй (介之推, ? – 636 до н. э.), не пожелавшем принять приглашение Цзиньского Вэнь-гуна и сожженном вместе с матерью в лесу на горе, где он скрывался. В его память в день Холодной пищи не разрешалось разводить огонь, и заранее приготовленную снедь можно было вкушать только неразогретой. В

в темное¹² во множестве тянутся верхами¹³, сопровождая. Среди них одна служанка, оседлавшая небольшую лошадку¹⁴, – лицо так и сияет редкой красотой. Потихоньку приблизился подсмотреть за ними – глядит: занавесь на повозке распахнута, а внутри сидит барышня лет шестнадцати, и румяна, и наряды на ней изысканы и великолепны, за всю жизнь такого еще не видывал. Как говорят, глаза ослепило и дух захватило, уставился влюбленно – и не оторвать; то впереди, то позади – так и поспешает подле много верст. Вдруг слышит, подзывает барышня служанку к боку повозки и говорит: «Опусти-ка мне штору. Тот незнамо откуда взявшийся бесноватый кавалер постоянно лезет подглядывать!» Служанка штору опустила и гневно обернулась к студенту со словами: «Это новобрачная Седьмого Молодца из Лотосового града¹⁵ навещала отчий дом, а не ровня крестьянским девкам, чтобы вам, сюцай¹⁶, позволялось как попало зариться!». Договорила – хватъ горстью землю с колеи и метнула в студента.

Запорошило студенту глаза – не открыть. Только протер взор – а и повозка, и лошади уж неразличимы вдаль. В изумлении и сомнении поворотил назад, чувствует – в глазах неясно, попросил, чтобы оттянули веки, потрогали да поглядели – а на зрачках ужросло по маленькому бельму. Ночь миновала – худа лишь прибавилось: слезы текут рекой, ничем не остановишь. Бельма помалу растут, через несколько дней уж толщиной в монету, на правом глазу стало закручиваться раковинкой. От сотни лекарств никакого проку; преисполнился студент раскаяния крайне глубоко, крепко в мыслях сам себе винился и сожалел. Услыхал, что «Сутра света»¹⁷ может устранить напасть, держа свиток в руках, что называют, мусолил других почтительной просьбой обучить ее декламации. Поначалу еще суетился и тревожился, прошло время – стал успокаиваться. И утром, и вечером – нет других дел, только сидит с ногами накрест и перебирает четки. Продержался так год – десять тысяч связей все очистились¹⁸.

Вдруг слышит в середине левого глаза маленький голосок, словно мушиный, говорит: «Как в черном лаке все, нестерпимо – хоть помирай!» А из правого глаза отвечают: «Можно бы вместе пойти немного прогуляться, вырваться из этой духоты». Исподволь чувствует: в обеих ноздрях «жу-жу» засвербело, будто бы что-то лезет наружу, выбралось из ноздрей

настоящее время традиция не разводив огонь для хозяйственных нужд распространяется на Цинмин, являющийся продолжением и порождением Ханьши.

¹¹ Красный полог (朱葍) – скрытая цитата на «Книгу песен» (詩經), канонический комментарий к которой объясняет, что замужней даме путешествовать в повозке дозвоительно, только загордившись пологом.

¹² Одежье в темное (青衣) – здесь имеются в виду прислужницы. Вместе с тем тут просматривается явная аллюзия на поэму ханьского Цай Юна (蔡邕, 132–192) «Фу о темных одеждах» (青衣賦), в которой говорится о женских добродетелях, которыми наделены верные служанки, становящиеся потом достойными супругами и образцами для подражания.

¹³ Тянутся верхами (款段) – намек на известное изречение из «История Поздней Хань» (後漢書), где говорится о приличествующем благородным мужам и о том, что на коне следует передвигаться степенно, с медлительной важностью и достоинством.

¹⁴ Оседлавшая небольшую лошадку (乘小駟) – скрытая цитата из «Комментария Цзо» (左傳), где теми же словами описывают выезд князя.

¹⁵ Лотосовый град (芙蓉城) – обитель бессмертных, упоминающаяся в «Рассуждении о стихах отшельника Лю-и» (六一詩話) великого сунского литератора Оуян Сю (歐陽修, 1007–1072). Там говорится о литераторе и каллиграфе Ши Янь-няне (石延年, 994–1041), большом любителе вина, после смерти явившемся своему старому другу и сообщившем, что теперь он стал бессмертным и назначен управлять Лотосовым градом.

¹⁶ Сюцай (秀才) – неофициальное название шэньюаня (生員), обладатель низшей ученой степени в системе государственных экзаменов в старом Китае.

¹⁷ «Сутра света» (光明經) – т. е. «Сутра Золотого света» (金光明經), или «Сутра Золотого блеска», «Суварна-прахаса-уттамараджа-сутра», переведенная в конце VII в. – начале VIII в. монахом И-Цзином (義淨, 635–713), один из важных и почитаемых текстов буддизма Великой колесницы.

¹⁸ Десять тысяч связей (萬緣) – имеются в виду буддийские пратъя (緣), связи между мельчайшими элементами бытия – дхармами (法). В обиходном понимании эта фраза может означать: полностью очистился от мирских забот, омрачений.

и пропало. Изрядно прошло – вернулись, снова через ноздри залезли в глазницы. Опять слышен голос: «Видать, давно, что называется, не поглядывал на садовые беседки¹⁹: жемчужная орхидея вот-вот насмерть зачахнет». Студент издавна любил ароматные орхидеи, в саду росло много их видов, что ни день – сам поливал. С тех пор как утратил зрение, давным-давно о них и не спрашивал. Тут вдруг услышал эти речи – тотчас с вопросом к жене, как довела, что орхидеи увяли и пожухли до погибели? Жена – ну допытываться, откуда узнал. Тогда всё ей и рассказал. Жена спешно проверила – цветы и правда усохли, и премного случившемуся подивилась. Неслышно затаилась в комнате, поджидая, – видит: маленькие человечки вылезают у студента из носа, ростом меньше боба, принимаются снова «жу-жу» – вот уж и в дверь выскочили, все дальше они и дальше, пока из виду не пропали. Потом вдруг – рука об руку и вернулись, взлетели на лицо, как пчелы и муравьи к себе в норы возвращаются. Так прошло еще дня два-три. Снова слышит, как в левом глазу говорят: «Скрытый ход²⁰ извилист, туда-сюда по нему лазать вкрай неудобно, лучше уж самим проделать дверь». А в правом отвечают: «Заслон у меня толстый, трудность будет велика!» Левый говорит: «Я попытаюсь проломить – сможем с тобой и объединиться». Вслед за тем чувствует: в левой глазнице исподтишка будто кто царапает и прорывает. Через короткое время открыл взор – прорезывается видение каких-то вещей. С радостью рассказал жене, жена вгляделась: на толстой пленке пробита маленькая дырочка, черный зрачок поблескивает, пока с размолотую перчинку. Ночь миновала – завеса сошла полностью; внимательно рассмотрели – а зрачок-то двойной! На правом же глазу завитое раковинкой осталось, как и было. Тогда и догадались, что оба зрачка поселились разом в одной глазнице. Хотя студент на один глаз и окривел, однако же, видеть стал куда разборчивее, чем двумя глазами сразу. После этого лишь приумножил свою сдержанность, и в уезде превозносили совершенство его добродетелей.

Автор этих строк скажет: «Был в уезде некий ученый муж, следовал с двумя приятелями по дороге и видит вдали: молодая госпожа, взнуздавши осла, впереди едет. Из забавы и заголосил: «А вот и красотка!», и, оглянувшись на двоих своих приятелей, добавил: «Нагоним-ка ее!» Со смехом помчались, вот уж настигли – а то его сноха! Сердце от стыда зашло, пал духом, молчит, ничего больше не говорит. Друзья же прикинулись, что не признали и, что называется, аттестуют лошадку²¹ крайне скабрёзно. Ученому срам и конфуз, цыкает на них, говоря: «Это старшего моего сноха». Те в душе усмехнулись и прекратили. Фривольник неизменно сам себя позорит, и весьма смехотворно! Что же до потери зрения от пыли в глаза, то это уж от духов да бесов тягчайшая расплата. Тот главный в Лotosовой Твердыне – уж не знаю, что он за дух, уж не Бодхисаттва ли воплощенный? Однако ж, раз крошечные эти молодцы, что называют, распечатали двери да ворота²² – знать, хоть и свирепы бесы да боги, но бывало ли когда, чтобы не дали человеку обновить себя исправлением?»

¹⁹ Не поглядывал на садовые беседки (不窺園亭) – впервые так было сказано в «Истории Хань» (漢書) о философе и государственном деятеле Дун Чжуншу (董仲舒, 179–104 до н. э.), который, будучи занят вопросами конфуцианского учения, отдавал работе всего себя и три года не имел времени даже поглядеть на беседки собственного сада. Впоследствии выражение стало крылатым.

²⁰ Скрытый ход (隧道) – намек на то, что ноздри уподобляются здесь скрытым подземным лазам и на древний «Канон Желтого императора о внутреннем» (黃帝內經 *Хуан-ди нэйцзин*), где похожим образом называют центральный канал, ко которому жизненная сила попадает в пять важнейших органов.

²¹ Аттестуют лошадку (評驢) – скрытая цитата из произведения танского поэта и эссеиста Лю Цзуньюяна (柳宗元, 773–819). Впоследствии становится крылатым выражением, значащим «оценивать чью-либо статью».

²² Распечатали двери да ворота (辟門戶) – скрытая аллюзия на цитату из «Канона истории» (書經 *Шу-цзин*), раздел «Установления Шуня» (舜典); там говорится о том, как древний правитель Шунь, придя в храм, распечатал по четырем [сторонам] двери, сделав ясным с четырех [сторон] видимое и доступным с четырех [сторон] слышимое. Здесь же зрачки аналогично «распечатывают двери и ворота», то есть возвращают зрение герою за обретенные скромность и смирение.

Список литературы

- Ляо Чжай.** Монахи-волшебники: Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит. и предисл. В. М. Алексеева. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 278 с. (Всемирная литература).
- Ляо Чжай.** Рассказы о людях необычайных (из серии новелл Ляо-чжай чжи-и) / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Изд-во АН СССР, 1937. 494 с.
- Ляо Чжай.** Странные истории / Пер. с кит., примеч. и предисл. В. М. Алексеев. Л.: Мысль, 1928. 272 с.
- Ляо Чжай.** Том первый. Лисьи чары. Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит. и предисл. В. М. Алексеева. Петербург: Гос. изд-во, 1922. 159 с. (Всемирная литература).
- Пу Сунлин.** Рассказы Ляо Чжая о необычайном. / Пер. с кит., предисл. и комм. В. Алексеева; сост. М. Баньковской. М.: Худож. лит., 1988. 559 с. (Библиотека китайской литературы).
- Рифтин Б. Л.** Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжая) в переводах В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Под ред. Б. Л. Рифтина. М.: Вост. лит., 2008. С. 113–203.
- Сторожук А. Г.** Физические вместилища сознания: идейно-философские предпосылки новеллы Пу Сун-лина «Прокурор Лу» // Россия – Китай: история и культура: Сб. статей и докл. участников XII междунар. науч.-практ. конф. Казань: Фэн, 2019. С. 464–470
- Ван Ли.** Тун юань цзы дьянь [王力。同源字典]. Словарь слов с общим происхождением. Пекин: Шаньфу иншугуань, 1982. 695 с. (на кит. яз.).
- Ваньли ехо бьянь. [萬歷野獲編 / 明沈德符撰]. Собранные в предместьях в годы Вань-ли / Сост. минский Шэнь Дэфу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1997. Т. 1–3. 939 с. (на кит. яз.).
- Ляо Чжай чжи и цзылюа хуйбянь. [聊齋志異資料彙編 / 朱一玄編]. Сборник материалов по Ляо Чжайю / Под ред. Чжу Исюаня. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1985. 728 с. (на кит. яз.).
- Пу Сунлин.** Ляо Чжай чжи и [蒲松齡。聊齋志異 / 于天池注; 孫通海、于天池等譯]. Странные истории из кабинета неудачника / Комм. Юй Тяньчи, пер. Сунь Тунхуа и Юй Тяньчи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. Т. 1–4. 5414 с. (на кит. яз.).
- Пу Сунлин.** Ляо Чжай чжи и. Хуй цзяо хуй чжу хуй пин бэнь [蒲松齡。聊齋志異。會校會注會評本 / 張友鶴輯校]. Странные истории из кабинета неудачника с собранными аннотациями, комментариями и ремарками / Сост. и сверка Чжан Юхэ. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2011. Т. 1–4. 1740 с. (на кит. яз.).
- Пу Сунлин.** Ляо Чжай чжи и. Цюань цзяо хуй чжу цзи пин сюдин бэнь [蒲松齡。聊齋志異。全校會注集評修訂本 / 任篤行輯校]. Странные истории из кабинета неудачника: Исправленное издание с полными аннотациями, собранными комментариями и сведенными ремарками / Сост. и ред. Жэнь Дусина. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2016. Т. 1–4. 2460 с. (на кит. яз.).
- Пу Сунлин.** Сянчжу Ляо Чжай чжи и ту юн [蒲松齡。詳注聊齋志異圖詠]. Иллюстрированное издание «Странных историй из кабинета неудачника с подробными комментариями». Шанхай: Тунфан шуцзюй, 1886. Т. 1–16. (на кит. яз.).
- Пу Сунлин цюань цзи** [蒲松齡全集 / 盛偉編]. Полное собрание сочинений Пу Сунлина / Под ред. Шэн Вэя. Шанхай: Сюэлинь чубаньшэ, 1998. Т. 1–3. 3470 с. (на кит. яз.).
- Пу Сунлин.** Чжу пи цзэн чжу Ляо Чжай чжи и [蒲松齡。硃批增註聊齋志異]. Странные истории из кабинета неудачника с красными пометами и комментариями. Шанхай: Цзяо цзин шань фан, 1883. Т. 1–16. (на кит. яз.).
- Со Цзявэй (Сторожук А. Г.).** Ляо Чжай чжи и цзай Элосы [索嘉威。聊齋志異在俄羅斯] «Ляо Чжай чжи и» в России // Журнал Сиб. фед. ун-та (г. Красноярск). 2019, Т. 12, № 10. С. 1943–1953. DOI 10.17516/1997–1370–0497. (на кит. яз.).

- Со Цзявэй (Сторожук А. Г.).** Тандай юй Цинчао дэ сяошо эи: лиши цзи инсян [索嘉威。唐代與清朝的小說俄譯：歷史及影響 // 中國俄語教學]. Перевод на русский язык танских и цинских новелл: история и роль в культуре // Чжунго эюй цзяосюэ [Русский язык в Китае]. 2020, Т. 39, № 2. С. 54–61. (на кит. яз.).
- Хуан-ди нэйцзин: Лин шу и чжу [黃帝內經：靈樞譯注 / 崔為譯注；韓格平、董蓮池主編]. Канон Желтого императора о внутреннем: «Ось духа» с переводом и комментариями / Пер. и комм. Цуй Вэя; под ред. Хань Гэпина, Дун Ляньчи. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2002. 494 с. (на кит. яз.).
- Хуан-ди нэйцзин: Су вэнь и чжу [黃帝內經：素問譯注 / 崔為譯注；韓格平、董蓮池主編]. Канон Желтого императора о внутреннем: «Вопросы о простом» с переводом и комментариями / Пер. и комм. Цуй Вэя; под ред. Хань Гэпина, Дун Ляньчи. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2002. 558 с. (на кит. яз.).
- Хуантин цзин чжу и: Тай-и цзиньхуа цзун чжи чжу и [黃庭經注譯。太乙金華宗旨注譯 / 杜琮、張超中注譯]. Канон Серединного зала с комментариями и переводом. Суть учения Золотого цветка Тай-и с комментариями и переводом / Пер. и комм. Ду Цуна, Чжан Чаочжуна. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1996. 199 с., ил. (на кит. яз.).

References

- Huang Di Neijing: Ling shu yi zhu / Cui Wei yizhu. Han Geping, Dong Lianchi zhubian [黃帝內經。靈樞譯注 / 崔為譯注；韓格平、董蓮池主編]. Huang Di's Inner Classic: "Spiritual Pivot" with translation and comments / Transl. and comm. by Cui Wei; ed. by Han Geping, Dong Lianchi. Harbin, Heilongjiang renmin chubanshe, 2002, 494 p. (in Chin.).
- Huang Di Neijing: Su wen yi zhu / Cui Wei yizhu. Han Geping, Dong Lianchi zhubian [黃帝內經。素問譯注 / 崔為譯注；韓格平、董蓮池主編]. Huang Di's Inner Classic: "Plain Questions" with translation and comments / Transl. and comm. by Cui Wei; ed. by Han Geping, Dong Lianchi. Harbin, Heilongjiang renmin chubanshe, 2002, 558 p. (in Chin.).
- Huang ting jing zhu yi: Tai-yi junhua zong zhi zhu yi / Du Cong, Zhang Chaozhong zhu yi [黃庭經注譯。太乙金華宗旨注譯 / 杜琮、張超中注譯]. Huang ting Classic translated and commented: Essence of Tai-yi's Golden Flower teaching translated and commented / Transl. and comm. by Du Cong and Zhang Chaozhong. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1996, 199 p., il. (in Chin.).
- Liao Zhai zhi yi ziliao huibian / Zhu Yixuan bian [聊齋志異資料彙編 / 朱一玄編]. Collection of materials concerning Liao Zhai / ed. by Zhu Yixuan. Zhengzhou, Zhongzhou guji chubanshe, 1985, 728 p. (in Chin.).
- Liao Zhai.** Monachi-volshebnyki. Is sbornika strannykh rasskazov Pu Sung-lina / Perevod i predisloviye V. M. Alekseyeva [Magic Monks. From the collection of Strange Tales by Pu Songling (Liao Zhai zhi yi) / Translation and foreword by V. M. Alexeyev]. Moscow, Petersburg, Gosudarstvennoye Izdatelstvo, 1923, 278 p. (Vsemirnaya literatura / World Literature). (in Russ.).
- Liao Zhai.** Rasskazy o ludyach neobychainykh (is seriyi novell Liao-zhai-zhi-yi) / Perevod s kitaiskogo V. M. Alekseyeva [Tales about Extraordinary People (From Liao Zhai zhi yi series of short-stories) / Transl. from Chinese by V. M. Alexeyev]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1937, 494 p. (in Russ.).
- Liao Zhai.** Strannyye istoriyi / perevod s kitaiskogo, primechaniya i predisloviye V. M. Alekseyeva [Strange Tales / Transl. from Chinese, notes and foreword by V. M. Alexeyev]. Leningrad, Mysl, 1928, 272 p. (in Russ.).
- Liao Zhai.** Tom perviy. Lisyi chary: Is sbornika strannykh rasskazov Pu Sung-lina (Liao Zhai zhi yi) / Perevod i predisloviye V. M. Alekseyeva [Volume 1. Fox's Spells. From the collection of Strange Tales by Pu Songling (Liao Zhai zhi yi) / Translation and foreword by V. M. Ale-

- xeyev]. Petersburg, Gosudarstvennoye Izdatelstvo, 1922, 159 p. (Vsemirnaya literatura / World Literature). (in Russ.).
- Pu Songling** quan ji [蒲松齡全集 / 盛偉編]. Complete works by Pu Songling / ed. by Sheng Wei. Shanghai, Xuelin chubanshe, 1998, vol. 1–3, 3470 p. (in Chin.).
- Pu Songling**. Liao Zhai zhi yi / Yu Tianchi zhu; Sun Tonghai, Yu Tianchi deng yi [蒲松齡。聊齋志異 / 于天池注; 孫通海、于天池等譯]. Strange tales from a Chinese studio / Comm. by Yu Tianchi, transl. by Sun Tonghai and Yu Tianchi. Beijing, Zhonghua shudian, 2015, vol. 1–4, 5414 p. (in Chin.).
- Pu Songling**. Liao Zhai zhi yi. Huijiao huizhu huiping ben / Zhang Youhe jijiao [蒲松齡。聊齋誌異。會校會注會評本 / 張友鶴輯校]. «Strange tales from a Chinese studio» with collected annotations, comments and notes / Compiled and revised by Zhang Youhe. Shanghai, Guji chubanshe, 2011, vol. 1–4, 1740 p. (in Chin.).
- Pu Songling**. Liao Zhai zhi yi. Quan jiao huizhu ji ping xiuding ben / Ren Duxing jijiao [蒲松齡。聊齋誌異。全校會注集評修訂本 / 任篤行輯校]. «Strange tales from a Chinese studio»: Revised edition with complete annotations, collected comments and accumulated notes) / compiled and edited by Ren Duxing. Beijing, Renmin wenzue chubanshe, 2016, vol. 1–4, 2460 p. (in Chin.).
- Pu Songling**. Rasskazy Liao Zhai o neobychainom / Perevod s kitaiskogo, predisloviye i komentariy V. Alekseyeva; sostavleniye M. Bankovskoi [Strange Tales from a Chinese Studio / Chinese Literature book collection / Transl. from Chinese, foreword and notes by V. Alexeyev; compiled by M. Bankovskaya]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1988, 559 p. (Biblioteka kitaiskoi literatury / Library of Chinese literature). (in Russ.).
- Pu Songling**. Xianzhu Liao Zhai zhi yi tuyong [蒲松齡。詳注聊齋志異圖詠]. Illustrated Edition of “Strange Tales from a Chinese Studio” with detailed comments. Shanghai, Tongfang shuju, 1886, vol. 1–16. (in Chin.).
- Pu Songling**. Zhu pi zeng zhu Liao Zhai zhi yi [蒲松齡。硃批增註聊齋志異]. Strange tales from a Chinese studio with red notes and comments. Shanghai: Jiao jing shan fang, 1883, vol. 1–16. (in Chin.).
- Riftin B. L.** Novelty Pu Song-linga (Liao Zhaya) v perevodach V. M. Alekseyeva // *Vostochnaya klassika v russkikh perevodach: obzory, analiz, kritika* / Pod redaktsiyey B. L. Riftina [Pu Songling’s Stories (Liao Zhai) in V. M. Alexeyev’s translations // Oriental classics in Russian translations: reviews, analysis, critics / Ed. by B. L. Riftin]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2008, p. 113–203. (in Russ.).
- Suo Jiawei (A. G. Storozhuk)**. Liao Zhai zhi yi zai Eluosi [索嘉威。聊齋志異在俄羅斯]. «Liao Zhai zhi yi» in Russia. *Journal of Siberian Federal University (Krasnoyarsk)*, 2019, vol. 12, no. 10, p. 1943–1953. (in Chin.).
- Suo Jiawei (A. G. Storozhuk)**. Tangdai yu Qingchao de xiaoshuo e yi: lishi ji yingxiang // *Zhongguo Eyu Jiaoxue* [索嘉威。唐代與清朝的小說俄譯：歷史及影響 // 中國俄語教學]. Tang and Qing Short-stories’ translations into Russian: history and cultural impact. *The Russian Language in China*, 2020, vol. 39, no. 2, p. 54–61. (in Chin.).
- Wang Li**. Tongyuan zidian [王力。同源字典]. Dictionary of words with common origin. Beijing, Shangwu yingshuguan, 1982, 695 p. (in Chin.).
- Wanli Yehuo bian / Ming Shen Defu zhuan [萬歷野獲編 / 明沈德符撰]. Collected in suburbs during Wanli years / Ming Shen Defu compiled. Beijing, Zhonghua shuju, 1997, vol. 1–3, 939 p. (in Chin.).

Материал поступил в редколлегию

Received

08.01.2021

Сведения об авторе

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

a.storozhuk@spbu.ru

Information about the Author

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

a.storozhuk@spbu.ru

УДК 811.581.12
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-145-157

Возрождение практики поэтической декламации в современном Китае на примере поэтической группы Фэньчуньгуань (г. Гуанчжоу)

Ю. А. Дрейзис

*Московский государственный университет
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена описанию современной практики поэтической декламации (озвучивания стихотворных текстов) в одном из литературных сообществ г. Гуанчжоу, среди поэтов, ассоциирующих себя с традицией группы Фэньчуньгуань (分春馆词群 *Фэньчуньгуань цыцзюнь*). Члены объединения – авторы и исполнители поэзии старого образца. Они принимают активное участие в общеитайском движении за возрождение традиционной декламации, широко практиковавшейся вплоть до первых десятилетий XX в. В статье подробно описывается генеалогия «южной школы» презентации текстов, соотносимая с Фэньчуньгуань, и анализируется то, каким образом авторы и исполнители апеллируют к традиционной практике озвучивания поэзии для конструирования и поддержания особой идентичности. Пример практики группы Фэньчуньгуань позволяет проследить некоторые особенности использования декламации (устного представления) для продвижения поэзии в традиционных формах (письменных текстов) и тем самым расширить наше знание о функционировании дихотомии письменное-устное в китайской традиции.

Ключевые слова

современное китайское художественное творчество, искусство поэтической декламации, поэтическая группа Фэньчуньгуань, кантонский, тополект юэ, классическая китайская поэзия, лирика-цы

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 19-18-00429 «Языковые механизмы аккомодации культурных систем в различных видах дискурса XX и XXI вв.» в Институте языкознания РАН.

Для цитирования

Дрейзис Ю. А. Возрождение практики поэтической декламации в современном Китае на примере поэтической группы Фэньчуньгуань (г. Гуанчжоу) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 145–157. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-145-157

The Revival of Poetry Declamation in Contemporary China: The Case of Fenchunguan Poetry Group (Guangzhou)

Yu. A. Dreyzis

*Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper presents a description of the contemporary practice of poetry declamation in one of the literary communities of Guangzhou, among the poets who associate themselves with the tradition of the informal Fenchunguan group. The members of the group are authors and performers of classical poetry. They take an active part in the movement for the revival of traditional declamatory practices which were widely popular until the first decades of the 20th century. Their example allows us to trace some features of the declamation (oral presentation) used to promote poetry in

© Ю. А. Дрейзис, 2021

classical formats (written texts) and thereby expand our knowledge of the written-oral dichotomy functioning within the Chinese tradition. The paper details the genealogy of the Southern School of text presentation, related to Fenchunguan, and analyzes how authors and performers appeal to the traditional practice of verbalizing poetry to construct and maintain a distinct “southern” (Cantonese) identity. This practice is utilized to create a distinct subspace within the system of national and local literature: quite a significant contribution is made by the original performing techniques of the Southern School (truncation of duration at the beginning of beats; repetition of rhyming words at the ends of phrases that coincide with the end of a poetic line, with a transition to a different pitch; merging adjacent lines into one phonetic-melodic unit) and the deliberate use of a local lect (Cantonese). In the process of (re)discovering the declamatory phenomenon, it becomes loaded with new aesthetic, social, practical and personal meanings. Those who participate in its functioning, thus, contribute to the great come-back of the classical type poetry and the spontaneous nature of declamatory practice.

Keywords

Chinese language, Chinese poetry, Cantonese, Yue, poetry recital, tzu lyrics, regulated verse, topolect poetry

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00429 “Language mechanisms of accommodation of cultural systems in various types of discourse of the 20th and 21st centuries”) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

For citation

Dreyzis Yu. A. The Revival of Poetry Declamation in Contemporary China: The Case of Fenchunguan Poetry Group (Guangzhou). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 145–157. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-145-157

Введение

Начиная с 1980-х гг. в Большом Китае¹ наблюдается активный рост интереса к национальной поэтической классике. Это органическая часть более глобального процесса возрождения местного художественного наследия, которое, в свою очередь, способствует формированию новой идентичности через осознание собственных культурных истоков [Lam Lap, 2007. С. 23].

Публикация поэзии в классических формах² в периодической печати, в составе сборников, а также в Сети служит главной, но не единственной формой этого движения. Не менее важ-

¹ Мы будем оперировать термином «Большой Китай» (大中华 *Да Чжунхуа*), пришедшем из экономики, – это определение покрывает все территории, которыми управляет КНР (континентальный Китай, включая Гонконг и Макао), и территории, которые контролируются Китайской Республикой (Тайвань и некоторые соседние острова). Сюда также включается Сингапур из-за его значительного китайского сообщества: 74,3 % населения Сингапура – этнические китайцы (данные на 2017: *Singstat*. Population trend. Department of Statistics Singapore, 2017, URL: https://web.archive.org/web/20171107010632/http://www.singstat.gov.sg/docs/default-source/default-document-library/publications/publications_and_papers/population_and_population_structure/population2017.pdf (Дата обращения 10.09.2019)). Приблизительно 6,69 миллиона китайцев проживают в Малайзии (2018), также иногда включающейся в этот термин (Department of Statistics, Malaysia. Current Population Estimates, Malaysia, 2017 – 2018, 2018, URL: <https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/pdfPrev&id=c1pqTnFjb29HSnNYNUpiTmNWZHArdz09> (дата обращения 10.09.2019)).

² Под поэзией в классических формах мы понимаем прежде всего следующие категории, обладавшие на протяжении своего существования разной степенью поэтического авторитета, но неизменно вовлекавшиеся в круг допустимых «высоких» форм:

1) 律体诗 *люйтиши* («поэзия регулярного стиля»), др. терминологическое название 格律诗 *гэлюйши*, в двух своих разновидностях – 律诗 *люйши* («уставные стихи») и 绝句 *цзюэцзюй* («оборванные строки»), которые представляют собой восьмистишия и четверостишия в двух стихотворных размерах: пятисловном и семисловном. «Стихи регулярного стиля» подчинялись беспрецедентно строгим правилам стихосложения, в т.ч. нормам просодии (мелодического построения);

2) 古体诗 *гутиши* («поэзия древнего стиля»), по-своему альтернативная «поэзия регулярного стиля», которая тоже возникает и утверждается в эпоху Тан. Она допускает использование различных поэтических размеров и не подчиняется столь строгим правилам просодии;

3) лирика-词 *ци* со строками нерегулярной длины, рифмой и тональными чередованиями.

Под «классической поэзией» обычно понимают танскую лирику *люйтиши*, а также *люйши* и *цзюэцзюй*, созданные в последующие исторические эпохи, но соответствующие нормам танского стихосложения. Большинство

ную роль играет устное бытование поэзии. До того как школьное образование западного типа начало реализовываться в первые годы Китайской Республики (1911–1949), поэтическая классика изучалась не только в форме чтения без вокализации / с субвокализацией, но и в виде явного чтения вслух³. С началом Движения за новую поэзию (新诗运动 *синьши юньдун*) произошло постепенное понижение социального статуса искусства поэтической декламации.

В последние годы предпринимаются значительные усилия по возрождению и пропаганде искусства поэтической декламации посредством исследовательской, преподавательской деятельности, выполнения аудио- и видеозаписей и публичных представлений [Чэнь Шаосун, 1999. С. 33, 256–258, 332]⁴.

Те, кто занимается искусством поэтической декламации, усматривают в ней не просто художественное творчество, но и культурно значимую деятельность, полагая, что она как нельзя лучше способствует формированию идентичности, так как исполнительская стилистика сильно зависит от того локального идиома, который используется, от влияния местных музыкальных предпочтений и от усвоенной манеры. В предложенном исследовании мы изучим функционирование декламации, практикуемой поэтами-исполнителями так называемой южной школы (南派 *наньпай*), представленной любительской литературной группой Фэньчуньгуань (分春馆词群 *Фэньчуньгуань цыцунь*) (г. Гуанчжоу).

Выбор Гуанчжоу обусловлен особым статусом этого города как «базы возрождения традиционной поэзии» [Lam Lap, 2007. С. 108] и места создания одного из первых в постамоистском Китае поэтических обществ, занимающихся продвижением и публикацией поэзии старого образца (荔苑诗社 *Ли юань шишиэ*, дата основания 1982 г.). Изучение поэтических обществ и неформальных литературных объединений имеет решающее значение для нашего понимания возрождения поэзии классических форм в современном Большом Китае. Сегодня эта тема привлекает всё большее внимание в китайской гуманитарии [Sun Zhimei, 2018] и в зарубежной синологии [Schmidt, 2015]. Однако в исследовательской литературе большее внимание традиционно уделяется поэтическим обществам (*шишиэ* 诗社), так или иначе включённым в контролируемую государством культурную систему и обладающим официальным или полуофициальным статусом [Lam Lap, 2007], или же новейшим тенденциям в этой области, связанным с переходом литературного взаимодействия в онлайн-формат [Yang Zhiyi, 2013; Yang Zhiyi, 2015; Yang Zhiyi, Ma Dayong, 2018]. Восполняя пробел в имеющейся литературе, данное исследование предлагает обратить внимание на неформализованные группы авторов, продолжающие функционировать преимущественно вне сетевого пространства. Ярким примером такого сообщества служит объединение Фэньчуньгуань.

авторов сейчас редко практикуют создание *зунши* и предпочитают более регулярные формы. Подробнее о формах и правилах классической китайской поэзии см. [Liu Ruoyu, 1962; Ван Ли, 1985].

Отметим также, что граница между формами и жанрами проницаема и исторически изменчива: так, например, сонет, на ранних стадиях своего существования тяготевший к жанровой природе (т. е. к довольно определённой кругу тем и образов), к XX в. сохранил только некоторые элементы формальной структуры. Схожие процессы происходят и в китайской поэзии – именно поэтому мы предпочитаем пользоваться категорией формы, но не жанра.

³ Приведём цитату из воспоминаний известного писателя Чжу Цзыцина (朱自清, 1989–1948): «Прежде в частных школах учили так: преподаватель обычно показывал, как читать текст, зачитывая его вслух (范读 *фаньду*), а ученики повторяли за ним (循声朗读 *сюньшэн ланьду*)» [Чжу Цзыцин, 1988. С. 53]. Чжу также пишет, что озвучивание текста часто сопровождалось ритмичными движениями, например, покачиванием головы. С началом движения за новую культуру в 1920-е гг. эта практика начинает восприниматься как устаревшая и от неё постепенно отказываются.

⁴ Открытые данные, доступные в Интернете, показывают, что на Тайване преподавание и конкурсы декламации проводятся среди школьников разных классов (Ян Сяолин. *Цянь тань шици иньсун цзяосюэ* [浅谈诗词吟诵教学]. Коротко о преподавании поэтической декламации // PULI. 2010. URL: <http://tsvr.hlvs.ylc.edu.tw/tp/teacher/ssu/%E6%95%99%E5%AD%B8%E8%B3%87%E6%BA%90/%E8%A9%A9%E8%A9%9E%E5%90%9F%E5%94%B1%E6%95%99%E5%AD%B8%E8%B3%87%E6%96%99.doc> (дата обращения 24.01.2020)).

Представленное исследование основано на публикуемых фэньчуньгуаньцами (поэтами-исполнителями) материалах: статьях, интервью, аудио- и видеозаписях, доступных как на физических носителях, так и выложенных в открытом доступе в Сети. Эти материалы позволяют, во-первых, показать особенности формирования традиции «южной школы», а, во-вторых, описать характерные черты поэтической декламации, практикуемой участниками неформального объединения сегодня. Пик активности фэньчуньгуаньцев и их влияния приходится на первое десятилетие XXI в. (ее снижение обусловлено уходом из жизни одного из неформальных лидеров группы), и именно на этом временном отрезке предлагается проследить ту важную роль, которую группа сыграла в процессе возрождения интереса к национальной поэтической классике.

История «южной школы» поэтической декламации

В прошлом декламационное исполнение поэзии, несомненно, было обычной практикой⁵. Тем не менее, из-за отсутствия нотной и какой бы то ни было другой записи мы не можем проследить, как декламационные мелодические рисунки передавались на протяжении столетий или сравнить их с нынешними. Усвоенные от семьи, наставников, школ или местной народной традиции, они впервые были упомянуты или услышаны не ранее, чем столетие назад⁶.

«Южная школа» поэтической декламации восходит к XIX в. Несмотря на отсутствие точных данных о её происхождении, есть основания полагать, что поэтическая декламация издавна практиковалась в Гуандуне (как и в других регионах имперского Китая). Так, имеется немало документальных свидетельств того, что на собраниях поэтов и поэтических обществ (诗社 *шишэ*) конца XIX – начала XX в. практиковалась декламация [Lam Lap, 2007. С. 109–110]. Во многих поэтических сборниках упоминается 联吟 *ляньинь* (букв. «совместная декламация»), т. е. стихотворная игра, участники которой по очереди сочиняли стихотворные экспромты из одной, двух или нескольких строк на заданную тему и, возможно, исполняли их вслух.

Другое, более существенное свидетельство существования декламационных практик и их связи с местными литературными сообществами дают описания игры типа 诗钟 *шичжун* (букв. «поэтический колокол»). Игра представляла собой написание двестишестидесятишести за строго ограниченный отрезок времени. Практика сочинения письменных стихотворных экспромтов вероятнее всего возникла в Фуцзяни, затем приобрела популярность в других прибрежных провинциях и на Тайване и в конце концов распространилась до Пекина [Лю Синхуэй, 2007. С. 22–26; Фан Баочжан, 2002. С. 90–95]⁷. Документы показывают, что в Гуанчжоу собрания

⁵ В соответствии с общепринятой гипотезой, выдвинутой Вэнь Идо (闻一多, 1899–1946), традиция китайской древней поэзии (诗 *ши*), представленная *Ши цзином*, возникла как слияние предшествующей песенной лирики (歌 *гэ*) и речитативной поэзии, исполняемой в ходе ритуалов. Таким образом, декламация была неотъемлемой принадлежностью поэтического творчества. Однако характер соответствующих практик остаётся неясным – это могла быть и стихотворная декламация, и рецитация, и мелодекламация. И в последующей исполнительской традиции все эти виды устного воспроизведения стихотворного текста могли смешиваться. Начиная с VI в., с развитием различных форм поэзии, мы находим множество упоминаний имён поэтов, исполняющих свои собственные тексты, а также указаний на важность такого рода исполнения, которое помогает развить навык сочинителя, и восхищённую реакцию аудитории [Чэнь Шаосун, 1999. С. 11–16, 22–23].

⁶ Например, известнейший исследователь китайской поэтической классики Е Цзяин (Флоренс Е) 叶嘉莹 вспоминает, что она училась декламации у своего отца и дяди перед Второй мировой войной [Е Цзяин, 1993. С. 24, 35].

⁷ В статье об обществах любителей классической поэзии в Китайской Республике (1911–1949) У Шэнцин 吴盛青 подробно описывает процедуру игры и объясняет, почему она служила развлечением для литераторов, продолжавших писать на классическом книжном языке (文言 *вэньянь*): то был способ выражения их творческих сил, не находящих себе достойного применения по причине вытеснения поэзии на вэньяне из публичного литературного пространства «новой поэзией» (на байхуа 白话) [Wu Shengqing, 2008. С. 32–39]. Связь практики *шичжун* с декламацией также описывается в книге фуцзяньского поэта Ли Цзяжуя (李家瑞, 1765–1845), опубликованной в 1855 г. (停云阁诗话 *Тинъюньгэ шицхуа*, *цзюань* 15, цит. по [Хуан Найцзян, 2009. С. 229]).

для игры в *шичжун* проводились на всём протяжении существования Китайской Республики и прекратились лишь в первые годы КНР [Хэ Цзитан, 1980. С. 146–155].

Большей частью информации о «южной школе» мы обязаны её представителям в четвёртом и пятом поколениях, которые образуют единую группу поэтов, но известных под двумя терминологическими названиями: «поэты Фэньчуньгуань» и «поэты южной школы». Не исключено, что именно они выдвинули идею «южной школы» как самостоятельной литературной организации и предложили её название.

Фэньчуньгуань (букв. «Дом, [где] одевают весной») – первоначально название кабинета поэта Чжу Юнчжай (朱庸斋, 1920–1983), одного из двух главных представителей четвёртого поколения «южной школы». Его ученики уже ассоциировали себя с этим наименованием. В нём заложена реминисценция на строку из *цы* Цинь Гуаня (秦观, 1049–1100): «Дышит весна без разбора повсюду» (乱分春色到人家 *Луань фэнь чунь сэ дао жэньцзя*)⁸. Предисловия к сборникам Чжу, а также отдельные замечания в авторских комментариях к его собственным текстам также указывают на то, что он, как и его наставник Чэнь Сюнь (陈洵, 1870–1942), создавал свои произведения под сильным влиянием сунских лириков, в частности, У Вэньина (吴文英, ок. 1200-х. 1260) и Чжоу Баньяня (周邦彦, 1056–1121) [Чжу Юнчжай, 1989. С. 9]. С 1960-х гг. Чжу преподавал классическую поэзию и постепенно к нему примкнули до тридцати последователей. Работы его учеников были позже включены в групповой сборник⁹.

После кончины Чжу, в русле процесса возрождения интереса к поэзии в классическом стиле, его последователи начали целенаправленно работать над совершенствованием искусства декламации через преподавание или составление руководств для исполнителей (а также описание существующих практик и исполнительского опыта). Программой в этом отношении является статья «Поэтическая декламация и исполнительская манера южной школы» (诗词吟唱与南派唱腔 *Ши цы иньчан юй наньпай чанцян*), написанная в 2002 г. учеником Чжу по имени Люй Цзюнькай (吕君杞, 1938–2020), которая заложила основы теоретического осмысления школы и выявила её истоки. Статья состоит из трех частей. В первой даётся очерк истории искусства декламации, точнее, истории тех форм китайской лирической поэзии, которые имели песенное происхождение: от древнего (вторая половина эпохи Чжоу, XI–III вв. до н. э.) поэтического творчества и до эпохи (империи) Цин (1644–1911). Во второй части показано, как из-за отсутствия системы нотации декламация с течением времени становится вымирающей практикой (*绝学 цзюэсюэ*) [Люй Цзюнькай, 2002. С. 43–44]. Наиболее важен для нашего исследования третий раздел, в котором воссоздана генеалогия «южной школы»: её основателем объявлен известный учёный-классицист Чэнь Ли (陈澧, 1810–1882). Его преемниками названы Ван Чжаоюн (汪兆镛, 1861–1939) и Хуан Мэйбо 黄梅伯, которым насле-

⁸ *Цы* на мелодию *Ванхайчао* 望海潮 (см. [ЦСЦ, 1995. С. 455]).

⁹ Декламация поэтов Фэньчуньгуаня опиралась и продолжает опираться почти исключительно на исполнение *цы*. В VIII–IX вв., когда эта форма зарождалась, произведения пелись под музыку. Возможно, именно тогда, когда в XII–XIII вв. *цы* постепенно утратили музыкальное сопровождение, литераторы начали исполнять их, основываясь на существующих тональных и метрических рисунках самих текстов. По причине различной длины строки и вариативности просодии, заданной мелодией (词牌 *цыпай* / 词谱 *цыпу*), декламировать *цы* сложнее, чем стихи «регулярной поэзии». Но формальные особенности *цы* порождают более сложные мелодические эффекты [Чэнь Шаосун, 1999. С. 115–163]. Следует отметить ту особую связь, которая исторически существовала между лирикой-*цы* и культурой китайского Юга (регионов бассейна р. Янцзы, включая территории к востоку от её нижнего течения). Важнейший этап формирования *цы* соотносится с творчеством поэтов царства Южное Тан (937–975/6), одного из региональных государств эпохи Пяти династий и десяти царств (970–960), располагавшегося на территории совр. пров. Цзянсу. Пика своего художественного расцвета лирика-*цы* достигла в империи Южная Сун (1127–1279). В эпоху Цин (1644–1911) на Юге существовали целые поэтические направления, занимавшиеся преимущественно лирикой-*цы*, во главе с «Чжэсийской школой *цы*» (浙西词派 *Чжэси цы пай*). В этом смысле восприятие *цы* представителями группы Фэньчуньгуань как местной региональной поэтической традиции выглядит не лишённым литературно-культурных оснований.

довал поэт Чэнь Сюнь: он воспринял манеру декламационной практики, объединив ее с приемами исполнения, характерными для кантонской оперы (粵劇 *юэцзюй*), а затем передал свои творческие достижения Ли Люйяню 李履庵 и Чжу Юнчжаю, лидеру Фэньчуньгуаня.

В 2005 г. поэты Фэньчуньгуаня в сотрудничестве с Гуанчжоуским обществом поэзии и местным отделением ВАРЛИ (Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства) выпустили DVD с записями декламации, чтобы сохранить это «нематериальное культурное наследие». В сопроводительном тексте к диску представлена практически та же версия генеалогии «южной школы», исключая лишь второе поколение её представителей [Гуюнь люэфэн, 2005].

В статье Люй Цзюнькая указывается, что манера исполнения «южной школы» была создана «великим мастером» Чэнь Ли, который прекрасно разбирался в фонологии и классической теории музыки [Люй Цзюнькай, 2002. С. 44]. Хотя в сопроводительном тексте к DVD говорится, что Чэнь положил начало стилистике исполнения «южной школы», никаких существенных доказательств этому нам обнаружить не удалось. В трудах самого Чэня отсутствуют упоминания о «южной школе». Мы не знаем, исполнялись ли эти тексты на кантонском¹⁰ или нет, но есть свидетельства того, что Чэнь придерживался высокого мнения о местном идиоме, несмотря на ту важную роль, которую играла для него цзяннаньская идентичность [Miles, 2006. С. 207–211, 233–234]¹¹.

Продолжателями этой линии Люй Цзюнькай называет Ван Чжаюна и Хуан Мэйбо, но это – самое слабое звено в генеалогии «южной школы». Информации о Ван Чжаюне и Хуан Мэйбо крайне мало, кроме того, нет доказательств их вовлечённости в декламацию. Вероятно, именно по этой причине их имена опущены в тексте, сопровождающем DVD-публикацию.

Следующий автор, Чэнь Сюнь, подобно Ван Чжаюну и многим другим консервативным литературным деятелям своего времени, на протяжении всей жизни испытывал заметную ностальгию по ушедшему имперскому периоду и продолжал искренне исповедовать конфуцианские принципы, в то же время оставаясь активным в мире полусвета. Благодаря его тесной связи с Ли Сюэфан 李雪芳, звездой кантонской оперы, произведения Чэнь Сюня стали доступны ведущему мастеру *цы* Чжу Цзумоу 朱祖谋 (1857–1931) из Шанхая. По рекомендации Чжу, Чэнь был назначен профессором в Университете Сунь Ятсена (г. Гуанчжоу) [Лю Сыхань, 2001. С. 508].

Следующий представитель «южной школы», Чжу Юнчжай, учился у Чэнь Сюня в юношеские годы [Чэнь Цзяньин, 2007. С. 2]. Репутация Чжу как главного мастера *цы* в Гуанчжоу после Чэнь Сюня постепенно укреплялась; ему удалось привлечь около двадцати частных учеников в годы «культурной революции» и непосредственно после неё. Благодаря усилиям учеников в свет вышли его книга о *цы* (1989), а также собрание сочинений (2001)¹².

Эти издания, вместе со статьёй Люй Цзюнькай, – свидетельство полного формирования традиции «южной школы» при самом активном вовлечении членов литературного сообщества Фэньчуньгуаня. Сколь бы правдоподобным или, напротив, неправдоподобным ни выглядел исторический нарратив школы, из пяти её поколений только для двух последних существ-

¹⁰ Здесь и далее под «кантонским» мы понимаем прежде всего идиом г. Гуанчжоу. Дэвид Фор указывает, что начиная с эпохи Мин (1368–1644) он воспринимался в качестве общего для провинции стандарта, в то время как другие местные идиомы полагались «грубыми» и недостаточно изящно звучащими [Faugé, 1996. С. 40].

¹¹ В «Рассуждении о кантонском произношении» (广州音说 *Гуанчжоу инь шио*) Чэнь утверждает превосходство кантонского над другими идиомами, так как высокий и низкий тоновые регистры в нем чётко различимы. Он пишет, что кантонские чтения были непосредственно унаследованы от произносительной нормы эпох Суй (581–618) и Тан (618–907) и не подверглись «искажению» [Чэнь Ли, 1972. С. 80–83].

¹² Ученики завершили ещё несколько групповых проектов, чтобы расширить влияние школы на поэтическую среду Гуандуна. К их числу относится публикация избранных работ 21 ученика (2004). Другой проект – это DVD-демонстрация декламации, выпущенная в 2005 г., которая содержит две записи Чжу, сделанные в 1960-х гг., и 36 других произведений его учеников. За исключением четырёх *ши* и одного фрагмента классической прозы все записи представляют собой исполнение текстов *цы*.

вуют реальные записи декламации, которые позволяют проводить какие бы то ни было сравнения. Мы не знаем, на что было похоже исполнение Чэнь Ли или Чэнь Сюня. В отличие от текстовых документов, всё, что имеет отношение к звуку, безвозвратно, существует только в нашем воображении или в системе нотации, если таковая имеется. Объектом изучения, наиболее близким к исходному, становятся новые исполнения того же автора или тех, кто научился воспроизводить определённое звучание от предшественников, приверженцев той же исполнительской традиции.

Современная практика южной поэтической декламации Фэньчуньгуань

Выстраивание традиции поэтической декламации поэтами Фэньчуньгуань может восприниматься как продолжение многовековых попыток южнокитайской (гуандунской) элиты утвердить собственную локальную идентичность. Как указывает Дэвид Фор, начиная по меньшей мере с XV в. литераторы в дельте реки Чжуцзян пытались сделать Гуанчжоу своим культурным центром, в то же время подчёркивая связь с общеханьской культурой путем выстраивания генеалогий и поиска северных «предков». Фор оценивает эту практику как попытку деззотизации [Faure, 1996. С. 37–50].

В годы Республики подъём изучения разных форм фольклора (民俗学 *миньсюэ*) вдохновил ряд исследовательских проектов, посвящённых изобретению традиции современной «кантонской культуры» [Чэн Мэйбао, 2006. С. 213–260]. Подобное «изобретение традиции» по Э. Хобсбауму [Hobsbawm, 1992] можно наблюдать и в поэтических кругах Гуандуна, причём начиная с эпохи Мин (1368–1644) и заканчивая современными поэтическими обществами, которые пытаются подражать аналогичным северным образованиям, сохраняя при этом региональную уникальность. Продвигая собственную технику озвучивания текста, поэты Фэньчуньгуаня подчёркивают отличность от других мест и групп практикующих.

С 1980-х гг. поэзия классических форм рассматривается её поклонниками как особая поэтическая практика, которая не может быть заменена какой-либо формой современной поэзии. Но в общем хоре существуют разногласия. Регулярно возникают вопросы о том, следует ли тщательно следовать традиционным правилам просодии и рифмы. Одно серьёзное расхождение обнажает региональные различия. Южане и северяне ведут споры из-за сохранения или устранения входящего тона (入声 *жушэн*, т. е. слогов, закрытых на *-p*, *-t*, *-k*), который утрачен в северных идиомах, но всё ещё преобладает на Юге. Естественно, те, кто говорят на кантонском идиоме, считают недопустимой ликвидацию входящего тона и утверждают, что, поскольку кантонский меньше всего отстоит от среднекитайского, он имеет большую легитимность [Ян Чжицин, Мэй Сюэшэн, 2007. С. 126–128].

Члены сообщества Фэньчуньгуань – ярые защитники местного идиома. В поэтической декламации они не только предпочитают кантонский, но и настаивают на том, чтобы входящий тон был артикулирован везде, где он присутствует. Подчеркивая эти различия, Люй отмечает: «южная школа» стремится отделить практикующих «южную традицию» от их северных собратьев и повысить значение исполнения кантонской поэзии. Это стремление установить региональную самобытность призвано сохранить разнообразие китайской культуры в период увеличения темпов национальной интеграции.

После «культурной революции» Гуанчжоу неизменно претендует на статус центра возрождения поэзии старого образца. С 1982 г. в столице провинции было создано около двадцати-тридцати поэтических сообществ, насчитывающих в общей сложности несколько сотен членов [Lam Lar, 2007. С. 108, 114–116]. Среди них поэты Фэньчуньгуаня пользуются большим авторитетом и играют ведущую роль [Lam Lar, 2010. С. 43]. Основной костяк группы (7–8 авторов) – люди старшего возраста, которые практикуют сочинение *цзы*, а также исполнение как классических, так и (реже) своих собственных текстов.

Фэньчуньгуань представляет собой группу с весьма свободными связями внутри неё. Это не зарегистрированная организация; в собраниях её членов не наблюдается регулярности.

Как отмечают К. Дентон и М. Хокс в своих исследованиях литературных сообществ в Китайской республике, большинство литературных групп «были сосредоточены вокруг своего рода “альянса учитель-ученик”», а «принадлежность к литературной группе помогла определить место автора в литературном поле» [Denton, Hockx, 2008. С. 4, 13]. Последователи Фэньчуньгуаня сходным образом объединялись под руководством Чжу Юнчжая. Декламационная практика в определённой степени становится для группы ещё одним способом сформировать связи внутри неё¹³.

Поэтическая декламация Фэньчуньгуаня – это импровизированное вокальное исполнение с применением определённых правил, но без жесткой фиксации мелодических рисунков, которое не сопровождается игрой на музыкальном инструменте. Поэты также подчеркивают спонтанную природу исполнения, отмечая, что оно не ограничивается каким-либо конкретным контекстом, аудиторией или ритуалом, необходимыми для формального представления¹⁴.

Подчёркивая особую роль «любительства», дилетантизма, поэты-фэньчуньгуаньцы понимают, что декламация нуждается в реформировании. Они отмечают, что стиль их наставника Чжу Юнчжая был типичен для старых домашних школ классического направления (私塾 *сышу*). Однако он может оказаться непривлекательным для молодого поколения, которое предпочитает более агрессивные аудиальные практики. В DVD-записях 2005 г. некоторые из исполнителей, особенно сын мастера Чжу Линмин 朱令名, все еще верно следуют исполнительской манере наставника. Тем не менее, другие выбирают более выразительный и драматичный способ представления: многие используют жесты рук, движения тела и даже реквизит, например, складные веера, для усиления визуального эффекта (к сожалению, звуковые записи Чжу сопровождаются только фотографиями, поэтому мы не можем сказать, задействованы ли движения тела). Для «обогащения» звукового эффекта используется также игра на щипковых музыкальных инструментах (в качестве фоновой музыки) и демонстрация снимков природных пейзажей.

Чтобы узнать больше о конкретных мелодических различиях между Чжу и его учениками необходим подробный и тщательный музыковедческий анализ, дополненный работой фонетиста. Однако, принимая в расчёт степень вариативности исполнения и самих текстов, мы можем, тем не менее, наметить несколько общих моментов: Чжу преимущественно исполняет короткие однострофные тексты (小令 *сяолин*), а, например, Люй Цзюнькай – длинные, многострофные произведения (长调 *чандяо*)¹⁵. Можно также заметить, что уровень высоты

¹³ В то же время она может рассматриваться как форма сопротивления вторжению современного звукового ландшафта. Традиционалистам становится всё сложнее сохранять свои акустические предпочтения и добиваться того, чтобы их голоса были слышны. В этом смысле выпуск DVD в 2005 г. – знак сопротивления. В сопровождающем тексте выражается озабоченность возможностью выживания поэзии старого образца в современном обществе и объясняется цель записи: ясно осознавая силу притяжения современной популярной культуры, участники пытаются защитить культурную позицию традиционной поэзии и надеются, что её эстетическая ценность будет претворяться в декламационной практике. Это попытка использовать современные технологии для продвижения поэзии в классическом стиле.

¹⁴ Фэньчуньгуаньцы считают, что поскольку декламация – это сугубо личная форма самовыражения, строгая имитация не должна поощряться, и, возможно, не стоит фиксировать мелодику в музыкальной нотации. Другими словами, то, что они пытаются сохранить, – это спонтанность устной традиции, в которой часто встречаются разного рода вариации.

¹⁵ И *сяолин*, и *чандяо* представляют собой подвиды лирики-цы. *Сяолин* – это ранняя форма литературных (т. е. переведённых из исходно песенных произведений в книжный формат) *цы*, утвердившаяся во второй половине эпохи Тан. Она отличалась краткостью (объём менее 58 иероглифов) и сохраняла связь поэтики с мелодической основой: строение текста строго подчинялось исходному строю музыкального произведения (им определялись число строк, их длина, тип рифмы, наличие зачинов и повторов), а также характеризовалась контрастным чередованием длинных и коротких строк. Тогда как форма *чандяо*, появившаяся в первой половине XI в. демонстрировала тенденцию к увеличению объёма (до 240 иероглифов) и отдалению от мелодической основы, что привело к сглаживанию контрастности ритмики произведений. Этим, возможно, во многом объясняются особенности творческой манеры Люй Цзюнькай (см. ниже).

звука у Чжу Юнчжая, как правило, ниже. В обеих записях он применяет сходные приёмы: усечение длительности в начале тактов и повтор рифмующихся слов на концах фраз, совпадающих с концом стихотворной строки, каждый раз на другой высоте. Напротив, исполнение Люя охватывает гораздо более широкий диапазон. Ритмические единицы более сложны, содержат мелодические украшения (форшлагги), исполняющиеся за счет длительности последующего звука. В записи, где Люй исполняет *цы* на мелодию *Дуцзяньюнь 渡江云*, окончания одиннадцатой и пятнадцатой строк оказываются связаны в одну фонетико-мелодическую единицу с «ведущими словами» 领字 *линцзы* (маркерами междустрочной паузы, расположенными в начале следующих строк). К числу других драматических эффектов относятся непрерывные строки, произносимые на одном дыхании, в некоторых тактах. Эти сложные приёмы явно отличают стиль Люя от подхода его наставника.

То, что исполнение Люй Цзюнькая имеет тенденцию быть более театрализованным, подтверждают его коллеги-фэньчуньгуаньцы. Люй также признаёт, что, в отличие от своего наставника, который в основном практиковал декламацию для собственного удовольствия и не собирался обучать никого этому искусству, он имеет бóльшую цель – дальнейшее распространение практики. Он пытается заимствовать элементы из традиционной оперной и народной музыки, подчёркивая при этом важность четкого произношения и разграничения между пением и декламацией. Люй подчеркивает, что для облегчения более систематического изучения декламации может потребоваться выработка определённого типа нотации¹⁶.

Освоение новых подходов и запуск процесса стандартизации показывают, что под давлением современности декламация постепенно превращается из спонтанной, непубличной практики в исполнение, предназначенное для презентации на публике. Хотя усилия реформаторов помогают выделиться на фоне предшественников, они же стирают различия между декламацией и другими видами вокальных практик. Как отмечают многие практикующие, наблюдается растущая тенденция размывания границы между собственно декламацией и пением [Цинь Дэсян, 2004. С. 71, 75]. Добиться баланса между видоизменением и сохранением аутентичности – сложная задача для реформаторов. Однако эта проблема может быть в равной мере поставлена перед всеми приверженцами поэтической классики, которые, в надежде охватить более широкую аудиторию, пытаются внести новые элементы в свои творческие начинания.

Заключение

Описание истории и практики декламации «южной школы» свидетельствует, что активное поощрение выразительного чтения вслух поэтических текстов – это феномен XX в. Искусство декламации не преподавалось в Китае до революции 1911 г., но все, кто занимался изучением поэзии, были так или иначе вовлечены в исполнительскую практику. Эта практика была столь тесно связана с литературной деятельностью, что воспринималась как не нуждающаяся в особых усилиях по сохранению. Однако, когда поэзия в классических формах стала восприниматься как *несовременная*, традиция декламации начала угасать, будучи связанной в сознании большинства исключительно с устаревшими культурными явлениями. Энергичные усилия некоторых современных практикующих, направленные на сохранение декламации традиционного типа, доказывают, что этот феномен находится на грани исчезновения. В отличие от других форм вокального искусства, которые обладают большей формальной автономией, судьба декламации традиционного типа во многом зависит от судьбы поэтической классики. Пока последняя остается искусством для меньшинства, перспективы

¹⁶ Эти идеи разделяют и другие современные исполнители вне системы «южной школы». Наиболее заметный представитель «реформаторского» крыла – это Чэнь Шаосун, который не только включает нотированные тексты в свою книгу, но и делает шаг вперёд, рассматривая декламацию как исполнительское искусство, не чуждое визуальных эффектов. В одном из разделов его книги представлены подробные инструкции о том, как правильно интегрировать жесты, выражение лица и движения тела в декламацию. Всё это направлено на привлечение внимания аудитории и драматизацию содержания [Чэнь Шаосун, 1999. С. 293–304].

традиционной декламации выглядят неопределенными. Даже такой активный практик, как Люй Цзюнькай, считает весьма трудной задачей привлечения молодого поколения. Сегодня для широкой публики эстетическая привлекательность декламации выглядит сомнительной отчасти потому, что современные читатели недостаточно свободно ориентируются в поэтической классике, а отчасти потому, что их аудиальные предпочтения находятся под влиянием иного звукового ландшафта.

Несмотря на это, благодаря «переоткрытию» (или, точнее, «изобретению») традиции декламации поэтам Фэньчуньгуаня удалось добиться восприятия ее как социально допустимой практики. Настаивая на использовании кантонского, который в лингвистическом отношении определяет их способ представления текста, и на разнице между пением и декламацией, они отделяют себя от других исполнителей. Подчеркивая важность импровизации, фэньчуньгуаньцы возвращают в современный звуковой ландшафт вокальное искусство, которое можно свободно практиковать без инструментального сопровождения. Их попытка использовать декламацию (устное представление) для продвижения поэзии в классических формах (письменных текстов) напоминает нам, что поэзия – это не просто безмолвная форма искусства; она содержит богатые возможности для устного бытования.

Список литературы

- Denton K. A., Hockx M.** Introduction // *Literary Societies of Republican China* / eds. K. A. Denton, M. Hockx. Lanham: Lexington Books, 2008. P. 1–15.
- Faure D.** Becoming Cantonese, the Ming Dynasty Transition // *Unity and Diversity: Local Cultures and Identities in China* / eds. Tao Tao Liu, D. Faure. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1996. P. 37–51.
- Hobsbawm E.** Introduction: Inventing Traditions // *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–15. (на англ. яз.)
- Lam Lap.** The Revival of Classical-Style Poetry Writing: A Field Study of Poetry Society in Guangzhou // *Chinese Literature: Essays, Articles and Reviews (CLEAR)*, 2007, vol. 29. P. 105–128.
- Lam Lap.** Cultural Identity and Vocal Expression: The Southern School Tradition of Poetry Chanting in Contemporary Guangzhou // *Chinese Literature: Essays, Articles and Reviews (CLEAR)*, 2010, vol. 32. P. 23–52.
- Liu J. Y.** *The Art of Chinese Poetry*. London: Routledge & Kegan Paul, 1962. 171 p.
- Mair V. H.** What Is a Chinese “Dialect/Topolect”? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic Terms // *Sino-Platonic Papers*, 1991, vol. 29. P. 1–31.
- Miles S. B.** *The Sea of Learning: Mobility and Identity in Nineteenth-Century Guangzhou*. Cambridge, Mass.: Harvard University Asia Center, 2006. 450 p.
- Schmidt J. D.** The Field of Modern Lyric Classicism // *Frontiers of Literary Studies in China*, 2015, vol. 9 (4). P. 515–524.
- Sun Zhimei.** From Poetic Revolution to the Southern Society: The Birth of Classicist Poetry in Modern China // *Frontiers of Literary Studies in China*, 2018, vol. 12 (2). P. 299–323.
- Wu Shengqing.** Contested Fengya: Classical-Style Poetry Clubs in Early Republican China // *Literary Societies of Republican China* / ed. K. A. Denton, M. Hockx. Lanham: Lexington Books, 2008. P. 15–46.
- Yang Zhiyi.** Classical Poetry in Modern Politics: Liu Yazhi’s PR Campaign for Mao Zedong // *Asian and African Studies*, 2013, vol. 22 (2). P. 208–226.
- Yang Zhiyi.** The Modernity of the Ancient-Style Verse // *Frontiers of Literary Studies in China*, 2015, vol. 9 (4). P. 551–580.
- Yang Zhiyi. Ma Dayong.** Classicism 2.0: The Vitality of Classicist Poetry Online in Contemporary China // *Frontiers of Literary Studies in China*, 2018, vol. 12 (3). P. 526–557.
- Ван Ли.** Шицы гэлюй [诗词格律]. Метрика стиха. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985. 166 с. (на кит. яз.)

- Гуонь люфэн [古韵流风]. Традиции древней поэзии. Гуанчжоу: Гуанчжоу ши вэньлянь, 2005. DVD-ROM. (на кит. яз.)
- Е Цзяин.** Тань гудянь шигэ чжун синфа ганьдун чжи тэчжи юй иньсун чжи чуаньтун [谈古典诗歌中兴发感动之特质与吟诵之传统]. О характерных чертах эмоционального воздействия и традиции декламации классической поэзии // Чжунвай вэньсюэ. 1993. № 21 (11). С. 17–35. (на кит. яз.)
- Лю Синхуэй.** Цзиньдай шичжун шэ таньцзэ [近代诗钟社探赜]. Проникая в тайны современных обществ *шичжун* // Чжунго юньвэнь сюэбао. 2007. № 21.1. С. 22–26. (на кит. яз.)
- Лю Сыхань.** Хайсяо цы цзяньчжу [海绡词笺注]. Комментарии к сборнику *Хайсяо цы*. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2001. 535 с. (на кит. яз.)
- Люй Цзюнькай.** Шицы иньчан юй наньпай чанцян [诗词吟唱与南派唱腔]. Поэтическая декламация и манера южной школы // Линнань вэньши. 2002. № 1. С. 43–44. (на кит. яз.)
- Фан Баочжан.** Циндай чжи миньго шици Минь Тай шичжун [清代至民国时期闽台诗钟]. Практика *шичжун* в Фуцзяни и на Тайване в эпоху Цин и в период Китайской республики // Фуцзянь шифань дасюэ сюэбао. 2002. № 1. С. 90–95. (на кит. яз.)
- Фэньчуньгуань цы [分春馆词]. Цы из Фэньчуньгуаня / ред. Чжу Юнчжай. Гуанчжоу: Гуанчжоу шишэ, 2001. 102 с. (на кит. яз.)
- Хуан Найцзян.** Тайвань шичжун яньцзю [台湾诗钟研究]. Исследования практики *шичжун* на Тайване. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2009. 302 с. (на кит. яз.)
- Хэ Цитан.** Гуанчжоу шичжуншэ шилин [广州诗钟社拾零]. Краткие заметки об обществах *шичжун* в Гуанчжоу // Гуанчжоу вэньши цзыляо, 1980. № 19. С. 146–155. (на кит. яз.)
- Цинь Дэсян.** 20 шици иньсун иньюэ дэ шаньянь [20世纪吟诵音乐的嬗变]. Эволюция декламационных мелодий в XX веке // Тяньцзинь иньюэ сюэюань сюэбао. 2004. № 3. С. 69–76. (на кит. яз.)
- Цюань Сун цы (ЦСЦ) [全宋词]. Полное собрание сунских цы / ред. Тан Гуйчжан. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1995. 5141 с. (на кит. яз.)
- Чжу Цзыцин.** Лунь ланду [论朗读]. О чтении // Чжу Цзыцин цюаньцзи [朱自清全集]. Полное собрание сочинений Чжу Цзыцина / ред. Чжу Цзыцин, Чжу Цяосэнь. Нанкин: Цзянсу цзяоюй, 1988. Т. 2. С. 53–62. (на кит. яз.)
- Чжу Юнчжай.** Фэньчуньгуань цыхуа [分春馆词话]. Замечания о *цы* из Фэньчуньгуаня. Гуанчжоу: Гуанчжоу жэньминь чубаньшэ, 1989. 203 с. (на кит. яз.)
- Чэн Мэйбао.** Диой вэньхуа юй гоцзя жэньтун: вань Цин илай Гуандун вэньхуа гуань дэ синчэн [地域文化与国家认同：晚清以来「广东文化」观的形成]. Локальная культура и государственное признание: формирование представления о «гуандунской культуре» с эпохи поздней Цин. Пекин: Саньянь шудянь, 2006. 365 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Ли.** Чэнь Дуншу сяньшэн шицы [陈东塾先生诗词]. Стихи господина Чэнь Дуншу. Гонконг: Чунвэнь шудянь, 1972. 174 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Цзяньин.** Чжу Юнчжай цзяцзу [朱庸斋家族]. Семья Чжу Юнчжай // Наньфан души бао. 31 августа, 2007. № 35 (150). С. 2–7. (на кит. яз.)
- Чэнь Шаосун.** Гу ши цы вэнь иньсун [古诗词文吟诵]. Декламация древних поэтических и прозаических текстов. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 1999. 363 с. (на кит. яз.)
- Ян Чжицин, Мэй Сюэшэн.** Цай лунь шицы чуанцзо буи цюйсяо жушэнцзы [再论诗词创作不宜取消入声字]. Еще раз о недопустимости исключения входящего тона из поэтического творчества // Шицы бань. 2007. № 5. С. 126–128. (на кит. яз.)

References

- Chen Jianying.** Zhu Yongzhai jiazhu [朱庸斋家族]. The Family Clan of Zhu Yongzhai. *Nanfang dushi bao*, August 31, 2007, no. 35 (150), p. 2–7. (in Chin.)

- Chen Li.** Chen Dongshu xiansheng shici [陈东塾先生诗词]. The Poetry of Chen Dongshu. Hong Kong, 1972, 174 p. (in Chin.)
- Chen Shaosong.** Gu shiciwen yinsong [古诗词文吟诵]. Declamation of Ancient Poetic Texts. Beijing, 1999, 363 p. (in Chin.)
- Cheng Meibao.** Diyu wenhua yu guojia rentong: wan Qing yilai Guangdong wenhua guan de xingcheng [地域文化与国家认同: 晚清以来「广东文化」观的形成]. Local Culture and State Recognition: Forming of the “Guangdong Culture” Concept from Late Qing Era. Beijing, Sānlíán shūdiàn, 2006, 365 p. (in Chin.)
- Fang Baozhang.** Qingdai zhi minguo shiqi Min Tai shizhong [清代至民国时期闽台诗钟]. The Poetry Bell (*Shizhong*) of Fujian and Taiwan from the Qing Dynasty to the Republic of China. *Fujian shifan daxue xuebao*, 2002, no. 1, p. 90–95. (in Chin.)
- Faure D.** Becoming Cantonese, the Ming Dynasty Transition. In: Unity and Diversity: Local Cultures and Identities in China. Tao Tao Liu, Faure D. (eds.). Hong Kong, 1996, p. 37–51.
- Fenchunguan ci [分春馆词]. The Ci Lyric of Fenchunguan. Zhu Yongzhai (ed.). Guangzhou, 2001, 102 p. (in Chin.)
- Guyun liufeng [古韵流风]. The Spirit of Ancient Poetry. Guangzhou, 2005. DVD-ROM. (in Chin.)
- He Jitang.** Guangzhou shizhong she shiling [广州诗钟社拾零]. Brief Notes about the *Shizhong* Societies in Guangzhou. *Guangzhou wenshi ziliao*, 1980, no. 19, p. 146–155. (in Chin.)
- Hobsbawm E.** Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 1–15.
- Huang Naijiang.** Taiwan shizhong yanjiu [台湾诗钟研究]. Study of Taiwan Poetry Bell (*Shizhong*) Practice. Shanghai, 2009, 302 p. (in Chin.)
- Lam Lap.** The Revival of Classical-Style Poetry Writing: A Field Study of Poetry Society in Guangzhou. *Chinese Literature: Essays, Articles and Reviews (CLEAR)*, 2007, vol. 29, p. 105–128.
- Lam Lap.** Cultural Identity and Vocal Expression: The Southern School Tradition of Poetry Chanting in Contemporary Guangzhou. *Chinese Literature: Essays, Articles and Reviews (CLEAR)*, 2010, vol. 32, p. 23–52.
- Denton K. A., Hockx M.** Introduction. In: Literary Societies of Republican China. K. A. Denton, M. Hockx (eds.). Lanham, 2008, p. 1–15.
- Liu J. Y.** The Art of Chinese Poetry. London, 1962, 171 p.
- Liu Sihan.** Haixiao ci jianzhu [海绡词笺注]. Commentary to the Sea Gauze Collection. Shanghai, 2001, 535 p. (in Chin.)
- Liu Xinghui.** Jindai shizhong she tanze [近代诗钟社探贖]. Penetrating the Secrets of Modern Poetry Bell (*Shizhong*) Societies. *Zhongguo yunwen xuebao*, 2007, no. 21.1, p. 22–26. (in Chin.)
- Lü Junkai.** Shici yinchang yu nānpai changqiang [诗词吟唱与南派唱腔]. Poetic Declamation and the Chanting Manner of the Southern School. *Lingnan wenshi*, 2002, no. 1, p. 43–44. (in Chin.)
- Mair V. H.** What Is a Chinese “Dialect/Topolect”? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic Terms. *Sino-Platonic Papers*, 1991, no. 29, p. 1–31.
- Miles S. B.** The Sea of Learning: Mobility and Identity in Nineteenth-Century Guangzhou. Cambridge, 2006, 450 p.
- Qin Dexiang.** 20 shiji yinsong yinyue de shanbian [20世纪吟诵音乐的嬗变]. Evolution of Recital Music in the 20th Century. *Tianjin yinyue xueyuan xuebao*, 2004, no. 3, p. 69–76. (in Chin.)
- Quan Song ci [全宋词]. Complete Song Ci Lyric. Tang Guizhang (ed.). Beijing, 1995, 5141 p. (in Chin.)
- Wu Shengqing.** Contested Fengya: Classical-Style Poetry Clubs in Early Republican China. In: Literary Societies of Republican China. K. A. Denton, M. Hockx (eds.). Lanham, 2008, p. 15–46.
- Schmidt J. D.** The Field of Modern Lyric Classicism. *Frontiers of Literary Studies in China*, 2015, vol. 9 (4), p. 515–524.

- Sun Zhimei.** From Poetic Revolution to the Southern Society: The Birth of Classicist Poetry in Modern China. *Frontiers of Literary Studies in China*, 2018, vol. 12 (2), p. 299–323.
- Wáng Lì.** Shici gelü [诗词格律]. Poetry Metrics. Beijing, 1985, 166 p. (in Chin.)
- Yang Zhiqing, Mei Xuesheng.** Zai lun shici chuanguo buyi quxiao rushengzi [再论诗词创作不宜取消入声字]. Additional Remarks about the Inadmissibility of Exclusion of the Entering Tone from Poetry. *Shici ban*, 2007, no. 5, p. 126–128. (in Chin.)
- Yang Zhiyi.** Classical Poetry in Modern Politics: Liu Yazhi's PR Campaign for Mao Zedong. *Asian and African Studies*, 2013, vol. 22 (2), p. 208–226.
- Yang Zhiyi.** The Modernity of the Ancient-Style Verse. *Frontiers of Literary Studies in China*, 2015, vol. 9 (4), p. 551–580.
- Yang Zhiyi, Ma Dayong.** Classicism 2.0: The Vitality of Classicist Poetry Online in Contemporary China. *Frontiers of Literary Studies in China*, 2018, vol. 12 (3), p. 526–557.
- Ye Jiaying.** Tan gudian shige zhong xingfa gandong zhi tezhi yu yinsong zhi chuantong [谈古典诗歌中兴发感动之特质与吟诵之传统]. On the Characteristic Features of the Emotional Impact and the Recitation Tradition of Classical Poetry. *Zhongwai wenxue*, 1993, no. 21 (11), p. 17–35. (in Chin.)
- Zhu Yongzhai.** Fenchunguan cihua [分春馆词话]. On Ci Poetry from Fenchunguan. Guangzhou, 1989, 203 p. (in Chin.)
- Zhu Ziqing.** Lun langdu [论朗读]. On Reading Aloud. In: Zhu Ziqing quan ji [朱自清全集]. Zhu Ziqing's Collected Works. Zhu Ziqing, Zhu Qiaosen (eds.). Nanjing, 1988, vol. 2, p. 53–62. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received
25.11.2020

Сведения об авторе

Дрейзис Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН (Москва, Россия)

yulia.dreyzis@gmail.com

yulia.dreyzis@iling-ran.ru

Information about the Author

Yulia A. Dreyzis, Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Chinese Philology Department at the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Research Fellow of the Sector of Theoretical Linguistics at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

yulia.dreyzis@gmail.com

yulia.dreyzis@iling-ran.ru

УДК 811.521'36
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-158-168

Образ русских в китайской и японской лингвокультурах (на материале зооморфной метафоры)

Н. В. Кутафьева, Яо Сун

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В данной работе авторы анализируют зооморфную метафору, которая используется в китайской и японской лингвокультурах для характеристики русской нации. На первом этапе исследования был проведен ассоциативный эксперимент, в котором участвовали студенты китайских и японских университетов, сто человек с каждой стороны. Затем на основании анализа полученных ответов было выбрано три типичных зоонима для каждой исследуемой лингвокультуры. На втором этапе был проведен анализ ассоциаций и образов животных, существующих в русской, китайской и японской лингвокультурах. В китайской лингвокультуре русские предстают в образе медведя, волка и пантеры, в японской – медведя, волка и лисы, причем все образы являются амбивалентными. Несмотря на то что первые два зоонима, медведь и волк, используются в обеих лингвокультурах для характеристики русских, для китайцев и японцев важными являются разные параметры и ассоциации, связанные с данными животными, но при этом и те, и другие, в первую очередь, обращают внимание на внешнюю сторону образа.

Ключевые слова

метафора, зооморфная метафора, зооним, китайский язык, японский язык

Для цитирования

Кутафьева Н. В., Яо Сун. Образ русских в китайской и японской лингвокультурах (на материале зооморфной метафоры) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 158–168. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-158-168

The Image of the Russians in Chinese and Japanese Linguistic Cultures (On the Base of Zoomorphic Metaphor)

N. V. Kutafeva, Yao Song

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In this article, authors analyze zoomorphic metaphor that the Chinese and the Japanese used when they characterize the Russians. On the first stage of study we did associative experiment with questionnaire. 100 of Chinese students and 100 of Japanese students took part. On the base of analyze of answers we selected by three typical zoonymes in Chinese and Japanese culture charactering the Russians. On the second stage of study we have analyzed associations and images of these animals existing in Russian, Chinese and Japanese linguistic cultures. The Russians have images of bear, wolf and panther in Chinese culture and bear, wolf and fox in Japanese culture. It must be marked that all images are ambivalent and have as positive as negative characteristics. Because of the image of animals are different in Chinese and Japanese culture, the associations connecting with these animals are also different. But as the Chinese as the Japanese pay attentions on the appearance, then for the Chinese behavior is important, but for the Japanese color,

© Н. В. Кутафьева, Яо Сун., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies

place of living connecting with cold and woolen cloth that the Russian are dressed are important. The association on contiguity (the wool in animal, the cloth in man) is appeared. The white color is also important because it is associated with color of skin. The color is specified in zoonyms used by the Japanese the next way: bear 28 times, hare 10 times, hamster 9 times, fox 6 times, horse 3 times and squirrel 3 times. As for the Chinese this parameter is not important. Zoomorphic metaphor used in the relation with the Russians is connected with the following parameters. As for the Chinese with -physical characteristics (powerful, strong and, hard); imagination about Russian nation as a military nation; behavior (rough, aggressive and slow); character (open-hearted, kind and brave). As for the Japanese with appearance (beautiful, tall and white); place of living (cold place, many woolen dresses, resistant to the cold); behavior (slow, not pay attention to the surrounding people); size (big); physical characteristics (powerful).

Keywords

metaphor, zoomorphic metaphor, zoonym, Chinese language, Japanese language

For citation

Kutafeva N. V., Yao Song. The Image of the Russians in Chinese and Japanese Linguistic Cultures (On the Base of Zoomorphic Metaphor). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 158–168. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-158-168

Введение

Зооморфная метафора передает национально-культурные особенности языка, дает информацию о языковой картине мира и развитии образной лексики, отражая культурные ценности данного сообщества, а кроме того, является своеобразным когнитивным и образным инструментом для выражения человеком знаний о себе с помощью сопоставления с миром животных. Зооморфная метафора, обладая ярким экспрессивно-оценочным характером, часто используется для характеристики человека, его внешности, поведения, характера, взаимоотношений с другими членами коллектива и т. д.

С помощью коннотативной окраски к основному значению слова добавляется ассоциативно-образное представление об обозначаемой реалии. В случае зооморфизмов – это совокупность признаков, на основе которых человек наделяет животное некоторыми качествами, связанными с его поведением или повадками, а также в силу антропоцентричности окружающего мира наделяет животное «человеческими» характеристиками. Такие метафоры являются культурно-маркированными и крайне интересными для исследования в сопоставительном аспекте. «Люди, принадлежащие к разным этносам, по-своему анализируют поведение животных. Всякое животное имеет специфические черты и повадки. Один народ найдет эти черты и повадки привлекательными, другой неприятными; носитель одного языка выберет за основу для переноса внешний вид животного, носитель другого – поведение, а третий не будет переосмысливать данный зооним, так как особенности данного животного ему не покажутся заслуживающими внимания» [Солнцева, 2004. С. 60].

При сопоставлении человека с животным существуют два субъекта – человек и животное, каждый из которых присутствует в сознании человека в виде многочисленных общепринятых ассоциаций. При этом ассоциации, связанные с животными, могут полностью совпадать, частично совпадать или совершенно различаться.

Так, например, в русской лингвокультуре, если человека называют лисой, это значит, что он хитрый, лукавый и лживый. В японской лингвокультуре лиса может превращаться в красивую женщину; человек, который обманывает, обладает магической силой. В китайской лингвокультуре добавляется еще одна ассоциация: человек низких моральных устоев. Некоторые зооморфные метафоры совершенно различаются. Так, для русских овца – слабая и тупая, для китайцев – символ удачи; для русских орел – символ мудрости, для китайцев – символ смерти; для русских рыба – холодная, для китайцев – символ богатства» [Му Чжунхуай, 2003. С. 95–96].

Цель работы – выяснить национально-культурную специфику зооморфной метафоры в китайской и японской лингвокультурах при их использовании для характеристики другой (русской) нации.

История изучения проблемы

Изучением зооморфной метафоры в сравнительном аспекте на материале различных языков занимались Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина [1977] (русский, английский и французский), Яда Хироси [1995] (английский и японский), Хай Шуин [1999] (китайский и русский), Мацуи Махито [2002] (английский и японский), Му Чжунхуай [2003] (китайский и русский), Ооиси Тоору (2007) [японский и английский]¹, Ван Чуньхун [2007] (китайский и русский), М. А. Гаврилюк [2012] (китайский и русский), О. Бичер [2016] (русский и турецкий). В электронном японско-английском словаре *Weblio* есть статья, посвященная зооморфной метафоре на материале английского и японского языков².

Материалы и методы

Авторы провели ассоциативный эксперимент с участием студентов китайских и японских вузов. Использовалась анкета, в которой были указаны следующие наименования животных: лисица, черепаха, обезьяна, собака, кошка, лошадь, корова, заяц, медведь, слон, волк, белка, хомяк, мышь, пчела и муравей, а также содержалась просьба ответить на вопрос: «Как Вы представляете себе русских, выберите, пожалуйста, из списка одно или два названия животных и объясните, почему Вы выбрали это животное. Если в списке подходящее, на Ваш взгляд, животное отсутствует, пожалуйста, добавьте его». Анкета была составлена на китайском языке для китайцев и на японском языке для японцев, соответственно.

В опросе участвовали студенты китайских вузов: Хэйлунцзянский университет (пров. Хэйлунцзян, г. Харбин), Даляньский университет иностранных языков (пров. Ляонин, г. Далянь), Синьцзянский университет (СУАР, г. Урумчи), Цзилиньский университет (пров. Цзилинь, г. Чанчунь), а также студенты японских университетов: университет Дохо (преф. Айти, г. Нагоя) и университет Сайтама (преф. Сайтама, г. Сайтама). На вопросы отвечали 100 человек с каждой стороны. Опрос проводился среди студентов, для которых родными языками были китайский язык и японский язык, соответственно.

Метафора стимулирует воображение слушателя, но нечетко идентифицирует общность восприятия у говорящего и слушающего, поэтому мы попросили респондентов объяснить причину использования той или иной зооморфной метафоры. Японские студенты, объясняя причину выбора того или иного животного, отвечали однозначно и приводили только одно объяснение, поэтому количество объяснений для данного животного совпадает с количеством ответов. Китайские студенты приводили несколько причин, поэтому количество объяснений больше количества ответов.

После проведения эксперимента и анализа полученных результатов мы выбрали три зоонима, получивших наибольшее количество ответов, затем на основании интернет-ресурсов и научных статей выяснили, какие ассоциации связаны с этими животными в трех лингвокультурах: русской, китайской и японской.

Анализ полученных результатов

Наиболее представительными зоонимами, используемыми для характеристики русских со стороны китайцев, являются медведь (76), волк (10), пантера (6) (зооним был добавлен): со стороны японцев – медведь (59), белый медведь (28) (зооним был добавлен), волк (51), лиса (23) (в скобках указано количество ответов). Сразу необходимо отметить, что все обра-

¹ Ооиси Тоору. Нитиэй тайсё: кэнкю: ни мукэта кандзё:-но бунруй [大石亨. 日英対照研究に向けた感情のメタファーの分類]. Разновидности метафорического выражения чувств в сравнительном исследовании японского и английского языков. URL: https://www.anlp.jp/proceedings/annual_meeting/2007/pdf_dir/PE3-3.pdf (дата обращения 11.09.2020).

² Японско-английский словарь *Weblio*. URL: https://eikaiwa.weblio.jp/column/phrases/natural_english/animal-related-nouns-adjectives (дата обращения 18.11.2020).

зы животных являются амбивалентными. Далее рассмотрим ассоциации, связанные с зоонимами «медведь», «волк», «лиса» и «пантера» в русской лингвокультуре³.

Медведь: положительные черты – священный зверь⁴, сильный, добродушный. Отрицательные – неуклюжий, неловкий, агрессивный.

В монографии Т. Б. Рябовой указано, что для русских медведь ассоциируется с силой, отсталостью, неуклюжестью, агрессивностью. На вопрос: «Если бы вы сравнивали Россию с медведем, то какими качествами Вы бы ее наделили?» – были получены следующие ответы: «сила» – 81 %, «добродушие» – 41 %, «бесхитрость» – 13 %, «неуклюжесть» – 12 %, «отсталость» – 6 %, «глупость» – 6 %, «агрессивность» – 4 % [Рябова, 2012].

Волк: положительные черты – гордый, умный, сильный, бесстрашный, в русском фольклоре может быть помощником главного героя. Отрицательные – глупый, хитрый, жадный, алчный, опасный и свирепый, «волк в овечьей шкуре».

Лиса: отрицательные черты – хитрая, лживая⁵. Однако в русских сказках ее называют уважительно Лиса Патрикеевна, кумушка, голубушка, лисонька, т. е. относятся к ней с добротой.

Пантера: для русской лингвокультуры пантера – это экзотическое животное, которое чаще всего упоминается в связи с конкретным животным, а именно с черной пантерой, описанной в произведении Р. Киплинга «Книга Джунглей». Кроме того, русские воспринимают пантеру и леопарда и используют соответствующие лексемы не как родовидовые, а как родовые понятия. Тем не менее, в работах, посвященных анализу зооморфной метафоры, мы нашли представление о пантере как о символе красоты, грациозности и элегантности [Чудинов, 2001. С. 138]. Шире в европейской культуре пантера выступает в качестве эталона красоты [Храмова, 2015. С. 44].

Далее рассмотрим ассоциации, связанные с зоонимами «медведь», «волк», «пантера» в китайской лингвокультуре.

Медведь 熊: явное преобладание отрицательных черт – крупное, глупое, неуклюжее животное⁶. Так говорят о глупом, бесполезном человеке⁷. Медведь является символом неуклюжести и глупости, но также силы и мощи [Чжан Хунли, 2002. С. 86]. Положительные черты – сила, мощь, простодушие.

Волк 狼: обладает теми же чертами, что и в русской лингвокультуре за исключением возможности быть помощником. К положительным чертам прибавляется ум, сила и способность работать сообща в стае. К отрицательным прибавляются следующие черты: жестокий, бесчеловечный, бессовестный, злодей [Хан Цюаньхуэй, 2005. С. 73–75]. В китайских сказках волки коварные. В метафорическом использовании так говорят о жадном, жестоком человеке [Wang, 2020. P. 56].

³ В данной работе авторы приводят свою точку зрения, основанную на анализе научной литературы по данной теме.

⁴ В настоящее время зооним «медведь» выполняет геральдическую функцию – присутствует в гербах древних русских городов Ярославля и Великого Новгорода, а партия «Единая Россия» использует в качестве логотипа изображение медведя белого цвета на темном фоне.

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.com/words/14617.shtml> (дата обращения 23.11.2020).

⁶ Линь Сюе. Русский «медведь» и китайский «лун»: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе. Lin Xue. Political Linguistics. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-medved-i-kitayskiy-lun-zoometofora-v-russkom-i-kitayskom-politicheskom-diskurse> (дата обращения 12.11.2020).

⁷ Цзюй Чуаньтин. Эмоционально-оценочная характеристика паремий с компонентом «животное» в китайском и русском языках // Вестник Челябин. гос. пед. ун-та. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalno-otsenochnaya-harakteristika-paremiy-s-komponentom-zhivotnoe-v-kitayskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения 08.10.2020); Головня А. И., Юань Фан. Репрезентация фразеологизмов с компонентами, называющими представителей животного мира в русском и китайском языках // Карповские науч. чтения: сб. науч. ст. Минск: Белорус. Дом печати, 2011. С. 114–118. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream> (дата обращения 11.10.2020).

Пантера 豹: обычно пантеру связывают с тигром при общей ассоциации – скорость, быстрота, что является положительными чертами. Отрицательные ассоциации – хищные звери (шакалы, волки, тигры и пантеры) в значении «злодеи, звери» [Лю Гуанчжун, 1999. С. 237].

Нами были выявлены следующие ассоциации, связанные с зоонимами «медведь», «волк», «лиса» в японской лингвокультуре.

Медведь 熊: мы нашли упоминание об обряде почитания медведя у айну, «Празднике медведя» в г. Кумамото, игрушке Кумамон в виде медведя, служащей для привлечения туристов в указанный город. В справочнике «Информация о японских выражениях» отмечается, что медведь имеет ассоциации «большой, сильный, волосатый». Иероглиф «медведь» в сочетании с другими обозначает нечто большое, например, «пчела-древогрыз, крупная пчела», «крупная земляника», «крупный муравей»⁸. В японских сказках медведь представлен как сильное и доброе животное, которое помогает крестьянам.

Волк 狼: с одной стороны, ассоциируется с опасностью, с другой – является ипостасью бога, защитником леса и гор [Садокова, 2019]. Зверь, обладающий сверхъестественными способностями; внешне добрый, но агрессивный внутри; атакует при попытке проявить к нему любовь⁹, жестокий, жадный человек¹⁰. В японских мифах волк выступает защитником лесов и гор, помощником нуждающихся людей.

Лиса 狐: в Японии есть храмы, посвященные божеству плодородия Инари, символом которого является лиса. Отрицательные черты – лиса обманывает людей; человек-обманщик¹¹. Следующие черты и ассоциации, по-видимому, были заимствованы из китайской культуры, под влиянием которой японская находилась в течение длительного времени. Лиса имеет магическую силу и использует ее во вред человеку; может превращаться в красивую женщину и соблазнять мужчин или причинять вред человеку, настав на него болезнь¹².

Далее мы провели анализ результатов анкетирования.

Русские ассоциируются у китайцев со следующими животными.

Медведь 熊 (76) – могучий (15), военная нация (13), крепкий (9), простодушный (9), символ России (7), высокий (5), сильный (4), большой (4), без причины (4), живут в холоде (4), грубый (3). Далее, хорошее здоровье (2), медлительный (2), так все думают (2), в России много медведей (2), храбрый (2); много не думает (1), наш друг (1), такой характер (1), добрый (1), вспыльчивый (1), стремится превзойти других (1), Россия связана с медведем (1). Большая часть ответов связана с физическими характеристиками и с представлением о русских как военной нации.

Добавлен вид белый медведь (2).

Волк 狼 (14) – агрессивный (2), гордый (2), живут вместе (2), грубый (1), хитрый (1), алчный (1), голодный (1), могучий (1), ясность цели (1), национальный характер (1), дипломатичный (1). Большая часть ответов связана с поведением и характером.

Пантера 豹 (6) – сильная (2), жестокая (2), прямая (1), мужественная (1), храбрая (1). Большая часть ответов связана с поведением.

Кроме того, были указаны следующие животные: **корова** 牛 (5), **лиса** 狐 (4), **черепаша** 乌龟 (4), **кошка** 猫 (3), **заяц** 兔子 (2), **хомяк** 仓鼠 (1).

⁸ Справочник «Информация о японских выражениях». URL: <https://hyogen.info/word/3966923> (дата обращения 02.10.2020).

⁹ Ibid. URL: <https://hyogen.info/word/1772392> (дата обращения 10.09.2020).

¹⁰ Словарь «Трудности чтения иероглифов». URL: <http://com/honbun/zoukan-4f35.html> (дата обращения 10.09.2020).

¹¹ Справочник «Информация о японских выражениях». URL: <https://hyogen.info/word/6597395> (дата обращения 22.11.2020).

¹² Павленко Н. В. Семантика образа лисы в японской культуре как отражение концепта чужого / другого // Журнал фронтирных исследований. 2018. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-obraza-lisy-v-yaponskoy-kulture-kak-otrazhenie-kontseptov-chuzhogo-drugogo/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-obraza-lisy-v-yaponskoy-kulture-kak-otrazhenie-kontseptov-chuzhogo-drugogo) (дата обращения 01.10.2020).

Отсутствуют ответы, связанные с зоонимами белка, пчела и муравей.

Русские ассоциируются у японцев со следующими животными.

Медведь 熊 (59) – большие (14), сильные (12), живут в холоде (10), устойчивы к холоду (8), надевают много одежды и становятся похожими на медведя (5), страшные (5), любят медведей (4), агрессивные (1). Большая часть ответов связана с размером, местом обитания и качеством.

Добавлен вид белый медведь (28) – живут в холоде (10), сильные (7), большие (5), белые (5), на взгляд хорошенькие, но внутри страшные (1). Большая часть ответов связана с местом обитания, качеством, размером.

Волк 狼 (51) – живут в холодном месте (10), устойчивы к холоду (9), надевают много шерстяной одежды (8), сильные (6), имеют сильную волю (5), любят свободу (5), эгоистичные (4), похожи на волков (2), похожи на хаски (2). Большая часть ответов связана с местом обитания, характером, внешним видом.

Лиса 狐 (23) – живут в холодном месте (12), белые (6), устойчивы к холоду (5). Большая часть примеров связана с местом обитания, качеством и цветом.

Кроме того, были указаны следующие животные.

Слон 象 (21). Большая часть ответов связана с внешним видом и характером (большие, тяжеловесные, спокойные).

Заяц 兔 (18). Большая часть ответов связана с цветом (белый).

Кошка 猫 (16). Большая часть ответов связана с поведением и внешностью (не обращают внимания на окружающих, совершенно отличаются от японцев).

Лошадь 馬 (14). Все ответы связаны с внешним видом (высокая).

Белка リス (11). Большая часть ответов связана с размером и внешним видом (маленькая, красивая).

Хомяк ハムスター (9). Все ответы связаны с цветом (ассоциация по смежности с белым цветом кожи человека).

Черепашка 亀 (8). Все ответы связаны с поведением (медлительная).

Корова 牛 (7). Все ответы связаны с поведением (медлительная).

Пчела 蜂 (5). Все ответы связаны с характеристикой (сильная, но опасная).

Мышь 鼠 (5). Все ответы связаны с характером (хитрая, жуликоватая).

Собака 犬 (4). Красивые хаски, все ответы связаны с внешностью.

Были добавлены следующие зоонимы.

Гепард チーター (17). Большая часть ответов связана с поведением (энергичные).

Северный олень トナカイ (9). Большая часть ответов связана с местом обитания (живут в холоде).

Жираф キリン (8). Все ответы связаны с внешностью (высокий и красивый).

Тигр 虎 (7). Большая часть ответов связана с размером (большой).

Ассоциации, связанные с зоонимами муравей и обезьяна, полностью отсутствуют.

Выводы

Проведя анализ имеющегося у нас материала, мы пришли к следующим выводам.

1. Как мы указали выше, все образы животных являются амбивалентными, имеют отрицательные и положительные черты. Зооморфная метафора, как правило, используется для выражения пренебрежительного, уничижительного отношения к человеку. Тем не менее, на основании проведенного исследования стало понятно, что в ассоциациях, связанных с другой нацией, в целом преобладают положительные характеристики, хотя отрицательные характеристики, но в значительно меньшем количестве тоже присутствуют.

2. В качестве зооморфной метафоры для представления русских китайцы и японцы выбрали зооним медведь (китайцы – 76 ответов, японцы – 87 ответов с учетом добавленного

зоонима белый медведь). Далее следует зооним волк (китайцы – 14 ответов, японцы – 51). Третий зооним у китайцев – пантера (6 ответов), у японцев – лиса (23 ответа). Судя по количеству ответов, можно говорить о большей вариативности представления о русских, существующей у японцев, по сравнению с китайцами.

3. Из ассоциаций, существующих в китайской лингвокультуре, ответы совпали с такими характеристиками медведя, как сильный и простодушный. Об ассоциациях, связанных с волком и пантерой, трудно судить, поскольку было дано небольшое количество практически неповторяющихся ответов. Из ассоциаций, существующих в японской лингвокультуре, также совпала одна, связанная с медведем, а именно размер.

4. Поскольку представления о медведе и волке различаются в китайской и японской лингвокультурах, различаются и ассоциации, связанные с данными зоонимами. Однако при характеристике русских и китайцы, и японцы, в первую очередь, обращают внимание на внешнюю характеристику. При этом для китайцев важно поведение, а для японцев важен цвет, место обитания, связанное с холодом, и шерстяная одежда, которую носят русские (ассоциация по смежности: шерсть у животного – одежда у человека).

5. Зоонимы волк и пантера для китайцев в отношении русских связаны с поведением и характером (агрессивные, жестокие, гордые, живут сообща). Зоонимы волк и лисица для японцев в отношении русских связаны с местом обитания (живут в холоде, устойчивы к холоду). Для японцев важным является такой параметр, как цвет – белый, ассоциативно связанный с цветом кожи. У используемых зоонимов уточняется цвет медведь (28), заяц (10), хомяк (9), лиса (6), лошадь (3), белка (3). Для китайцев этот параметр неважен. Цвет уточняется только в четырех ответах, медведь (2), хомяк (1) и заяц (1).

6. У японцев, по сравнению с китайцами, присутствуют более широкий набор ассоциаций, связанных с русскими. Это проявляется в количестве ответов, связанных с животными, которые были добавлены (40 у японцев против трех у китайцев).

7. По нашему мнению, специфика национального японского характера проявляется даже при анонимном анкетировании, что, вероятно, связано с внутренним самоконтролем и использованием *хоннэ* «истинные намерения» и *татэмаэ* «то, что произносится вслух, показывается наружу», на первое место выходит положительная оценка окружающего. Из 100 ответов в 10 случаях были приведены отрицательные характеристики, эти ответы были связаны с животными, не вошедшими в группу трех анализируемых нами животных.

8. Зооморфная метафора, которую используют по отношению к русским, связана со следующими параметрами.

Для китайцев:

- с физическими характеристиками (могучие, крепкие, сильные);
- с представлением о русских как военной нации;
- с поведением (грубые, агрессивные, медлительные);
- с характером (простодушные, добрые, храбрые).

Для японцев:

- с внешним видом (красивые, высокие, белые);
- с местом обитания (живут в холоде, надевают много одежды, устойчивы к холоду);
- с поведением (медлительные, не обращают внимания на окружающих);
- с размером (большие);
- с физической характеристикой (сильные).

7. Общей характеристикой для русских как со стороны китайцев, так и со стороны японцев является такое качество, как сила.

Итак, мы рассмотрели зооморфные метафоры, используемые в китайской и японской лингвокультурах для характеристики русских. Нами были выявлены ассоциации, связанные с анализируемыми зоонимами, характерные для трех лингвокультур: русской, китайской и японской, отмечено их сходство и различие, связанное с амбивалентностью представлений об исследуемых зоонимах. Кроме того, были выявлены зооморфные метафоры, типичные

для представления русских, существующие в китайской и японской лингвокультурах. Несмотря на то что типичными зоонимами для китайцев и японцев являются зоонимы медведь и волк в отношении русских, зооморфная метафора указывает на разные характеристики русских, актуальные для китайцев и японцев.

Список литературы

- Бичер О.** Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2016. 174 с.
- Гаврилюк М. А.** Зооморфная метафора в китайском и русском языках: межъязыковые универсалии и национальная специфика // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2 (19). С. 136–143.
- Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И.** Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 147–165.
- Линь Сюе.** Русский «медведь» и китайский «лун»: зоометафора в русском и китайском политическом дискурсе // *Political Linguistics*. 2019. № 5 (77). Р. 177–184.
- Рябова Т. Б.** Медведь как символ России: социологическое измерение // Русский медведь: история, семиотика, политика. М.: НЛЮ, 2012. 338 с.
- Садокова А. Р.** Образ волка в японской народной храмовой мифологии // Современная филология: Материалы VI Междунар. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2018. С. 1–4.
- Солнцева Н. В.** Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2004. 220 с.
- Храмова М. Н.** Семантика зооморфных образов в современной европейской культуре: Дис. ... канд. культурологии. СПб.: СПбГУ, 2015. 206 с.
- Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Wang Pengling.** The Turkic Influence on Kitan: Kitan Bori (the Name for an Evil Person) and Old Turkic Böri 'Wolf'. С. 55-59 // LESEWA: Материалы XIV Междунар. конф. «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки». М.: Ключ-С, 2020. С. 55–59.
- Ван Чуньхун.** Эхань вэньхуа чжун дунъю сяньчжэн ии дэ итун цзи гэньюань [王春红. 俄汉文化中动物象征意义的异同及根源]. Сходство и различие в символике животных в русской и китайской культурах и их происхождение // Цзоцзя цзачжи [作家杂志. Журнал писателя]. 2007. Вып. 11. С. 73–75. (на кит. яз.)
- Кумакура Кэнсукэ.** Мэтафа:-но нитибэй хикаку. Нитидзё:ка сита мэтафа:-но ко:сацу [熊倉健介. メタファーの日米比較. 日常化したメタファーの考察]. Сравнение японских и английских метафор // Иватэ дайгаку эйго кё:ику ромбунсю [岩手大学英語教育論文集]. 2007. № 9. С. 11–32. (на яп. яз.)
- Лю Гуанчжун.** Эхань юйянь вэньхуа юй сису таньтао [刘光准. 俄汉语言文化与习俗探讨]. Исследование лингвокультуры и обычаев в русском и китайском языках. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 1999. 231 с. (на кит. яз.)
- Мацуи Махито.** Мэтафа:-но фуцу:сэй то бунка тэки хэньи ни цуйтэ-но ко:сацу. Эйго то ни-хонго ни окэруину ни кансурумэтафа: хё:гэн-омэгуттэ [真人松井. メタファーの普通性と文化的変異についての一考察—英語と日本語におけるイヌに関するメタファー表現をめぐって—]. Универсалии и культурные различия в метафорах: метафора с компонентом «собака» в английском и японском языках // *Bulletin of Yonezawa Women's College of Yamagata Prefecture*. № 37. 2002. С. 19–30. (на яп. яз.)
- Му Чжунхуай.** Ханьэ вэньхуа чжун дунъю синсян сяньчжэн ии дэ бицзяо. [穆重怀. 汉俄文化中动物形象象征意义的比较]. Сравнение символического значения животных в китай-

- ской и русской культурах // Далянь миныйцу сюэюань сюэбао [大连民族学院学报. Журн. Даляньского ун-та национальностей]. 2003. Т. 5, № 3. С. 94–96. (на кит. яз.)
- Хай Шунь.** Эхань юй дунъю синсян дэ миныйцу вэньхуа чаи [海淑英. 俄汉语动物形象的民族文化差异]. Национально-культурные различия образов животных в русском и китайском языках // Эюй сюэси [俄语学习. Изучение русского языка]. 1998. № 2. С. 85–86. (на кит. яз.)
- Хан Цюаньхуэй.** Цюйтань хань дунъю синсян дэ бицзяо дуаньюй [韩全会. 趣谈含动物形象的比较短语]. Беседа о сравнительных фразах, содержащих названия животных // Эюй сюэси [俄语学习. Изучение русского языка]. 2005. № 5. С. 73–76. (на кит. яз.)
- Чжан Хунли.** Эхань юй дунъю синсян дэ миныйцу вэньхуа чаи. Цицихаэр дасюэ сюэбао [张宏丽. 俄汉语动物形象的民族文化差异]. Национальные и культурные различия изображений животных в русском и китайском языках // Цицихаэр дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版) Журнал Цицикарского университета. Вып. «Философия и общественные науки»]. 2002. № 7. С. 85–86. (на кит. яз.)
- Яда Хироси.** Гоимэн-кара-но нитий хию: контю: гёкайруй до:буцу тори ни кансуру гои-о тю:син-ни ситэ [矢田裕士. 語彙面からの日英語比較: 昆虫・魚介類・動物・鳥に関する語彙を中心にして]. Японско-английские сравнения с точки зрения лексики: насекомые, виды рыб, животные, птицы // Эйго эйбун кэнкю: [英語英文学研究]. Studies in English language and literature. 1995. Т. 1. С. 91–117. (на яп. яз.)

References

- Bicher O.** Zoomorfnye obrazy v russkikh poslovitsah I pogovorkah: lingvokulturologicheskii i leksikograficheskii aspect. Dis. ... kand. filol. [Zoomorphic images in Russian proverbs and sayings. PhD thesis]. Smolensk, 2016, 174 p. (in Russ.)
- Gavrilyuk M. A.** Zoomornaya metafira v kitaiskom I russkom yazykah: mezyazykovye universalii I nationalnaya specifika. [Zoomorphic metaphor in Chinese and Russian languages: Interlinguistic universals and national specificity]. *Vestnik IGLU*, 2012, no. 2 (19), p. 136–143. (in Russ.)
- Gutman E. A., Litvin F. A., Cheremishina M. I.** Sopostavitelnyi aspekt zoomorfnykh haracteristic (na materile russkogo, angliiskogo I francuzskogo yazykov. [Comparative aspect of zoomorphic characteristics (on the base of Russian, English and Franch languages)]. In: *Nacionalno-kulturnaya specifika rechevogo povedeniya*. [National and cultural specificity of speech behavior]. Moscow, Nauka, 1977, p. 147–165. (in Russ.)
- Lin Xue.** Russkiy “medved” I kitaiskii “lun”: zoometфора v russkom I kitaiskom politicheskom diskurse [Russian ‘bear’ and Chinese ‘lun’: zoomorphic metaphor in Chinese political discourse]. *Political Linguistics*, 2019, no. 5 (77), p. 177–184. (in Russ.)
- Ryabova T. B.** Medved kak simbol Rossii: Sotsiologicheskoe izmerenie. [Bear as a symbol of Russia: sociologic study]. In: *Russkii medved: istoriya, semiotika i politika* [Russian bear: history, semiotics and politics]. Moscow, NLO, 2012, 338 p. (in Russ.)
- Sadokova A. R.** Obraz volka v yaponskoi hramovoi mifologii [Image of wolf in Japanese national temple mythology]. In: *Sovremennaya filologiya. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Materials of VI International scientific conference]. Kazan, Molodoi uchenyi, 2018, p. 1–4. (in Russ.)
- Solntseva N. V.** Sopostavitelnyi analiz zoonomov pusskogo, grantsuzskogo i nemetskogo yazykov v etnosemanticheskom aspekte [Comparative analyze of zoonymes of Russian, French and German languages in ethnosemantic aspect]. PhD thesis. Omsk, 2002, 220 p. (in Russ.)
- Wang Pengling.** The Turkic Influence on Kitan: Kitan Bori (the Name for an Evil Person) and Old Turkic Bōri ‘Wolf’. С. 55-59. In: *LESEWA. Materials of XIV International Conference “Languages of Far East, South-Eastern Asia and Africa”*. Moscow, Klyuch-C, 2020, p. 55–59.

- Hai Shuying.** Ehan yu dongwu xingxiang de minzu wenhua chayi [海淑英。俄汉语动物形象的民族文化差异]. National and cultural differences in animal images in Russian and Chinese. *Eyu xuexi* [俄语学习. *Russian learning*], 1998, vol. 2, p. 85–86. (in Chin.)
- Han Huiquan.** Qutan han dongwu xingxiang de bijiao duanyu [韩全会。趣谈含动物形象的比较短语]. Interesting conversation about comparative phrases containing animal names. *Eyu xuexi* [俄语学习. *Russian learning*], 2005, vol. 5, p. 73–76. (in Chin.)
- Kumakura Kensuke.** Metafaa-no nichibei hikaku. Nichijouka shita metafaa-no kousatsu [熊倉健介。メタファーの日米比較。日常化したメタファーの考察]. Comparison of Japanese and English metaphors. *Iwate daigaku eigo kyouiku ronbunshuu* [岩手大学英语教育論文集. *Issue of English Pedagogic of Iwate University*], 2007, no. 9, p. 11–32. (in Jap.)
- Liu Guangzhun.** Ehan yuyan wenhua yu xisu tantao [刘光准。俄汉语言文化与习俗探讨]. Research of linguoculture and customs in Russian and Chinese languages. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press, 1999, 231 p. (in Chin.)
- Matsui Mahito.** Metafa-no futsuusei to bunka teki hen'i ni tuite-no kousatsu. Eigo to nihongo ni okeru inu ni kansuru metara: hyougen-o megutte [真人松井。メタファーの普通性と文化的変異についての一考察—英語と日本語におけるイヌに関するメタファー表現をめぐって—]. Universals and cultural differences in metaphors: a metaphor with the dog component in English and Japanese. *Bulletin of Yonezawa Women's College of Yamagata Prefecture*, 2002, no. 37, p. 19–30. (in Jap.)
- Mu Huaizhong.** Hane wenhua zhong dongwu xingxiang xiangzheng yiyi de bijiao [穆重怀。汉俄文化中动物形象象征意义的比较]. Comparison of the symbolic meaning of animals in Chinese and Russian cultures. *Dalian minzu xueyuan xuebao* [大连民族学院学报. *Journal of Dalian National University*], 2003, iss. 5, vol. 3, p. 94–96. (in Chin.)
- Wang Chunhong.** Ehan wenhua zhong dongwu xiangzhen yiyi de yitong ji genyuan. [王春红。俄汉文化中动物象征意义的异同及根源]. Similarities and Differences and Origins of Animal Symbolism in Russian and Chinese Culture. *Zuojia zazhi* [作家杂志. *Writer's magazine*], 2007, vol. 11, p. 73–75. (in Chin.)
- Yada Hiroshi.** Goimen-kara-no nichieigo hiyuu: konchuu, gyokairui, doubutsu, tori ni kansuru goi-o chuushin-ni shite [矢田裕士。語彙面からの日英語比較: 昆虫・魚介類・動物・鳥に関する語彙を中心にして]. A Comparative Study of English and Japanese Vocabulary with Special Reference to Insects, Fish, Animals and Birds. *Studies in English language and literature*, 1995, vol. 1, p. 91–117. (in Jap.)
- Zhang Hongli.** Ehan yu dongwu xingxiang de minzu wenhua chayi [张宏丽。俄汉语动物形象的民族文化差异]. National and cultural differences in images of animals in Russian and Chinese. *Qiqihaer daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)* [齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版). *Journal of Qiqihar University (Philosophy and Social Science Edition)*], 2002, vol. 7, p. 85–86. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received
19.12.2020

Сведения об авторах

Кутафьева Наталия Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения ГИ НГУ, директор Японского центра ГИ НГУ (Новосибирск, Россия)
natasha7362@mail.ru

Яо Сун, ассистент кафедры востоковедения ГИ НГУ (Новосибирск, Россия)
yaosong0311@mail.ru

Information about the Authors

Natalia V. Kutafeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Oriental Studies HI NSU, Director of the Center for Japanese Studies (Novosibirsk, Russian Federation)
natasha7362@mail.ru

Yao Song, Assistant at the Department of Oriental Studies HI NSU (Novosibirsk, Russian Federation)
yaosong0311@mail.ru

УДК 327.88

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-169-175

«Исламское государство провинции Хорасан»¹ – угроза Центрально-азиатскому региону

В. Н. Пластун

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В течение последних нескольких лет отмечался приток выходцев из государств Центральной Азии в ряды боевиков «Исламского государства»² в Сирии и Ираке. Тем, кто остался в живых после разгрома основных отрядов террористов, по возвращении не миновать территории Афганистана, северные области которого населяют родственные им этносы. В странах ЦА легко найти сторонников радикального ислама. Слабость государственных и общественных институтов способствует политизации ислама, в особенности на периферии. Исламистские проповедники, умело используя ошибки местных властей, призывают к созданию альтернативных государственных структур. Большинство бывших боевиков ИГ могут найти опору в приграничных провинциях Афганистана, среди своих соратников по войне, а также примкнуть к некоторым группировкам «Движения талибан»³. Наметившийся вывод американских войск и их союзников из Афганистана пока не предполагает наступление мира в регионе. Поэтому в числе основных угроз безопасности региона – деятельность таких транснациональных террористических групп, как «Исламское государство провинции Хорасан», «Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Восточного Туркестана»⁴ и др.

Ключевые слова

Центральная Азия, Афганистан, Китай, «Исламское государство», радикальный ислам, американские войска, «Исламское государство провинции Хорасан», «Движение талибан», террористические группировки

Для цитирования

Пластун В. Н. «Исламское государство провинции Хорасан» – угроза Центрально-азиатскому региону // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 169–175. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-169-175

“Islamic State of Khorasan Province” – A Threat to the Central Asian Region

V. N. Plastun

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Over the past several years, there has been an influx of immigrants from Central Asian states into the ranks of “Islamic State” (IS) militants in Syria and Iraq. Those who survived after the defeat of the main detachments of terrorists on their return cannot escape the territory of Afghanistan, the northern regions of which are inhabited by related ethnic

---

¹ Деятельность организации запрещена законодательством РФ.

² Деятельность организации запрещена законодательством РФ.

³ Деятельность организации запрещена законодательством РФ.

⁴ Деятельность названных организаций запрещена законодательством РФ.

groups. It is easy to find supporters of radical Islam in Central Asian countries. The weakness of state and public institutions contributes to the politicization of Islam, especially in the periphery. Islamist preachers, skillfully using the mistakes of local authorities, call for the creation of alternative state structures. Most of the former IS fighters do not hide their intentions to return home. They can gain support in the border provinces of Afghanistan, among their comrades-in-arms in the war, and also join some of the Taliban groups. The planned withdrawal of American troops and their allies from Afghanistan does not yet imply the coming of peace in the region. Therefore, among the main threats to the security of the region are the activities of transnational terrorist groups such as “The Islamic State of Khorasan Province”, “The Islamic Movement of Uzbekistan” and “The Islamic Movement of Eastern Turkestan”.

Keywords

Central Asia, Afghanistan, Islamic State, radical Islam, American troops, Islamic State of Khorasan Province, Taliban movement, terrorist groups

For citation

Plastun V. N. “Islamic State of Khorasan Province” – A Threat to the Central Asian Region. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 169–175. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-169-175

Международный терроризм (полагаю, было бы точнее использовать термин «транснациональный терроризм») давно нарушил многие государственные границы. Так было (и остается) после появления 29 июня 2014 г. так называемого Исламского государства (ИГ, ДАИШ), известного ранее как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), которое провозгласило себя *халифатом*⁵. В те годы на территорию Ирака и Сирии, захваченную ишиками, стали прибывать их сторонники из разных стран Востока и Запада. Основные вооруженные силы этого террористического квазигосударственного образования были разгромлены общими усилиями России и международной коалиции во главе с США. Тем не менее, остатки вооруженных группировок по-прежнему представляют собой угрозу цивилизованному миру и в первую очередь – центрально-азиатскому региону, куда перемещаются уцелевшие сторонники отрядов ИГ.

Из пяти новых независимых государств, возникших на среднеазиатском постсоветском пространстве после распада СССР, три – Республика Узбекистан, Республика Таджикистан и Республика Туркменистан – имеют общую границу с Исламской республикой Афганистан (ИРА). Афганистан, в свою очередь, граничит с Ираном, Пакистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном и КНР. У Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район, СУАР) – общая граница с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Афганистаном, на юго-западе – с Пакистаном. Население всех вышеназванных стран региона исповедует ислам, и этот факт значительно облегчает задачу исламистов-сепаратистов в части агитации за создание халифата.

Напомним, что еще в октябре 2001 г. США и их партнеры по НАТО вторглись в Афганистан под лозунгом «борьбы с международным терроризмом», который «на протяжении десятилетий был эффективным инструментом реализации геополитических интересов ряда государств и транснациональных структур» [Арешев, 2015. С. 16]. Аналогичные выводы правомерно сделать и в отношении региона Центральной Азии.

На территории Афганистана основной противник центрального правительства – «Движение талибан» (ДТ), которое контролирует значительную часть сельской территории страны. Своей основной задачей ДТ считает изгнание из страны иностранных войск. Оно также не признает и правительство Исламской республики Афганистан (ИРА), считая его «американской марионеткой».

---

⁵ СМИ: «Исламское государство Ирак и Леванта» создает «Исламский халифат» // ИТАР-ТАСС. 29.06.2014: URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1287124> (дата обращения 10.03.2016). *Халифат* (араб. *замещение, наследование*) – первоначально арабо-мусульманское государство, созданное пророком Мухаммедом и впоследствии возглавляемое *халифами* («заместителями» пророка), а также система исламского теократического государства.

В последние годы появлялась информация о новых экстремистских группах в регионе ЦА. Правительство КНР видит угрозу в деятельности одной из основных уйгурских террористических организаций – Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ). Эта группировка появилась в 1993 г. и реорганизовано в 1997 г. Главная ее цель – борьба за создание независимого мусульманского государства на территории Синьцзяна. В 2002 г. ООН признала ИДВТ террористической организацией. Некоторые авторы считают, что «вплоть до 2005–2007 гг. ИДВТ было децентрализованной “зонтичной” структурой для различных уйгурских боевиков в Афганистане и Пакистане», а в настоящее время «преемницей» ИДВТ стала Исламская партия Туркестана (Turkestan Islamic Party), которая наиболее активна в Сирии и Афганистане [Сизов, 2020. С. 145]. В конце января 2016 г. представители ИДВТ объявили о своем присоединении к «новому суннитскому альянсу» – «Комитету по освобождению Шама» («Хайат тахрир аш-шам») ⁶. В первой декаде февраля 2017 г. в Сирии о вступлении в «Комитет» заявили боевики из Кыргызстана и Узбекистана («Катибат аль-таухид валь-джихад»). Они же сообщили о присоединении к альянсу узбекской группировки «Катибат аль-Имам Бухари». Эта последняя в свое время была союзником талибов в войне против правительства ИРА, но затем объявила о своей поддержке ИГ. Талибы, открыто выступившие против ИГ, посчитали действия узбекских боевиков предательством и в ноябре 2015 г. атаковали военный лагерь «Катибат аль-Имам Бухари» в провинции Забуль (Афганистан), уничтожив более 60 боевиков ⁷. Таким образом, «Хайат тахрир аш-шам» включила в свои ряды три ключевые группировки выходцев из ЦА и СУАР (всего около 20 тыс. боевиков) ⁸. Все они могут впоследствии стать «инструментом влияния» в руках ИГ и «Аль-Каиды».

Отслеживая связи между различными террористическими группировками, Китай, как и другие государства региона, готов способствовать стабилизации обстановки там, где затрагиваются его интересы. Государственный советник и министр иностранных дел Китая Ван И, после встречи с главой МИД Пакистана Шахом Махмудом Куреши в августе 2020 г., заявил, что «диалог и переговоры – единственный выход из афганской проблемы», «важно придерживаться основного принципа мирного прогресса под руководством афганцев и... никто не должен использовать ситуацию для личной выгоды». Сам «Афганистан должен неуклонно бороться с терроризмом и проводить внешнюю политику мира и дружбы». Одновременно Ван И подчеркнул, что «иностранные вооруженные силы должны выводиться ответственным и упорядоченным образом, чтобы террористические силы не воспользовались возможностью вызвать беспорядки» ⁹.

В мае 2015 г. на афганской территории появился третий игрок – группировка «Исламское государство провинции Хорасан» ¹⁰ (ИГПХ). Это сторонники «Исламского государства», также выступающие за создание «всемирного халифата». В течение последних двух лет их численность выросла до 10 тысяч в «пиковый сезон» (в обычное время – 4–5 тысяч) ¹¹. Действия группы были очень жестокими: обезглавливание и публичные казни, изгнание из домов десятков тысяч семей, закрытие школ и больниц. Ее боевики появились в пяти провинциях Афганистана, однако добиться видимого успеха им удалось в провинции Нангархар,

⁶ Реорганизация джихадистов из ЦАР в Сирии // Сайт polit-asia.kz, 28.02.2017. URL: polit-asia.kz/index.php/analytics/1977 (дата обращения 12.08.2020).

⁷ Реорганизация джихадистов из ЦАР...

⁸ В список самых влиятельных боевиков-исламистов вошли киргиз, таджик и узбек // Eadaily. 05.08.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/05/v-spisok-samyh-vliyatelnyh-boevikov-islamistov-voshli-kirgiz-tadzhik-i-uzbek> (дата обращения 11.01.2020).

⁹ Wang Yi. Dialogue and negotiation only way out for Afghanistan issue // Глобальная телесеть Китая (CGTN). 22 Aug. 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-08-21/Dialogue-and-negotiation-only-way-out-for-Afghanistan-issue-Wang-Yi-T8ZyeDkmre/index.html> (дата обращения 22.08.2020).

¹⁰ Хорасан когда-то был самой большой провинцией Ирана. В сентябре 2004 г. она была разделена на три провинции: Северный Хорасан, Южный Хорасан и Хорасан Резави. Большой Хорасан включал части, которые находятся сегодня в Иране, Таджикистане, Афганистане, Узбекистане и Туркменистане.

¹¹ Чуйков А. Великая, но раненая держава // Сайт «Аргументы Недели» (№ 33, 25.08.2016). URL: <http://argumenti.ru/society/n553/464668> (дата обращения 03.10.2016).

которая фактически превратилась в штаб-квартиру ИГПХ. Имеется информация о том, что Нангархар одно время превратился в центр производства героина, который переправлялся в Пакистан, а оттуда в Турцию и Европу¹². Доходы от героинового бизнеса привлекают не только командиров ИГ, но и полевых командиров ДТ. Поэтому в Нангархаре боевикам ИГ приходится воевать не только с правительственными силами и войсками НАТО, но и с талибами, которые стремятся устранить конкурента уже и на рынке сбыта наркотиков.

Международные эксперты уверенно полагают, что в условиях крайней нестабильности в регионе и попыток участников конфликта достичь согласия деятельность ИГПХ значительно усложняет ситуацию. Например, доцент Центра по борьбе с терроризмом (The Combating Terrorism Center) и Департамента социальных наук Военной академии США в Вест-Пойнте д-р Амира Джадун пишет: «Существование организации [ИГПХ] в регионе влечет за собой последствия для международной безопасности; в силу того что она является важной ветвью прочного транснационального бренда, ее цели подкрепляются идеологией, которая выходит за рамки национальных границ и часто пересекается с идеологией других воинствующих групп»¹³.

Лидеры ДТ сначала приняли в штыки появление новоявленных претендентов на главенство в вооруженной оппозиции Кабулу. Начались боестолкновения между талибами и отрядами ИГПХ. Парадокс, конечно, но талибам в их борьбе против ИГПХ невольно оказывает помощь военная авиация США. Цель американцев состоит отнюдь не в поддержке своих давних врагов – талибов, но ситуация складывается по известной формуле «враг моего врага – мой друг». В результате вынужденно совместных действий талибов и американцев территория, контролируемая ИГПХ, заметно сузилась.

Появление и временное усиление позиций ИГПХ объясняется, во-первых, слабостью как центрального правительства, так и местных талибов, и, во-вторых, усилением и жизнеспособностью небольших «кочующих» групп боевиков-салафитов¹⁴, воюющих в рядах талибов. Ни афганское правительство, ни талибы не в состоянии объединиться для борьбы против общего врага. Группировка ИГПХ воспользовалась слабо контролируемой Кабулом ситуацией, усугубляемой необузданной коррупцией и неспособностью правительства управлять. Правительство беспомощно наблюдало за ухудшением ситуации, что позволило ИГПХ временно установить свою власть в ряде районов, где они или нейтрализовали, или же привлекли на свою сторону часть членов вооруженных групп талибов, которые в основном занимались криминалом.

ДТ остается самой сильной оппозицией правительству в Кабуле. В районах, подконтрольных талибам, «теневая» (параллельная) администрация обычно вытесняет правительственную. Но из-за разногласий в собственных рядах талибы не в состоянии в полной мере представлять альтернативу ИГПХ и правительству¹⁵. В процессе распада, исчезновения и слияния мелких групп, усиления влияния салафитов часть талибов и «кочевых» группировок явно и скрытно стремится под знамена ИГПХ. По мнению аналитиков ААН (The Afghanistan Analysts Network), салафиты не имеют прочной идеологической опоры на территориях, контролируемых талибами, которые привержены ханафитскому масхабу¹⁶ в исламе.

¹² *Серенко А.* Халифат при смерти, терроризм не сдастся // Сайт газеты «Коммерсантъ». 31.08.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3391474> (дата обращения 18.08.2020).

¹³ *Jadoon A.* Islamic State in Khorasan: Attempting to Absorb Rival Groups // Center for Global Policy. June 9, 2020. URL: <https://cgpolicy.org/articles/islamic-state-in-khorasan-attempting-to-absorb-rival-groups/> (дата обращения 27.08.2020).

¹⁴ *Салафиты* – фундаменталисты в исламе, выступающие за возвращение к временам Пророка Мухаммада.

¹⁵ *Osman B.* Descent into chaos: Why did Nangarhar turn into an IS hub? // Сайт ААН. 27.09.2016. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/descent-into-chaos-why-did-nangarhar-turn-into-an-is-hub/> (дата обращения 07.10.2016).

¹⁶ *Ханафиты* – последователи одной из суннитских школ (мазхабов). В качестве источника права полностью принимают Коран и Сунну, допускают широкое применение обычного местного права, сложившегося до появле-

Хотя в последнее время иногда наблюдались признаки сближения салафитов и талибов. Этому способствует, в частности, фактор «джихадистского прагматизма», т. е. в районах, где имеется количественное преимущество салафитов, талибы вынуждены с ними сотрудничать. И, наоборот – там, где салафиты оказываются в меньшинстве, они предпочитают принять руководство талибов.

Руководство ИГПХ, по некоторым сообщениям, летом 2017 г. даже объявило войну России как месть за действия российских войск в Сирии. Боевики «пообещали атаковать цели на территории РФ, используя для этого своих сторонников – выходцев из Центральной Азии и Северного Кавказа»¹⁷.

В 2020 г. от пакистанского крыла ДТ и ИГ откололась группировка, объявившая о создании группировки «Ансар газват уль-хинд» как филиала ИГ в Кашмире. Она ведет бои «с индийскими военными и полицейскими, организует нападения смертников»¹⁸.

Как известно, между руководством ДТ и представителями США в течение продолжительного времени велись переговоры о выводе войск США и НАТО из Афганистана. В феврале 2020 г. между сторонами было подписано соглашение, предусматривавшее постепенный вывод войск на определенных условиях. В обмен на вывод талибы (в числе других обязательств) обещали не поддерживать связей с «Аль-Каидой» и другими террористическими группировками. Однако, как считают эксперты, талибы иногда прибегали к негласному сотрудничеству с американцами в своей борьбе с ИГПХ, «но также считали, что США слишком широко определяют понятие “терроризм” и неохотно делились информацией о более мелких группировках боевиков, которые они не считали опасными»¹⁹. Судя по всему, ДТ считает ИГПХ опасным противником не с точки зрения боеспособности этой группы, а из-за ее тактики – действия смертников-самоубийств, которые приписываются талибам в тот самый момент, когда они ведут переговоры о мире с правительством Кабула. Такое поведение ИГПХ сеет недоверие между двумя основными сторонами в конфликте – правительством и ДТ. Правительство поспешно обвиняет талибов, хотя никто не берет на себя ответственность. Некоторые аналитики полагают: гораздо более вероятно, что это дело рук ИГПХ. Другие убеждены в том, что «афганское правительство все еще использует угрозу ИГ для собственной выгоды»²⁰.

И правительство ИРА, и талибы неоднократно сообщали о том, что они победили ИГПХ, что правительственные силы в Кабуле арестовали несколько ключевых лидеров ИГПХ. Некоторые наблюдатели считают, что ИГПХ представляется незначительным игроком в конфликте. Но факт остается фактом: ИГПХ действует, несмотря на сообщения о том, что с 2015 г. более 10 тыс. его боевиков были убиты или захвачены в плен²¹.

Обращает на себя факт, отмеченный одним из ведущих экспертов по группировкам боевиков Борханом Османом. Касаясь социального состава ИГПХ, он писал, что значительное число тех, кто присоединяется к ИГПХ в центральных городских районах, происходят из семей, которые можно обозначить как «средний класс». Многие из них – представители этнических меньшинств Афганистана, получившие высшее образование. У одной трети опрошенных членов группировки «обнаруживается примечательная особенность – их выдающиеся интеллектуальные достижения». В столичной ячейке ИГПХ «есть несколько университетских профессоров, студентов-отличников и успешных выпускников шариатского, юридического, химического, инженерного и литературного факультетов, которые часто

ния ислама. В количественном и географическом плане ханафитский мазхаб – самый распространенный в исламском мире.

¹⁷ Серенко А. Халифат при смерти...

¹⁸ Там же.

¹⁹ Taking Stock of the Taliban's Perspectives on Peace // The Crisis Group. 11.08.2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/311-taking-stock-talibans-perspectives-peace> (дата обращения 18.08.2020).

²⁰ Feroz E. In Afghanistan, the Islamic State Threatens Long-Term Peace // The Foreign Policy. June 4, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/04/afghanistan-islamic-state-taliban-peace-cease-fire/> (дата обращения 05.06.2020).

²¹ Ibid.

финансируются государством. Наибольшее количество новобранцев, присоединившихся к группировке, составляют выпускники трех университетов: Кабульского, Нангархарского и Университета им. Аль-Бируни»²². По мнению многих наблюдателей, афганское правительство имеет «непрозрачные отношения с ИГПХ». Некоторые аналитики предполагают, что Кабулу выгодно сотрудничать с ИГПХ, чтобы обвинять талибов в любом террористическом акте. На военную кампанию против ИГПХ в Нангархаре афганское правительство выделило значительные военные ресурсы, но не предпринимало действий, что явно пошло на пользу талибам. Аналитики объясняют это тем, что «ИГПХ явно активизировалась в ответ на сделку между США и талибами..., назвав ее доказательством того, что талибы являются *кафирами* и неверными... За несколько месяцев до февраля [до подписания соглашения между ДТ и США] ИГПХ не совершила ни одного инцидента в Кабуле, но в дни, предшествовавшие церемонии подписания, она возобновила свою деятельность с удвоенной силой»²³.

Движение талибан категорически отвергает обвинения, объясняя террористические акты провокацией со стороны ИГПХ. Так, 12 августа представитель талибов З. Муджахид заявил, что боевики ИГ планируют нападение на талибов, освобождаемых из тюрьмы Пули-Чархи в Кабуле согласно указу президента ИРА Ашрафа Гани. Он отметил, что этим актом они пытаются сорвать межафганские переговоры. В том же сообщении говорится, что боевики ИГ «могут совершить нападение при посредничестве афганской разведки»²⁴. Складывается впечатление о том, что ИГПХ действительно опасается мирного соглашения между США и ДТ, оказавшись между двух огней – правительственной армией Афганистана и отрядами талибов. Заключение мирного соглашения между правительством ИРА и ДТ может заставить их объединиться в общей борьбе против сторонников «халифата». Тем более что, как упоминалось выше, ИГ не обладает сильным влиянием в стране. По официальным оценкам, в составе отрядов ИГПХ может находиться всего 4–6 тыс. боевиков. К тому же, по информации службы безопасности Афганистана, «до 10 % членов ДТ могут перейти на сторону ИГИЛ» после сделки между США и ДТ. Талибы пока достигли единого мнения среди своих местных командиров по условиям мирного соглашения с Кабулом²⁵. Часть талибов, недовольных мирным процессом или не видящие от него для себя выгоды, могут присоединиться к ИГПХ.

Продолжается также раскол и «перетасовка» в рядах пакистанских талибов, которые служат прикрытием для суннитских вооруженных группировок «Техрик-и-Талибан Пакистан» (ТТП), воюющих по обе стороны пакистанско-афганской границы. Несколько членов ее руководства были убиты американскими беспилотниками, другие – нашли прибежище в Афганистане или бежали в Пакистан.

На этом фоне произошло объединение группировок «Джамат-уль-Ахрар» (ДжуА) и «Хизб-уль-Ахрар» (ХуА). ТТП заявило, что эти две группы присягнули его главе, муфтию Нур Вали. ДжуА участвовала в крупных акциях, в том числе в теракте террориста-смертника в Лахоре в 2016 г., который, как они заявили, был направлен против христиан. И ТТП, и ДжуА включены в «черный список» США. Аналитики ООН отмечали, что отряды пакистанских боевиков численностью 6–6,5 тыс. человек, часть которых связана с ИГПХ, представляют угрозу как для Афганистана, так и для Пакистана, в то время как эти две страны постоянно обвиняли друг друга в поддержке террористических группировок²⁶.

Член Академии наук ИРА Ахмад Шах Катавазай убежден в том, что «ИГПХ стремится сорвать мирную договоренность между США и ДТ, привлекая боевиков из более чем десятка

²² См.: Feroz E. In Afghanistan...

²³ Ibid.

²⁴ Талибы заявили о намерении «Исламского государства» сорвать межафганские переговоры // Афганистан.ру. 12.08.2020. URL: <https://afghanistan.ru/doc/138679.html> (дата обращения 24.08.2020).

²⁵ Gliniski S. ISIS aims for Afghanistan expansion as US and Taliban work towards peace // The National. 2019. August 20. URL: <https://www.thenational.ae/world/asia/isis-aims-for-afghanistan-expansion-as-us-and-taliban-work-towards-peace-1.900713> (дата обращения 21.08.2019).

²⁶ Pakistan Taliban reunites with two splinter groups // Aljazeera. 17.08.2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/08/pakistan-taliban-reunites-splinter-groups-200818045511938.html> (дата обращения 17.08.2020).

стран, в том числе из Индии, Ирака, Иордании, Саудовской Аравии и Сирии... Имея в своих рядах боевиков из Пакистана, Узбекистана и Таджикистана, ИГПХ получила возможность дестабилизировать Центральную Азию. Если ей удастся прочно закрепиться в Афганистане, то это станет одной из основных проблем для России и Ирана, которые рассматривают ИГПХ как группу с идеологией салафитов, направленную на дестабилизацию ситуации в Центральной Азии»²⁷. Следовательно, угроза для новых независимых государств региона по-прежнему актуальна.

Список литературы

- Арешев А.** Кто и как ведет Ближний Восток в «новое средневековье» // «Исламское государство»: сущность и противостояние: Аналитический доклад. Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. С. 14–30.
- Сизов Г. А.** Эволюция подходов китайского руководства к проблеме противодействия терроризму // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2. С. 134–154.

References

- Areshhev A.** Kto i kak vedet blizhnii vostok v “novoe srednevekovye [Who and How Leads the Middle East to the “New Middle Ages”]. In: “Islamskoe gosudarstvo”: suchnost i protivostoyanie. Politicheski doklad [“Islamic State”: Essence and Confrontation: Political survey]. Vladikavkaz, Kavkazskii geopoliticheskii klub, 2015, p. 14–30. (in Russ.)
- Sizov G. A.** Evolutsiya podhodov kitaiskogo rukovodstva k problem protivodeistviya terrorizmu [Evolution of the approaches of the Chinese leadership to the problem of countering terrorism], *Problemy natsionalnoi strategii [Problems of national strategy]*, 2020, no. 2, p. 134 – 154. (in Russ.)

*Материал поступил в редакцию
Received
11.10.2020*

Сведения об авторе

Пластун Владимир Никитович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Information about the Author

Vladimir N. Plastun, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Humanitarian Institute of NSU (Novosibirsk, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

---

²⁷ *Katawazai, Ahmad Shah.* Islamic State Sees a Bloody Opportunity in the US-Taliban Deal // *The Diplomat*. August 04, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/08/islamic-state-sees-a-bloody-opportunity-in-the-us-taliban-deal/> (дата обращения 05.08.2020).

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-176-186

Значение институтов Конфуция в развитии обучения китайскому языку (на примере Института Конфуция Гуманитарного института НГУ)

Би Синьхуэй^{1,2}, Ю. А. Азаренко²

¹ *Синьцзянский университет
Урумчи, Китай*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Интенсификация отношений РФ и КНР в различных сферах вызвала долгосрочный повышенный спрос на обучение китайскому языку в России. В удовлетворении этой потребности заметную роль играют институты Конфуция. Распространение среди россиян владения китайским языком, знакомство их с особенностями китайской культуры и менталитета, продвижение гуманитарных обменов с Китаем и наращивание международного взаимопонимания – общая цель российских институтов Конфуция. В данной статье рассматривается их деятельность с точки зрения развития преподавания китайского языка на примере реализации проекта «Институт Конфуция НГУ» в последние два года. В рамках партнерства с Синьцзянским университетом Новосибирский государственный университет не только пользуется лучшими условиями для подготовки своих студентов гуманитарных направлений, но и вовлекает в международное сотрудничество в области преподавания иностранных языков целый ряд учреждений высшего и среднего образования.

Ключевые слова

Институт Конфуция, НГУ, сотрудничество в образовательных проектах, обучение китайскому языку в России

Для цитирования

Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А. Значение институтов Конфуция в развитии обучения китайскому языку (на примере Института Конфуция Гуманитарного института НГУ) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 176–186. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-176-186

The Role of Confucius Institutes in Chinese Education in Russia (Based on the Example of Confucius Institute of the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University)

Bi Xinhui^{1,2}, Yu. A. Azarenko²

¹ *Xinjiang University
Wulumuqi, China*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

With the increase of Sino-Russian cooperation in various fields, interest in Chinese is growing in Russia, which highlights the role of Confucius Institute to meet demand. Confucius Institute is a non-profit educational organization jointly established by China and other countries. Each of the 22 Confucius Institutes and classrooms in Russia present its distinctive feature and work hard in helping the Russian people learn Chinese, understand Chinese culture and enhance the humanist exchange between China and Russia. Chinese education is the most important task of the institutes.

Using Confucius Institute of Novosibirsk State University as an example, this paper introduces works done by the institute from three aspects. Firstly, it contributes to Chinese education in the university. Secondly, it meets local resi-

© Би Синьхуэй, Ю. А. Азаренко, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies

dents' needs to learn Chinese. Thirdly, it broadens the scope of regional cooperation and trains local Chinese teachers. With the support of Xinjiang University in China, the Confucius Institute at Novosibirsk State University has cooperated with many higher and secondary education institutions in Russia to expand international cooperation in Chinese education. The effective work of Confucius Institute at Novosibirsk State University has proved that it has played an active role in Chinese education. Against the backdrop of the COVID-19 pandemic, all Confucius Institutes and classrooms in Russia have continued operating by taking advantage of online teaching and learning and explored the route of development characterized with "Internet + Chinese". The authors believe that Confucius Institutes will keep on contributing to the Chinese education in Russia with the joint efforts of both parties.

Keywords

Confucius Institute, cooperation in education, Chinese teaching in Russia

For citation

Bi Xinhui, Azarenko Iu. A. The Role of Confucius Institutes in Chinese Education in Russia (Based on the Example of Confucius Institute of the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 176–186. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-176-186

Сеть институтов Конфуция со штаб-квартирой в Пекине начала развиваться по всему миру в 2004 г., предоставляя услуги по обучению китайскому языку всем заинтересованным, руководствуясь в своей деятельности принципами уважения местных обычаев и законов, равенства отношений китайской и иностранной сторон, поиска взаимовыгодных решений на основе дружественных консультаций. В 2020 г. китайская Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) была реорганизована и ее преемником в качестве правообладателя бренда «Институт Конфуция» (Confucius Institute) стал Фонд международного преподавания китайского языка (Chinese International Education Foundation). В соответствии с определением Института Конфуция на сайте Фонда, институты остаются некоммерческими образовательными структурами, основанными в китайско-иностранном сотрудничестве, целью которых является стимулирование распространения китайского языка, углубление понимания в мире китайского языка и культуры, продвижение гуманитарных обменов Китая с другими странами, наращивание международного взаимопонимания¹.

Вследствие усиления роли Китая в мировой экономике и политике в мире наблюдается устойчивый рост популярности китайского языка. При этом, согласно официальным данным на конец 2019 г., на территории 162 стран и территорий действовало 550 институтов и 1172 класса Конфуция². В свете всестороннего усиления сотрудничества регионов России и Китая в России также имеется высокий спрос на изучение китайского языка. Профессор Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ д-р ист. наук А. А. Маслов отмечал, что китайским языком владеют около 80 тыс. россиян, он преподается [примерно] в 170 вузах, но, к сожалению, по мнению эксперта, высокий уровень обеспечивается не более чем в десятке из них (см.: [Бай По, 2019]). Российские институты Конфуция играют заметную роль в удовлетворении существующего спроса на китайский язык. Открытие этих учебных центров при российских учреждениях образования санкционировалось Штаб-квартирой институтов Конфуция в Пекине и утверждалось соответствующими министерствами РФ, функционирование центров определяется соглашениями о сотрудничестве с китайскими партнерскими вузами и софинансированием сторон. В настоящее время их 22, включая три самостоятельно функционирующих класса Конфуция. При сохранении общей для институтов Конфуция цели, определенной Пекином, конкретное содержание их работы в определенной мере варьируется. «**Институт Конфуция НГУ**»³, **при всей**

¹ Знакомство с Институтом Конфуция // Официальный сайт Фонда международного обучения китайскому языку [走近孔子学院 // 中国国际中文教育基金会网站]. URL: <https://www.cief.org.cn/zjkzxy> (дата обращения 15.01.2021). О значении институтов Конфуция как платформы публичной дипломатии см.: [Ван Шо, 2018].

² Всемирная сеть // Официальный сайт Фонда международного обучения китайскому языку [全球网络// 中国国际中文教育基金会网站]. URL: <https://www.cief.org.cn/qg> (дата обращения 15.01.2021).

³ До июля 2018 г. проект реализовывался как «Класс Конфуция».

разноплановости своей деятельности, входит в число подразделений университета, работа которых строится вокруг образовательной составляющей.

С самого начала китайским вузом-партнером НГУ по проекту «Институт Конфуция» стал Синьцзянский университет – крупнейшее учебное заведение северо-запада Китая. В канун Нового года, 31 декабря 2020 г., заключен новый договор о продолжении сотрудничества двух вузов в рамках деятельности научно-образовательного и культурного центра «Институт Конфуция» Гуманитарного института (далее – НОКЦИК).

Основанный в 2008 г. Класс Конфуция НГУ являлся подразделением отдела международных связей. На протяжении первых лет существования Класса Конфуция НГУ университет заключил ряд соглашений с другими вузами и школами о поддержке преподавания в них китайского языка посредством предоставления учебных ресурсов, преподавательских кадров, методической помощи, включения обучающихся в программы культурных мероприятий, обменов с Китаем и т. п. В 2011 г. Класс Конфуция получил признание Штаб-квартиры как одного из лучших классов в мире. И хотя масштаб деятельности Класса превышал рамки университета, первоначальный замысел стать центром языковой подготовки для сотрудников НИИ Академгородка, а в перспективе – посредником для установления научных связей с китайскими коллегами реализован по ряду причин не был. Переход в 2013 г. Класса Конфуция в структуру гуманитарного факультета (позднее – института) в качестве Центра языка и культуры Китая отразил его определившуюся **основную функцию в университете: создание дополнительных преимуществ для подготовки выпускников, осваивающих китайский язык в рамках программы профессионального образования и повышение репутации НГУ как центра обучения китайскому языку вовне университетской среды.** Значение проекта «Институт Конфуция НГУ» в развитии обучения китайскому языку можно рассматривать в трех масштабах: 1) собственно для НГУ; 2) в рамках внеуниверситетского социума, территориально ограниченного Академгородком и Советским районом г. Новосибирска, для которых НГУ традиционно является центром притяжения в разных сферах; 3) в региональном измерении.

1. Обучение китайскому языку в НГУ

Преподавание китайского языка в НГУ началось в 1970 г. – наиболее рано среди вузов Новосибирска, с конца 1990-х гг. ведется по двум направлениям, из которых «востоковедение, африканистика» предполагает намного более глубокое овладение китайским языком в комплексе со знаниями истории, литературы, культуры Китая, чем направления, реализуемые в других университетах. Это, в частности, делает особенно необходимыми стажировки в Китае, предъявляет повышенные требования к квалификации преподавательских кадров. К тому же уровень владения китайским языком и обретаемые в ходе учебы навыки научной работы позволяют выпускникам продолжить обучение в китайской магистратуре, и здесь особенно актуальна возможность получения стипендии для учебы в КНР.

Таким образом, китайские преподаватели, приглашаемые для работы на кафедре востоковедения и в НОКЦИК гуманитарного института по линии института Конфуция, проходят строгий отбор. Источниками кадров являются лучшие выпускники направления бакалавриата «русский язык» и магистратуры направления «китайский язык и международное образование», а также действующие преподаватели, преимущественно из Синьцзянского университета, нередко уже имеющие опыт работы за рубежом.

Многие студенты-востоковеды и лингвисты помимо занятий китайского языка по своей профессиональной программе, посещают курсы НОКЦИК по разговорному языку, подготовке к международным экзаменам, каллиграфии, живописи *гохуа*. Студенты других специальностей занимаются в НОКЦИК по комплексным программам обучения китайскому языку. Фонд учебных материалов для курсов на протяжении первых 10 лет формировался на основе литературы, предлагаемой в дар институтам Конфуция Штаб-квартирой – это учеб-

ники, подготовленные в китайских вузах, признанных лидерами в обучении китайскому языку как иностранному⁴.

Помимо языковых курсов, студентам предлагаются бесплатные консультации для подготовки к конкурсам разных уровней и конференциям с выступлениями на китайском языке. Так, в 2019 г. при руководстве преподавателей НОКЦИК студент Гуманитарного института стал пятым на Всероссийском конкурсе «Китайский язык – это мост», в 2020 г. три студентки вошли в число победителей регионального этапа конкурса и одна из них заняла первое место на всероссийском финале, затем получив приз зрительских симпатий на всемирном конкурсе.

Слушатели курсов, активные участники языковых конкурсов и культурных мероприятий и становятся основными кандидатами на стипендии для обучения в КНР, к которым рекомендует НОКЦИК. В настоящее время в качестве второго иностранного языка также знакомятся с китайским ученики Специализированного учебно-научного центра НГУ, преподавателям которого НОКЦИК оказывает всю необходимую поддержку.

В НГУ ежегодно проходят лекции нескольких российских китаеведов, а в 2019 г. перед студентами выступили три известных ученых из Китая⁵. Особое внимание уделяется организации мероприятий, знакомящих обучающихся и всех интересующихся с традиционной китайской культурой и жизнью в современном Китае – художественных концертов, мастер-классов по прикладному искусству, различных выставок и т. п. Это помогает комплексному формированию профессиональных компетенций будущих специалистов, а также позволяет расширить скромные для нашего региона источники качественной информации о Китае – нашем близком соседе и стратегическом партнере России, углубляет понимание особенностей мировосприятия китайского народа и формирует уважительное и толерантное отношение к культуре, иной в своей цивилизационной основе.

2. Китайский язык для жителей Советского района г. Новосибирска

В области дополнительного образования центры иностранных языков НГУ практически не конкурируют с другими вузами из-за их удаленности от Академгородка и не испытывают заметной конкуренции со стороны частных языковых школ. В то же время в Академгородке проживает большое количество ученых, инженеров, которые осознают перспективу развития отношений с Китаем и ориентируют своих детей на изучение китайского языка, либо сами испытывают необходимость элементарного знакомства с ним в связи с потребностями своей работы. Ввиду недостатка учебных часов, отводимых на изучение китайского языка в школе программой для его достаточного освоения, наиболее мотивированные подростки приходят в НОКЦИК для дополнительных занятий.

Директора школ проявляют заинтересованность во введении китайского языка в качестве второго иностранного языка и расширении международных связей своих учреждений с китайскими школами, а НГУ является их постоянным партнером по многим другим проектам и поставщиком педагогических кадров. Наиболее последовательно сотрудничество выстраи-

---

⁴ Отметим, что подбор учебников и пособий осуществлялся преимущественно российскими преподавателями НГУ. Рабочие программы, утверждаемые Ученым советом гуманитарного института НГУ, всегда составляются по принятым в университете образцам, согласно опыту и предпочтениям конкретных преподавателей, с учетом интересов и особенных потребностей слушателей разных категорий, то есть без применения «Единой программы по обучению китайскому языку как иностранному», которую некоторые авторы называют «обязательной для ИК во всем мире», необоснованно приписывая Ханьбань стремление поставить под контроль обучение в зарубежных учебных заведениях, нарушая их свободу в определении содержания образования, выборе учебно-методического обеспечения и образовательных технологий (см.: [Гурулева, 2020. С. 5, 8]). За все годы участия НГУ в проекте «Институт Конфуция» мы никогда не получали каких-либо директив с китайской стороны относительно содержания учебных программ.

⁵ Профессор факультета китайского языка Университета Хуадун, «Ученый Янцзы» Чжу Чжижун 朱志荣 и эксперты в области китайской философии профессора Чэнь Лай 陈来, Чжу Цзежэнь 朱杰人.

вается со средней школой № 112 г. Новосибирска, где обучение китайскому языку начинается в качестве факультатива с первого класса с целью расширения кругозора детей и отбора наиболее перспективных ребят для изучения китайского на уровне средней школы. Во всех случаях преподаватели НОКЦИК помогают штатным учителям в проведении отдельных занятий и организации мероприятий, связанных с Китаем, как части внеурочной деятельности.

3. Региональный масштаб деятельности, подготовка преподавательских кадров

3.1. Основные партнеры и постоянные участники проекта «Институт Конфуция НГУ»

В настоящее время в проект «Институт Конфуция НГУ» включены следующие вузы: Сибирский институт управления РАНХиГС (СИУ РАНХиГС, г. Новосибирск), Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ), Алтайский государственный университет (АлтГУ, г. Барнаул, Алтайский край) и Горно-Алтайский государственный университет (ГАГУ, Республика Алтай). В указанные вузы направляются для работы на кафедрах и в языковых центрах китайские преподаватели, оказывается помощь учебными материалами, организовываются выступления российских лекторов-китаеведов, проводятся встречи разговорного клуба и культурные мероприятия. В ГАГУ преподавание китайского языка при поддержке НГУ закрепилось на факультете алтаистики и тюркологии, способствуя популярности филологического направления; в АлтГУ за годы сотрудничества не только упрочилось преподавание китайского языка по программам бакалавриата, но и введено в магистерскую программу направления «востоковедение»; СИУ РАНХиГС и НГУЭУ уже заслужили авторитет в подготовке регионоведов и «международников» с хорошим знанием китайского языка, при этом Центр китайского языка СИУ РАНХиГС все чаще выступает основным соорганизатором НГУ совместных конкурсов, олимпиад и иных мероприятий.

Талантливые студенты наряду со студентами НГУ готовятся к языковым конкурсам разного уровня и достигают на них значительных результатов, рекомендуются к стипендиям и участию в программе летних лагерей в Китае. Преподаватели участвуют в различных обменных и грантовых программах, стажировках по линии института Конфуция.

Для мотивирования обучающихся, оттачивания их языковых навыков, расширения фоновых знаний о стране изучаемого языка, в число ставших уже традиционными мероприятиями НОКЦИК входят конкурсы декламации китайской поэзии среди студентов вузов-партнеров, открытые городские конкурсы китайской каллиграфии, региональный конкурс переозвучивания китайских кинофильмов, региональный этап Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку (по поручению Центра олимпиадного движения Новосибирской области) и тренировочные занятия для его участников, подсекция «Презентация результатов научного исследования на китайском языке» секции «Востоковедение» Международной научной студенческой конференции НГУ, культурные программы по случаю Праздника Весны и Всемирного дня институтов Конфуция и ряд других.

В 2019 г. проект «Институт Конфуция» провел своими силами или совместно с другими учреждениями около 70 культурных мероприятий, в 2020 г. в связи с ограничениями на массовые мероприятия и освоением дистанционного формата – более 30, в том числе онлайн. Среди них акция-видеопослание студентов и преподавателей в поддержку сражающихся с эпидемией Уханя и Китая, День китайского языка, День институтов Конфуция, Двойное празднование 1-го октября традиционного Праздника середины осени и Дня образования КНР.

Включая обучающихся у преподавателей проекта «Институт Конфуция НГУ» в других вузах и школах-партнерах, общее количество учеников в 2019 г. составило более 1900 человек, а в 2020 г., несмотря на применение дистанционного обучения в связи с эпидемией коронавируса, – более 1400 человек. В 2019 г. общий штат китайских преподавателей проекта «Институт Конфуция НГУ» составил 18 человек (из них 14 преподавателей-волонтеров). После возвращения летом 2020 г. в Китай большей части китайских преподава-

телей, завершивших работу в России, в ситуации невозможности приезда к сентябрю новых преподавателей, Синьцзянский университет помог «закрыть» потребность проекта в кадрах путем направления для дистанционных занятий десяти своих лучших магистрантов и бакалавров в рамках педагогической практики под контролем и соруководством российских коллег.

Число стипендиатов для обучения в КНР, рекомендованных НОКЦИК в 2019 и 2020 гг., составило по 19 человек, один преподаватель получил исследовательский грант «Плана новой синологии» для работы над докторской диссертацией. Из 19 человек, заявки которых поддержала Штаб-квартира институтов Конфуция в 2019 г., пять получили стипендии для языковой стажировки в течение семестра, 10 – в течение учебного года, четыре – стипендии для обучения в магистратуре. Весной 2020 г. два студента получили «стипендии для зарубежных преподавателей китайского языка» (как стала называться стипендия Института Конфуция») для обучения в течение семестра, осенью по этой же программе учебу могли начать восемь человек (одна стажировка в течение семестра, шесть – в течение года, одна – учеба в магистратуре), пять человек получили стипендии правительства КНР (магистерские программы разных направлений), четыре человека стали обладателями стипендий правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района (три – для обучения на бакалавриате, один – для годовой языковой стажировки).

3.2. Вклад в подготовку педагогических кадров

Известность НГУ и качества подготовки его выпускников-китаеведов привлекает также и преподавателей китайского языка других вузов пройти повышение квалификации именно в НГУ, а так как такие программы проходят на бесплатной основе благодаря финансированию китайской стороны, на краткосрочные курсы и семинары с участием приглашенных из Китая и китаеведческих центров России специалистов охотно приезжают преподаватели из других городов Сибири и Урала. Отметим, что в целях адаптации и совершенствования навыков работы преподавателей самого НОКЦИК нами проводятся установочные учебно-методические семинары для вновь пребывающих китайских преподавателей, регулярные отчетные встречи по результатам работы, организуются взаимопосещения занятий и анализ работы коллег, совместные товарищеские подготовки преподавателей к занятиям, опросы обучающихся для выявления их мнения о качестве оказываемых образовательных услуг и другие мероприятия.

Следует отметить, что в группах среднего и высокого уровня китайского языка НОКЦИК занимаются, в частности, старшекурсники и выпускники Новосибирского государственного педагогического университета профиля «иностранный язык» направления «педагогическое образование», причем программы дополнительного образования детей и взрослых новосибирских институтов Конфуция (второй действует при Новосибирском государственном техническом университете) для будущих учителей являются практически единственной возможностью поднять уровень своего владения китайским языком. Несколько лет с помощью китайских преподавателей проекта «Институт Конфуция НГУ» в кружковой форме китайский язык осваивали будущие педагоги самого младшего звена образования (дошкольного и начального общеобразовательного) – студенты Новосибирского педагогического колледжа № 1 им. А. С. Макаренко.

В данном обзоре мы не затрагиваем специально деятельность НОКЦИК, связанную с научной работой, однако следует отметить, что в рамках ежегодной научно-практической конференции НОКЦИК «Шелковый путь» постоянно действует секция по вопросам преподавания китайского и русского языков как иностранных⁶. В пятой конференции в 2019 г. приняли участие более 50 человек из 16 вузов и НИИ; шестая конференция прошла

⁶ Страница конференции на сайте НОКЦИК с публикацией программ и сборников материалов: <https://www.nsu.ru/n/chinese-center/research/silk-road-conf.php>.

в смешанном онлайн- и офлайн-формате осенью 2020 г. и позволила обменяться опытом более 70 специалистам из 28 учреждений России и Китая, при этом филологическая секция была самой массовой.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что при стабильном спросе на образовательные услуги научно-образовательного центра «Институт Конфуция» гуманитарного института НГУ по дополнительным образовательным программам для детей и взрослых значение проекта «Институт Конфуция НГУ» не ограничивается курсами китайского языка для всех желающих на платной основе при университете. *Во-первых*, проект способствует качественной подготовке по программам профессионального высшего образования – прежде всего в НГУ, а также в четырех вузах-партнерах, очевиден его вклад в укрепление позиций китайского языка как дисциплины нескольких направлений подготовки вузов Новосибирска, Барнаула, Горно-Алтайска. *Во-вторых*, помогает укреплению преподавания в довузовском звене и расширяет возможности подготовки кадров учителей китайского языка, получившего статус второго иностранного в общеобразовательной программе и в 2019 г. вошедшего в перечень возможных испытаний ЕГЭ. *В-третьих*, способствует включению студентов и преподавателей в стажировочные программы КНР, открывает для будущих специалистов возможность совершенствования языковой подготовки в Китае, налаживания научных связей в ходе учебы в китайской магистратуре, при участии в международных конференциях или личном знакомстве с китайскими лекторами. *В-четвертых*, активно обеспечивает реализацию культурно-гуманитарного сотрудничества ⁷ между РФ и КНР, стремится повышать уровень знакомства россиян с дружественным народом Китая и его культурой через мероприятия страноведческого характера. Благодаря ресурсам культурологического содержания, наличию научно-популярной литературы и талантам китайских преподавателей НОКЦИК помогает формировать китайские части временных выставок заинтересованным музеям, принимает участие в мероприятиях библиотек, старается откликнуться на инициативы других учреждений культуры и искусства, затрагивающих китайскую тематику, представляя одновременно и НГУ, и Сынцзянский университет, и международный проект «Институт Конфуция» в целом как мост понимания между народами.

Разумеется, не все обозначенные формы работы НОКЦИК, сетевое взаимодействие НГУ с другими российскими образовательными учреждениями в равной мере характерны для всех российских институтов Конфуция. В то же время в НГУ отсутствует важный элемент работы многих других институтов Конфуция, непосредственно связанный с обучением – функционирование центра приема международных экзаменов ⁸, а также, например, нет реализации образовательных программ по региональным госзаказам или специальных программ, ориентированных на корпоративных бизнес-клиентов. Тем не менее, обозначенные аспекты реализации проекта «Институт Конфуция НГУ» в области обучения китайскому языку, на наш взгляд, достаточны типичны и применимы для оценки вклада российских институтов Конфуция в современное развитие преподавания китайского языка в целом ⁹. Как и в других институтах Конфуция, весной 2020 г. в НГУ под лозунгом «Продолжение учебы при прекращении аудиторных занятий» (停课不停学) начали активно использовать методы преподавания китайского языка дистанционными методами. Это привело НОКЦИК к решению ускорить

⁷ Определение, цели и задачи, принципы и содержание международного культурно-гуманитарного сотрудничества России фиксирует документ «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (см.: Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/el/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/224550 (Дата обращения 15.01.2021)).

⁸ В Новосибирске экзаменационный центр действует при Новосибирском государственном техническом университете.

⁹ Ср., например, деятельность Школы (класса) Конфуция Российского государственного профессионально-педагогического университета: [Андрюхина и др., 2019].

освоение форм электронного обучения для реализации современной модели преподавания, которую можно обозначить как «Интернет + китайский язык».

Что касается перспектив, то центры Конфуция, пользуясь поддержкой китайских вузов и Фонда международного преподавания китайского языка, обладают потенциалом для реализации модели обучения «Китайский язык + лингвистическая специальность», которая, несомненно, со временем станет определяющей как в мире, так и в России. Авторы уверены, что институты Конфуция при обоюдной заинтересованности российской и китайской сторон сотрудничества будут продолжать вносить позитивный вклад в преподавание китайского языка в России.

孔子学院在俄罗斯中文教育中的作用 — 以新西伯利亚国立大学孔子学院为例

毕新惠、阿扎莲科·尤

提要: 随着中俄两国各领域合作的增加, “中文热”在俄罗斯持续升温, 为满足这一需求孔子学院的作用日益凸显。孔子学院(国际中文教育机构)是中外合作建立的非营利性教育机构, 俄罗斯目前有22所孔子学院/孔子课堂。每所孔院各具特色, 在帮助俄罗斯人民学习中文、了解中国文化, 促进中俄人文交流等方面砥砺前行。中文教育是孔院工作的重中之重。

本文以新西伯利亚国立大学孔子学院为例, 从三大层面全面介绍了孔院围绕中文教育所开展的各项工作: 1. 助力新西伯利亚国立大学的中文教育; 2. 满足当地居民的中文学习需求; 3.

扩大区域合作, 培训本土中文师资。在中国新疆大学的支持下, 新西伯利亚国立大学孔子学院联合俄罗斯多所高等和中等教育机构拓展中文教育的国际合作, 其工作成效很好地证明了孔子学院在俄罗斯中文教育中的积极作用。疫情下, 俄罗斯所有孔子学院“停课不停学”, 积极探索“互联网+汉语”的发展之路。我们相信, 在中俄双方的通力合作下, 孔子学院将持续为俄罗斯的中文教育作出应有的贡献。

关键词: 孔子学院, 新西伯利亚国立大学 合作共建, 俄罗斯中文教育

随着中俄两国各领域合作的增加, “中文热”在俄罗斯持续升温, 为满足这一需求孔子学院的作用日益凸显。孔子学院(国际中文教育机构)是中外合作建立的非营利性教育机构, 俄罗斯目前有22所孔子学院/孔子课堂。每所孔院各具特色, 在帮助俄罗斯人民学习中文、了解中国文化, 促进中俄人文交流等方面砥砺前行。中文教育是孔院工作的重中之重。新西伯利亚国立大学孔子学院的中文教育内容丰富、形式多样, 不仅助力新西伯利亚国立大学的中文人才培养, 对于本地区的其他教育机构而言, 同样不可或缺。

新西伯利亚国立大学孔子学院设立在新西伯利亚国立大学, 中国合作大学是新疆大学。其前身为新西伯利亚国立大学孔子课堂(2008年3月签约, 2011年被评为先进孔子课堂), 2018年7月升级为孔子学院。因孔子学院转隶需要, 2020年12月31日中国新疆大学和俄罗斯新西伯利亚国立大学签署了关于合作建设孔子学院的协议, 并获得了中国国际中文教育基金会关于使用孔子学院品牌的授权。

本文以新西伯利亚国立大学孔子学院(以下简称: 孔院)为例, 从以下三个方面介绍孔院围绕中文教育所开展的各项工作:

1. 助力新西伯利亚国立大学的中文教育

新西伯利亚国立大学的中文教育始于1970年, 是新西伯利亚高校中最早开始教授中文的一所大学。中文教育自成体系, 尤其是“东方学、非洲学”专业, 与俄罗斯其他大学相比,

对中文人才的培养有着更高的要求。孔院与人文学院相关系室保持长期紧密合作，承担部分中文必修课的教学任务，协助培养中文人才。新疆大学在孔院的中方师资派遣工作中发挥着重要的支撑作用。新疆大学每年会根据孔院的师资需求选拔有一定海外教学工作经验且优秀的汉语教师和志愿者派赴孔院工作。孔院为大学师生开设汉语培训班和文化课程。孔院有孔子学院总部赠送的较为丰富的汉语教材和图书，可供学生借阅。

此外，孔院教师还免费培训学生参加各类汉语比赛。学生成绩斐然，最为突出的是“汉语桥”比赛：2019年孔院一名选手在全俄大学生比赛中获得第五名。2020年孔院3名选手在大学生区级比赛中，囊括了第一、第二和第三名的好成绩。其中1人荣获全俄大学生比赛第1名，在第十九届“汉语桥”世界大学生中文比赛全球总决赛中，喜获“优秀网络人气奖”。

孔院每年邀请中俄专家学者来大学讲座。2019年有三位中国知名学者为大学师生做了精彩报告。

特别值得一提的是，中文教育离不开文化活动的相辅相成。孔院举办的各类文化活动，如：节日文艺晚会、各类中国文化体验课、展览活动等。这在很大程度上延伸了课堂教学内容，提升了学生的专业能力，更有助于学生乃至当地居民近距离地感受中国文化，形成对中国文化尊重和宽容的态度，进而加深对中国思维的理解。

2. 满足当地居民的中文学习需求

孔院位于新西伯利亚市科学城，为满足当地中文学习者的需求，孔院以补充教育的形式开设了各类中文兴趣班。孔院与当地中学积极开展合作，其中，与112中学的合作最为密切，该校汉语兴趣班学员为1-

4年级的所有学生，由孔院的中方教师授课。与其他中学的合作则依据各校需求，安排孔院中俄方教师协助开展汉语教学或文化活动。

3. 扩大区域合作，培训本土中文师资

3.1 加强孔院与俄罗斯高校的国际合作

与孔院保持密切合作的俄罗斯高校有4所，分别是：俄联邦总统国家行政学院分院——西伯利亚管理学院、新西伯利亚市新西伯利亚国立经管大学、阿尔泰国立大学（阿尔泰边疆区巴尔瑙尔市）和戈尔诺-

阿尔泰斯克国立大学（阿尔泰共和国）。按照与各校签订的合作协议孔院每年派遣志愿者教师前往任教，以满足各校汉语必修课和汉语中心兴趣班的师资需求。

孔院跨区域举办了各类文化活动，组织了各类汉语比赛，培训选手参加了相关汉语赛事，以赛促教，以赛促学。推荐了表现积极、成绩突出的学员参加“孔子学院夏令营”赴华项目和申请各类赴华奖学金项目，同时推荐了本土中文教师参加各种赴华交流实习项目。

主要竞赛有：中国诗歌朗诵比赛、中国书法大赛、“大学生中国影视配音大赛”、奥林匹克汉语竞赛（受新西伯利亚州教育厅委托）、优秀论文评选大赛（与新西伯利亚国立大学人文学院东方学系联合举办“大学生国际学术研讨会——汉语分场”，同时评选出优秀论文）。大型文化活动有：中国春节（元宵节）联欢会、全球孔子学院日等。

2019年孔院全年举办70余场精彩纷呈的文化活动。2020年因疫情限制，孔院举办了30余场线上线下活动。如：“武汉加油、中国加油”携手抗疫活动、线上中文日、孔院日、国庆中秋双节庆祝活动等。

2019年孔院学员共计1900余人，2020年受疫情影响，3月下旬开始孔院中文教学工作全部转为线上进行，中俄教师们积极应对这一变化，探索网络教学新途径、新方法，顺利完成了春季和秋季学期的中文教学工作。虽然因疫情、师资不足等各种原因导致孔院兴趣班人数锐减，但学员人数依然有1400余人。

2019孔院中方教师18人（其中，志愿者14人）。2020年由于暑期大部分中方教师和志愿者离任回国，秋季学期新的中方教师无法赴任，新疆大学出资安排了10名汉语国际教育专业的优秀本科生和研究生为孔院在俄的4所合作大学远程授课，她们按俄方大学要求完成了中文教学工作，确保了中方教师教学的连续性。

在奖学金工作方面，经孔院推荐，2019年获得孔子学院奖学金者共计19人（一学期5人；一学年10人；硕士4人），获得“新汉学计划”奖学金资助赴华攻读博士1人。2020年获得各类奖学金者共计19人，春季2人（国际中文教师奖学金，一学期），秋季17人，其中：5人获得中国政府奖学金资助赴华攻读硕士；8人国际中文教师奖学金（一学期1人；一学年6人，硕士1人），4人新疆政府奖学金（一学年1人；本科3人）。

3.2 培训本土中文师资，搭建学术研究平台

新西国立大学的知名度及其培训质量吸引了许多其他大学的本土中文老师选择这里接受中文培训。孔院举办的短期中文教师培训班和研讨会常常邀请中国和俄罗斯汉学中心的专家学者授课/讲座，西伯利亚和乌拉尔地区的老师们总是积极参加。孔院每学期定期组织教师集体备课、探讨教材教法，互相取长补短，增长教学技能。

孔院的国际学术暨实践研讨会已连续举办了六届，每届都设有汉俄语教学分会场，邀请来自俄罗斯各高校及研究机构的汉学家、汉俄语教师和来自中国高校的汉俄语专家学者参会交流。2019年参会嘉宾50余人，来自16所高校和研究机构。2020年秋孔院举办了线上线下相结合的学术会议，与会嘉宾70余人，来自28所高校和研究机构。

结语

孔院的重要作用在于：

1. 促进了高校高质量中文人才培养，为巩固中文在高校的学科地位做出了贡献。

2.

有助于加强中学的中文教学，增加了本土教师的中文培训机会。在中学的普通教育教学规划中汉语获得了第二外语的地位，2019年汉语被列入俄罗斯的高考科目。

3.

搭建了俄罗斯学生和教师参与赴华学习项目的平台，使他们有机会在中国提升语言水平，与中国学者建立科学联系。

4.

积极促进中俄文化和人文合作，通过举办和参与区域性活动提高居民的整体文化水平。孔院努力发挥桥梁作用，增进中俄两国人民的友谊。

当然，孔院的中文教育工作也存在着一些遗憾，如将要签署的汉考中心协议因疫情而推后、缺少汉语商务培训班等。尽管如此，我们认为，新西伯利亚国立大学孔子学院的工作成效还是很好地证明了孔子学院在俄罗斯中文教育中的积极作用。

疫情下，俄罗斯所有孔子学院“停课不停学”，积极探索“互联网+汉语”的发展之路。今后，在中国国际中文教育基金会和中方大学的支持下，“汉语+非语言专业”的人才培养模式将成为主导方向，在这一进程中孔子学院责无旁贷、任重道远。我们相信，在中俄双方的通力合作下，孔子学院将持续为俄罗斯的中文教育作出应有的贡献。

Список литературы

Андрюхина Л. М., Аксенова Л. П., Лыжин А. И., Чэн Мо. Опыт и перспективы интеграции академической науки и образования в деятельности школы Конфуция на Урале // Отеч. и заруб. педагогика. 2019. Т. 2, № 2 (64). С. 64–82.

Бай По. Э чжуаньцзя: элосы и ши шицзешан сюэси ханьюй жэньшу цзуйдоэ гоця [白波. 俄专家：俄罗斯已是世界上学习汉语人数最多的国家 // 北京日报]. Российский эксперт: Россия уже стала страной с наибольшим числом изучающих китайский язык в

мире // Бэйцзин жибао. 20 сент. 2019. На портале SINA.com. URL: <https://news.sina.com.cn/o/2019-09-20/doc-iicezueu7140299.shtml> (дата обращения 15.01.2021).

Ван Шо. Институт Конфуция и обучение китайскому языку за рубежом в контексте публичной дипломатии КНР // *Международ. отношения*. 2018. № 2. С. 90–97.

Гурулева Т. Л. «Мягкая сила» китайского образования в России // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 1. С. 4–5.

References

Andryukhina L. M., Aksenova L. P., Lyzhin A. I., Chen Mo. Opyt i perspektivy integratsii akademicheskoi nauki i obrazovaniya v deyatelnosti shkoly Konfutsiya na Urale [Experience and perspectives for integration of academic science and education in activity of Confucius School at Ural]. *Otechestvennaya i zarubejnaya pedagogika [Native and foreign pedagogy]*, 2019, vol. 2, no. 2, p. 64–82. (in Russ.)

Bai Po. E zhuanjia: Eluosi yi shi shijieshang xuexi hanyu renshu zuiduode guojia [白波. 俄专家：俄罗斯已是世界上学习汉语人数最多的国家 // 北京日报]. Russian expert: Russia is a country with the largest population studying Chinese, Beijing ribao, 2019, Sept., 20th. On the portal SINA.com (in Chin.) URL: <https://news.sina.com.cn/o/2019-09-20/doc-iicezueu7140299.shtml> (retrieved on 15.01.2021)

Guruleva T. L. “Myagkaya sila” kitaiskogo obrazovaniya v Rossii [“Soft power” of Chinese education in Russia]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia & Africa today]*, 2020, no. 1, p. 4–5. (in Russ.)

Wang Shuo. Institut Konfutsiya i obuchenie kitaiskomu yazyku za rubezhom v kontekste publichnoi diplomatii KNR [Confucius Institute and Chinese teaching abroad as a PRC public diplomacy]. *Mejdunarodnye otnosheniya [International Relations]*, 2018, no. 2, p. 90–97. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
15.12.2020*

Сведения об авторах

Би Синьхуэй, доцент Синьцзянского университета, старший преподаватель Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция», руководитель проекта «Институт Конфуция НГУ» с китайской стороны (Новосибирск, Россия)

bixinhui 27@163.com

Азаренко Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры востоковедения, директор научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция» (Новосибирск, Россия)

ci@nsu.ru

Information about the Authors

Bi Xinhui, Assistant Professor of Xinjiang University, Chinese director of “Confucius Institute at NSU” project (Novosibirsk, Russian Federation; Urumchi, People’s Republic of China)

bixinhui 27@163.com

Iuliia A. Azarenko, senior teacher of the Chair of Oriental Studies, director of Research, Educational and Cultural Center “Confucius Institute” at the Institute for Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

ci@nsu.ru

УДК 37.011.33:81

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-187-194

“一带一路”倡议背景下中国新疆高校外语教育发展路径探索 单雪梅

新疆大学
中国新疆乌鲁木齐市

摘要

二十一世纪最重要的竞争是人才的竞争。如何助力国家发展方略，助力构建人类命运共同体的宏愿，培养契合国家长远发展目标和宏愿的人才是中国高等教育面临的重要使命和任务。“一带一路”倡议是沿线国家和地区分享中国经验、中国智慧以及中国改革开放红利的途径之一。核心区建设、西部大开发建设实施以及向西开放的通道建设对契合区域发展的外语人才需求不断攀升，给中国新疆高校外语教育带来了机遇与挑战。

新疆高校外语人才培养必须融入国家高等教育国际化大局，与国家对人才能需要紧密结合，聚焦立德树人根本任务，维护并服务新疆社会稳定和长治久安总目标，立足长远发展。发展路径一是紧跟教育部工作任务要求，谋划教育国际化发展。二是深刻认识高等教育国际化面临的机遇和挑战，重点用力。三是充分发挥已有国际合作联系，立足已有国际合作平台，探索教师发展、人才培养、科学研究和文化交流等发展潜能，赋能中俄高校外语人才培养，提升双方的服务“一带一路”建设能力。

关键词

“一带一路”倡议；高校外语教育；发展路径

基金项目

本研究为国家社科基金项目“提升面向‘一带一路’涉疆对外传播能力研究”
(批准号 20XXW006) 阶段性成果。

Route of Development of Foreign Language Education in Universities in Xinjiang, China in the Context of the Belt and Road Initiative

Shan Xuemei

*Xinjiang University
Urumchi, China*

Abstract

The most important competition of the 21st century is that of talents. How to make higher education and the cultivation of talents contribute to the long-term national development agenda and the construction of a community of a shared future for mankind is a significant task and mission of higher education in China. The Belt and Road Initiative is one of the means to share the Chinese experiences, Chinese wisdom and bonus of reform and opening-up. Construction of the core area of the Silk Road Economic Belt and the implementation of the Open Up West Program call for talents to

© Шань Сюэмэй, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies

contribute to the regional development. It has brought both opportunities and challenges to foreign language education in universities and colleges in Xinjiang. The cultivation of talents in foreign language education must integrate into the scope of internationalization in national higher education and meet its expectations of talents by focusing on fostering character and civic virtue, maintaining and serving regional social stability and long-term security and pursuing development in the long run. The tripartite route of development is as follows. Firstly, it is expected to design and carry out the tasks and agenda in line with China's Ministry of Education's concern of internationalization in higher education. Secondly, it is vital to focus on important aspects with a deep awareness of opportunities and challenges of internationalization. Thirdly, it is of practical significance to explore various potentials of development through Sino-Russian cooperation in faculty training and development, cultivation of talents, scientific research and cultural exchange with the help of platforms of cooperation in operation. With the joint efforts of both parties, there is hope that the cultivation of talents in foreign language education will bolster mutual capabilities in serving the Belt and Road Initiative.

Keywords

the Belt and Road Initiative, foreign language education in universities and colleges, route of development

Acknowledgements

This research is funded by China's National Social Science Foundation Program "Research on Promoting Xinjiang-related International Communication Capabilities in the Context of the Belt and Road Initiative" (20XXW006)

For citation

Shan Xuemei. Route of Development of Foreign Language Education in Universities in Xinjiang, China in the Context of the Belt and Road Initiative. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 187–194. (in Chin.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-187-194

Пути развития обучения иностранным языкам в университетах Синьцзяна, Китай, в контексте инициативы «Один пояс, один путь»

Шань Сюэмэй

Синьцзянский университет

Урумчи, КНР

*Аннотация*¹

Наиболее острое соперничество в XXI веке разворачивается в области выявления талантов, подготовки и использования высококвалифицированных специалистов. Важной миссией и целями китайского высшего образования является содействие государственной стратегии развития, содействие реализации мечты построения сообщества единой судьбы человечества, воспитание кадров, способных выполнить задачи долгосрочного развития страны. Для использования благоприятных возможностей 14-й «пяtilетки» и с учетом особенностей современного развития Коммунистическая партия Китая выдвинула цель интенсивного формирования новой архитектуры экономического развития с внутренней циркуляцией в своей основе и взаимодействием внутренней и внешней циркуляций. При этом крайне важным является активное развитие высшего образования для расширения пространства международных контактов и наполнения механизма развития внешней циркуляции богатой жизненной силой². Синьцзян – важный район Китая, обладающий в развитии международных обменов в сфере образования территориальными преимуществами. Со времени выдвижения Генеральным секретарем Си Цзиньпином в 2013 г. во время визита в Казахстан инициативы «Один пояс, один путь» правительство Китая, исходя из высоких устремлений к построению сообщества единой судьбы человечества, используя богатый опыт функционирования древнего сухопутного Великого Шелкового пути, утвердило Синьцзян в качестве ключевой зоны экономического пояса Шелкового пути и, претворяя в жизнь план «пяти

¹ Перевод с кит. по авторской рукописи выполнила Ю. А. Азаренко.

² О концепции двойной циркуляции см.: Муди Э. Двойная циркуляция // Рос. газета. 28 дек. 2020. № 295 (8349): Спецвыпуск. URL: <https://rg.ru/2020/12/28/strategiia-dvoynoj-cirkuliacii-pomozhet-knr-dostich-dolgosrochnyh-celej.html> (дата обращения 20.02.2021). – *Прим. пер.*

коммуникаций», направило усилия на создание здесь крупнейшего транспортного узла, центра коммерческой логистики, центра культуры, науки и образования, центра медицинского обслуживания и регионального центра финансовых услуг. Синьцзян ныне играет видную роль в государственном развитии и международных контактах. С учетом этого при подготовке в местных вузах кадров со знанием иностранных языков следует не только думать об удовлетворении потребности в кадрах собственно территории Синьцзяна, но еще более – о кадровом обеспечении нужд государства в целом. Другими словами, уровни высшего профессионального образования и его планирование должны отвечать планам государственного строительства и развития, построения сообщества единой судьбы, и нельзя недооценивать необходимость адаптации высшего образования к этим условиям и практическую направленность. Подготовка в Синьцзяне кадров со знанием иностранных языков отвечает требованиям экономического развития и социального прогресса. В настоящее время основные проблемы включают недостаточное разнообразие преподаваемых иностранных языков, недостаточный учет местных условий при обучении иностранным языкам, нехватку педагогических кадров, дисбаланс с обучением иностранным языкам на уровне общего образования и др. Изучение процессов в образовании показало, что обучение иностранным языкам в Синьцзяне актуализировалось в связи с новыми потребностями в развитии государства. Но еще требуют исследования вопросы тенденций развития обучения иностранным языкам, его относительный уровень и занимаемое в системе высшего образования место. Актуальные потребности корректируются в ходе воплощения инициативы «Один пояс, один путь» и, будучи органически связаны с потребностями в подготовке кадров, усиливают спрос на специалистов со знанием иностранных языков. Подготовка высококвалифицированных кадров со знанием иностранных языков в Синьцзяне, входя в структуру государственного высшего образования, должна строиться в долгосрочной перспективе с учетом интересов государства, обеспечивать воспитание высокоморальных граждан, служить цели сохранения социальной стабильности и развития Синьцзяна. Вузы Синьцзяна, в которых ведется преподавание иностранных языков, всегда поддерживали прочные связи с вузами окружающих стран, особенно с российскими коллегами. Перед лицом требований новой эпохи стороны международного сотрудничества должны совместными усилиями приближать воплощение мечты о построении сообщества единой судьбы человечества. Выбор пути развития должен отвечать задачам, определяемым правительством, следует использовать возможности и вызовы интернационализации высшего образования, на основе имеющейся платформы международного сотрудничества раскрывать его ранее не выявленный потенциал, совершенствовать модели совместной международной подготовки специалистов. Во-первых, планировать интернационализацию образования в соответствии с установками министерства образования. Во-вторых – глубоко изучать международное образование, чтобы концентрировать усилия на использовании существующих возможностей и преодолении возникающих вызовов. В-третьих – интенсифицировать сотрудничество по уже налаженным каналам, усиливая взаимодействие, выявлять перспективные направления и расширять содержание сотрудничества. Для Китая инициатива «Один пояс, один путь» – один из способов поделиться со странами, включенными в зону ее влияния, своим опытом, накопленной мудростью и приобретениями от политики реформ и открытости. Вузы Синьцзяна, исполняя важные задачи, поставленные перед ними Инициативой, остро нуждаются в сотрудничестве с университетами других стран, в поддержке зарубежных вузов, в том числе Новосибирского государственного университета. Путем поиска возможностей совместного развития преподавателей, подготовки талантливых выпускников, обменов в научной и культурной сферах мы сможем вывести обучение иностранным языкам в Китае и России на новый уровень, сделав еще более значимым вклад обеих сторон в реализацию идеалов «Одного пояса, одного пути».

Ключевые слова

инициатива «Один пояс, один путь», сотрудничество в высшем образовании в преподавании иностранных языков; пути развития

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Национального фонда общественных наук Китая по программе «Изучение возможностей международной коммуникации, связанной с продвижением Синьцзяна в контексте инициативы «Один пояс, один путь» (20XXW006).

Для цитирования

Шань Сюэмэй. Пути развития обучения иностранным языкам в университетах Синьцзяна, Китай, в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 187–194. (на кит. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-194

一、引言

二十一世纪最重要的竞争是人才的竞争。如何助力国家发展方略，助力构建人类命运共同体的宏愿，培养契合国家长远发展目标和宏愿的人才是中国高等教育面临的重要使命和任务。2021年是中国第十四个五年计划（简称“十四五”）的开局之年。中国共产党审时度势，在十九届五中全会上提出“要加快构建以国内大循环为主体、国内国际双循环相互促进的新发展格局。”这一格局引导中国高等学校服务国家需求、区域经济协同和本地高质量发展需求，实行高水平对外开放，开拓教育国际交流与合作的新局面[钟秉林，2021]。纵览“十四五”中国高等教育发展与改革任务关键任务，“提高高等教育质量，提升在世界高等教育体系中的竞争力与吸引力”是其中最重要的任务之一[钟秉林，2021]。“十八大”以来，中国高等教育发展势头强劲，“双一流”建设聚焦聚力，职业教育布局契合发展需求，已经初步形成集群发展的态势。在此背景下，面对“十四五”发展机遇，“积极开拓高等教育更加广阔的国际交流空间，建立更富有活力的外循环发展机制”[陈平原，2020]至关重要。以上信息表明，高等教育服务区域发展并向国际交流空间延伸，其重要性不言而喻。

中国新疆占据了全国六分之一疆域面积，与八个国家接壤，是依托区域优势开展国际教育交流的重要省区，具有特殊重要的区位优势和特点，一直以来深受国家重视和国际社会关注。自2013年习近平总书记在哈萨克斯坦访问时提出“一带一路”倡议以来，中国政府本着构建人类命运共同体的宏愿，充分利用历史悠久的陆上丝绸之路的丰富经验，将新疆设定为丝绸之路经济带核心区，以实际行动践行“五通”，着力打造交通枢纽中心、商贸物流中心、文化科教中心、医疗服务中心和区域金融服务中心，新疆在国家发展和国际作用发挥方面扮演着重要角色。在这一背景下考察新疆高等学校外语人才培养，不仅要着眼于满足本地区人才培养需要，更应该着眼于服务国家需求。换言之，新疆高校外语教育层次和布局应与国家建设与发展、人类命运共同体构建紧密相连，并相适应，现实意义不容小觑。

二、当前外语人才培养中存在的不足及对策综述

本着问题导向原则，结合人才培养区域定位，考察人才培养现状极为必要。搜索中国知网数据库可见，新疆外语人才培养相关资料分别聚焦语言规划与国家安全、“一带一路”建设与外语人才培养、民族外语教育等方面。

语言规划与国家安全及国际交流密切相关。从外语人才培养的语种层面出发，2013年以来，新疆高校开设的外语语种在相对传统的俄语、英语、日语语种之外，新增阿拉伯语、乌尔都语、波斯语、法语等语种，试图对接国家和地区需要加强建设。文秋芳[2016]认为，要加强非通用小语种建设，处理好国家需求、学生个人发展与语言学习规律三要素的关系，双向考虑“一带一路”语言人才培养的多元化途径。李成[2020]认为要以社会主义核心价值观为引领，以“课程思政”建设为抓手，服务“一带一路”倡议，构建新疆从基础外语教育到高等外语教育的文化安全生态体系成为服务国家战略，维护国家文化安全、国家意识形态和主流价值观安全的时代课题。贾春燕[2018]基于国家安全视角，从新疆高校外语教育能力和适应新疆地方经济发展所需的外语需求两个维度，梳理区域发展中潜在的语言能力缺失问题，对新疆高校的外语规划提出了具体的对策和建议。刘微[2010]认为新疆的稳定和发展与国家安全由诸多因素共同作用构成一体。具备多种语言能力，是增强国际竞争力、促进国际交流、保障国家安全的一个基本要素。

作为国家“一带一路”倡议实施的前沿区域，新疆外语人才培养对区域经济建设与国家发展作用重大。需要大力发展外语教育，以利于增加与周边国家的对话机会，同其开展全方

位的合作。张健[2020]以“一带一路”倡议为基础，立足区域经济对外语人才需求，选取外语专业设置比较有特色的新疆大学、新疆师范大学、石河子大学、喀什大学、伊犁师范大学等高校，借鉴国内外多元化外语教育政策研究和教育实践，提出多元化外语教育实施的建议。李艳飞[2019]阐述了面向“丝绸之路经济带”中亚、南亚沿线国家语言需求，提出规划新疆南疆地区高校外语教育的路径。苏珊珊等[2017]认为需要大力发展外语教育，以利于增加与周边国家的对话机会，同其开展全方位的合作。增加外语语种、因地制宜开展外语教育、加大师资队伍建设的力度就成为满足当前需求和解决现实问题的必要策略。蔡志全，赵红霞[2016]认为在当今全球区域经济一体化，尤其是在“一带一路”战略背景下，我国现有的外语教育政策已无法满足社会对外语人才培养的实际需求，制定和实行区域性多元外语教育政策尤为必要。

与此同时，受到经济和社会条件制约，外语人才培养存在南北疆差异和城乡差异。张志伟[2017]提出应关注民族外语教育，制定个性化外语教学模式，进一步提高外语教学质量；民族学生应该改变对外语培训班的依赖，教育部门不应忽视对校外外语教育的监管。有学者从历史脉络、跨文化教育的区域性特征、文化生态环境等角度开展研究。牟新慧[2013]关注民国时期新疆外语教育研究。当时新疆外语教育发展经历了初步发展、繁荣和曲折发展三个阶段，为新中国成立后新疆外语教育发展奠定了基础。杨蓉[2013]从跨文化教育区域性特征出发，研究新疆高校外语学科发展。跨文化教育是国际教育发展的新趋向，我国跨文化教育呈现区域性特征。民族结构和地缘环境决定了新疆跨文化教育的区域特殊性，也赋予新疆外语人才多元化的跨文化结构。因此，必须构建对内弘扬中华文化、对外涵盖周边国家文化的双向文化认知体系，强化培养外语人才的国家意识、公民意识和国际意识，建设具有区域特色的外语学科跨文化教育机制。

以上综述表明，长期以来，新疆外语人才培养立足服务经济建设发展和社会进步，作出了积极贡献。目前存在的问题主要包括开设外语种类少，外语教育不能因地制宜，师资力量相对薄弱，外语基础教育不平衡等。文献表明，新疆外语教育发展迫切需求呼应了国家发展需求。如何凸显新疆外语教育发展的趋势、相对水平和所处位置，还存在研究不足之处。随着“一带一路”倡议的推进，迫切需要与时俱进，有机对接人才培养需求，增强外语人才培养力度。

三、发展路径思考

新时期，新使命。新疆高校外语人才培养必须融入国家高等教育国际化大局，与国家对人才能需要紧密结合，聚焦立德树人根本任务，维护并服务新疆社会稳定和长治久安总目标，立足长远发展。一直以来，新疆高校外语人才培养单位与周边国家，尤其是俄罗斯高校同行保持着较为密切的联系。面对新时代新要求，双方应协同努力，为助力人类命运共同体建设做出积极贡献。发展路径要紧密结合教育部工作任务要求，把握高等教育国际化的机遇与挑战，立足已有国际合作平台，探究挖潜，赋能国际化人才培养。

一是紧跟教育部工作任务要求，谋划教育国际化发展。

中华人民共和国教育部陈宝生部长在2021年1月7日召开的全国教育工作会议上总结2020年疫情期间的工作成绩，指出“面对严峻复杂形势，保持战略定力，坚持以开放的主动性对冲外部环境的不确定性，出台加快和扩大新时代教育对外开放文件，打造开放高地，扩大国际空间。”陈部长提出面对六新，把握好“六个局”，即大局、变局、格局、开局、布局、破局。“六个局”为新时代做好教育工作提出重要指导，对开展工作具有重要的启迪。教育

部 2021 年工作任务中明确列出推进高水平教育对外开放为主要工作任务之一，具体包括出台《共建“一带一路”教育行动工作计划（2021—2025）》等举措。

以上信息表明，从顶层设计和政策支持层面，打破惯性，提出破局举措，扩大国际空间，意味着为推进国际教育交流提供必要支持。基于需求和具有可操作性的《工作计划》一经出台，必要需要“一带一路”沿线国家积极响应，共谋发展，所以非常值得期待。

二是深刻认识高等教育国际化面临的机遇和挑战，重点用力。

结合新时代高等教育的国际化推进工作，钟秉林提出了三条建议，“第一，探索教育国际交流与合作的新形式，拓展教育国际交流与合作的新领域。第二，发挥信息技术优势，主动探索高等教育‘在地国际化’。第三，提高来华留学生教育质量。”[钟秉林，2021-01-13]以上三点建议的细化内容值得中俄双方高等教育人士共同思考。中俄双方可以结合各自发展期待开展有效沟通与合作。通过国家留学基金委项目引导师资队伍学历提升和人才培养多元化发展，通过校级协议推进高校科研合作项目实施，通过文化周等人文交流项目等密切双方师生交流沟通。

三是充分发挥已有国际合作联系，加强沟通交流，注入新内容，探究新发展潜能。新疆大学是“双一流”建设高校。对接外语教育，俄语专业具有悠久的历史，与俄罗斯高校有较为密切的联系；英语专业发展稳定。2019 年新疆大学俄语专业获批国家一流本科专业，2020 年英语专业获批自治区一流本科专业，新疆两所高校获批大学英语国家一流课程。为了有效拓展人才培养的深度和广度，一方面，我们希望继续加强与新西伯利亚高校联合体的业务联系，延续与新西伯利亚国立大学等高校开展的“2+1+1”俄语人才跨国培养模式，力求优化培养方案。另一方面，我们希望借助于新西伯利亚孔子学院和新疆大学俄语中心等平台的大力支持，推进优秀中华文化和俄罗斯文化的交流与合作项目落地落实，共同助力人类命运共同体建设。

四、结语

“一带一路”倡议是沿线国家和地区分享中国经验、中国智慧以及中国改革开放红利的途径之一。中国和俄罗斯作为“一带一路”建设重要的国家，在事关国家和地区稳定和发展方面比肩而立，相互支持。用习近平总书记在博鳌亚洲论坛 2013 年年会主旨演讲和联合国教科文组织总部演讲中两次提及的诗歌来说，“一花独放不是春，百花齐放花满园。”新疆高校培养肩负为国育才、为“一带一路”建设育才的重要任务，迫切需要国外高校，如新西伯利亚国立大学等高校的支持和合作。让我们通过探索教师发展、人才培养、科学研究和文化交流等发展潜能，赋能中俄高校外语培养，提升双方的服务“一带一路”建设能力。

参考文献

- 蔡志全、赵红霞。“一带一路”背景下新疆外语教育政策面临的挑战与变革 // 中国大学教学，2016 年第 1 期，第 54-61 页。
- 陈平原。中国大学“双循环”的必要性与可行性：《世界变局与教育未来》学术论坛主旨演讲。北京大学教育学院，2020 年 11 月 1 日。见：爱思想网站 URL：<http://www.aisixiang.com/data/124820.html> (retrived on 05.01.2021)。
- 贾春燕。国家安全视角下新疆高校外语规划研究 // 外国语言与文化，2018 年第 4 期，第 137-145 页。
- 李成。新时代国家文化安全视域下的新疆研究生公共外语教育规划思考 // 乌鲁木齐职业大学学报，2020 年第 3 期，第 52-55 页。

- 李艳飞。“一带一路”倡议下新疆南疆地区高校外语教育规划研究 // 西部素质教育, 2019 年第 20 期, 第 1–4 页。
- 刘微。外语语言教育与新疆稳定和国家安全的思考 // 新疆教育学院学报, 2010 年第 26 卷第 1 期, 第 115–117 页。
- 牟新慧。民国时期新疆外语教育研究 // 新疆地方志, 2013 年第 3 期, 第 47–51 页。
- 苏珊珊、田海洋。“一带一路”战略与新疆高校外语教育创新——基于“开放型经济”对高校教育影响之探索 // 伊犁师范学院学报(社会科学版), 2017 年第 36 卷第 2 期, 第 123–126 页。
- 文秋芳。“一带一路”语言人才的培养 // 语言战略研究, 2016 年第 1 卷第 2 期, 26–32 页。
- 杨蓉。新疆高校外语学科跨文化教育的区域性特征 // 民族教育研究, 2013 年第 24 卷第 4 期, 第 40–43 页。
- 张健。“一带一路”倡议下新疆高校外语教育多元化发展策略研究 // 教师教育论坛, 2020 年第 33 卷第 7 期, 79–81+86 页。
- 张志伟。新疆少数民族外语教育现状、问题及对策 // 才智, 2017 年第 10 期, 132–133 页。
- 钟秉林。“十四五”期间我国高等教育发展的基础与关键 // 河北师范大学学报, 教育科学版, 2021 年第 1 期, 第 1–8 页。

References

- Cai Zhiqian, Zhao Hongxia.** Challenges and Reform Concerning Foreign Language Education Policy in Xinjiang in the Context of the Belt and Road Initiative. *China University Teaching*, 2016, no. 1, p. 54–61. (in Chin.)
- Chen Pingyuan.** The Necessity and Feasibility of Dual Circulation of Universities in China: Keynote Speech at forum of Peking University Nov. 1, 2020. (in Chin.) URL: <http://www.aisixiang.com/data/124820.html>
- Jia Chunyan.** Research on Foreign Language Education at Universities in Xinjiang in the Context of National Security. *Foreign Language and Culture*, 2018, no. 2 (4), p. 137–145. (in Chin.)
- Li Cheng.** Reflections on the Planning of Public Foreign Language Education for Graduate Students in Xinjiang from the Perspective of National Cultural Security in the New Era. *Journal of Urumqi Vocational University*, 2020, no. 29 (3), p. 52–55. (in Chin.)
- Li Yanfei.** A Study of Xinjiang Higher Education Language Planning from the Perspective of National Security. *Western China Quality Education*, 2019, no. 5 (20), p. 1–4. (in Chin.)
- Liu Wei.** Foreign Language Education and Stability in Xinjiang and National Security. *Journal of Xinjiang Education Institute*, 2010, no. 26 (01), p. 115–117. (in Chin.)
- Mu Xinhui.** Research on Foreign Language Education in Xinjiang During the Period of the Republic of China. *Xinjiang Chorography*, 2013, no. 3, p. 47–51. (in Chin.)
- Su Shanshan, Tian Haiyang.** The Belt and Road Initiative and Innovation in Foreign Language Education in the Sector of Higher Education in Xinjiang: An Exploration Based on the Effects of Open Economy on Higher Education. *Journal of Yili Normal University*, 2017, no. 36 (2), p. 123–126. (in Chin.)
- Wen Qiufang.** Producing Language-qualified Personnel for “the Belt and Road Initiative”. *Chinese Journal of Language Policy and Planning*, 2016, no. 1 (2), p. 26–32. (in Chin.)
- Yang Rong.** Regional Characteristics of Intercultural Education of Foreign Language Disciplines in Universities of Xinjiang. *Journal of Research on Education for Ethnic Minorities*, 2013, no. 24 (04), p. 40–43. (in Chin.)
- Zhang Jian.** A Study on Diversified Development Strategies of Foreign Language Education in Xinjiang Universities Based on the Belt and Road Initiative. *Teacher Education Forum*, 2020, no. 33 (7), p. 79–81, 86. (in Chin.)
- Zhang Zhiwei.** Condition, Problems and Methods of Foreign Language Education of Ethnic Minorities in Xinjiang. *Intelligence*, 2017, no. 10, p. 132–133. (in Chin.)

Zhong Binglin. The Basis and Key of the Development of Higher Education in China during the Fourteenth “Five Year Plan” Period. *Journal of Hebei Normal University (Educational Science Edition)*, 2021, no. 1, p. 1–8. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

23.02.2021

作者简介

单雪梅，博士，教授，博士生导师，新疆大学外国语学院院长。

Сведения об авторе

Шань Сюэмэй, доктор наук, профессор, руководитель докторантов, директор Института иностранных языков Синьцзянского университета
748903496@qq.com

Information about the Author

Shan Xuemei, PhD, Professor, Doctoral Adviser, Dean of College of Foreign Languages at Xinjiang University
748903496@qq.com

УДК 94(510).093

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-195-199

Китай: год испытаний

Рецензия на книгу:

Маслов А. А. Китай 2020: пандемия, общество

и глобальные альтернативы. М.: РИПОЛ классик, 2020. 368 с.

Е. Э. Войтишек¹, С. А. Комиссаров^{1,2}

¹ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлен краткий отзыв на новую книгу А. А. Маслова, в которой через изучение борьбы с пандемией коронавируса в Китае дан исчерпывающий обзор социально-экономической обстановки в стране; проанализированы причины победы китайского общества и его политических структур в борьбе с эпидемией; представлены современные альтернативы глобализации. Отдельно в книге рассмотрена ситуация в Гонконге, поскольку она является глубочайшим социально-политическим вызовом в истории КНР. В рецензии дается высокая оценка монографии профессора А. А. Маслова, которая представляет большой интерес и для специалистов, и для массового читателя.

Ключевые слова

пандемия коронавируса, экономика Китая, кризис глобализма, проблема интегрирования Гонконга

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Комиссаров С. А. Китай: год испытаний. Рец. на кн.: Маслов А. А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы. М.: РИПОЛ классик, 2020. 368 с. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 195–199. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-195-199

China: A Year of Trials

Review of the Book:

A. A. Maslov. ‘China 2020: the pandemic, society and global alternatives’,

Moscow, RIPOL classic, 2020, 368 p.

E. E. Voytishchek¹, S. A. Komissarov^{1,2}

¹ *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The publication presents a brief review of the new book by A. A. Maslov. Through the investigation of the struggle against COVID-19 in China, the author provides a comprehensive picture of the social-economic situation in the country, analyzes the reasons for the victory over the pandemic by Chinese society and its political structures, as well

as modern alternatives for globalization. The book specially introduces the situation in Hong Kong as it represents the deepest social-political challenge in the history of the PRC. Highly commended by the reviewers, the new monograph by Professor Maslov will be of great interest not only for specialists, but for a broad range of readers too.

Keywords

pandemic of COVID-19, economy of China, crisis of globalization, integration issue for Hong Kong

For citation

Voytishchek E. E., Komissarov S. A. China: A Year of Trails. Rev.: A. A. Maslov. China 2020: Pandemic, Society and Global Alternatives. Moscow, RIPOL classic, 2020. 368 p.. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 195–199. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-195-199

Каждый пишущий на китайские темы подвергается двум опасностям. Первая из них, нередко наступающая профессиональных китаеведов, заключается в зачарованности богатейшей древней культурой Китая или в восхищенной апологетике всего китайского. Вторая опасность грозит, в первую очередь, политикам и публицистам, у которых могучая поступь стремительно развивающегося Китая вызывает отнюдь не восхищение, а чувство опасности и тревоги, что приводит к неоправданному алармизму, если не к синофобии.

Однако ни одна из указанных крайностей не коснулась работ А. А. Маслова. Будучи не просто знатоком, но и в определенном смысле носителем китайской традиции (в качестве мастера Ши Синьина), он много пишет о различных аспектах «мистической силы» традиционной культуры, одновременно уделяя немалое внимание публицистике, активно обсуждает с российских позиций самые жгучие проблемы современности, связанные с Китаем. При этом он не отступает от принципа научной объективности, что делает его труды исключительно востребованными как в той, так и в другой сфере.

Новая книга профессора А. А. Маслова посвящена осмыслению событий 2020 г. Автор скромно упоминает о том, что она основана на серии публицистических и аналитических материалов, с которыми он выступал в течение года в российских и зарубежных СМИ. Добавим, что эти статьи и лекции были существенно переработаны в рамках единого подхода, а сформулированные в них выводы подкреплены многочисленными статистическими выкладками.

Таким образом, в нашем распоряжении – не просто сборник статей, а завершенное монографическое исследование. Оно обладает четкой структурой, объемный материал изложен в шести главах в соответствии с заданной логикой исследования, подразумевающей анализ политической и экономической ситуации в Китае накануне коронавирусной атаки, а также способов мобилизации всех основных систем жизнеобеспечения общества в начале эпидемии и во время последующих волн ее распространения.

Особое внимание уделено изучению состояния китайской экономики по ключевым отраслям, включая сельское хозяйство, энергетику, машиностроение, автомобильную промышленность, наукоемкие производства, транспорт, торговлю, туризм; при этом сопоставление отраслевых показателей с макроэкономическими характеристиками позволяет осуществлять взаимную критику источников, повышая надежность использованной статистики. Автор показывает на различных примерах (включая описание таких социальных экспериментов, как купоны на товары и «коды здоровья»), каким образом в условиях кризисной ситуации китайское руководство осуществляло эффективное управление, позволившее государству в кратчайшие сроки успешно справиться с «вирусно-экономическим ударом».

Китай вышел из ожесточенной борьбы с коронавирусом с не самыми тяжелыми потерями в людях: 101421 заболевший (из общего числа 120227839 для всего мира) и 4839 умерших (из общего числа смертей в 2660721); по последнему показателю огромный Китай уступает таким не самым большим странам, как Иордания и Ливан ¹. Динамика ковид-контроля

¹ Для большей строгости мы брали данные с сайта авторитетного Центра системных наук и инжиниринга при Университете Хопкинса (г. Балтимор, США). Цифры эти незначительно выше официальных. См.: COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). 15.01.2021. URL: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6> (дата обращения 15.01.2021).

в 2021 г. подтверждает вполне благополучную ситуацию в стране: ни одного умершего с начала года, а фиксируемые случаи заболевания (в пределах нескольких десятков человек в день) связаны с приехавшими из-за рубежа². Поэтому Китай не спешит открывать границы и использует вынужденную изоляцию для системной перестройки народного хозяйства.

Профессор А. А. Маслов неоднократно подчеркивает в книге, что комплекс мер, предложенный китайским правительством, включал, прежде всего, финансовое стимулирование и политику налоговых льгот, приоритетную поддержку государственного сектора, существенные льготы для мелкого и среднего бизнеса. При этом определяющее значение имело использование достижений искусственного интеллекта и новых технологий, которые позволили реализовать надежную онлайн-работу бизнеса, торговли, медицинского обслуживания, организацию общественного питания, обучения на среднем и высшем уровнях образования.

Важной темой, затронутой в монографии, оказывается проблематика, связанная с противостоянием Китая и США в области экономического и политического развития, соперничества в прорывных технологиях и торговых войнах. Автор обращает при этом внимание на то, что международное соперничество в настоящий момент ярко проявляется и в так называемой масочной дипломатии, а также конкуренции по поводу производства и внедрения надежной противовирусной вакцины.

Продолжаются атаки и на инициативу «Один пояс, один путь», с помощью которой Китай стремится «создать собственный макроэкономический регион» (с. 134)³. После определенного спада в 2019 г. она вновь вступила в полную силу, и только за первый квартал 2020 г. количество финансируемых объектов в странах-участниках инициативы увеличилось на 22 % (с. 144). Учитывая злобу дня, китайское правительство предложило дополнительно новый проект: Шелковый путь здоровья для свободного обмена информацией и продуктами по лечению и профилактике тяжелых заболеваний, прежде всего коронавируса – и тут же было подвергнуто критике со стороны так называемых экспертов⁴. Однако в данном случае гуманитарный характер проекта и явные выгоды для стран-участниц очевидны, поэтому масштабную «кампанию против» организовать не удалось.

Книга завершается размышлениями автора в жанре эссе на тему роли китайской цивилизации в мире, ее места в Азиатском сообществе, стратегии и тактике отношений с Россией. Доверительные интонации этого раздела, тем не менее, как и в других главах, подкреплены убедительной аналитикой большого количества источников на китайском, английском и русском языках, авторитетными материалами, почерпнутыми с официальных сайтов министерств и ведомств КНР, мировых информационных ресурсов и агентств, экспертно-аналитических центров, а также различных информационных и статических баз.

Основные выводы из внушительного корпуса материалов, тщательно проработанных автором исследования, состоят в том, что Китаю в целом удалось выйти из кризисной ситуации «без серьезных волнений и политических потрясений», что «свидетельствует об устойчивости и успешности экономической и политической системы страны» (с. 349). Те социальные и технологические завоевания, которые Китай активно внедрял в период острой борьбы с пандемией (ускоренный переход на онлайн-управление бизнес-процессами, телемедицина, дистанционный заказ и доставка продуктов), вполне очевидно окажутся эффективными и в дальнейшем. Автор убедительно доказывает, что в настоящее время Китай в глазах всего мира перестает быть просто «мировой фабрикой» по производству товаров, а выходит на производство высоких технологий «за счет различных форм стимулирования», завоевывает

² Tracking the Epidemic // China CDC Weekly. 14.01.2021. URL: <http://weekly.chinacdc.cn/news/TrackingtheEpidemic.htm> (дата обращения 14.01.2021).

³ Здесь и далее в круглых скобках указывается ссылка на страницы рецензируемой книги.

⁴ См., например: Brînză A. Some say China's Belt and Road helped create this Pandemic. Can it prevent the next one // The Diplomat (on-line edition). 02.04.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/04/some-say-chinas-belt-and-road-helped-create-this-pandemic-can-it-prevent-the-next-one> (дата обращения 01.01.2021).

себе экономические ниши путем широкого внедрения новых биотехнологий и продукции искусственного интеллекта.

Еще одним испытанием, выпавшим Китаю в 2020 г., стали события в Гонконге. Нам довелось неоднократно бывать в этом замечательном городе, работать вместе с гонконгскими коллегами, поэтому с тревогой и болью смотрели мы кадры хроники, показывающие погромы и столкновения на хорошо знакомых улицах и площадях.

Но следует признать, что конфликт назревал давно. Последние несколько лет посещение «Особого автономного района Сянган» значительно упростилось для жителей материковой части КНР, и они хлынули туда мощным потоком, скупая все, от бриллиантов до туалетной бумаги. Характерной звуковой характеристикой становится непрерывный стук о мостовые колесиков огромных чемоданов, которые тащили за собой неутомимые жители Поднебесной. Казалось бы, хорошая новость для Гонконга, который всегда жил торговлей, причем большей частью перепродавал импортные товары, в том числе из «внутренних земель», но уже со своей этикеткой. На дверях многих лавок появились объявления о том, что к оплате принимаются *жэньминьби* (китайские юани). Это облегчало закупки приезжим, а торговцам приносило дополнительные проценты прибыли за счет разницы в курсах. Живи и радуйся! Все и радовались – первое время. А затем вступил в действие синдром «понаехали!» или, по определению профессора А. А. Маслова, несостыковка «двух систем в отдельно взятый исторический момент» (с. 301). Глухое раздражение против соотечественников накапливалось, и лозунги протеста упали на подготовленную почву. В итоге прошедших выступлений, а также ограничений из-за коронавируса, количество приезжающих на шопинг-туры из КНР сократилось практически вполтину. И кому от этого стало лучше?

В настоящее время благодаря примененной Пекином «тактики изматывания» острота протестов пошла на спад. Но никуда не делись четыре «разлома» между Гонконгом и центром, на которые указывает А. А. Маслов: в сфере идентичности, экономической и правовой интеграции, роста местных кризисов и проблем. Преодолевать их надо путем двусторонних обсуждений и компромиссов. Иначе они с новой силой возникнут летом 2047 г., когда закончится 50-летний переходный период. Сможет ли тогда Гонконг в той или иной форме сохранить свою самобытность или станет простым городским округом Сянган в составе провинции Гуандун, подобно Чжухаю и Шаньтоу? Вопрос этот – отнюдь не частного характера. Как формулирует профессор А. А. Маслов, здесь «Китай сталкивается с глубочайшим и самым массовым в новейшей истории КНР социально-политическим вызовом» (с. 313), ответ на который определит дальнейшее развитие страны.

Завершая краткий обзор новой монографии профессора А. А. Маслова, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что в ней представлена научно обоснованная картина политической и социально-экономической жизни страны, что служит надежной основой как для дальнейших изысканий, так и практических рекомендаций, в том числе для структур управления.

Материал поступил в редколлегию.

Received.

25.01.2021

Сведения об авторах

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения и руководитель направления «Востоковедение и африканистика» Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)

e.voitishek@g.nsu.ru

Комиссаров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, профессор кафедры востоковедения и Института Конфуция ГИ НГУ (Новосибирск, Россия), старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
sergai@mail.ru

Information about the Authors

Elena E. Voytishek, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
e.voytishek@g.nsu.ru

Sergey A. Komissarov, PhD, Professor of the Chair of Oriental Studies and Confucius Institute of Humanitarian Institute at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation), Senior Research Associate at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
sergai@mail.ru

УДК 903.27
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-200-203

Обобщающее исследование о наскальном искусстве Восточной Азии

Рецензия на книгу:

**Rock Art in East Asia: A Thematic Study / Ed. by J. Clotts, B. Smith.
Paris: ICOMOS International, 2019 (e-book). 148 p.**

А. В. Варенов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рецензия посвящена краткому обсуждению вышедшего в свет в 2019 г. электронного издания «Rock Art in East Asia» («Наскальное искусство в Восточной Азии»). Представлена общая структура работы. Раскрываются заложенные в нее редакторами тома принципы подготовки и подачи сведений о наскальном искусстве регионов, составляющих Восточную и Юго-Восточную Азию. Отмечено высокое качество работы, основанной на этом подходе, если речь идет о единичных или немногочисленных памятниках, как в Корее, Японии и на российском Дальнем Востоке. В то же время дается критический анализ недостатков книги, обусловленных избранной схемой описания материала, когда попытка описать регион, богатый памятниками наскального искусства, неизбежно ведет к торопливой скороговорке. Например, некоторые главы имеют минимальное количество справочной литературы или не имеют ее вовсе. В целом рецензируемая книга признана полезным справочным изданием, хотя к описанию в ней конкретных памятников или групп памятников из богатых наскальным искусством регионов Монголии и Китая, прилегающих к Центральной и Юго-Восточной Азии, следует подходить с чрезвычайной осторожностью.

Ключевые слова

Китай, Монголия, российский Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, археология, петроглифы, исследование памятников наскального искусства

Благодарности

Написание данной работы осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

Для цитирования

Варенов А. В. Обобщающее исследование о наскальном искусстве Восточной Азии. Рец. на кн.: Rock Art in East Asia: A thematic study / Ed. by J. Clotts, B. Smith. Paris: ICOMOS International, 2019 (e-book). 148 p. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 200–203. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-200-203

© А. В. Варенов, рец., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies

A Summary Research on the Rock Art of East Asia

Review of the Book:

Rock Art in East Asia: A Thematic Study / Ed. by J. Clotts, B. Smith.

Paris: ICOMOS International, 2019 (e-book). 148 p.

A. V. Varenov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This review is devoted to a brief discussion of the book 'Rock Art in East Asia', published in 2019. The general structure of the book is presented. The review reveals principles of preparing and summarizing data on the rock art of the regions comprising East and South-East Asia, set forth by the editors of the volume. The high quality of the work based on this approach concerning singular sites such as those in Korea, Japan and the Russian Far East is noted. At the same time, a critical analysis of the book's shortcomings caused by the chosen scheme of description of the material when an attempt to describe a region rich in rock art sites inevitably leads to hasty tongue twisters, is given. For example, some chapters have minimum references or none at all. In summary, the reviewed book is a useful reference edition, though descriptions of certain sites or groups of sites from the regions of Mongolia and China adjacent to Central and South-East Asia, rich in rock art given in it should be treated with extreme caution.

Keywords

China, Mongolia, Russian Far East, South-East Asia, archaeology, petroglyphs, research of rock-art sites.

Acknowledgements

This paper was made possible with the financial support of the RFBR, project № 18-09-00557: 'The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Periods of Antiquity and Middle Ages)'

For citation

Varenov A. V. A Summary Research on the Rock Art of East Asia. Rev.: Rock Art in East Asia: A Thematic Study / Ed. by J. Clotts, B. Smith. Paris, ICOMOS International, 2019 (e-book). 148 p.. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 200–203. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-200-203

В 2019 году увидело свет электронное издание «Rock Art in East Asia», подготовленное ICOMOS (International Council on Monuments and Sites) под общей редакцией Ж. Клоттса и Б. Смита. Насчитывающая около 150 страниц публикация имеет весьма стройную и компактную структуру. Она состоит из введения, пяти глав и заключения, а каждая из глав, кроме пятой – из трех территориальных параграфов. Первая глава посвящена наскальному искусству Кореи, Российского Дальнего Востока и Японии. Вторая глава рассматривает наскальное искусство Северного Китая, Восточного Китая и Монголии. Третья глава отводится наскальному искусству Западного Китая и Тибета (Синьцзян-Уйгурского автономного района, пров. Ганьсу и Цинхай-Тибетского плато, т.е. суммарно охватывает пров. Цинхай и Тибетский автономный район КНР). Четвертая глава анализирует наскальное искусство Юго-Западного Китая (пров. Юньнань, Гуйчжоу и Гуанси-Чжуанский автономный район). Пятая глава посвящена наскальному искусству континентальной Юго-Восточной Азии (Бирмы/Мьянмы, Лаоса, Вьетнама, Камбоджи, Таиланда, Малайзии). Редакторы тома предварительно снабдили авторов каждого из параграфов специальным вопросником, в котором им предлагалось осветить целый ряд моментов, касающихся их «зоны ответственности».

Во-первых, речь шла о «профиле» соответствующей зоны, основанном на определенных традициях наскального искусства относительно его территориального и хронологического распространения и археологического контекста. В частности, предлагалось выделить характерные черты природного ландшафта и географические границы зоны, отметить преобладающие типы ландшафтов, к которым привязаны памятники наскального искусства в данной зоне; типы горных пород, на которые наносились изображения; количество и размеры памятников наскального искусства в зоне; датировку объектов наскального искусства, его вы-

деленные традиции; археологический контекст зоны (краткое описание и степень изученности археологических культур, имеющих отношение к выделенным традициям наскального искусства); современный этнокультурный контекст памятников наскального искусства, а именно присутствие или отсутствие зафиксированных обычаев уважения и почитания, связанных с объектами наскального искусства.

Во-вторых, авторам надо было зафиксировать связи с другими зонами, т. е. случаи «перекрывания» с традициями наскального искусства в других зонах и расстояния, на которые выделенные традиции наскального искусства распространяются за границы описываемой зоны. Предлагалось отметить сходства и различия в ландшафтах и типе скальных пород; репрезентативность выделенных традиций наскального искусства для других зон (количество образов, их репертуар, художественные черты, сходство или исключительность).

В-третьих, надо было описать значительные памятники наскального искусства по схеме: размещение (регион, область, расстояние от ближайших деревень и городов), координаты и высоту над уровнем моря, основные свойства горных пород, на которых нанесены петроглифы (рельеф, типы скал, физические свойства их поверхностей). Необходимо было отметить технику исполнения наскальных изображений, их размеры, цвет патины или краски, экспозицию плоскости с рисунками, общее число образов и площадь их распространения. Авторам предлагалось дать описание различных традиций наскального искусства, связанных с конкретным памятником (их техники, репертуар, стиль, датировки) и процентное соотношение разных традиций в пределах памятника. Желательно было указать как на археологический контекст (другие известные археологические объекты, обнаруженных в пределах той же территории, степень их изученности и культурно-хронологическую атрибуцию), так и на культурный контекст (отсутствие или наличие любых зафиксированных традиций, относящихся к созданию наскального искусства и/или почитанию памятников наскального искусства со стороны местных сообществ).

В-четвертых, следовало описать доступные формы документации памятников и их содержание, а именно: археологические карты (показывающие расположения памятников наскального искусства и других объектов), другие специальные карты (геологические, геоморфологические, тектонические, ландшафтные), топографические карты расположения отдельных наскальных изображений, фотографии и/или протирки отдельных плоскостей с рисунками, а также аэрофотоснимки, видео и т. п. Необходимо было указать, насколько памятники наскального искусства исследованы на предмет их связи с древними и современными сообществами и особое значение, которое им придает (или придавало) аборигенное население; оценить существующие законы и другие официальные механизмы защиты, такие как юридическая защита, охранная зона, и охрана памятников в целом. Максимально полная и правильная картина консервации памятников должна была включать оценку современного состояния их сохранности и причиняющие вред факторы, методы и материалы, использованные в практической консервации, и методы охранной консервации.

В-пятых, большое внимание предлагалось уделить менеджменту (управлению) памятниками наскального искусства, включая собственно менеджмент, поддержание и мониторинг, отметить основные агентства, вовлеченные в менеджмент, указать, существуют ли планы его дальнейшего развития и связи с местными сообществами, какова их вовлеченность в современное использование памятника, такое как сельскохозяйственное производство, выпас скота, охота, отдых. Отдельными пунктами шли доступность памятника для нужд туризма и ограничения по ресурсам.

В-шестых, следовало описать основные угрозы памятнику, например, перемены в окружающей растительности, растрескивание скал, отслаивание их внешней поверхности, отсыревание, перемены климата, ограниченность финансирования, отсутствие менеджмента и неподобающее использование памятника наскального искусства.

В идеале предложенный вопросник и набор ответов на него должны были помочь подготовить памятники наскального искусства того или иного района к оформлению документа-

ции на включение в список Всемирного Наследия. Однако стремление дать обстоятельные ответы на все поставленные вопросы при весьма ограниченном текстуальном объеме рецензируемого издания привело к тому, что хорошо описанными оказались только памятники тех стран и/или регионов, где они единичны (например, в Японии или в Республике Корея) или крайне немногочисленны (например, на Российском Дальнем Востоке, справку по которому готовила Е. Г. Дэвлет). Для тех же стран и регионов, где первоклассные памятники наскального искусства очень многочисленны (например, в Монголии, в Северном и в Западном Китае) попытка описать их все суммарно неизбежно вылилась в сбивчивую скороговорку. Например, о петроглифах громадного по площади Синьцзяна (1 664 897,17 км², что составляет шестую часть всей далеко не маленькой территории КНР), где уже к началу 1990-х гг. было известно не менее 34 памятников наскального искусства, рассказано всего на семи (!) страницах. Не удивительно, что при таком подходе иллюстративный материал, сопровождающий статьи о том или ином богатом петроглифами регионе, представлен крайне выборочно, а сводный список литературы (References) для всей главы о Западном Китае и Тибете (т. е. для трех параграфов о крупных регионах) включает всего четыре наименования.

Обстоятельный разбор всех достоинств и недостатков отдельных глав и параграфов рецензируемого издания, написанных к тому же разными авторами, следует отложить до лучших времен, хотя бы потому, что он может потребовать не меньше места, чем сама рассматриваемая книга. В целом, однако, ее следует признать весьма полезным справочным изданием, хотя к опубликованному в ней описанию конкретных памятников или целых групп памятников из богатых наскальным искусством регионов Монголии и Китая, прилегающих к Центральной и Юго-Восточной Азии, надо подходить с чрезвычайной осторожностью.

*Материал поступил в редколлегию
Received
16.02.2021*

Сведения об авторе

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного Института НГУ (Новосибирск, Россия)
avvarenov@mail.ru

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
avvarenov@mail.ru

УДК 372.894(510)
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-204-207

Ценный ресурс по истории Китая (Рецензия на курсы видеолекций С. В. Дмитриева «История Китая» и «История китаеведения»)

С. А. Комиссаров^{1,2}, **М. А. Кудинова**^{2,3}

¹ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

³ *Пекинский университет
Пекин, Китай*

Аннотация

В обзоре кратко представлены два учебных курса С. В. Дмитриева, «История Китая» и «История изучения Китая», опубликованные онлайн на платформе «Youtube». Создание общедоступных высококачественных образовательных ресурсов существенно расширяет возможности для изучения исторических китаеведческих дисциплин и задает новый стандарт их преподавания и в высшей школе, и в рамках дополнительного образования.

Ключевые слова

преподавание истории Китая, историография, дистанционное обучение

Для цитирования

Комиссаров С. А., Кудинова М. А. Ценный ресурс по истории Китая (Рецензия на курсы видеолекций С. В. Дмитриева «История Китая» и «История китаеведения») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 204–207. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-204-207

Valuable Resource on the History of China (Review of the Courses of Videolectures by S. V. Dmitriev “A History of China” and “A History of Chinese Studies”)

S. A. Komissarov^{1,2}, **M. A. Kudinova**^{2,3}

¹ *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

³ *Peking University
Beijing, China*

Abstract

The review briefly presents two academic courses, ‘A History of China’ and ‘A History of Chinese Studies’ by S. V. Dmitriev published online on the “Youtube” platform. The creation of high-quality, publicly available educational resources significantly expands the opportunities for the study of historical sinological disciplines and sets a new standard for their teaching both in higher and supplementary education.

© С. А. Комиссаров, М. А. Кудинова, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies

Keywords

teaching of Chinese History, historiography, distance learning

For citation

Komissarov S. A., Kudinova M. A. Valuable Resource on the History of China (Review of the Courses of Videolectures by S. V. Dmitriev "A History of China" and "A History of Chinese Studies"). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 204–207. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-204-207

Просторы российского Интернета насыщены материалами по истории и культуре Китая, что является одним из показателей немалого интереса жителей нашей страны к этим темам. Мы не останавливаемся на, к сожалению, весьма многочисленных «мусорных» и антикитайских публикациях, которые не заслуживают внимания (вернее, заслуживают, но в рамках специального исследования – о том, как насаждается и используется синофобия в России). Важно то, что этим недобросовестным материалам противостоит весьма авторитетный блок профессиональных работ: лекции и интервью ведущих китаеведов (А. А. Маслова, А. И. Кобзева, М. Ю. Ульянова, А. Н. Карнеева и др.), добротные сделанные фильмы Л. М. Млечина, которые дополняются переводными западными видео (от BBC, National Geographic т. д.). Но С. В. Дмитриев вышел на новый уровень: представил цельные курсы, созданные на основе единой методики и с привлечением колоссального количества источников.

Университетскому курсу «История Китая» в целом повезло – для него был специально разработан учебник, подготовленный на ведущей кафедре истории Китая ИСАА МГУ, многократно апробированный и рекомендованный Министерством образования (см., напр., одно из изданий: [История..., 2002]). Однако с добротными учебниками иногда случается такой парадокс: студент, убедившись, что представленного в учебнике материала вполне достаточно для сдачи экзамена, начинает думать, что этого достаточно и для полноценного освоения предмета. И вот тут-то очень большое значение имеет хорошее учебное пособие, которое разворачивает более полную и красочную картину изучаемого фрагмента действительности, но в рамках той же учебной задачи. Таким универсальным пособием и представляется нам рецензируемый курс, который состоит из двух блоков. Первая часть, «История Древнего Китая», подготовлена совместно с просветительским центром «Архэ», где были вживую прочитаны лекции, охватывающие период от появления на территории современного Китая первых гоминидов до эпохи Троецарствия (III в. н. э.), видеозаписи первых пяти выступлений выложены в открытый доступ на youtube-канале центра¹. Вторая часть – история Китая периода средних веков, нового и новейшего времени – это университетские лекции С. В. Дмитриева, прочитанные им для студентов в период дистанционного обучения. Однако единство логики и подходов к изложению материала позволяет рассматривать все эти лекции как единый курс².

Чрезвычайно важной является первая, вводная лекция «Китай и история. Особые отношения», характеризующая специфическую роль исторического знания для китайской цивилизации, а также обосновывающая актуальность изучения истории Китая (в том числе, и древней) для всех китаеведов, даже тех, кто планирует заниматься исключительно прикладной деятельностью в сфере экономики, торговли или коммерческого перевода. Действительно, необходимость этих знаний абсолютно не очевидна для востоковедов-первокурсников, которые являются основной аудиторией курса истории Китая в университетах России. А у препода-

¹ Плейлист «Сергей Дмитриев» на канале «Центр Архэ» в Youtube. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLf8iQozIdvKg6JDDG-UMthh5UT--vzpNn> (дата обращения 11.01.2021).

² Все лекции (кроме лекций, посвященных периоду от неолита до эпохи Троецарствия, которые пока еще не выложены в открытый доступ Центром «Архэ») размещены на канале С. В. Дмитриева в Youtube (URL: <https://www.youtube.com/channel/UCK2rL4p1OT0Euy98wrqB1EpA>): плейлист «История Китая», URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLHPDziKL7-2fVch3Bg0deI69sHPaR5f5Z> (дата обращения 11.01.2021).

давателей не всегда хватает терпения, а чаще – времени (из-за постоянного сокращения количества часов, отводимых в учебном плане на теоретические дисциплины) на объяснение того, какое место занимает история в жизни китайского общества.

Аргументировав важность изучения истории Китая, лектор переходит к описанию физической географии и административно-территориального деления Китая, чтобы охарактеризовать условия, в которых протекали те или иные историко-культурные процессы, а также упростить слушателям ориентацию на местности. Изложение основного содержания курса начинается с рассказа о заселении Китая предками современного человека и обзора археологии Китая эпохи палеолита, а завершается лекцией о периоде с 1976 по 2020 г. Отдельная лекция («Другой Китай») посвящена истории Тайваня, Гонконга (Сянган), Макао (Аомэнь) и Сингапура.

В полном соответствии с установкой на цифровизацию процесса обучения, С. В. Дмитриев использует все возможности Интернета: дает большое количество иллюстраций (включая совершенно необходимые для китаистов иероглифы), а также отвечает на вопросы и замечания в чате – всегда обстоятельно, а иногда и довольно жестко. Но как еще можно реагировать на дурацкую сентенцию о том, что лекции содержат слишком много китайских имен и названий?

Курс по истории китаеведения имеет особое значение³. Нам довелось разрабатывать это направление в рамках более общего курса⁴, и тогда нас очень смутило практическое отсутствие учебных изданий по истории синологии в целом. Пожалуй, единственное исключение для того времени – это раздел, написанный С. Кучерой [2002] для общего учебника по историографии Древнего Востока, – как всегда, подробно, с заметным превышением заданных хронологических рамок, но, по необходимости, кратко.

Сейчас мы можем сказать, что курс по истории китаеведения, представленный С. В. Дмитриевым – кстати, учеником С. Кучеры – почти полностью закрыл эту лагуну. Курс состоит из блестящего раздела, посвященного изучению Китая самими китайцами, очень обстоятельного обзора западной синологии, а также двух лекций по российскому дореволюционному китаеведению (продолжение в советский период развития науки заявлено, но пока не внесено в плейлист). Обзор западных школ и ученых (а С. В. Дмитриев сознательно – и, на наш взгляд, абсолютно правильно – выдвигает на первое место именно персоналии), близок к идеальному; быть может, в перспективе стоило бы добавить обобщенную лекцию по синологии Восточной Европы, где также трудились выдающиеся ученые – например, такие, как Тимофей Покора. Но, конечно, главная интрига – это отсутствие лекции о синологии в Японии. С. В. Дмитриев дал высокую оценку этой национальной школе, поместив японскую синологию на призовое третье место, после собственно китайской и американской, но при этом высказал сомнение в своих собственных силах и предложил написать эту главу кому-то более подготовленному. Мы понимаем всю величину возникшей проблемы, но решать ее, все равно, придется (быть может, совместно с кем-то из ведущих японистов).

И в заключение следует особо отметить прекрасный литературный язык, которым ведется изложение: логически построенный, без каких-либо слов-паразитов и жаргонизмов и даже с практически идеальной орфоэпией. Такому ныне надо учиться специально, так что лекции С. В. Дмитриева послужат также благодатным материалом для развития навыков правильного владения родным языком.

---

³ Размещен на канале С. В. Дмитриева, плейлист «История китаеведения», URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLHPDziKL7-2dwW3qiTDS62wv09YYc0If> (дата обращения 11.01.2021).

⁴ Источниковедение и историография истории Китая: Программа курса / Сост. С. А. Комиссаров, М. А. Кудинова; отв. ред. Е. Э. Войтишек / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. URL: https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/1438/Комиссаров%2c%20Кудинова_ПК_Источниковедение_Китай.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 01.01.2021).

Рецензируемые курсы с 2020 г. рекомендованы к обязательному изучению студентами-востоковедами Новосибирского государственного университета. Уверены, что в этом к нам присоединятся преподаватели и студенты, изучающие китайскую историю и культуру в других вузах России (и не только).

Список литературы

- История Китая: Учебник для вузов / Л. С. Васильев, З. Г. Лапина, А. В. Меликсетов, А. А. Писарев; под ред. А. В. Меликсетова: 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ; Высш. шк., 2002. 736 с.
- Кучера С. Историография древней истории Китая // Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / Под ред. В. И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 163–303.

*Материал поступил в редколлегию
Received
15.01.2021*

Сведения об авторах

Комиссаров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, профессор кафедры востоковедения и Института Конфуция ГИ НГУ (Новосибирск, Россия), старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
sergai@mail.ru

Кудинова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия); докторант Института археологии и музееведения Пекинского университета (Пекин, Китай)
maria-kudinova@yandex.ru

Information about the Authors

Sergey A. Komissarov, PhD, Professor of the Chair of Oriental Studies and Confucius Institute of Humanitarian Institute at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation), Senior Research Associate at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
sergai@mail.ru

Maria A. Kudinova, Cand. of Science (History), Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation); PhD student of the School of archaeology and museology, Peking University (Beijing, China)
maria-kudinova@yandex.ru

УДК 81(048.8)(5/6); 811(5-012 + 6-15)(082)
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-208-211

Международная научная лингвистическая конференция LESEWA

Н. В. Кутафьева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлен отчет о международной научной лингвистической конференции LESEWA, проходившей под эгидой Института стран Азии и Африки МГУ и Санкт-Петербургского государственного университета 23–24 ноября 2020 г. в Москве. Приводится краткое описание представленных докладов.

Ключевые слова

языки стран Дальнего Востока, языки Юго-Восточной Азии, языки Африки, лингвистика, ИСАА МГУ, СПбГУ

Для цитирования

Кутафьева Н. В. Международная научная конференция LESEWA // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 208–211. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-208-211

International Scientific Linguistic Conference LESEWA

N. V. Kutafeva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

A report on the International Scientific Linguistic Conference LESEWA held under the aegis of the Institute of Countries of Asia and Africa of Moscow State University and St. Petersburg State University on 23–24 November in Moscow. Brief descriptions of the presented papers are given.

Keywords

languages of countries of Far East, languages of South and Eastern Asia, languages of Africa, linguistic, Institute of Countries of Asia and Africa of Moscow State University, St. Petersburg State University

For citation

Kutafeva N. V. International Scientific Linguistic Conference LESEWA. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, p. 208–211. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-208-211

Международная научная лингвистическая конференция «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки» приводится в 14-й раз под эгидой Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Институт стран Азии и Африки) и Санкт-Петербургского государственного университета. По сложившейся традиции она проводится через год в Москве и Санкт-Петербурге. В этом году конференция состоялась в Москве 23–24 ноября. В связи со сложившимися эпидемиологическими условиями и распростране-

нием COVID, конференция проводилась в онлайн-режиме. Рабочими языками были русский и английский.

Открыла конференцию сотрудник кафедры китайской филологии ИСАА МГУ К. Е. Айрапетова. Конференция была посвящена памяти М. И. Каплуна, талантливого лингвиста, фонетиста-экспериментатора, внесшего большой вклад в теорию языка, теоретическую и прикладную лингвистику, в африканистику, в частности, в исследование языка йоруба. Затем слово было предоставлено проф. С. С. Хромову (Московский политехнический университет), который поделился теплыми воспоминаниями о своем друге М. И. Каплуне.

Работа конференции проводилась в два дня по нескольким секциям: морфосинтаксис, семантика и грамматика текста, лексикология и фразеология, общие проблемы фонетики и фонологию. Тематика конференции была сфокусирована на значимом параллелизме в морфосинтаксических и семантических структурах языков Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки, который невозможно объяснить генеалогическим родством языков или ареальными факторами. Следует отметить, что тематика московской конференции значительно расширилась за счет включения проблем сравнительно-исторического языкознания, социолингвистики и этнолингвистики и обогатилась за счет применения к описанию языков типологического и терминологического аппарата современной функциональной и типологической лингвистики.

В конференции принимали участие как молодые исследователи, так и именитые ученые, работающие в таких вузах как ИСАА МГУ, ИВ РАН, МГИМО-Университет МИД, Институт иностранных языков РАН, Институт языкознания РАН, Московский политехнический институт, СПбГУ, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), МАЭ Кунсткамера (Санкт-Петербург), а также Новосибирский госуниверситет (Новосибирск), Забайкальский госуниверситет (Чита), Национальный университет г. Йокогама, Центральный университет Вашингтона (США), Университет Хельсинки, Китайский университет Гонконга, Католический университет Святого Сердца (del Sacro Cuore) (Милан, Италия), университет Утрехта (Утрехт, Нидерланды) и др.

Результаты, полученные в ходе анализа конкретных языков, а также оригинальных изысканий в области типологии и универсальной грамматики, имеют первостепенное значение для раскрытия внутренней логики строения и развития языка как такового.

Достаточно широко были представлены исследования японского языка, выполненные на различном материале. От Новосибирского государственного университета выступила доц. Н. В. Кутафьева, которая представила результаты исследования оппозиции «свой-чужой» на примере зооморфной метафоры японского и русского языков. Доцент С. А. Быкова (ИСАА) представила исследование о диалектных стереотипах и «виртуальных» диалектах японского языка. Доцент Н. Д. Крнета (ИСАА) рассказала о разграничении повелительного и желательного наклонений в японском языке. Доцент А. С. Панина (ИВ РАН) представила доклад об устойчивых словосочетаниях, передающих эмоции в японском языке. Доцент Н. Г. Румак (ИСАА) рассказала о двойственной природе лексемы мина «все». Доцент С. В. Чиронов (МГИМО) рассмотрел проблему внутреннего структурирования подкласса японских коннекторов (союзов, союзных слов) со значением логического развития.

Широко были представлены результаты исследований китайского языка в диахронном и синхронном аспектах, стандартного китайского языка и диалектов. Так, проф. Н. А. Алексахин (МГИМО) представил исследование фонологических систем южно-китайских региональных языков (*фанъянь*), в частности инспираторных гласных. Доцент К. В. Антонян (ИЯ РАН) рассказала об истории развития результативной конструкции в древне- и среднекитайском языке, которая занимает важное место в грамматической системе китайского языка и служит базой для формирования ряда грамматических конструкций и категорий, таких как категория вида, ориентации, наклонения. Преподаватель П. О. Кисель (СПбГУ) представила опыт семантического анализа проблемы слитно-раздельных биномов в современном китайском языке. Анализ был выполнен на обширном материале оформления именного компонента глагольно-именного образования, в который могут входить счетные комплексы, числи-

тельные, слова с количественной семантикой, прилагательные, а также различные комбинации сразу нескольких единиц, которые формально выступают определениями, косвенными дополнениями или обстоятельствами при именном компоненте. Профессор Ван Пэнлин (Central Washington University) изложил результаты исследования о влиянии древнетурецкого языка на киданьский язык, на котором говорили кидани, проживавшие на территории северо-восточной Азии с IV по XIII в., а также являвшийся официальным языком на территории империи Ляо (907–1125). В частности, о влиянии турецкого слова *böri* на киданьское слово *bori* со значением «волк» и его соотношении со словом *lang* «волк» современного китайского языка, а также о его метафорическом использовании в значении «порочный, дурной человек». Доцент Е. Н. Колпачкова (СПбГУ) представила доклад, в котором рассматриваются классы и подклассы прилагательных в современном китайском языке с точки зрения морфосинтаксических средств оформления их валентностей. По ряду грамматических признаков прилагательные сходны с глаголами: они называют ситуацию, изменяющуюся во времени, оформляются некоторыми аспектуальными показателями и фазовыми модификаторами. Профессор В. А. Богушевская (Università Cattolica del Sacro Cuore, Милан) рассмотрела виды палиндромов в китайском языке, двухсложные, трехсложные, а также предложения в условиях иероглифического языка. Она отметила, что китайские палиндромы отражают не только семантику игры, но и фонологические, лексические, грамматические и синтаксические особенности китайского языка. Доцент Н. В. Глинская (СПбГУ) рассказала о пространственном дейксисе в современном китайском языке, который представлен различными частями речи. Развернулась оживленная дискуссия по поводу ориентации в пространстве, в ходе которой выяснилось, что и китайский и японский язык отражают ориентацию человека в пространстве, совершенно отличную от таковой в русском языке.

Кроме того, были представлены результаты исследований языков Африки (гвинейского пулар, гвинейского кпелле, акебу), а также языков Юго-Восточной Азии (балийского, вьетнамского, кхмерского, тибетского).

Несмотря на значительную разницу во времени у участников конференции, практически после каждого доклада возникала оживленная дискуссия, во время которой присутствующие обменивались мнениями по поводу интересующей их проблемы. Участники конференции ждут следующего года, когда можно будет лично встретиться в Санкт-Петербурге, обсудить актуальные проблемы лингвистики и представить результаты проведенных собственных исследований.

Благодаря усилиям московских коллег, в частности доц. А. Н. Вихровой (ИСАА), выступившей ответственным редактором сборника, до начала работы конференции на русском и английском языках были опубликованы материалы конференции.

Список литературы

Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XIV Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 ноября 2020 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, С.-Петерб. гос. ун-т, Вост. фак. / отв. ред. А. Ю. Вихрова. М.: Ключ-С, 2020. 140 с.

References

Languages of countries of Far East, South Eastern Asia and Western Africa: Issues of XIV International Scientific Conference. Moscow 23–24 November 2020 / M. V. Lomonosov MSU, Institute of countries of Asia and Africa, Saint Petersburg State University, Eastern faculty / Ed. by A. Yu. Vikhrova. Moscow, Klyuch-S, 2020. 140 p.

*Материал поступил в редколлегию
Received
19.12.2020*

Сведения об авторе

Кутафьева Наталия Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения ГИ НГУ, директор Японского центра ГИ НГУ (Новосибирск, Россия)
natasha7362@mail.ru

Information about the Author

Natalia V. Kutafeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Oriental Studies HI NSU, Director of the Center for Japanese Studies (Novosibirsk, Russian Federation)
natasha7362@mail.ru

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций**

И. С. Гнездилова, А. Л. Нестеркина, Е. А. Соловьева, А. И. Соловьев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions**

I. S. Gnezdilova, A. L. Nesterkina, E. A. Solovieva, A. I. Soloviev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract
Keywords
Acknowledgements

**Основной текст статьи
Список литературы / References**

*Материал поступил в редколлегию
Received*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976. С. 2] или [Энциклопедия игр, 1989. Т. 1. С. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

- Ким Бусик.** Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.
- Черемисина М. И.** Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
- Kakar H.** The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, p. 195–214.
- Ан Чхольхва.** Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)
- Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育] Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)
- Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь.** Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)
- Сато Сэкико.** Гэндзи-моногатари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 —方便の思いに即して— // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддистское мировоззрение в романе «Гэндзи-моногатари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)
- Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань.** Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэньу. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)
- Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань.** Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古] Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

- Voytishek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V.** Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, p. 163–173. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. *Novosibirsk*, 2011, 312 p. (in Russ.)
- Sun Yuxiang.** Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. *Zhongguo youyi chuban gongsi*, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются статьи, соответствующие основным рубрикам журнала, а также рецензии, дискуссии, хроника.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 18288
в каталоге ОАО «Роспечать»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохранят присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).